Библиотека Всемирного клуба петербуржцев

МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО

Антология поэзии и прозы МАГИ 2010
(Международная Ассоциация Граждан Искусства)

ЛИТЕРАТУРА Δ МУЗЫКА Δ ДРАМА Δ ОПЕРА И БАЛЕТ Δ КИНО Δ СКУЛЬПТУРА Δ ЖИВОПИСЬ Δ АРХИТЕКТУРА

Ретро
2010, СПб

Эмблема МАГИ — использована картина художника Евгения Гордиец(МАГИ)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ГРАЖДАН ИСКУССТВА (МАГИ) 3
О литературном проекте МАГИ 3
О МАГИИ ТВОРЧЕСТВА 4
ЮРИЙ АНАНЬЕВ — ДЖОРДЖ АЛАН МАРГИ 8
СЕРГЕЙ АРНО 15
НАДЕЖДА БРАГИНСКАЯ 29
ЮЛИЯ ВАНАДИС (ТЕВЯШЕВА) 36
МИХАИЛ ВЕРШВОВСКИЙ 47
ЛЕНА ВОРОНОВА 53
ОЛЕГ ВОРОНЦОВ 65
ДМИТРИЙ ГОЛЯНСКИЙ 80
СВЕТЛАНА ДАНИЭЛЬ ДИОН 86
ЕЛЕНА ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ 100
ЮРИЙ ИВАНОВИЧ 113
ЕЛЕНА КАБАРДИНА (МАКОШЬ) 124
ЛЕОНИД КОЛГАНОВ 129
ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ 134
ИРИНА КОМАРОВА 137
ЛЮДМИЛА КОРОЛЁВА 150
АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА 155
НАТАЛЬЯ ЛАЙДИНЕН 171
ИГОРЬ ЛУКШТ 185
ОЛЬГА МОИСЕЕВА 192
ВЯЧЕСЛАВ МОРГАЧЕВ 195
ЛЮДМИЛА НЕКРАСОВСКАЯ 197
НАТАЛЬЯ НИКИФОРОВА 204
ЛЕОНИД НОРКИН 210
СВЕТЛАНА ОС (ОСТРИКОВА) 214
ЕЛЕНА ПАВЛОВА 218
ЛЮДМИЛА ПЕТРИКОВСКАЯ 222
ЗЛАТА РАПОВА 230
КАРИНА РИЦ 241
ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ 245
АННА СОХРИНА 250
ОЛЬГА СЫСУЕВА (ХЕЛЬГА ЯНССОН) 256
МИХАИЛ ТЕННИКОВ 267
ЕВГЕНИЙ УСОВИЧ 271
ЛАРА ФЕЛИСИОН (ЛАРИСА ПРАШКИВСКАЯ) 284
НАДЯ ХИЛТОН 288
АЛЛА ШАДСКАЯ 298
ШРАЙК (МИХАИЛ САФИН) 304
ЕЛЕНА ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН 310

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ГРАЖДАН ИСКУССТВА (МАГИ)

Международная Ассоциация Граждан Искусства (МАГИ) создана в Мадриде в 2006 году. Создатель и президент МАГИ — Светлана Даниэль Дион. Это добровольное международное объединение русскоязычных деятелей искусства, а также лиц, любящих и ценящих искусство, из разных стран. Девиз Ассоциации — «Наше отечество — искусство». Цель Ассоциации — содействие развитию единого русскоязычного культурного пространства в мире, распространение современного русского искусства в Испании, культурный обмен и сплочение творческой диаспоры всех стран в процессе общения и проведения совместных мероприятий

Вступление в МАГИ — в категорию «Гражданин искусства» осуществляется по приглашению членов Творческого совета МАГИ или по заявке (рассматривается Творческим советом МАГИ)..

О ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЕКТЕ МАГИ — АНТОЛОГИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ МАГИ В ДВУХ ТОМАХ В ПЕРЕВОДЕ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

ТОМ 1 — ПРОЗА И ПОЭЗИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТОМ 2 — В СОКРАЩЕННОМ ВИДЕ, В ПЕРЕВОДЕ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК.

Портрет современной достойной мировой русской литературы сегодня: безусловно это **многоликий** портрет произведений не только русскоязычных литераторов России и бывших республик СССР, но и соотечественников. Это два взаимообогощающих и дополняющих мира писателей и поэтов, которых объединяет русский образ мышления и ощущения мира. Мира сегодняшнего — со стершимися географическими границами, мира породившего «новых» русскоязычных писателей и поэтов — граждан мира, соединивших в себе опыт пребывания и на Родине и за рубежом. Литература достойная всегда отражает историю и эволюцию души человека. Говорить о современной русской литературе сегодня, расчленяя ее на отечественную и зарубежную, значит проводить искусственную культурную границу, искажать истинное лицо современной прозы и поэзии. Ибо, не смотря на все жизненные перемены, на погружение соотечественников в иную среду, именно общие и неизменные духовные ценности, прежде всего гуманизм, объединяет чувствующих и пишущих по-русски. Сострадание и любовь, справедливость, благородство и вера, мистическое восприятие души и вера в Человека — неотъемлемые постоянные в произведениях серьезных русскоязычных авторов и сегодня. Именно они, эти маяки человеческой души в литературе, помогают нам в этом расщепленном и головокружительном мире сохранить в себе Человека. Антология, объединяющая русскоязычных авторов разных стран помогает и творчеству и общению самих авторов, через знакомство на страницах альманаха. Безусловно двух язычное издание или дальнейший перевод такой антологии на Испанский и в дальнейшем на английский языки даст возможность представить за рубежом истинный портрет многоликой современной русскоязычной литературы.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:

Представительства Россотрудничества в Испании. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

О МАГИИ ТВОРЧЕСТВА

Все, что вызывает переход из небытия
в бытие, — есть творчество

Платон

ТВОРЧЕСТВО — ЭТО МАГИЯ.

« Это параллельное проживание жизни в невидимой волшебной стране избранных. Это интуитивная неудержимая тяга к себе подобным среди толпы. Это особые сны и мгновения экзальтации. Это триумфы и падения. Это незабываемые кадры и барельефы нездешних озарений в сознании, это потусторонний ток, пульсирующий в недрах нашего естества. Это внезапные чудеса в сердцах. Это таинственный созидательный труд души. Это причина и следствие «Лунных сонат» человечества.

Творчество — это ностальгия по не дозволенному — по отнятому.Это не дающее покоя воспоминание о пребывании в других мирах неограниченных возможностей духа, это осязание иного света, видение ослепительной красоты и идеальной гармонии…

Творчество — это свобода. Свобода от времени, от личного, от ограничений физической реальности, от неизбежного. Это освобождение от оков предначертанного, судьбы, страхов, душевной боли, тленной плоти.

Творчество — это наше оружие против бессмысленности существования, невыносимой прозы бытия. Творчество превращает людей в поэтов — в стихах, в музыке, в картинах, в скульптурах, на сцене и в … жизни. Творчество — это щит от прошлого, от будущего и настоящего. Творчество — это то, чем мы восторгаемся в наших детях.

Творчество — это надежда на то, что наш мир будет спасен самим Человеком — Творцом Любви и Искусства на Земле…

Творчество — это человеческий вызов небу — вызов приговоренных к смерти. Останавливаются сердца людей, но любовь в них остается жить на земле в стихах, в сонатах, на полотнах, и еще, освобожденная от личных имен, в иной извечной отчизне…

Творчество — это искреннейшая молитва не исчезать бесследно. Это наше добровольное и безвозмездное дарение себя другим и Всевышнему. Наши творческие плоды нетленны — они не старятся и переживут нас. Они сделают мир лучше и расскажут о нас. Творчество — это невидимые крылья за спиной и волшебная палочка в руках души, это дар Божий творить чудеса «по нашему велению и нашему хотению», по образу и подобию Господнему. Это наша дивная врожденная способность посещать ту утраченную родину, тоска по которой утоляется при жизни лишь любовью или путем творческого процесса — духовного труда-порыва, направленного на созидание прекрасного и безвременного, выходящего за рамки нас самих… Таинство вдохновения — равно, как и загадка любви — это все об одном: о подаренной нам свыше свободе души, заточенной в тюрьму бренной плоти. Не потому ли так опьяняюще творчество и его плоды? Не потому ли искусство — этот магический щит и меч человека — это родной язык человеческой цивилизации, язык души, такой же универсальный и обреченный на извечное существование, как и любовь. И там, где говорят на этом языке, есть место всем, независимо от всех земных различий и разногласий. Это всеобщее отечество — искусство. Потому и девиз МАГОВ: «Наше отечество — искусство». »

Светлана Даниэль Дион, Президент МАГИ. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. А. П. Чехова и А. С. Грибоедова (за верное служение отечественной литературе) 2010 г. Член Всемирного клуба петербуржцев.

АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ МАГИ 2010

ЮРИЙ АНАНЬЕВ — ДЖОРДЖ АЛАН МАРГИ (ИСПАНИЯ, МАДРИД)

ЮРИЙ АНАНЬЕВ

Философ, критик, переводчик, музыкант. Родился в 1950 году в Каунасе (Литва). Среднее образование — общее и профессионально-музыкальное — получил в Батуми (Грузия). Продолжил обучение в Нижегородской (Горьковской) консерватории по классу фортепиано, а затем в ассистентуре-стажировке по камерному ансамблю. До своего отъезда в Испанию в 1997 году был проректором по научной работе и международным связям Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, профессором Нижегородской государственной архитектурно-строительной академии им. В. П. Чкалова, руководителем секции культурологии Общероссийской академии человековедения. Работал в лектории Горьковской филармонии, в музыкальной редакции телевидения, сотрудничал с газетами «Горьковский рабочий» и «Нижегородские новости» в качестве театрального критика. Является автором нескольких десятков статей по человековедческой и культурологической проблематике, двух выпусков учебного пособия по истории мировой культуры и монографии. Имеет ученую степень доктора философских наук. В Испании сочетает преподавательскую работу с концертной деятельностью. Занимается переводом с испанского языка на русский.

ДЖОРДЖ АЛАН МАРГИ

Поэт, переводчик. Родился в 1980 году в Тбилиси (Грузия). Окончил школу в Москве и продолжил образование в Нью-Йорке. По окончании карьеры игрока в теннис международного класса сочетает работу тренера в Теннисной Федерации Мадрида с поэтическим творчеством. Пишет стихи на английском, грузинском, русском и испанском, по преимуществу, языках. Издан двуязычный сборник лирических стихов «Una Copa de Palabras» («Кубок словоблудий») с параллельным переводом на русский Ю. Ананьева, и в печати находится сборник стихов «Arimanisari» («Стрела Аримана»). Увлекается переводом на испанский поэзии Пушкина, Лермонтова, Цветаевой, Маяковского, и в проекте предполагается создание антологии русской поэзии на испанском языке.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

Юрий Ананьев: Прежде всего, хочется подчеркнуть оригинальность таланта Джорджа Алана Марги и выделить, пожалуй, самые яркие грани его поэзии — музыкальность, пластичность и ритмическую «импровизационность». Свойственные его стиху прихотливость силлабического построения, внутренняя игра слов — своего рода «полифония» внутристрофных рифм — придают ему естественность интонации, порождают ощущение доверительного разговора с читателем и удивительной свободы. А некоторая недосказанность, эмоциональная сдержанность (или застенчивая скрытность, подкрепленная своеобразным синтаксисом и пунктуацией) лишь усиливают чувство свободы, оставляя простор для нашего творческого воображения. Характерным примером этого могут послужить эпизоды, связанные с образом бабушки из поэмы «Тригорье».

Примечательно лирическое дарование поэта. «Вы помните…» — по чистоте настроения и очарованию стихотворение восходит к романтической русской поэзии. Изумительно по простоте и, одновременно, пронзительности чувства восьмистишие — подобие колыбельной из главы «Шавнабада», или ностальгические рифмы из главы «Джермух», уносящие в мир детских светлых воспоминаний. Не чужды поэту и яркая экспрессивность, и эмоциональное напряжение, и особый энергетический накал, зачастую связанные с приемом эвфонии, характерным для русской поэзии начала XX века, как, например, в главе «Мтацминда». Недаром автор ставит в эпиграф поэмы цветаевский стих, который освящает ее в смысловом, символическом и стилистическом планах. Именно преемственность, тесная связь с великими предшественниками не только им не скрывается, но, напротив — культивируется. При чтении его стихов порой возникает смутное чувство чего-то знакомого и близкого, как бы эффект déjà vu, когда в строках «что-то слышится родное…». Безусловно, достигается это упорным трудом и, конечно же, под воздействием его кумиров — Пушкина, Цветаевой и… Рахманинова — на творческое сознание молодого поэта. Тем не менее, поэзию Д. А. Марги ни эклектикой, ни эпигонством не назовешь — амальгама духовного богатства русского искусства кристаллизуется в его творчестве чрезвычайно самобытно.

Испаноязычное творчество Д. А. Марги в контексте испанской поэзии специфично как в сфере образности и метафорики, так и на уровне формы и структуры. Можно даже сказать, что стихи его отнюдь не испанские. Присущие современной испанской поэзии либо жесткий регламент, выраженный в формальном рифмовании строки по последней гласной и в традиционной метрической структуре, либо полная анархия, то бишь, откровенная проза с вкраплениями поэтических образов крайне чужды Д. А. Марги. Возможно, сказывается ментальная специфика поэта: экзотический синтез культурного наследия России, Грузии, США и Испании, или же чрезмерное влияние почитаемых им Шекспира, Байрона, Галактиона Табидзе и Беккера. Однако в его поэтических опусах — от явно романтических до сугубо ироничных — никогда не обнаружишь ни формалистики, ни антимузыкальности. Абсолютная синтонность стиля и настроения, «многоликость» авторского почерка, сложное переплетение методов классического и современного стихосложения, подчеркнутое нежелание быть оригинальным — именно эти черты и составляют особенность поэтической индивидуальности Джорджа Алана Марги.

ПОЭМА ДЖОРДЖА АЛАНА МАРГИ И ЮРИЯ АНАНЬЕВА

ТРИГОРЬЕ

Та гора была — миры!
Бог за мир взымает дорого!

Марина Цветаева

МТАЦМИНДА

Город дремлет.
Дорога́
мне гора над городом,
и дорога к гроту сна,
что на гору навита.

Громом
глас усопших там
в века рог трубит.
Гордо ангел —
белый,
как вершинный пик —
охраняет черный мрамор
в одиночестве...

Он пророчество —
«Ум и дела твои
бессмертны...» —
на гробнице грота
начертал
и поэту сон навеки
наложил судьбой на веки,
чтоб спокойно спал.

Канут в Лету все наветы,
словно бы глухие слухи.
Вместе с тем, увы...
грохот
нашего столетья
глушит старые напевы,
а в глуши души
снова будоражит ропот,
либо гомон лжи.

Вдруг чую — горб...
и чудо-город
падает в обрыв.

Враг
ничейный —
враг
нечаянный,
вопреки горе,
отчаянно
множит горе во сто крат:
гибнет мнимый враг
и брат.

Горе —
как пустынный мрак.
Гнева —
море...
Гарь, угар,
иль дымный смрад...
Горе —
засуха в сердцах.
Слезы —
горечью в глазах.
Завороженные мглою —
кто-то в раж,
а кто — в овраг.
Город —
горб, а сверху над
городом — гора!

ШАВНАБАДА

Сквозь сполохи молний,
сквозь рокот и гром
под утро по грязи
под вой неумолчный
и грозный конвой
собак —
все выше и выше,
грозе непокорны —
сквозь небо-громаду,
нависшей скалой...
Прорваться!
Пробить!
Подъема усталость
дождями омыть,
невзгоды природы
с плеч скинуть долой!

Внезапно — равнина...
Слепящего света
лавина
и дуновение бриза
по пояс ласкают,
а снизу —
клочьями тучи
свисают...
Восторг!
Ликованье!
А бросишь свой взор
вокруг —
не объять простор –
и разом стеснит дыханье!

Под вершиной — облака
простираются ковром,
сверху церковь — спит пока
одиноким ветхим сном.

Прихожане там сейчас —
стон двери и ветра зов,
догорает в ней свеча,
что зажгли спокон веков.

Догорел и век.
Век — не гора.
Он пройдет, и след его
истает на глазах туманом.
И всем — память,
укрытая цветами...
Но в гору —
без обмана —
веками —
поминать.

Извиваясь серпантином
в дымке полусна
поднимается тропинка,
и по ней —
она —
одинокая, как солнца
каждодневный крик...
Оборачиваясь, шепчет:
«Увидать, хотя б на миг...»

Снег вершин — лица окраска,
талый снег — цвет рук...
вялый след улыбки гасит
сумрак мук разлук...
А глаза в слезах все –
тонут,
словно лодки в дикий шторм...

Бабушка уходит в гору,
ее тень –
за ней ползком.

Вот она –
стихи читает:
голос властный,
руки к небу взмыты —

лик ее преображает
тайна слов великих.

Вот сейчас
ко мне склонится —
как бывало,
руки к голове моей приложит
и сама затем
в мои ладони вложит
ключ заветный от комода,
где скрывала
сладости и банки с медом.

Вот она —
опять одна
у раскрытого окна...
Постарела:
седина,
чуть согбенная спина...
Отвернувшись, смотрит вдаль —
может, чтобы скрыть печаль?

Рваный ветер шум несет,
в коем слышно —
«Впредь — вперед!»
— легкий вздох, и в речи дрожь
при напутствии —
«Потом
провожать меня придешь...».

Не пришел!
Гора была
от города далеко.
Гора ждала,
но городу — так нелегко.
И все еще
дыханьем горный пик
разносит эхо тихое:
«...хотя б на миг...».

ДЖЕРМУХ

Ни счастьем не поделишься,
ни временем без морщин...
Взглянешь — и заглядишься:
белое море вершин...

Как на ладони озеро —
последний сосуд для слез.
Вздохнешь — и с горным воздухом
по коже пройдет мороз.

В зените — палящее солнце
с небесной зрит глубины,
а рядом — сквозь синь проступает
рябое пятно луны.

Бодрящие ветры — запахи
и гул доносят густой,
как будто с горою дальней
воркует морской прибой.

Один — в необъятном мире
со всеми, кто грезит со мной...
Парить! Раствориться манит
в себе горизонт голубой...

Чуть дальше — и нету бремени,
дороги обратно нет.
Надо прощаться ко времени —
иначе теряешь след.

Прости, Гора!
За то, что преданы мечты,
что годы бег утяжеляют...
Могло же детство взмыться ввысь
крылом полетной мысли!
А ныне — горькая пора —
глаза боятся высоты:
с одной вершины до другой
дорога пропастью зияет.

Прости, Гора,
что сквозь туман,
который из глазниц сочится
и застит даль
полупрозрачной тенью,
ты видишься мне
как обман —
мираж, что виснет на ресницах.

Прости,
что взгляд
мой в небо не стремится,
но упертый в грунт,
шагам он грузным потакает.
Прости,
что зря
забыт тот путь,
что каждую судьбу лозою обвивает —
в груди моей костра зарница,
как будто после ливня,
углями дотлевает.

Прости —
за ношу
бесценную,
врученную мне от рождения на муку,
которая разменяна на руку,
что по карманам роется бесстыдно.
Прости —
за душу
бессмертную,
расколотую о мирскую скуку,
что словно зверь, почуявший разлуку,
с тоскою воет беспрерывно.

Простительно
каяться, хоть и не просто,
просителю милостей горных...
И все ж, — пусть трещит коро́ста
дум суетных и прогорклых!

Ведь если даже мир весь опростится,
проси в последний раз —
Прости, Гора!
Во глубине нутра вулкан вещает:
«Не суждено вовек нам распроститься!»

* * *

И все венчает
сон —
слов полет до упоенья.
чередой
стремительные тучи...
И в пучине безвременья —
грудь, покоившихся в нем,
дыбится горой.

СТИХИ ДЖОРДЖА АЛАНА МАРГИ (Перевод с испанского Юрия Ананьева)

* * *

Fue la noche. La brisa
acariciaba mi cuerpo.
La luna,
al otro lado del tejado,
jugando al escondite,
sin verme, llamaba
a gritos mi sombra
que irreconocible
se arrastraba entre ruidos.
Fue la noche...
cuando
una voz lloró cual ni o.
Pensé: un gato perdido
estará rascando con garras
el tejado de aluminio.
Y unos pasos agudos
me arrebataron los pensamientos.
Fue la noche. La brisa
había llevado el temblor
de mi cuerpo. La luna
al otro lado del tejado
se escondía entre las nubes.
Empezaba a llover cuando
había tendido mis sue os a secar.

* * *

То было ночью. Ток ветра
мое обласкивал тело.
Луна же,
с невидимого крыши края,
играя словно бы в прятки
со мною, взывала
вовсю к моей тени,
что контуром невнятным
переползала средь шума украдкой.
То было ночью...
кто-то
зарыдал, почти как малыш.
Подумал: кот, потерявшись,
расцарапывает когтями
алюминиевую крышу.
И чья-то гулкая поступь
аж вырвала меня из размышлений.
То было ночью. Ток ветра
совсем уж унес с собою дрожь
моего тела. Луна же,
с невидимого крыши края
меж туч запряталась, подуставши.
Начинало моросить, когда я
развесил для сушки все грезы наяву.

* * *

No es lo que digo,
sino lo que quiero decir,
que me da forma...
No es lo que soy,
sino lo que creo que soy,
que me deforma.
Y entre esas vistas,
primeras y últimas,
desaparezco...
en máscaras miles
de un carnaval
sin carne, ni hueso.

* * *

Нет, не в том, что молвлю,
Но лишь в том, что молвить хочу,
я выражаюсь...
Нет, не в том, кто есть,
но лишь в том, что мню о себе,
я искажаюсь.
И меж столпов суждений
на всем протяжении
мой лик дробится...
на тысячи масок,
что кружат карнавал,
который нам снится.

A LO RIMBAUD

Cuando en el sue o
el vuelo es la caída,
cuando correr significa
pisadas de barro,
cuando lágrimas pesan
cientos de enga os...
rasco la piel jugando
a la lotería divina.

Pero encuentro huesos
y tacto arriesgado,
unas cuantas monedas
y montones de risa.
¿Tal vez algo más
haya ahí debajo?
Pero las u as siguen
rascando mi sonrisa.

В ДУХЕ РЕМБО

Если в сновиденьях
паденья — полет причина,
ежели поступи глина
бег собой заменяет,
если слезы скопили
тысячи обманов...
кожу скребу, играя
в божественную викторину.

Но там лишь вижу кости,
что трогаю с опаской,
блеск монеток с полгорсти
и звон смеха в избытке.
Так может, еще
глубже искать напрасно?
А ногти продолжают
выскребывать улыбку.

CAMINOS

Caminos sin caminantes...
Estrechos, fríos caminos
sin vientos errantes, sin lluvias
en mil gotas hablantes, sin soles
nacientes, ni ponientes, sin lunas
serenas, alarmantes... caminos
de un día que nace
del vientre de “ayer”.

Cuántos pasos podían ser vuestros.
Cuántas voces podían sonar
en vuestra boca polvorienta. Cuántas
risas y lágrimas, cuántas
“¡Viva!”-s y “Lastima...”-s podían vagar

ДОРОГИ

Дороги без бороздящих...
Больные, злые дороги
без ве́тров бродячих, без струй
дождевых говорящих, без солнц
восходных и закатных, без лун
спокойнных иль шемящих... дороги
лишь на день, рожденный
во чревии «вчера».

Сколько просек могли бы быть вашими.
Сколько песен могло бы звучать
из ваших пылью ртов забитых. Сколько
радостей-горестей, сколько
«Здравниц» и «Господи...» могли б отпевать

por vuestro cuerpo sin quisieran
los dioses recordar... esos caminos
que pasas
y en olvidos se contraen —
calambres sin final.

за ваше тело, что в забытьи
богам не сосчитать... эти дороги,
что только
воспоминанье сократит их —
до спазма мышц опять.

A NIKI

Vuela. Y — contra el muro...
Un ala rota. Dura, la frente,
no soporta ninguna espera. Sola,
consigo a cuestas, siembra
caminos donde los pasos vuelven
a ser mariposas que viven
un instante...
y todo el tiempo que pesa
en la palabra oculta,
en esa punta de lengua,
de boca, apenas herida,
a gritos abierta:
«¡Vuela!»
Y contra el muro...
Vuelve.
Pliega las alas. Reza
caminos aún intactos
sin mariposas que pesen
como historias al pecho
nunca contadas, mudas.
Y queda
frente al muro inmenso
una inmensa espera. Roca,
cara a cara, a otra — fría...
y queda,
frente al tiempo sin pecho,
latido dulce...
y canta.

НИКЕ

Полет. И – в стену прямо...
Крыло подбито. Упряма, как стержень,
никаких ожиданий не терпит. Сама
за себя в ответе, метит
дороги, в коих шагам суждено
стать мотыльками, живущими
лишь мгновенье...
и также все время, что давит
на потаенное слово,
на эту точку гортани,
на губы, что в ранах сокрытых
и в крике открыты:
«Полет!»
И в стену прямо...
Идет.
Крылья сложила. Славит
дороги, пока пустые,
без мотыльков – тех, что давят,
словно истории, на сердце,
словом навек немые.
И встает
против стены необъятной –
сил необъятных терпенье. Глыба,
взглядом в упор – другой, холодной...
и встает...
против времен бессердечных –
ритм пульса нежный...
и поет.

СЕРГЕЙ АРНО (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) (гость антологии МАГИ)

Прозаик, журналист. Родился 14 апреля 1958 года. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, заместитель главного редактора газеты «Литературный курьер», почетный член семинара Б. Н. Стругацкого, член оргкомитета «АБС-премии». Автор романов «Квадрат для покойников» (1995), «Живодерня» (1997). Произведения С. Арно печатались в сборниках «Аритмия» (1990), «Подкова» (1990), «Орфография» (1991), «Аничков мост» (1996), «На невском сквозняке» (1998). Около сотни рассказов, публицистических статей, рецензий Сергея Арно опубликовано в таких газетах, как «Петербургский литератор», «Коломна», «Литературный курьер», «Перекресток», «НЛО», «Калейдоскоп», «Маяк прогресса» и других. Отрывки из крупных произведений, рассказы, рецензии публиковались в журналах «Питербук» и «Заповедник».

E-mail: psp_arno@mail.ru

ТОЧКА

Когда утром в шесть часов в дверь раздались четыре звонка подряд, и бомбист Давыдов, соскочив с кровати, вышел в коридор, он был уверен, что пришли за ним, и пожалел, что не припас на всякий пожарный случай «лимонку».

Бомбист Давыдов жил с матерью — старенькой, слепенькой и глухонькой. Проживали они на самом распоследнем этаже — в нищете, но довольствии. Давыдов довольствовался своей разрушительной деятельностью, а мать была не то что довольна, но бесчувственна к окружающему. Только раз в несколько лет, накануне выборов президента, ее вдруг охватывало беспокойство, и она старалась выйти куда-то, но бомбист Давыдов ее не пускал. Было необъяснимо, каким образом оставшимся количеством слабых чувств узнавала старушка о готовящихся выборах, ведь сидела она дома безвылазно. Вылазки делал Давыдов. Он покупал все нужное в магазинах, и иногда, когда в теле ощущалось сладкое томление, и душу влекло куда-то вдаль и ввысь, Давыдов по черной лестнице пробирался на чердак, где таились у него боеприпасы, мастерил бомбу и шел на дело.

Часто он брал с собой Тихона Федоровича — ветерана и инвалида войны, ходившего на протезе с палкой. Они вместе разрабатывали операцию в подробностях, а Тихон Федорович даже рассчитывал все в тетрадке арифметически, имея сызмальства склонность к цифрам. Но расчетами и планом пользовались редко, чаще действовали по обстоятельствам.

Давыдов познакомился с Тихоном Федоровичем случайно, когда тот в нетрезвости своей инвалидной палкой громил витрины торговых ларьков и матерился при этом. Давыдов выпросил инвалида у охранников правопорядка и предложил работать на общественных началах сообща. Старик согласился тотчас, проявив себя на первом же деле хладнокровным разрушителем.

Тихон Федорович, мечтая о всеобщем равенстве, с любовью лепил для Давыдова бомбочки, и каждый взрыв машины, ларька или магазина радовал инвалида до слез.

Давыдов взрывал чужое имущество не по злобе или из мести и даже не ради спортивного интереса, а из благородства помыслов, считая, что своим активным вмешательством в мировой беспорядок он совершает хорошее благородное дело. Он был убежден, что богатство большинства соотечественников пришло к ним путями незаконными. Подробно изучая газеты и телевизионные передачи, Давыдов без труда обнаруживал народных обидчиков и мошенников — тех, кто по той или иной причине избежали суда — и наказывал их своеобразно. Ощущая свои слабые силы, особенно в юриспру-

денции, Давыдов решил, что если незаконное добро нельзя раздать малоимущим или на худой конец присвоить государству, то уж пускай вовсе пропадает в огне.

Сосед по лестнице по кличке Боцман, часто не ведая того, служил правому делу, оказываясь наводчиком у бомбиста Давыдова. В своей тяге к справедливости Давыдов уничтожал только движимость и недвижимость, не желая человеческих жертв. Правда, вошедший в раж Тихон Федорович много раз предлагал взяться за живую силу противника, но бомбист Давыдов твердо стоял на бескровной позиции.

Многие обиженные бомбистом Давыдовым, как и правоохранительные органы, давно искали с ним встречи. О нем ходили слухи и легенды, но прыщавая физиономия, сальные волосы с обильной перхотью и омерзительная костлявость тела не вызывали даже предположения, что такая с виду ничтожная личность может быть легендарной.

Старуха мать, когда он приходил с дела, одним из сохранившихся чувств, принюхиваясь к воздуху, говорила:

— Пожарищем тянет. Никак запалил чего, сынок?

Но Давыдов отмалчивался. Это тлел внутри него огонек обиды за жизненную несправедливость к пенсионерам, малоимущим и людям, не обнаружившим себя в рыночных рядах капитализма, и мать чувствовала это.

Раньше Давыдов пользовался бутылками с зажигательной смесью, но после знакомства с инвалидом у него появились настоящие «лимонки» и бомбы.

Во время войны Тихон Федорович служил взрывником и в один прекрасный день, уже под конец войны, из-за неаккуратного обращения со взрывпакетом собственноручно сделал себя инвалидом без ноги. С тех военных пор он вспоминал взрывные молодые годы и с тоской вздыхал:

— Эх, мать честная!

Взрыв оторвал ногу Тихона Федоровича, но взамен открыл у него некую способность, при помощи которой бывший взрывник мог чувствовать сквозь стены и видел иногда то, чего не видели другие. Инвалид войны, однажды напившись, обошел все торговые ларьки и магазины в округе, недорого предлагая свои экстрасенсорные способности и гарантируя, что после его обработки товар сразу раскупят. Но его никто слушать не хотел, и, осерчав от неудач, — а в особенности от того, что было не на что выпить — он принялся бить инвалидной палкой витрины недоверчивых предпринимателей, где и повстречался с Давыдовым.

Познакомившись ближе и увидев, как мучается Давыдов с зажигательной смесью, Тихон Федорович повез его в пригород на Синявинские болота, туда, где орудовали черные следопыты, и долго бродил там среди деревьев и свежих ям, крутя в руке ивовую веточку, бормоча что-то и пристально глядя в землю, а обнаружив нужное место, велел Давыдову копать. Сначала не нашли ничего. На третий раз откопал Давыдов неразорвавшуюся бомбу... С этого все и началось. С каждой вылазкой ветеран войны совершенствовался все больше в своем сенсорном искусстве. Давыдов выкапывал из земли противотанковые мины, заржавленные снаряды и «лимонки». Однажды нашли они целый склад оружия немецкого производства. Были там гранатомет, ручной пулемет... В умелых руках подрывника все шло в дело и перекочевывало на чердак дома, где жил Давыдов, а оттуда в офисы, магазины и автомобили мошенников и взяточников.

Но совсем не это было главным в жизни увечного подрывника. Работа с бомбистом Давыдовым являлась увлечением, хобби — главным были поиски Точки. Своим экстрасенсорным чутьем и арифметическими расчетами Тихон Федорович пришел к убеждению, что планета имеет на своем теле Точку, быть может, самую главную Точку, с которой все началось и которой все по его представлению окончится. Точка эта

сначала располагалась на Дальнем Востоке. Один раз летом он ездил на Дальний Восток и таскал свой протез по сопкам в поисках заветной Точки, но не нашел. А потом Точка переместилась, кажется, в Японию, а после — неизвестно куда.

Имел Тихон Федорович и одну страстишку, носящую имя Марина и проживавшую по одной лестнице с бомбистом Давыдовым.

Иногда Тихон Федорович, подкараулив у парадной Марину, галантно отставляя протез в сторону, пропускал ее вперед... И торопливо карабкался вслед по лестнице, не сводя глаз с ее обворожительного зада.

— Эх, мать честная...

Вздыхал он после того, как Марина закрывала за собой дверь квартиры.

— Ну, мать честная! — и постукивал палкой по протезу.

Счастливый обладатель чудесного зада звероподобный Боцман ездил на блестящей машине с названием из трех букв без правил. В ГИБДД, где он купил права, о правилах дорожного движения никто ничего не сказал, а Боцман спрашивать не стал. Он просто максал каждому гаишнику, сколько нужно, и жил спокойно. Его узкий лоб, маленькие глазки и мясистый коротко остриженный затылок были в моде, и девушки Боцмана любили.

Служил он в шайке бандитов, зарекомендовал себя с хорошей стороны, пользовался уважением товарищей по работе и был удостоен от начальства поощрения... Иногда у Боцмана случались «запои». Бывало, продолжались они всю неделю, и тогда Марина отпрашивала его с работы, ухаживала за ним, бегала в магазин за книжками и всячески старалась угодить мужу. Боцман читал. Почти без сна, употребляя только воду и хлеб, Боцман читал не переставая. Он читал «Братьев Карамазовых», «Гарри Поттера», «Скарлетт», «Муху-Цокотуху»... — все, что попадалось под руку — перелистывал страницы, слюнявя пальцы, уперев набитый кулак в узкий лоб.., а потом, уже дочитав до последнего слова, если оказывался грустный роман, плакал навзрыд и в тоске и отчаянии бил кулачищами по столу. В последний раз он три часа прорыдал над «Курочкой Рябой». Когда литературный «запой» кончался, Боцман день отъедался. Затем, взяв кистень, «испанский сапожок», пистолет, электрический утюг и прочий инвентарь, он ехал по своим бандитским делам.

К чтению его приучил писатель Эдик, поселившийся в квартире Давыдова, для удовлетворения своих литературных потребностей использовавший целомудренный неразвращенный мозг Боцмана.

— Народ сейчас только детективную, да легкую литературу читает. Ты, Боцман, читатель новой формации. Только в загадочной России мог появиться такой всеядный читатель. Ты читатель будущего.

Кочегар-писатель Эдик стоял на литературном посту твердо. Раньше подземная армия кочегаров-писателей была трудноисчислима, но изменившаяся жизнь выгнала писателей из тьмы подвалов, и они разбрелись по огромным просторам рынка, ища пропитания. И Эдик остался один. Сидя в котельной, располагавшейся в подвале его дома, Эдик настойчиво писал рассказы, повести, роман... Словом, все, что приходило в голову. Издатели с тоской смотрели на новые опусы, приносимые Эдиком, и не печатали. Эдик, предполагая всемирный заговор издателей, сам воспитал для себя читателя и писал с воодушевлением, каждый раз во время запоя Боцмана, притаскивая к нему ворох своих творений.

Вредительская активность бомбиста Давыдова требовала выполнения конспиративных обязанностей. Он, конечно, догадывался, что занятия подобной незаконной деятельностью могут и обязательно когда-нибудь принесут ему неприятности, и всегда был начеку.

Но в последнее время... Да, в последнее время у Давыдова на голове появилось особенно много перхоти, это был верный признак того, что бомбист Давыдов тревожится. Больше всего настораживал его сосед-писатель. Эдик был единственным соседом по квартире, и в последние дни в его выражениях бомбисту Давыдову чудился второй смысл, недосказанность... Встречаясь в кухне, Давыдов часто ловил на своей костлявой спине подозрительный взгляд. Ему было известно, что Эдик дружен с соседом по лестнице бандитом Боцманом, а его группировка особенно пострадала от Давыдова. Кроме того, две недели не приходил Тихон Федорович, и, может быть, его уже...

Когда утром в шесть часов в дверь раздались четыре звонка подряд, и бомбист Давыдов, соскочив с кровати, вышел в коридор, он был уверен, что пришли за ним, и пожалел, что не припас на всякий пожарный случай «лимонку». Открывать он не торопился — сосед Эдик был на смене, мать на звонки не реагировала. Некоторое время постояв у двери в майке и трусах, раздумывая, наконец, махнул рукой и открыл замок. Но Давыдов обманулся: был это инвалид Тихон Федорович, почему-то весь в орденах и медалях. Праздничный ветеран гордо прошествовал в кухню.

— Так вот, — усевшись за кухонный стол, торжественно заговорил Тихон Федорович, раскрыв толстую тетрадь. — Гляди сюда.

И Тихон Федорович стал листать перед Давыдовым мелко исписанные листы тетради, но Давыдов, будучи образованным средненько, понимал в математических расчетах слабо и не старался вникнуть в суть.

— Короче говоря, — убедившись в бесполезности научных доводов, сказал Тихон Федорович. — Точку я нашел, понял?

Бомбист Давыдов пожал плечами и пошел к плите ставить чайник.

— Самую главную Точку на планете, — продолжал ему в спину экстрасенс. — Я ж ее, родимую, на Дальнем Востоке искал, а она тут. Вон, в доме напротив. Точка обновления планеты!

Через улицу напротив стоял пятиэтажный дом — жильцов его выселили, но почему-то никто не ремонтировал дом капитально. Несколько раз, правда, пытались: обнесли часть его лесами, но бросили. Так он и остался недостроенный, недоразрушенный. Если и было место на планете, с которого следовало начать ее обновление, то более гиблого и безнадежного места было не сыскать.

— ...Ты пойми, Давыдов, — склонившись над чашкой с простывшим чаем, продолжал говорить уже осипший от напряжения голоса Тихон Федорович. — Мы ведь можем с тобой планету обновить, понимаешь? И все здесь, — он, звеня наградами, развел широко руками, — все станет новым, чистым и светлым... Нужно только разрушить этот грязный мир. И все начнется сначала.

До Давыдова доходило все не вдруг, оттого каждую мысль Тихон Федорович повторял трижды, только формулируя иначе.

— Для этого нужно только взорвать последнюю бомбу. Понимаешь? Вот я тут все рассчитал, — ветеран схватился за тетрадь, открыл ее наугад, но, посмотрев на Давыдова, закрыл снова. — В общем, если на этой Точке взорвать бомбу большой мощности, то Точка эта откроется и всосет, как пылесос, всю кожу планеты, всю ее оболочку. Понял? Только нужен взрыв... Последний!

Поначалу, будучи несогласным с ветераном войны, Давыдов, уставая от его эмоциональной речи, постепенно проникался идеей. Одним махом покончить со всем злом было заманчиво, тем более в последнее время, обозревая плоды своего труда и думая о том, сколько предстоит совершить еще взрывов, бомбист Давыдов унывал. Он видел непочатый край работы, зная, что его слабыми силами здесь не обойтись. И почему

было не привлечь к этому делу научные знания Тихона Федоровича? На все его редкие вопросы старик тут же находил убедительный ответ... И Давыдов сдался. Приятно было решить все без исключения вопросы одним взрывом — все проблемы бедных, больных, бездомных и обиженных людей, так что они и сами не заметят.

Давыдов отыскал в кладовке фонарик с подсевшими батарейками. Он давал мало света, но решили, что этого достаточно. Когда уходили, мать еще не вставала.

В заброшенное здание проникли через двор. Тихон Федорович знал дорогу, побывав у Точки много раз. Пришлось, спустившись вниз, идти по подвальным помещениям, распугивая кошек.

— Вот мы и дошли до Точки, — сказал Тихон Федорович, остановившись в центре одного из отсеков подвала. — Она и есть.

— Где? — бомбист Давыдов, вглядываясь в слабоосвещенное место, присел на корточки.

— Туда смотреть нечего, — рассердился Тихон Федорович. — Я говорю, что здесь. Верь.

Целый день, жалея инвалида, Давыдов самолично таскал в подвал выселенного дома боеприпасы. Звеня наградами Родины, Тихон Федорович хлопотал вокруг Давыдова, указывая, как все следует уложить для лучшего проникновения разрушительной взрывной силы в самую Точку.

Управились к вечеру. Фонарь угасал. Бикфордов шнур по велению Тихона Федоровича отвели за угол стены. Бомбист Давыдов не возражал, признавая сейчас старого взрывника-экстрасенса за командира. От горы боеприпасов перешли за угол, куда вел бикфордов шнур. Инвалид, не боясь простуды, вытянул протез и уселся прямо на песок. Давыдов присел рядом. В умирающем свете фонаря сидели молча, Давыдов отдыхал после тяжелого и упорного труда, Тихон Федорович думал неизвестно о чем.

— Ты пойми, мы с тобой Землю обновляем, — шепотом проговорил Тихон Федорович. — От всей нечисти. Эх, мать честная!..

Помолчали.

— Это мой подарок Родине, — со слезами в голосе снова зашептал инвалид и, подумав, добавил: — За все!

Фонарь погас, установилась полная тьма. В подвале она была плотной и вязкой. Бомбист Давыдов, достав из кармана коробок, зажег спичку, осветив медальный блеск и бледное лицо старика, потом отыскал глазами конец бикфордова шнура и зажег его... Старый шнур сильно дымил и горел еле-еле.

А тем временем писатель Эдик, сидя за столом в котельной, обдумывал, возможно, последний в жизни человечества рассказ. Обдумав хорошенько, он взял в руки шариковую ручку и написал большими кривыми буквами:

ТОЧКА

НАЗЛО

Старушка умерла. Такая бодренькая, такая вертлявая и неугомонная, а вот взяла и преставилась. Никто не думал, что умрет она так скоро, да и вообще, что умрет. Бывает, живут такие подолгу, особенно когда никому не требуется или наоборот, требуется, чтобы умерла — площадь очистила, — а она как раз таки и не умирает, а живет, словно назло. А эта умерла назло.

Так думалось Николаю Ивановичу, ожидавшему в своей комнате приезда «скорой помощи» за усопшей. Уже десяток лет они существовали со старушкой в одной квартире, успели сжиться и друг другу не досаждать. Тем более, что большую часть года пенсионер Николай Иванович проводил на приусадебном участке, отведенном ему заводом пиломатериалов, где он четверть века изнурял свое тело работой и откуда вышел на заслуженный отдых.

Участок был невелик, домишко в две комнаты, но, одинокому, ему хватало. Дело на участке находилось всегда, и лето пролетало в заботах о доме, о культурных растениях, об урожае... Из ягод запасливый Николай Иванович готовил варенье, мариновал огурчики, помидоры... Словом, вел безобидную жизнь садовода-любителя. Поздней осенью, когда приходили холода, и в летнем домике, несмотря на натопленную печку, становилось зябко, Николай Иванович с дачного участка съезжал и ждал следующего летнего сезона в государственной квартире из двух комнат, разделяя кухню, санузел и ванную с престарелой Марией Петровной, которая сегодня и скончалась.

Страшно для Николая Ивановича была не сама смерть постороннего человека, а ее последствия. Ломался многолетний уклад жизни, на месте умершего человека образовывалась пустота, которую предстояло осознать, привыкнуть. Но всякая пустота по законам жизни должна заполниться, и в опустевшую комнату непременно должен был кто-то вселиться... Вот это-то и страшило Николая Ивановича.

Месяц до самого нового года Николай Иванович жил в полном одиночестве, успел свыкнуться со своим положением. Но после нового года в квартиру вселился Страх. Возможно, он вселился не в квартиру, а только в голову к Николаю Ивановичу, но ему стало казаться, что в квартире он не один. Стало даже тесно, и двухкомнатной квартиры им со Страхом не хватало. Иногда туалет оказывался занятым, кто-то жарил картошку в кухне, мылся в ванной... Николай Иванович стал бояться всякой невероятной ерунды: темноты или излишней освещенности помещения, того, что может случиться пожар, голод, всемирная революция, военный переворот... Словом, вещей, которые произойти никак при всем желании не могли. Но потом сознание его переключилось на реалистические события будущего приезда новых соседей по квартире. Николай Иванович терпеливо стал их ждать. Ему представилось, что это должна быть семья из трех (обязательно из трех) человек: муж, жена и мальчик одиннадцати лет, обязательно почему-то одиннадцати лет. Самый на взгляд Николая Ивановича озорной возраст. Он ждал их со дня на день, каждый час, каждую минуту... Иногда, просыпаясь среди ночи, прислушивался, не идут ли.

И наконец, дождался.

Как по заказу, это оказалась семья из трех человек, именно таких, какими представлял их себе Николай Иванович. Он сделал вид, что никак не отреагировал на их вселение, и старался не замечать новых жильцов. Словно их не было.

Невесть откуда в Николае Ивановиче проснулся мелочный собственник: он ходил по квартире за одиннадцатилетним мальчиком и заставал его за сидением на его, Николая Ивановича, личной табуретке, пользовании его мылом, вытирании ног о его собственный коврик... Но вместо того чтобы как следует наказать мальчишку, родители смотрели на это сквозь пальцы. Николай Иванович ворчал, что ребенка не воспитывают и неизвестно что из него вырастет, но его не слушали или делали вид, что не слушают. Словно их не было.

Прошло два месяца. И вот в начале весны, придя в кладовку за очередной баночкой варенья, Николай Иванович к своему ужасу и возмущению заметил, что из двухлитровой банки варенья убавилось. Кто-то ел клубничное варенье без спроса. Это возмутило Николая Ивановича до глубины души. Сначала он хотел устроить скандал с привлечением соседей и милиции, но потом передумал, решив выследить злоумышленника и поймать его на месте преступления. Подозрение пало на мальчика, и Николай Иванович целый месяц не спускал с него уставших глаз. Но все оказалось бесполезным — изловить хитрого пацана не удалось. После столь долгой и утомительной слежки он взгрустнул, потеряв ко всему интерес. Пессимизм в настроении появился от образовавшейся в голове новой неприятной мысли: «А что если, — думал эту мысль Николай Иванович, — если я так же, как Мария Петровна?..» Слова «умру», «смерть» он избегал умышленно, любви к этим понятиям не питая. «Значит, они всей семьей займут мою комнату, будут смыливать мое мыло, вытираться моим полотенцем, есть мое варенье...»

Мысль думалась все дальше и уже жила самостоятельно — без видимого усилия со стороны хозяина головы. Она развивалась, росла, ширилась, ужасая Николая Ивановича мрачностью перспектив, лишая аппетита и сна. Он сделался подозрительным, на кухне перестал оставлять продукты питания, боясь отравы, и даже для продления жизни пробовал бегать трусцой на школьном стадионе, но, опасаясь оставлять надолго квартиру, перестал.

Весна прошла в тревоге, а к ее концу Николай Иванович съехал на дачу к своим культурным растениям: клубничке, кустам смородины, крыжовника...

Как и каждую весну работы на участке было хоть отбавляй. Это помогло Николаю Ивановичу отвлечься от коммунальных неприятностей. Дни проходили в огороде. Он посадил картошку, удобрил почву и пересадил, наконец, из-за забора куст сирени, определив ему место возле крыльца. Работа продвигалась вперед, но меньше ее не делалось, зато меньше делалось мыслей о злобном квартирном многолюдии, казавшемся сейчас, в дачном угаре, ушедшим в безвозвратное прошлое.

Когда листочки на деревьях распустились повсеместно, к своему огорчению Николай Иванович понял, что ошибся, и вместо сирени посадил возле крыльца какой-то другой куст. Хотел срубить его, но передумал. А к середине лета на кустике появились черного цвета ягоды, похожие на черемуху. Это были несъедобные и, судя по слухам, ядовитые ягоды — «волчьи». Николай Иванович удивился, как смог спутать сирень с таким не приносящим пользы, некрасивым и даже вредным растением; но полная хлопот жизнь садовода не давала времени для забот, не связанных с предстоящим урожаем и ремонтом дома.

Лето стремительно двигалось к концу, и когда начала зреть на грядках клубника, Николай Иванович решил на пару деньков съездить в город за пенсией, а заодно купить сахарного песку для варенья.

Беспорядок в квартире неприятно удивил Николая Ивановича, и в первую минуту он, уже привыкший к раздольному одиночеству, поразился и, открыв свою комнату, долго, сложив руки замком, сидел на диване. Уже забытая мысль о кончине, которой постоянно ждут от него соседи, вновь засвербела в мозгу. Снова ему чудилось, что соседи, притаившись сейчас за стеной в своей комнате только и мечтают о том часе, когда он так же, как старушка Мария Петровна,.., и тогда они на полных юридических основаниях займут его комнату, будут вытирать ноги о его половик, руки о его полотенце, смыливать, дышать, смотреть... Николай Иванович встал с дивана и в сердцах, им назло, оторвал от обоев на стене в своей комнате полосу.

Два запланированных дня прошли мучительно, с вредом для здоровья, и в конце, уже перед отъездом на дачу, у него непривычно заныло сердце, так что пришлось глотать таблетки.

За два солнечных дня поспела клубника, но обильный урожай не радовал Николая Ивановича, посещение городской квартиры испортило его настроение, и он уже без давешнего удовольствия делал дачные дела. Шли дни, но время не отдаляло грустных мыслей. Николай Иванович даже впал в какое-то постоянно безразличное, подавленное состояние, словно вместе с ним из города приехала вся семья и живет теперь в его доме. Он машинально собирал урожай, варил варенье из ягод, уже не думая о грядущем кладовом изобилии, а больше по многолетней привычке... За это время в стране случился военный переворот, потом переворот случился в обратную сторону, но в заботе о своих личных мыслях и урожае этому со стороны Николая Ивановича внимания не нашлось.

Однажды, удобряя кусты смородины навозом, который переносил в ведре, уставший, он остановился возле куста «волчьих ягод» и, поставив ведро на землю, впервые обратил на куст пристальное внимание, подумав, что нужно бы его срубить и на его место посадить, как и задумал, сирень. В мыслях он пожалел, что ягоды имеют вид аппетитный, а в пищу не годятся. Потом поднял с земли ведро и отправился за следующей порцией навоза, но, ступив на борозду, вдруг остановился пораженный. Минуту постоял, обдумывая мысль, не глядя, отбросил ведро в сторону и, не разбирая дороги, большими нетерпеливыми шагами пошел в дом, даже не заметив, что впервые за все пятнадцать лет существования огорода, наступил на морковную грядку, оставив на рыхлой земле глубокий след, который тут же стал заполняться водой.

Через несколько минут Николай Иванович вышел из дома преображенный: движения его были энергичными, на лице блуждала загадочная улыбка, на поясе у него болталось детское ведерко, в которое он обычно собирал урожай ягод. На это раз садовод-любитель Николай Иванович собирал несъедобные, ядовитые «волчьи ягоды». Спелые, они так и просились в рот, но Николай Иванович не поддался искушению — не для себя он собирал ядовитый урожай и не сам собирался есть то, что есть нельзя. Обобрав куст до единой ягодки, он отправился в дом. Через два часа варенье было готово. Давно Николай Иванович не испытывал такого душевного подъема и телесной бодрости. Он заботливо снимал с варенья пенку, глотая слюнки, помешивал специальной ложечкой. Когда варенье остыло, разлил его по чисто вымытым емкостям. Всего оказалась одна литровая и две пол-литровые банки, и еще немного осталось. Машинально он поставил остаток на стол, чтобы съесть с чаем, но, вспомнив, вылил в раковину.

Полюбовавшись на свою работу, Николай Иванович пошел в огород и, разыскав ведро, в котором носил навоз, удобрил кустик, принесший ему урожай. Весь вечер Николай Иванович ходил взад-вперед по комнате, похохатывал над чем-то и напевал тихонько. Спал он, умаявшись от положительных эмоций, крепко, как чистый душой человек.

На другой день с раннего утра Николай Иванович отправился с детским ведерком в лес и бродил в чаще до обеда. Хотя старое его тело измучилось, зато он набрал полную емкость «волчьих ягод», а также полиэтиленовый пакет поганок и, перекусив на скорую руку, почистил их и засолил в ведре. Потом перебрал «волчьи ягоды», тщательно вымыл и стал варить варенье.

Все последние дни лета Николай Иванович трудился не покладая рук с энтузиазмом, как не трудился для себя никогда в жизни. Иногда даже забывая принимать пищу, он блуждал по лесным полянам, собирая «волчьи ягоды», бузину и еще какие-то несъедобные плоды, названия которых не знал. Конкуренты в лесу ему не попадались, поэтому набирал он всегда помногу. Когда, ограниченный числом талонов, закончился сахарный песок, Николай Иванович приуныл, но все так же с рассветом брел в лес и собирал там поганки для засола и прочие вредные и ложные грибы, которые сушил вечерами у печки. Насушив ядовитых грибов целый мешок и насолив ведро поганок, Николай Иванович не унялся, а повырубил на участке культурные ягодные кусты и вместо них насажал «волчьих ягод» и бузины, чтобы давали урожай на будущий год. Конечно, весь участок освоить и перекультивировать не удалось — подобрались осенние холода, часто шел дождь. А тут еще сосед по даче, водитель фургона, каждый год отвозивший в город припасы Николая Ивановича, собрался уезжать, так что много намеченного Николаем Ивановичем осталось на будущий год.

«Только бы они не переехали», — по пути в город тревожился Николай Иванович. — Вдруг им новую площадь дали, тогда конец...».

И когда, открыв входную дверь, вошел в квартиру, то облегченно вздохнул: «Ну, слава Богу!».

Два дня он воодушевленно раскладывал в кладовке привезенные припасы. Ядовитое варенье было трудно отличить от натурального, и скоро запутавшись, он перестал их распознавать. Засоленные поганки очень напоминали горькушки, сушеные же мухоморы и ложные белые выглядели совсем, как съедобные — и тому, кто не знал, вполне годились для супа. Расставив в кладовой так, чтобы любое «блюдо» можно было достать без труда, Николай Иванович смазал петли машинным маслом, чтобы в хранилище припасов можно было проникнуть тайком, поставил несколько небольших баночек на свой кухонный стол и принялся ждать.

Каждый день он секретно проверял, не тронуто ли варенье, не уменьшилась ли горка сухих грибков... Но все оставалось по-прежнему. Тогда он стал хитрить: варил из сухих грибочков суп, как положено, заправляя его картошкой и лучком, отбавлял из банки варенье, чтобы этими манипуляциями приманить и создать ложное впечатление, что Николай Иванович употребляет припасы себе в пищу. Разумеется, суп и смертоносное варенье он тайком сливал в унитаз, но все равно его хитрости ожидаемого успеха не имели.

Эйфория первых радостных дней прошла, и теперь с каждым днем, с каждой неделей Николай Иванович раздражался все сильнее. «Почему же они не едят? — напряженно думал он, заперевшись у себя в комнате. — Почему не едят?..».

Вся его жизнь обратилась в ожидание. Он дошел до того, что устраивал показательные выступления: ел суп из мухоморов прямо в кухне. Конечно, он не ел, а только искусно делал вид, что ест, громко нахваливая и чавкая супом. Но даже это не помогало.

Николай Иванович приуныл, у него начались затяжные депрессии, во время которых он не проверял целость продукта, а безразлично жил по инерции. Но зато потом, когда уныние проходило, он, как одержимый, с азартом готовил супчик, проверял «наживку», чувствуя себя хитрым рыболовом, ждущим, когда рыбка заглотит приманку и... Дни кипучей рыболовной активности сменялись унылым безразличием и растерянностью. «Почему они не едят?» — думал он, сидя на диване, закрывшись на ключ в комнате. «Почему не едят?». Но ответ на его вопрос дать никто не мог, словно в квартире никого не было.

Но в квартире все ж таки кто-то был. И занимал туалет, вытирал руки о полотенце, топтал коврик и никак не хотел есть ядовитое варенье. Никак не хотел есть! Жизнь сделалась невыносимой. Николай Иванович не спал ночами, ему снова стало страшно за свое здоровье. Часто в снах приходила Мария Петровна, манила его куда-то, он просыпался от страха и тихонько плакал в подушку и ненавидел, ненавидел... Особенно люто ненавидел он в ночь на свое семидесятилетие. Этой-то ночью и пришла в голову Николаю Ивановичу главная мысль в его жизни. И эта мысль указала просвет в его беспросветном существовании.

Встав пораньше, он принялся за свое веселое дело. Намыл грибков, любовно нарезал их, пожарил с лучком и рисом. Тесто для пирога он приготовил по особому рецепту, перешедшему к нему от бабушки. Пирог вышел румяный, пышный, запах от него кружил голову, и Николай Иванович глотал слюнки.

Наполнив хрустальные вазочки различными сортами варенья, вскипятил самовар и накрыл на стол. Стол вышел праздничным — давно не было на его столе такого обилия чайных сладостей. По случаю торжества Николай Иванович надел свой лучший костюм и пригласил соседскую семью.

— Здесь лучшее, что у меня есть. Вот пироги с грибами, варенье. Угощайтесь, — говорил он.

Для примера Николай Иванович щедро наложил себе варенья в блюдце, отрезал пирога.

— Вот, — приговаривал он, — этого вареньица, пожалуй, оно у меня вкусное, пальчики оближете. Вот пирожка...

«Почему они не едят? — между тем думал он, тайком зорко следя за соседями. — Почему?»

— Вот и пирожка отведайте, — он сделал вид, что откусил от пирога с грибами. Но и это не имело успеха.

«Они, небось, думают, что я так же, как Мария Петровна... А вот вам шиш...».

— Вареньица вот, очень вкусное, сам варил.

«Я не умру, я жить буду! Им назло буду! А вот они...».

— Вот это с красненькими ягодками. Тебе, малыш, наверняка понравится. Съешь ложечку.

Что-то злое, яростное, с чем справиться нельзя, разгоралось внутри Николая Ивановича. Это был уже не рыболовный азарт, а что-то другое, по капле, по чуть-чуть копившееся и вот сейчас набравшееся, переполняющее, выплескивающееся, болезненно рвущееся внутри.

— Чего же вы не едите?! А?! — вдруг закричал он визгливо, привстав и склонившись над столом. — Я-то ем!! — Он зачерпнул полную ложку варенья, положил в рот, проглотил. — Видите?!! Я-то ем!! — он положил в рот еще одну ложку, потом еще... — Ведь ем, ем!! — кричал он, срываясь на фальцет. — Чего вы боитесь?! Я-то ем!!

Неторопливо поднимаясь из-за стола, злоба уходила, она уходила к тому, кто ее ждет.

МИНИАТЮРЫ

ОБЛАКО

— Дорогая, я дарю тебе это удивительной красоты Облако, — сказал он.

Она поцеловала его в нос и сунула Облако в карман.

— Я твоя, — сказала она.

Прошло десять лет.

Однажды, роясь в ненужном хламе, она достала из кармана старых джинсов ветхое, высохшее Облако. Сначала она хотела его выбросить, но передумала, приспособив его для мытья пола. А когда муж приходит домой пьяный, она бьет его Облаком по голове.

НА ОБОЧИНЕ

Эскалатор испортился, переключились на запасной. На середине эскалатора осталась старушка с рюкзачком за плечами.

— Держитесь за поручни, — в микрофон посоветовала надзирательница эскалатора. — Эскалатор скоро поедет.

Но механики была в отпусках. Старушке надоело держаться за поручни, она села на ступеньки и, развязав рюкзачок, поужинала. Вниз идти она опасалась, а вверх было слишком высоко. Так что она решила заночевать прямо на лестнице...

С тех пор старушка стала жить на эскалаторе. В часы «пик» она глазела на проезжавших людей. Иногда дремавшая эскалаторонадзирательница пробуждалась.

— Держитесь за поручни! — вскрикивала она со сна, но урчание эскалатора убаюкивало, и она вновь засыпала.

Проезжавшие мимо граждане часто угощали старушку: кто яблочком, кто конфеткой... Как-то проезжал внучек и перекинул бабушке передачку со сладостями, которые она есть не могла в виду отсутствия зубов. В другой раз он привез сына проведать живущую на эскалаторе прабабушку, а заодно взять доверенность на пенсию — потом и запропал вовсе.

Вскоре на эскалаторе появились еще одна старушка и старичок. Как они туда попали? Неизвестно. Но вслед за ними стали появляться еще и еще...

Они сидят на ступеньках сломанного эскалатора, и их уже никто не замечает, потому что все привыкли.

— Держитесь за поручни! — иногда со сна вскрикивает надзирательница. — Эскалатор сейчас поедет!..

Вот только вверх или вниз? Одному Богу известно.

МИЛОСЕРДИЕ

Престарелая женщина подобрала его возле помойки. Котенок был худ и доживал, казалось, последние часы. Принеся его домой, она поставила перед ним блюдце с молоком. В течение часа котенок лакал не переставая.

— Все, это последнее, — ласково сказала женщина, в шестой раз наполняя блюдце.

Котенку не хватило духа доесть молоко. Отупело глядя перед собой, он сделал пару нетвердых шагов в сторону, но, как видно, пожадничав, вновь подошел к блюдцу, произвел два глотка и вдруг... Лопнул!

Брызги молока разлетелись в разные стороны. Это был настоящий фейерверк! Женщина не видела ничего подобного! Она хохотала, как умалишенная, до судорог. Так весело ей не было никогда в жизни.

С тех пор престарелую женщину часто можно встретить у помойки. Приманив котенка дохлой рыбкой, она несет его домой...

А недавно, на свой день рождения, она наловила десяток котят... Вот это был салют!!!

ЛЮБИМЕЦ

Единственное любимое существо кот Барсик заболел. Горемыка кашлял до рвоты, исхудал и есть отказывался. Сердобольная Мария Ивановна свозила его в кошачью поликлинику и даже дала ветеринару из своего пенсионного жалования трешку, чтобы лечил получше. Ветеринар обрадовался незаконному доходу и сделал коту укол дефицитным лекарством, сказав, что за неделю поставит его на лапы. Только чтобы приво-

зила она его обязательно каждодневно.

Но коту, видно, не понравился вчерашний укол, и он спрятался под кровать. Встав на колени, Мария Ивановна выманивала его колбаской, молочком и просто ласковыми словами, от которых у кота блаженно щурились глаза, но в руки он не давался все равно. Кое-как ей удалось выгнать его из-под кровати, но он скрылся под комодом, потом шмыгнул под стол и опять под кровать...

— Да что же ты непослушный такой!.. — бормотала она, раздраженно шерудя под кроватью шваброй. — Лечиться нужно, а ты... Деньги плачены... А ну, вылазь!

Она трясла кровать, двигала мебель и сердилась.

Привлеченная шумом, пришла соседка с нижнего этажа. Улучив момент, кот шмыгнул через коридор в кухню.

— Вот бандит. Улизнул. Его доктор ждет, деньги плачены... А он... Вот бандит... — бормотала Мария Ивановна, шаркая в кухню.

Соседка тоже приняла участие в погоне за хворым Барсиком. Они выгоняли кота из-за холодильника швабрами, отодвигали стол, буфет... Сначала аккуратно, чтобы не повредить четвероногое, но с каждой минутой распаляясь, раздражаясь и все больше входя в азарт. С вытаращенными от ужаса глазами Барсик прыгал по полкам, опрокидывая посуду.

— Вон он! Вон, козел!! Бей!!! — орала вошедшая в раж Мария Ивановна, кидаясь за котом и с размаху лупя по столу, мебели, посуде...

Соседка с нижнего этажа не отставала и колотила шваброй, куда придется.

— Бей!!! Три рубля!! Убью, гад!!! Ау-а-а-а!!! Убью-ю!!! — уже истерически не своим голосом орала старуха.

С перекошенным ненавистью лицом она металась по квартире.

Смышленый соседский мальчуган — отличник и бойскаут — притащил со стройки обломки кирпича. Дело пошло веселей.

Наконец, Барсика закидали кирпичами, и Мария Ивановна, погрузив питомца в сумку, поехала к ветеринару.

Отсидев очередь среди хворых коз, собак, котов, Мария Ивановна вошла в кабинет и вытряхнула четвероногое на стол.

Врач-ветеринар перевернул кота со спины на бок.

— Животное-то сдохло, — сказал он, глядя на изувеченного Барсика брезгливо.

— Сдохло?! — переспросила Мария Ивановна. — Да и черт с ним!

ЯСТВО
(письмо в газету)

Если бы я мог предположить, что весь тот ужас, в одну ночь превративший меня в согбенного, трясущегося старика, когда-нибудь может произойти, я бы ни за что не въехал в этот дом.

Путем размена с обрыдлой женой я очутился в крохотной однокомнатной квартирке на втором этаже хрущевского дома. Николай — сосед по площадке, мужчина лет сорока — с первого дня стал часто заходить ко мне в гости. Было в лице его нечто странное, обреченное. Он любил говорить о своей невесте, которая должна была откуда-то прилететь. Все бы ничего, но жизнь мою омрачала соседка с нижнего этажа. Нарочно подкараулив меня на лестнице, она доверительно шептала о том, что дом наш стоит на проклятом месте, что раньше здесь было кладбище, и что в подвале у нас водится нечисть. «Бросьте вы, Елизавета Васильевна, — возражал я, — у вас ведь высшее юридическое образование». Но она не хотела слушать мои убедительные доводы, каждый раз прибавляя к своим рассказам все новые ужасные подробности. Иногда я действительно слышал по ночам странные звуки.

Так прошел год. А тут, накануне Рождества, сосед Коля повесился.

Народу на поминках собралось мало, речи произносили неохотно, из соседей были только я и Елизавета Васильевна. Кто-то упомнил о невесте Николая, но на него зашикали, словно он заговорил о веревке. Когда все расходились, Елизавета Васильевна поманила меня в сторону и озираясь прошептала:

— Через него, когда он на столе лежал, кошка перепрыгнула. Сама видела. Надо было его осиновым колом... Перед похоронами...

Она вдруг испугалась чего-то и отошла.

Одному в квартире после поминок было тягостно, сердце сжимала тоска, тревога и предчувствие чего-то нехорошего напрочь отбили сон. Неожиданно среди ночи тишину разорвал телефонный звонок, я снял трубку.

— Привет. Ты дома?

У меня перехватило дыхание, сердце заколотилось. Этот голос мог принадлежать только Николаю. Я набрал в легкие воздуха... но ответить не успел — в трубке раздались короткие гудки отбоя. Раньше, перед тем как прийти, Николай всегда звонил по телефону. Во рту у меня пересохло. Я прошелся по комнате, вышел в прихожую, остановился против входной двери. Звонок заставил меня вздрогнуть. Я с ужасом смотрел на входную дверь — за дверью стоял покойник! Зачем он вернулся? В дверь позвонили снова.

— Кто там? — выдавил я через силу.

— Откройте, пожалуйста, — донесся приятный женский голос.

Я смахнул со лба пот и, стараясь подавить дрожь в руках, открыл замок. В дверях стояла миловидная блондинка в шубе и туфлях.

— Я невеста вашего соседа Николая, — сказала она. — Я только что прилетела, а его нет.

— Да, нет... — за моей спиной в комнате что-то затрещало, потянуло сквозняком, я оглянулся, снова повернулся к даме, подыскивая слова. — Видите ли, Николай... — в спину мне подуло морозным воздухом, я опять оглянулся. Из комнаты на меня надвигался сосед Николай — он был бледен, глаза его излучали синеватый свет, он шел, выставив вперед руки. Я заорал от ужаса, бросился к двери. Здесь меня встретила его невеста. Оскалив редкие зубы, она протянула ко мне жилистые руки с алыми коготками. Я завопил, изо всех сил вытолкнул женщину на площадку и бросился вниз по лестнице. За спиной кто-то выл и матерился. Выворачивая ноги на ступенях, выпучив от ужаса глаза, я мчался вниз. Добежав до входной двери, толкнул ее...

Кругом была непроглядная тьма. От потрясения я не сразу сообразил, что с разбегу пробежал уличную дверь и оказался в подвале. С лестницы слышались то ли радостные, то ли печальные завывания. Я нащупал угол и вжался в него мокрой от пота спиной. Удары сердца слились в рокот, дыхание рвалось из груди, но я сдерживал его, вглядываясь в окружающий мрак. В ушах звенела тишина. Вдруг мне послышался тяжкий вздох. К ногам, шурша, подкатился какой-то круглый предмет. Я поднял и ощупал его. К моему ужасу, это оказался детский череп с еще сохранившимися клоками волос. Я с отвращением отбросил его. Где-то взвыла кошка. Темнота поредела, стали видны стены, песок под ногами. Но то, что я увидел в следующий момент, на всю жизнь останется в моей памяти. Из-под песка полезли омерзительные существа. Это были полуразложившиеся и совсем сгнившие покойники, сухие, как мумии, и распухшие, как утопленники, с вытекшими глазами, сгнившими животами, в которых копошились черви, и просто скелеты... Подвал наполнился смрадом разложения. Я был близок к обмороку. Более не вынося ужасного зрелища, я зажмурился — бежать сил у меня не было.

Не знаю, сколько времени я простоял в полуобморочном состоянии, но, когда открыл глаза, изумился произошедшей в подвале перемене. Посреди подвала оказался огромный стол, за ним восседали покойники и граждане чертовского облика. Среди них были со свиными и жабьими физиономиями, отовсюду из-под стульев торчали хвосты. В подвал вошли Николай с невестой, их приняли восторженно — все завопили и захлопали в ладоши, поднялся невообразимый гвалт. Черти выскочили из-за стола и пустились в пляс.

Меня почему-то никто не замечал, и я с интересом смотрел на бесовский карнавал; были среди гостей женщины без нарядов, обольщавшие чертей и покойников. Один из покойников со свиным рылом и прогнившим животом стоял возле двери, с отсутствующим видом созерцая всеобщее веселье.

«Странно. Стол накрыт, а яств нет», — подумал я.

— А ты и есть яство, — вдруг пробормотал мертвец, от двери бросив на меня равнодушный взгляд.

Кровь ударила в голову, захватило дыхание. Я вдруг понял, что они знают обо мне, только притворяются или не обращают внимания, как на жареного цыпленка, которому еще не пришло время. Я рванулся из угла и с огромной, утроенной ужасом силой врезался руками в грудь загородившего выход покойника. Руки мои уткнулись в мерзкую склизкую плоть мертвеца. Гости радостно завопили.

— На стол его!! — завизжали они. — На стол!!!

Я бился в чьих-то зловонных объятиях. Звенели приборы. Меня, извивающегося и орущего, подняли на руки. Но тут издалека явственно донесся крик петуха...

Очнувшись поутру, я вылез из подвала в изодранной одежде и кошачьих испражнениях. А крик петуха мне не примерещился — его накануне Рождества завела Елизавета Васильевна. И теперь подлая птица по утрам не дает мне спать.

Надеюсь, Ваша газета надавит на Московский райисполком, и мне улучшат жилищные условия и дадут квартиру большей площади с хорошим видом из окна, балконом и мусоропроводом.

НАДЕЖДА БРАГИНСКАЯ (США, НЬЮ-ЙОРК)

Литературовед, радиожурналист. Родилась в Ленинграде, живет в Нью-Йорке. Надежда Семеновна Брагинская — глубокий исследователь творчества А. С. Пушкина — пользуется заслуженной популярностью у широкого русскочитающего и русскослушающего населения Америки. Она — автор книги «О Пушкине» (издательство «Зеленая лампа», Нью-Йорк, 2004), огромного числа статей и радиопередач. Надежда Брагинская постоянно и бескорыстно помогает молодым литераторам, консультирует, редактирует, etc. Она воспитатель и педагог американца Джулиана Лоэнфельда, ныне известного поэта-переводчика на английский язык А. С. Пушкина и русской поэзии, автора двуязычной книги переводов А. С. Пушкина «Мой талисман». В 2007 году Российский Фонд культуры наградил Н. С. Брагинскую Пушкинской грамотой «За многолетнее служение культуре». В 2009 году, к 210-летию со дня рождения А. С Пушкина, Надежда Брагинская была награждена Пушкинской Царскосельской медалью.

О МОЕМ ДРУГЕ

« Эмиграция — нелегкое испытание. Она задает вопросы и требует быстрого ответа и решения. Промедление стоит дорого, а то и всей жизни. Судьбы многих эмигрантов прошли передо мной: удачные и неудачные. Но есть одна судьба, на мой взгляд, уникальная. Надежда Семеновна Брагинская — мой давний и верный товарищ — оказалась в эмиграции, как в западне. Пушкинист с прекрасной репутацией, остроумная, душа компании, мягкий, отзывчивый человек…

…В Ленинграде среди ее учащихся оказался американский студент, пожелавший заниматься русской литературой. Надежда Брагинская покорила его своим знанием пушкинской России. Он пригласил ее в Америку, купил билет… и Надежда укатила на два месяца в гости, за океан, прихватив легкий чемоданчик.

…Нагромождение американских впечатлений, взволнованные встречи с земляками и — грянул сердечный приступ. В госпитале ее долго уговаривали — нужна операция. И прооперировали. Но требовалось еще длительное лечение. Врачи категорически возражали против ее возвращения, учитывая состояние российской медицины в ту пору и безусловный риск перелета. Западня захлопнулась.

…Неоднозначно понятие «плена». Можно оказаться в плену, живя в многоквартирном доме… Не раз у этого дома останавливалась «Emergency». Но едва утихал приступ, Надежда поднималась и продолжала ткать свой мир — она создавала свой, потерянный Петербург. Круг друзей, корреспонденции, выступления в печати, по русскому радио и телевидению — все это вращалось вокруг одной любви, вокруг Пушкина и Петербурга. То, что отняла ее судьба, возвращала воля.

И я не могу сравнить с этой судьбой иных спесивых и самодовольных эмигрантов, считающих, что они ухватили «самого Бога за пейсы», как говорила моя мама… Но все дело — в Культуре. »

Илья Штемлер, писатель, С.-Петербург

АРИНА РОДИОНОВНА
(1758–1828)

> Пушкин из всех женщин на свете больше всего любил свою няню... Из «К няне» Пушкина я на всю жизнь узнала, что старую женщину — потому что родная — можно любить больше, чем молодую — потому что молодая и даже потому что — любимая. Такой нежности слов у Пушкина не нашлось ни к одной.
>
> *Марина Цветаева. «Мой Пушкин»*

I.

Детство великого поэта было согрето двумя дорогими женщинами — бабушкой и няней.

Со дня рождения и до Лицея была с ним рядом Марья Алексеевна Ганнибал (урожденная Пушкина), бабушка со стороны матери. Красотой ее русской речи в письмах к внуку восторгались лицейские друзья поэта. В летние месяцы семья переезжала в подмосковное имение Марии Алексеевны — Захарово. Александр жил там летом с 1806 г. до поступления в Лицей. В Захарове он впервые узнал русскую деревенскую жизнь, быт, песни и праздники русского народа. И с ранних лет рядом — любимая няня Арина Родионовна.

Родители ее — Родион Яковлев и Лукерья Кириллова — были крепостными графа Апраксина. Семья жила в селе Воскресенском, недалеко от Суйды, что под Петербургом. Впоследствии граф Апраксин продал эти земли прадеду Пушкина — Абраму Петровичу Ганнибалу. Жившие около Суйды родители Арины Родионовны стали крепостными Ганнибалов. Арина рано осиротела. 5 февраля 1781 года, двадцати двух лет от роду, ее выдали замуж. По метрической записи — «...за крестьянского сына отрока Федора Матвеева». Венчание было в суйдовском храме Воскресения Христова. Вряд ли это был брак по любви. В романе «Евгений Онегин» есть примечание к «няниной» XVIII строфе 3 главы: «Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла замуж? — По страсти, родимый, — отвечала она. — Приказчик и староста обещались меня до полусмерти прибить. В старину свадьбы, как суды, обыкновенно были пристрастны».

После свадьбы молодые жили в деревне Кобрино, тоже принадлежавшей Ганнибалу.

В годы замужества Арины скончались в своем имении Суйда Абрам Петрович Ганнибал и его жена Регина Христина, урожденная Шеберг. Земли Ганнибалов под Петербургом и в Псковской губернии были разделены между четырьмя сыновьями. Родной дед Пушкина, Осип Абрамович Ганнибал, к этому времени разъехался со своей женой Марией Алексеевной. В 1784 г. Марья Алексеевна добилась раздела владений Осипа Абрамовича. К нему отошли земли на Псковщине — Михайловское с деревнями. А его владения под Петербургом в Софийском уезде, мыза Руново и деревня Кобрино «с принадлежащей к оной угодьями», были «переданы в пользу его дочери». И Арина Родионовна, жившая с семьей в Кобрине, стала крепостной новой помещицы — девятилетней Надежды Осиповны Ганнибал, будущей матери великого поэта.

В 1795 г. Надежда Осиповна Ганнибал обвенчалась со своим троюродным дядей Сергеем Львовичем Пушкиным в том же храме Воскресения Христова, что и Арина Родионовна, недалеко от Кобрина.

В 1799 г. решено было Кобрино продать. Семья Матвеевых «была исключена из списков запродажной» и осталась за М. А. Ганнибал. Марья Алексеевна семью Арины Родионовны увезла с собой в Москву. К этому времени у Арины Родионовны было четверо детей: Егор, Надежда, Марья и Стефан.

У Пушкиных Арина Родионовна прожила более 30 лет. Надежда Осиповна и Сергей Львович Пушкины имели восьмерых детей, пятеро умерли в малолетстве. Старшая, Ольга, была любимицей своей кормилицы Арины Родионовны. А за маленьким Сашей, пишет в воспоминаниях сестра поэта Ольга Сергеевна, ходила няня «другая, по имени Улиана». Но вскоре Арина Родионовна сделалась нянею и для Саши. А когда родился Лев, ей было поручено ходить и за ним. Она «сделалась общею нянею».

После смерти Осипа Абрамовича Ганнибала в 1806 году владелицей Михайловского стала его дочь Надежда Осиповна. Делами по Михайловскому занималась бабушка поэта Марья Алексеевна. Арина Родионовна жила теперь в Михайловском постоянно и была своего рода доверенным лицом Марии Алексеевны. В 1818 г. в Михайловском Марья Алексеевна Ганнибал скончалась. Ее хоронили Надежда Осиповна, Сергей Львович и Арина Родионовна.

Весной 1828 г. Арина Родионовна уехала из Михайловского в Петербург к Ольге Сергеевне, которая вышла замуж и звала няню к себе. Дорога была длинная, около 400 верст, пожилая женщина простудилась. Ольга Сергеевна пишет: «Умерла она у нас в доме после кратковременной болезни». В метрической книге петербургской церкви иконы Владимирской Божией Матери есть запись за 1828 год: «Числа 31 июля померла 5 класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Ирина Родионова 76 лет — за старостию. Иерей Алексей Нарбеков — в Смоленской» (возраст указан неверно: Арине Родионовне было 70 лет. — *Н. Б.*).

Хоронил Арину Родионовну муж Ольги Сергеевны, Николай Иванович Павлищев, место захоронения он не пометил. Могила ее на Смоленском кладбище затерялась. В стихотворении Н. Языкова «На смерть няни А. С. Пушкина» есть строки:

> Я отыщу тот крест смиренный.
> Под коим, меж чужих гробов,
> Твой прах улегся, изнуренный
> Трудом и бременем годов.
> Пред ним печальной головою
> Склонюся: много вспомню я —
> И умиленною мечтою
> Душа разнежится моя.

Анна Ахматова писала: «Татьяна... вспоминает не родовую могилу отца («Дмитрий Ларин, Господний раб и бригадир»), а смиренный крест няни. Быть может, сам автор вздохнул о своей Арине Родионовне»...

В. П. Старку на основании писем Ольги Сергеевны удалось установить место первой семейной квартиры Павлищевых, в которой скончалась Арина Родионовна. Квартира эта находилась недалеко от Кузнечного переулка, на бывшей улице Грязной. В 1991 году на этом доме установлена мемориальная доска.

К столетию со дня рождения Арины Родионовны, в 1858 году, в Кобрине была открыта изба-читальня. Теперь там есть музей «Домик няни».

II.

Арина Родионовна была воистину родным Пушкину человеком. Ее преданная любовь, ее натура, добрая, веселая, ее напевная речь — все это было дорого Пушкину с детства и до конца дней. Детские годы он с няней; потом — редкие встречи после Лицея. А в Михайловском, когда осенью 1824 года все семейство Пушкиных уехало из деревни в Петербург, с ним, «ссылочным невольником», осталась в доме только няня. Она вела несложное хозяйство поэта. Он был неприхотлив в еде, каждодневно давали ему любимую печеную картошку и крутые яйца. В Михайловской ссылке Пушкин пробыл более двух лет. Петр Парфенов, дворовый человек Пушкиных, рассказывал: «Он все с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: «Здорова ли мама?», он ее все мамой называл... И уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уж все за ней...».

Рано утром 11 января 1825 года Иван Пущин подъехал к занесенному снегом домику в Михайловском. Пушкин выскочил на крыльцо босиком, в ночной сорочке. А няня кинулась обнимать Пущина, еще не зная, кто приехал, но понимая, что это близкий и дорогой человек. «Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, — чуть не задушил ее в объятиях», — писал Пущин.

Известна картина художника Николая Ге «Пущин у Пушкина в Михайловском». Два друга — и рядом няня, вечная труженица, с вязаньем в руках. Ее облик на картине Ге близок профильному барельефу няни, который создал после ее смерти псковичЯ. П. Серяков.

Пушкин сам несколько раз рисовал Арину Родионовну.

Один рисунок — среди черновых строф о Филипьевне, няне Татьяны Лариной, другой — в автографе стихотворения «Подруга дней моих суровых».

В год смерти Арины Родионовны, осенью, в черновых рукописях поэмы «Полтава» Александр Сергеевич рисует молодую Аринушку, в кокошнике, с длинной косой: лицо ее светится добротой и лаской.

В ночь на 4 сентября 1826 года в Михайловское прибыл нарочный из Пскова: Пушкина затребовали в Москву. Там находился после коронации Император Николай I. Петр Парфенов рассказывал: «Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр Сергеевич ее утешает: «Не плачь, мама, — говорит, — сыты будем. Царь куды ни пошлет, а все хлеба даст».

Освобожденный Николаем I из ссылки, в ликующей Москве, окруженный восторженным поклонением, Пушкин не забывал Арину Родионовну.

Именно тогда, в Москве, в октябре 1826 г., он создал хрестоматийно известное послание «Няне»:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
И чудится тебе...

Вернувшись в Михайловское в начале ноября, он напишет Вяземскому, что встреча его дворни, «няни моей — ей-Богу, приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и прочее». Как счастлива была няня! В том же письме Вяземскому Пушкин рассказывает: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву «О умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости», молитву, вероятно, сочиненную при царе Иване...».

В конце декабря 1826 г. поэт покидает Михайловское. Для няни дом опустел. Но она ждет Александра Сергеевича. В начале 1827 г. он шлет Арине Родионовне письмо и деньги. И в ответ — два письма, которые она, за неграмотностью, продиктовала: «...Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне... Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю». Пушкин приехал в Михайловское осенью 1827 года. Это была их последняя встреча.

Письма Арины Родионовны он сбережет. И потом ее безыскусные сердечные строки появятся чуть преобразованными, в «Дубровском». Орина Егоровна, няня Владимира Дубровского, пишет ему: «Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное».

III.

Для художественного мира поэта бесценным было общение с Ариной Родионовной. Ольга Сергеевна вспоминала: «Была она настоящею представительницею русских нянь, мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками».

Из Михайловского брату Льву Пушкин писал в ноябре 1824 года: «Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно... вечером слушаю сказки... Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!».

В стихотворении «Зимний вечер» Пушкин обращается к няне:

Спой мне песню, как синица

Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Сохранились автографы семи сказок, записанных Пушкиным в Михайловском. Три из них он впоследствии воссоздал в своем творчестве: о царе Салтане, о Балде и о Мертвой царевне. Одну из пушкинских записей обработал В. А. Жуковский в «Сказке о царе Берендее».

В Михайловском Пушкин записал со слов няни и народные песни, и сказания. Из свадебных песен отдельные строки внес в «Русалку». Из необрядовых воспользовался некоторыми в собственных подражаниях народной песне, например:

Уродился я, бедный недоносок,
С глупых лет брожу я сиротой;
Недоросля меня, бедного, женили:
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

1828

Он слышал из уст няни сказания о Степане Разине и создал свои «Песни о Стеньке Разине». Бенкендорф передал волю Николая I: «Песни о Стеньке Разине при всем поэтическом своем достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, как и Пугачева».

Пушкин записывает за Ариной Родионовной: «У Лукоморья стоит дуб, а на том дубе золотые цепи...» и т. д. После Михайловской ссылки в издании 1828 года поэма «Руслан и Людмила» начинается строками, которых не было в первом издании: «У Лукоморья дуб зеленый...».

Арина Родионовна для поэта — не только «путеводитель по народному творчеству». Она была своеобразным поэтическим ценителем, он доверял ее народному вкусу и чутью:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

«Евгений Онегин»

В 1824 году из Михайловского Пушкин писал своему одесскому знакомому Д. Шварцу: «Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет — ни саранчи, ни милордов Уоронцовых... Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко — целый день верхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно».

...Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц;
А нынче все мне темно, Таня;
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...

В сцене ночного разговора Татьяны с Филипьевной перед нами драматическая судьба крепостной:

...«Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. —
«Да как же ты венчалась, няня?»
Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,

А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...

Пушкин писал, что «история народа принадлежит поэту». Эта художественно совершенная сцена ночного разговора — разве не история народа?

Когда Пушкин отправил «Ночной разговор Татьяны с няней» Бестужеву и Рылееву для альманаха «Звездочка», брат поэта Лев Сергеевич запросил у издателей огромную по тому времени цену — 5 руб. ассигнациями за стих. А. А. Бестужев, по воспоминаниям, сказал: «Ты промахнулся, Левушка... не потребовав за строку по червонцу... Я бы тебе и эту цену дал: с готовностью мы платим золотом за золотые стихи».

Арина Родионовна — «оригинал» Филипьевны в «Евгении Онегине», мамки царевны Ксении в «Борисе Годунове», Орины Егоровны — няни Владимира Дубровского. В их заботливых — с поговорочной присказкой — словах как бы слышится задушевная интонация и напевный голос Арины Родионовны. Вот Филипьевна, няня Татьяны:

Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою...

А вот как мамка Ксении, дочери Бориса Годунова, утешает царевну, горюющую по погибшему жениху: «И, царевна. Девица плачет, что роса падает, взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених, и прекрасный, и приветливый. Полюбишь его, дитя мое ненаглядное, забудешь своего королевича».

IV.

Отношения А. С. Пушкина и Арины Родионовны — это неповторимый феномен человеческого общения: потомственный дворянин и крепостная («трижды» крепостная — Апраксиных, Ганнибалов, Пушкиных). Их отношения как бы снимают все социальное и оставляют в очищенном виде любовь и сердечную привязанность.

Он помнил об Арине Родионовне до конца своих дней. Любимая Пушкиным Татьяна мечтает вернуться туда, «...где нынче крест и тень ветвей над бедной нянею моей». Он почти повторит эти строки глубокой печали в элегии «Вновь я посетил...», созданной в Михайловском осенью 1835 года:

...Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Художественный мир Пушкина пронизан теплом и любовью. И в нем — частица сердца, души и народной мудрости его няни.

Во Пскове установлен монумент, созданный Олегом Комовым: «Пушкин и крестьянка». Национальный гений и крепостная женщина! В фигурах на постаменте скульптор передал удивительное родство душ этих двух людей. В облике сидящей крестьянки видятся черты любимой няни поэта.

В Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище установлена мемориальная доска о захоронении Арины Родионовны со строками. На ней слова:

«Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!».

ЮЛИЯ ВАНАДИС (ТЕВЯШЕВА) (УКРАИНА, ХАРЬКОВ)

Прозаик. Родилась и проживает на Украине в городе Харькове. Окончила механико-математический факультет Харьковского Государственного Университета. В настоящее время занимается программным моделированием шумовых радиолокационных станций и пишет прозу. Третье место на Тематическом Конкурсе Фонда ВСМ «ВЕРНИСАЖ — Конкурс Первый».

Страница автора на сайте «Проза.ру»: http://www.proza.ru/avtor/vanadis
E-mail: juliafoxi@rambler.ru

ОСКОЛКИ ОСЕННЕГО БЛЮЗА

«Как бы неудачно ни складывался спектакль,
его всегда доигрывают до конца.
И точно так же должно быть
и с неудачно складывающейся жизнью»

Бауржан Тойшибеков

Поначалу казалось — вечер как вечер...

— Смотри-смотри, сейчас начнут, — возбужденный взгляд впился в экран.

— Валик, ты так переживаешь, словно это — вручение «Золотого софита», а не обычное интервью, — она снисходительно засмеялась, внимательно следя за рекламой.

Интервью отнюдь не было для нее привычной вещью, но Большой актрисе не составит труда сыграть безразличие.

— Что ты, Милочка, впервые за столько лет... Я хотел сказать, — немного смутился, — твой успех нельзя не заметить.

— Ой, прекрати повторять одно и то же, — она отмахнулась.

Вдруг экран мелькнул знакомой заставкой и улыбнулся очаровательным личиком ведущей. В уютной комнате, затаив дыхание, замерли двое.

— ...И после столь оглушительной премьеры спектакля «Комедианты», мы пригласили в студию исполнительницу главной роли — знаменитую актрису Малого драматического театра Тамилу Камскую, которая любезно согласилась поговорить о...

Мила нервно вздохнула. Сердце, словно почувствовав зал, начало отбивать нужный ритм. Бросив на свою музу короткий восторженный взгляд, Валентин легонько сжал ее ладонь.

— ...Скажите, Тамила, как вы согласились на столь необычную для вашего амплуа роль? И что вам помогло так блестяще ее исполнить? — камера медленно сползла со светящейся лестью хорошенькой мордашки, и на экране появилась блистательная и неотразимая Она.

Валентин сжал руку сильнее и, казалось, перестал дышать. Мила замерла, растворившись в своем двойнике.

— ...Я с большой осторожностью отношусь к современной драматургии, — в голосе легкая горчинка пренебрежения. — Мне всегда хотелось, чтобы в пьесе была, скажем, не только мораль, но и философская глубина, мысль, наконец. Сейчас авторы, к сожалению, не чувствуют специфику театра. Такое ощущение, что пишут люди, театр не знающие, не понимающие и не любящие...

Глядя на экран, Мила автоматически отмечала точный наклон головы, правильный жест, тон... «Отлично, просто отлично».

Внезапно оператор дал крупный план. Смесь неприятия и ужаса лизнула спину холодным языком: «Эта женщина не может быть мной!» Лицо, исчерченное тонкой сетью морщин, пугало своей незащищенной открытостью даже под слоем профессионального грима. Гадкие следы потоптавшейся по нему жизни резали глаз.

В груди что-то кольнуло. Мила вздрогнула, а телевизор невозмутимо продолжал:

— ...Тамила, чем объясняется ваше отсутствие в кино? Не может быть, чтобы режиссеры не замечали такой талант. Это принципиальная позиция или не нравятся предлагаемые роли? — опять экран зацвел молодостью и красотой ведущей.

«Не переводите камеру! Нет!» Но оператору было плевать.

— ...Принципиальная. Я считаю кинематограф мертвым искусством, только в театре возможны подлинные страсти. Лишь глядя зрителю в глаза, актер живет своим героем, чувствует его...

Ногти впились Валику в ладонь. Недоуменно взглянув, он убрал свою руку.

— Не волнуйся, — шепнул. — Ты молодчина.

— Свет плохой, — еле выдохнула.

— Что ты! — зашептал чуть громче. — Посмотри, как ты замечательно выглядишь, — в его глазах светилась такая искренняя убежденность, что Милу замутило. Валик был верным спутником, преклоняющимся перед ее талантом уже не один десяток лет. Неужели он ничего не видит? Или не хочет видеть? Или не хочет ее расстраивать?

Вопросы закрутились, дурманя сознание болью и безжалостно растворяя пелену самообмана. Похоже, настало время признаться себе: «Да, от былой красоты ничего не осталось». Опять в груди кольнуло и стало трудно дышать. Цепляясь за остатки прошлого, Мила украдкой взглянула на стену. Там, на самом почетном месте, обжигая нежной чувственностью, висел портрет сказочно красивой девушки — ее портрет.

«Вот оно — мое настоящее лицо! Здесь, а не там», — привычка к театральным слезам не давала заплакать без сцены. Только сухая боль...

А действо на экране шло своим чередом. Не в силах на это смотреть, Мила, прикрыв глаза, обреченно слушала.

— ...Что вы переживаете сильнее: проблемы жизненные, семейные или профессиональные? — щебетала ведущая.

— Скорее, жизненные. Стали случаться всякие крупные неприятности, которых раньше не было. Жизнь страшнее, чем театр. После поклона все остаются живы...

«Жизнь страшнее, чем театр... Вот в чем дело!»

Тяжело поднявшись из кресла, прошла в прихожую.

— Милочка, ты куда? Еще ведь не закончилось?

— Ты смотри, смотри, я уже все увидела. Пойду Ламберта прогуляю, — услышав свое имя, пес восторженно заколотил хвостом.

— Может, я с тобой?

— Нет.

На улице уже стемнело.

Небо, расколовшись отчаянием, опадало на землю миллионами мелких обид. В пустом сквере одинокие прохожие равнодушно пробегали мимо дамы с собачкой.

Медленно бредя по мокрым плиткам аллеи, Мила рассматривала замысловатые узоры налипших на них листьев. В голове зарождающимся ураганом надсадно пульсировала только одна мысль: «Мое тело предало меня».

Она всегда была красива — яркий пример смешанного брака ничем не выдающихся родителей. Эта красота стала одновременно даром и идолом, постоянно требующим жертв. И они приносились истово, долго — всю жизнь.

Одной из первых был отец. Преподаватель астрономии в провинциальной школе, он видел свою единственную дочь светочем большой науки, до которой сам так и не сумел дотянуться. Мила же бредила сценой, стремительно удаляясь от отцовской мечты на миллионы световых лет.

— Вашей девочке необходимо поступать в театральный, — Тамара Григорьевна, руководитель местного кружка самодеятельности, в отчаянии взмахнула руками, — грех зарывать в землю такой талант.

В их тесной квартирке тут же стало нечем дышать. Мила замерла.

— Лучше зарыть талант, нежели честь, — отец покраснел, пытаясь не сорваться на крик. — Чтобы моя дочь стала продажной девкой? Никогда.

Мама вторила отцу молчаливым укором.

— Зачем же вы так, — хрупкая и утонченная в своей возвышенности, Тамара Григорьевна зашлась негодованием: — Искусство чисто и прекрасно, а профессия актера не хуже, чем, например, врача. Даже лучше — актер лечит людские души.

— Я сказал нет, значит, нет! Не испытывайте мое терпение, дамочка.

— Но...

— Идите прочь, пока я не выставил вас силой.

Оскорбленная в лучших чувствах преподавательница моментально покинула неприветливый дом, а Мила, прорыдав всю ночь, решила: «Как только получу аттестат — поеду поступать».

Так она и сделала, однажды сбежав из-под родительского крыла прямиком в столицу, где, как оказалось, ее никто не ждал. Но это — другая история, а вот отец... Так и не разыскав дочь, он тихо запил и стремительно сгорел на алтаре мнимого величия искусства.

— Ламберт, ко мне! Перестань возиться в грязи, маленький негодник, — мельком взглянув на хозяйку, пес самозабвенно зарылся мордой в пестрый ковер опавшей листвы.

Мила остановилась, сосредоточенно рассматривая разноцветную ржавчину осени. Еще не холодный моросящий дождь стеклянной паутиной опутывал сквер. Голые деревья стыдливо поникли. И не было в них никакого «пышного увядания», лишь разочарование и тихая грусть по ушедшему лету.

«Вот так и я — отцвела и медленно умираю, променяв свою жизнь на сотни чужих... Зачем?... Не думай, не думай!» Слезы, затаившись в груди, прожигали огромную брешь. Вдруг где-то недалеко заиграла музыка. Боль, прислушавшись, немного стихла, и Мила повернула в сторону ласковых звуков.

Тогда, много лет назад, она вернулась домой победительницей, уже знаменитой и сказочно красивой, прошедшей огонь и воду, унижения и беспринципность на пути к вожделенной сцене. Вернулась сказать: «Смотрите, какой я стала!» Никто не услышал. Отца уже давно не было, а мать, беспомощно глядя на эту красивую, но чужую женщину, бесслезно рыдала выцветшими глазами и непрестанно повторяла:

— Как же так, доченька... Как же так...

— Мама, я живу ради искусства. В нем все величие и красота нашего мира, — тогда она искренне верила в свои слова. — Когда я стою на сцене, весь мир у моих ног, он мне рукоплещет и кричит: «Браво!»

— Но как же так...

Непонятая Мила вскоре уехала, чтобы больше не возвращаться, переведя дочернюю любовь в денежный эквивалент, регулярно отправляемый на родину.

Музыка приближалась, и вскоре, сквозь влажный туман, Мила увидела летнюю площадку, где под куцей крышей сидела одинокая фигура. На маленьком столике из проигрывателя звучали знакомые с детства мелодии, под аккомпанемент которых музыкант отрешенно исполнял соло на саксофоне.

Она подошла ближе.

Пожилой артист, растворившись в звуке, не замечал ничего вокруг. Сколько таких бедолаг она повидала на улицах и площадях Европы.

— Прекрати бросать им деньги, — ее тогдашний муж был очень бережлив, даже скуп.

— Янек, но они ведь для нас играют, — злилась она. — На искусство можно и пожертвовать.

— Только не надо говорить мне про искусство! Мое мнение ты знаешь.

Увы, с этим мнением она ознакомилась лишь после переезда в Стокгольм. Мечты о европейских театрах, аншлагах и всемирном признании таланта моментально разбились о его категорическое: «Сцена? Ни за что!» Теплая пыль, спрятавшаяся в мягких складках кулис, еле слышный скрип сцены в тишине затаившего дыхание зала, резко очерченная рампой граница миров — все было смазано синими чернилами штампа в паспорте... Мила запрещала памяти оглядываться на те времена.

Лет через пять, вернувшись на родину изрядно подзабытой и уже свободной, она обнаружила, что осталась совсем одна. Мать похоронили чужие люди, прежние друзья жили своей жизнью, подруг у нее никогда не было, а режиссеры искали молодых и талантливых...

Из затяжной депрессии ее тогда вытащил Валентин, за что она и была ему искренне благодарна все последующие годы. Вытащил и повел по жизни, временами закрывая собой, словно ангел-хранитель, становясь неизменным свидетелем боли, слез и новых жертв на пути к признанию.

— Мила, ты сможешь, — в его глазах всегда горел огонь веры и преклонения. — Ты сильная.

«Сильная?.. Это даже не смешно. Бедный Валик, ты всегда был наивен. Слепая жертва трех Граций, как же ты не заметил столь явный крах своего кумира?» — она удрученно вздохнула и медленно окунулась в теплые волны блюза.

Внезапно музыка оборвалась.

Мила вздрогнула то ли от холода, то ли от неожиданности. Оказывается, она стояла перед самой сценой. Лицо было влажным, наверное, от моросящего дождя. Неугомонный Ламберт ожесточенно откапывал что-то в щели полусгнившей обшивки сцены.

— Сейчас же прекрати! — в тишине сквера ее голос показался чужим и каким-то жалким.

Музыкант не спеша менял диск.

— Любите музыку? — у него оказался приятный баритон.

— Да.

— Я тоже.

— Скажите, зачем вы здесь играете? — почувствовав зрителя, Мила красиво взмахнула рукой в сторону пустых скамеек. — Ведь никого нет.

— Как же никого. А вы! — он улыбнулся.

— Но я случайно проходила мимо...

— Вы действительно так считаете?

— Да, — она немного растерялась.

— На этом свете ничего случайного не бывает. И если я сумею верно сыграть свою мелодию, то слушатель обязательно найдется. Хотя бы один.

— Но играть для одного зрителя, по меньшей мере, глупо. То ли дело, когда аншлаг.

— Эх, вижу, ничего вы не понимаете в настоящем искусстве. Даже в переполненном зале может не оказаться твоего зрителя. Уж я-то знаю...

Музыкант поправил мундштук. Не глядя, нажал потертую кнопку проигрывателя и тут же ушел в свой мир разноголосого переплетения мечты с явью.

Мокрый пес требовательно ткнулся мордой в ладонь, дескать, пора.

— Идем-идем, — шепотом отозвалась Мила и медленно направилась в сторону дома.

— Что так долго? — суетился Валентин, открывая двери. — Я уже собирался идти вас искать.

— Мы музыку слушали.

— А, тогда конечно... Знаешь, я досмотрел интервью, ты была просто великолепна... Раздевайся, а я Ламберта сполосну, вон грязный какой.

Мила проводив взглядом спину, удивленно замерла: «Господи, что здесь делает этот человек?» Осмотрела знакомые стены, ставшие в одночасье чужими. Вдруг показалось, что она незваной гостьей ворвалась в совершенно чужой мир, в котором для нее нет места. Стало страшно. Ее настоящая жизнь потерялась на пути к этой довольно уютной квартире. Но где?

Где та одержимая девчушка, отчаянно бросившаяся в чистоту театрального искусства, а нашедшая порочность, интриги и грязь? Где роковая красавица, сводившая с ума десятки мужчин, но так и не встретившая единственного, ради которого хотелось бы жить?

Где они? Их роли сыграны и преданы забвению...

Зайдя в свою комнату и безжалостно включив весь свет, Мила подошла к трюмо. На нее смотрело уставшее лицо пожилой женщины с отчаянной тоской в тронутых болью глазах.

«Вот оно — мое настоящее лицо... И ради этого я отдала свою жизнь на съедение зрителям? Ради чьих-то, возможно, равнодушных взглядов я столько раз умирала, любила, ненавидела на сцене и оставалась ни с чем, сходя с нее», — она вздрогнула. В отражении глаз блеснули слезы.

— Идем ужинать, — ворвался из какого-то другого пространства голос Валентина. В груди отчаянно забилось одиночество, пульсируя забытыми строчками: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» Жар враждебной волной скользнул по телу, перехватив дыхание.

— Мила, ты идешь?

— Да-да... — распахнув окно, вдохнула мелкую пыль дождя.

«Зря. Все зря... Жизнь разбита на тысячи никому не нужных осколков».

Неожиданно порыв ветра донес одинокий голос саксофона. И было в нем столько света, надежды и радости, что слезы, наконец-то вырвавшись на свободу, заскользили по лицу.

«Если я сумею верно сыграть свою мелодию, то слушатель обязательно найдется», — слова пожилого музыканта царапнули отточенным клинком.

Перед глазами явился изменчивый и капризный лик зала. Где-то там в его темной глубине замер, ловя каждый звук и жадно ощупывая каждое мимолетное движение, ее зритель.

Мила вздрогнула.

«В моем зале остался только один зритель — моя совесть, и именно для нее я до конца доиграю свою роль», — она захлопнула окно, и решительно раскидав все «за» и «против», подошла к секретеру. Здесь, в теплых складках пожелтевших афиш, хранился обрывок воспоминания о ее самой чудовищной жертве ненасытному идолу искусства. Той жертве, которую Мила когда-то давно обменяла на свободу и о которой запрещала себе даже думать.

Белый листок резал глаза, а цифры, словно сговорившись, отплясывали безумный хоровод. Вслушиваясь в протяжность гудков, она почти не дышала. Секунды безжалостно растягивались в года.

— Hello, — отозвалась трубка.

— Янек, где моя дочь?...

Занавес упал, но Большой актрисе еще предстояло доиграть свою самую сложную роль.

ноябрь 2009 г.

БЕЗ СКОРЛУПЫ

Ничего не осталось от той осени, почти ничего.

Только теплые мазки золота в буднично-пустом парке, хрусткий шелест под ногами и сладкий запах умирающей листвы.

На неказистой скамейке одинокая фигура, улыбаясь, нежилась в остатках лета.

— Бабушка, смотри-смотри! — тишина взорвалась шорохом опавшей листвы, брызнувшей из-под Зойкиных сапожек.

Хрупкая девчушка обежала скамейку, сжимая в руках добычу.

— Ну, показывай, что там у тебя? — всмотрелась, щурясь от солнца.

— Каштаны, — губы обижено надулись, — но они все такие...

— Какие?

— Голые.

— Правильно, ведь уже осень.

— Я не хочу такие! — в голосе задрожала слеза. — Я хочу зеленые, как ежики.

— Такие будут только летом, и мы их обязательно с тобой насобираем, много-много. А эти тоже красивые, посмотри, — тонкие пальцы нежно огладили коричневый глянец.

— Некрасивые! — громкий возглас вспугнул задумчивую сойку. — Они голые и твердые.

— Точно, — горький прищур в глазах, — на меня похожи.

Недоверчиво переведя взгляд на бабушкино лицо, Зоя вспыхнула недоумением:

— На тебя? — подвинулась ближе. — Нет... Совсем не похожи.

— Ты не туда смотришь, — тихонько усмехнулась, — надо внутрь смотреть, а не снаружи.

— А как это? — округлив глаза, зашептала Зоя.

Бабушка, улыбнувшись, задумалась. Память засеменила по ступенькам воспоминаний куда-то вглубь, к самому сердцу.

— Понимаешь, девочка моя, я всю жизнь прожила в скорлупе, как эти каштаны. Такой же толстой и колючей. Почему, спросишь ты? Не знаю. Это — ловушка, расставленная безмерной жалостью к себе. Мы все так живем. Стоит только приблизиться к другому человеку чуть ближе обычного, тут же наткнешься на острые шипы. И даже если у тебя хватит желания и терпения сломать хоть часть этих шипов, то наградой

станет лишь толстая скорлупа, — замолчала, взглянув на резко очерченные голубым верхушки деревьев, в которых зеленели осколки лета.

Парковая тишина оглушала. То тут, то там, роняя слезы опадающих листьев, кралась осень. Солнце осторожно переступало по разноцветному ковру опавших листьев.

— А разве так бывает? — Зойкин шепот перешел в еле слышный шелест.

— Бывает... К сожалению, я слишком поздно поняла — только избавившись от своей скорлупы, можно стать по-настоящему счастливой. И вот теперь я, как твои каштаны, совсем без скорлупы: такая же твердая. Наверное, я слишком долго в ней прожила. Мы должны получать то, что хотим, своевременно, пока нам этого еще хочется, — она засмеялась тихим грустным смехом, в уголках глаз блеснули капли откровения. — Да-да, получать по эту сторону времени.

— Бабушка, так нельзя, — Зоя затеребила отворот бабушкиного пальто. — Нельзя одновременно плакать и смеяться.

— Можно, деточка, мне теперь уже все можно...

Спустя много лет, зябко кутаясь в свою скорлупу, Зоя иногда вспоминала тот странный разговор и думала: «Неужели бабушка уже тогда знала, что никогда больше не увидит каштаны зелеными?»

октябрь 2009 г.

ЖРЕБИЙ

«Так всегда в жизни: мы-то стараемся,
строим планы,готовимся к одному,
а судьба преподносит нам совсем другое».

П. Бомарше.

Лениво ворочался душный вечер.

Сидя за столиком невзрачного кафе, Света с любопытством всматривалась в уставшие лица прохожих и невольно сочиняла для каждого свою историю, скорей всего, очень далекую от правды. Такое невинное развлечение было одним из ее любимый занятий.

Городок, в котором она сегодня оказалась, был ничем не примечателен: все те же пыльные улицы, все те же уставшие люди. Но было в нем и что-то неуловимо-особенное, накладывающее неповторимый отпечаток и на его жителей. В мегаполисах Света никогда не встречала таких лиц.

— Может, еще что-нибудь? — заискивающе спросил официант, без особой надежды скользнув по вызывающе элегантной посетительнице липким взглядом.

— Спасибо, не нужно.

Света положила на столик несколько купюр и улыбнулась. Официант, особым чутьем сообразив, что сдачи не надо, состроил подобострастную мину и незаметно растворился. День был бы прекрасным, если б не дела, забросившие ее в такую даль... Но работа есть работа.

Желтыми размытыми островками загорелись фонари. Темное небо отодвинулось куда-то ввысь и сразу стало уютней.

Взглянув на часы, она ойкнула — четыре часа до взлета — и, подхватив свою сумочку, выскочила на улицу.

Умело лавируя в поредевшей толпе, Света почти бежала по переулку. «Вот уж раззява, только опоздать не хватало!» — ругая себя, подбежала к перекрестку и взглянула на стрелки часов.

Успеть бы!

Но вот светофор над головой обнадеживающе замигал желтым, и Света нетерпеливо шагнула на проезжую часть. В ту же секунду из-за поворота выскочило железное чудовище, раздался оглушительный визг тормозов, и что-то большое ударило ее в бок. Надрывный скрип тормозных колодок плавно перетек в поток грубой брани, смысл которой сводился к прозаическому: «Куда лезешь, дура!»

Когда водитель наконец-то замолчал, видимо, исчерпав свой запас мата, Света рискнула приоткрыть глаза. Так и есть: лежит на обочине, вся в пыли, а на боку ее новехонького костюма красуется огромная рваная дыра. «Надо было подешевле брать, — совсем не к месту пронеслось в ее голове. — Теперь — только выбросить».

— Эй, подруга, ты живая? — грубо окликнул голос сверху, перейдя на литературный русский.

— Вроде, да, — проблеяла Света неуверенно.

— Встать можешь или как?

— Наверное, могу.

— Наверное... — гнусаво передразнил голос, в котором, однако, послышалось явное облегчение. — Лучше бы по сторонам смотрела!

— Я смотрела, — вяло попыталась оправдаться Света.

— Смотрела она... Ладно, давай помогу, — пробубнил все тот же голос и, ловко подхватив потерпевшую, поставил ее на ноги.

Света с любопытством разглядывала горе-водителя, который, видимо, не на шутку перетрухнул. Он тоже уставился на нее, явно оценивая ситуацию. Ситуация была не очень: грязная девица в порванном костюме никак не входила в его сегодняшние планы. Хотя сама девица была более чем просто симпатичной — она была именно такой, какие ему всегда нравились, и почему-то совсем не испуганной.

— Ты чего под колеса кидаешься? Жить надоело?

— Я очень спешу!

— Ну и видок у тебя... Давай подвезу, куда там ты спешишь, а то в таком виде далеко не уйдешь, — ухмыльнулся он, разглядывая ее безрезультатные попытки собрать лохмотья в единое целое.

— Тебе куда?

— В аэропорт, — жалостливо пробормотала Света, прикрывая дыру руками.

— Тебе на самолет или встречаешь кого?

— Домой возвращаюсь.

— Ты что, не местная?

— Нет. Утром приехала.

— А вещи где?

— Вот, — кивнула она в сторону небольшой сумочки, валявшейся поблизости.— Я же на один день, в командировку.

— Так тебе что, и переодеться не во что?

— Угу, — совсем по-детски кивнула она.

Вокруг необычной сцены стали собираться редкие прохожие. Где-то совсем близко взвыла милицейская сирена.

— Вот засада! Только этого мне не хватало, — разозлился он и, еще раз с ног до головы осмотрев девушку, скомандовал, распахивая дверцу, — Садись! Считай, что тебе подфартило, я тоже в аэропорт.

— Спасибо, — тихо пробормотала Света, забираясь в салон.

Машина с легким шелестом тронулась с места.

— Тебя как звать-то? — косо бросил водитель.

— Светлана.

— Ясно. А меня — Тунгус.

— Очень приятно, — вежливо сказала пассажирка и тут же наткнулась на ледяной взгляд.

— Ничего приятного, — раздраженно донеслось в ответ.

Повисла неловкая пауза.

— А почему Тунгус? В честь метеорита? — решила разрядить обстановку Света.

— Не твое дело, — грубо оборвал собеседник и припечатал: — Тунгус и все!

Света решила, что больше не станет задавать дурацких вопросов и, забившись в дальний уголок сидения, стала молча следить за дорогой.

Не прошло и двух минут, как телефон Тунгуса протяжно заголосил.

— Да, — бросив косой взгляд на попутчицу, он молча стал слушать.

Света не шелохнулась. Отрешенно глядя в окно, она мгновенно превратилась в слух.

— Девчонка уже у Фархада? — тихо спросил Тунгус в трубку.

Света прислушалась, шум двигателя заглушал говорившего.

— Ну что ж, теперь будем ждать папашу... Время еще есть, — как-то очень нехорошо отозвался Тунгус и отключил телефон.

— У тебя во сколько рейс? — спросил, не отрывая взгляда от дороги.

— В час сорок.

— У меня позже, —искоса глянув на грязные лохмотья, ухмыльнулся. — Тебя в таком виде не пропустят. Вон впереди маркет, зайди по-быстрому, хоть что-то купи...Я компенсирую.

— Да-да, действительно, надо переодеться, — засуетилась девушка, прикрывая сумочкой рваные края дыры. — Но у меня деньги есть, я сама заплачу, спасибо.

— Сама так сама, — недовольно буркнул Тунгус, плавно подруливая к входу. —Только живее!

Прошмыгнув в примерочную, Света поспешно переоделась в неказистый сарафан загадочного производства — ничего лучше не оказалось. Бегло осмотрела себя, но к белевшему зеркалу подходить не стала. Зеркала Света очень не любила. «Сойдет», — весело подумала она, запихивая бывший костюм в корзину для мусора. Прислушавшись к звукам за занавеской, достала телефон.

«Так. Фархад, говоришь... Это еще кто у нас?». Света отточенными движениями ловко нажимала на миниатюрные кнопочки, подключаясь к сети. На экране высветилась домашняя станица с чудаковатым адресом.

Поиск не занял много времени.

«Так-так...», — пробормотала девушка, быстро пробегая глазами довольно объемное резюме. — «Вот оно как!... Все ясно». Отключив телефон, она вышла в зал и, обращаясь к забитым разномастным барахлом полкам, тихонько сказала: «Сволочи!»

— А вот и я. Не очень долго? — спросила Света, улыбаясь и захлопывая дверцу машины.

— Терпимо. Пока еще не опаздываем, — оглядев миниатюрную пассажирку, Тунгус улыбнулся: «Девочка — что надо!» и завел мотор.

В очередной раз подумал, что в другое время не преминул бы воспользоваться ситуацией, но, увы, не сейчас. Хотя... почему бы нет...

Телефон безжалостно разбил приятные мечты.

— Да, я! — оборвал резко.

Света замерла, внимательно разглядывая проносящиеся мимо дома.

— Что??? Отказывается! Денег пожалел?.. — она услышала, как в голосе Тунгуса зазвенел металл. — А дочку ему не жалко?

Света впилась красивым маникюром в ладошки. «Кто-то же из наших должен быть с девчонкой! А если нет... А если не успеют... Ну почему я не имею права вмешиваться?..»

Резкий голос рядом вспугнул ее мысли, и они разлетелись, как стайка воробьев.

— Так, еще минут десять дай на раздумье — и все. Больше я ждать не могу, у меня скоро самолет... Отобьешь, когда закончите, — по тону было понятно, что он взбешен.

По салону растеклась противная тишина.

— Нам еще долго ехать? — осторожно спросила Света.

— Минут сорок. Не боись, успеешь, — огрызнулся Тунгус.

— У вас что-то случилось, да? — с искренним участием в голосе спросила Света, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Ничего у меня не случилось! А ты лучше помолчи... Не то у тебя что-нибудь случится, — он выразительно посмотрел на вырез сарафана и ухмыльнулся удачной шутке.

Света демонстративно надула губки, но веселые огоньки засветились в глазах.

— Зачем вы так?

— Как? — взглянув на хорошенькое личико, Тунгус стал потихоньку оттаивать.

— Зачем вы меня пугаете? — заулыбалась девушка. — Хотите, чтобы я вас боялась?

— Хочу. Очень даже хочу! — в его взгляде засветился живой интерес, который моментально погасил вопль телефона.

— Да!

Света замерла.

— Все бумаги отдал? Вези в аэропорт быстро!.. Что? Делайте с ней, что хотите — теперь уже все равно.

Тревогу сменило отчаяние — опоздали. Света всмотрелась в темную ленту дороги. «Почему-почему-почему? Почему так? Где же хваленая справедливость... Может, сделать вид, что не получилось, не успела, не справилась?» Однако проваливать задания было не в ее правилах.

Медленно развернувшись лицом к Тунгусу, Света призывно улыбнулась. Заметив ее взгляд, парень расплылся в довольной улыбке.

— Хороший у меня денек сегодня! Удачный! Может, это неспроста, как думаешь?

— Наверняка! Просто так ничего не случается, — засмеялась Света.

— Думаешь?

— Ага. Вы ведь и со мной не случайно встретились, — в ее глазах появился ледяной блеск, а улыбка стала еще шире. «Не зарывайся! Рано-рано!» — скомандовала себе Света, но горечь и обида никак не отступали.

— О, это точно! — развеселился парень, оглядывая пустынную дорогу. — Может, тормознем, а? Время еще есть, — подмигнул он.

— Можем и тормознуть, только не тут. Вон тот поворот проскочим, за ним и домов-то нет, — Света указала изящным пальчиком куда-то вдаль.

— Тогда пошевеливаемся! — радостно вжимая до отказа педаль газа, хохотнул он.

Увидев, как крутой поворот стремительно несется навстречу, Света ласково положила ладонь на колено Тунгуса и призывно взглянула на его довольное лицо.

— Наверняка, ты запомнишь меня надолго...

Улыбка медленно сползла с лица девушки, рука плавно передвинулась на ручник.

Безумный визг тормозов опять резанул слух. «Сегодня я уже это слышала», — пронеслось у девушки в голове. Тунгус, пытаясь понять, почему их так резко занесло, изо всех сил старался удержать взбесившийся автомобиль, который уже тащило в кювет и ввинчивало в безумную спираль.

Осторожно выбравшись из-под груды покореженного металла, Света с улыбкой поправила порванный сарафан: «Что-то мне сегодня с одеждой не везет». Осмотрелась по сторонам и не спеша побрела вдоль темного полотна дороги, стараясь не попадать в резкие всполохи фар.

За ее спиной были слышны громогласные раскаты отборной ругани, перемешанные с проклятьями. Пройдя метров двести, оглянулась. Кое-как освободившись от тесных объятий мятой кабины и еле волоча поломанную ногу, Тунгус пытался выкарабкаться из пыльной канавы. Из остановившихся на обочине машин к нему на помощь уже спешили люди.

Света улыбнулась: «Вот и все!» Через несколько часов он узнает, что весь экипаж и сто семьдесят шесть пассажиров его рейса погибли при невыясненных обстоятельствах. Через несколько часов он будет благодарить неуправляемую машину, забудет про поломанную ногу и, не без основания, начнет считать себя баловнем судьбы.

«Я и в этот раз справилась, значит, это не последнее мое задание!». Она повернулась и пошла прочь. Теперь осталось вернуться и написать отчет. Да-да, как ни смешно, но у них, у ангелов, с отчетностью очень строго. Света брела вдоль трассы, вновь и вновь убеждая себя в правильности своего поступка, находя ему оправдания и отметая прочь коварное «зачем». Да, она справилась. Да, ее не лишат возможности помогать этим странным существам, которых она так любит. Вот только одно никак не укладывалось в ее сознании — почему жребий выпал именно на Тунгуса, а не на кого-то из обреченных ста семидесяти шести, наверняка более достойных продолжать жить. Но... директивы сверху критике не подлежат.

декабрь 2008 г.

МИХАИЛ ВЕРШВОВСКИЙ (ГЕРМАНИЯ, БЕРЛИН)

Поэт, прозаик. Родился 1 августа 1935 года в Ленинграде. Увлекался чтением, радиолюбительством. Окончил Ленинградский Инженерно-строительный институт. Работал инженером. Ученик Татьяны Григорьевны Гнедич (выдающийся деятель русской культуры XX столетия, автор блистательного перевода байроновского «Дон Жуана», создатель известной во всем мире школы перевода, воспитатель целого поколения поэтов, писателей, переводчиков и талантливых читателей). ЛИТО (литературное объединение) при газете «Вперед» (г. Пушкин). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор повестей: «Время золотое», «Пилигрим», «Следствие было недолгим», «Повести Симы Островского», «Осень прощальная», «Я виноват» и пяти книг стихов, последняя издана в 1999 году в СПб — «Двадцать юных цариц». Живет в Санкт-Петербурге и Берлине.

Сайт автора: www.wershvovski.com
E-mail: wersch@rambler.ru

ОТРЫВКИ ИЗ «ТЕТРАДИ КОНА»

(опыты ритмической прозы и попытка выражения гитарных тем словами)

Лирические новеллы в стихах и прозе о юности, любви и всякой всячине
из книги «Шесть повестей прощальных»(«ШиК», Санкт-Петербург, 1992 г.)

7.

Дом, сколоченный наскоро, — этой ночи ковчег. В нем таинственно-ласково полюбил человек.

Пламя вечное веяло вековую золу. Время мерное кануло в золотую смолу.

Плыли губы горячие... и сладчайшая грудь. И могли ли иначе мы эту ночь повернуть?

В эту ночь воскресения ты по-детски хитра. В эту ночь вознесения, забытья до утра, мы в пространствах и линиях до зари голубой, словно лезвия синие, скрестились с тобой.

За окном снег неистовый завалил все дома...

Спи, моя ненаглядная, золотая моя.

8.

Винить вино вечерних слов.
А ночь — она не виновата.
Ее пространство горьковато...
А искры, словно стаи птиц,
которые не возвратятся,
в твоих зрачках не отразятся
и не зажгут твоих ресниц.

9.

Словно струны, трону строки,
Бело-синий блеск белков,
тени виснут с потолков,
ты протягиваешь руки.
Трепет тела у плеча —
искушенье пилигриму.
Только строки-струны тронуть,
затеряться невзначай... —
Бело-синий блеск белков
тонет в тени потолков.

10.

Я сегодня грущу о липах, о листьях уплывших, опавших, о красном закате, как осень печальном, о лете ушедшем.

Ах, косы не новы, но косы прекрасны; пушистые косы и ноги, как бронза, красивые ноги на пляже...

А солнце лениво лучами лучилось сквозь листья на травы... И плески у плеса...

Ах, плакать не надо о листьях уплывших, но очень их жалко.

Улыбок утраты. Недолгих прощаний улыбок утраты... (Как солнечный зайчик, в купальне купаясь в костюме купальном...)

Но вот разговоры. (Опять разговоры!) Но вот разговоры, небрежно, с опаской, с разведкой и страхом, и интеллекта плесканья у плеса.

А солнце краснело, клонилось, клонилось, лениво клонилось.

А вечером скучно и хочется к людям. А косы, платья, и стройные ноги, и встречи волнуют.

А листья, те листья, давно уж уплыли; и лето, и юность.

16.

Он говорил:

«Моя поэзия лишь продолженье прозрачных и простых стихов, в которых свет и свежесть утра; осенних болдинских листов неповторимые созвучья; в стенаньях строк, как в водах рек, людей подвижны отраженья, а воды в медленном движении уж не повторят прошлый век».

Он говорил:

«Моя поэзия проста и подчиняется закону, гласящему, что день есть день, а женщина, склонившая лицо к воде спокойной за отображеньем, есть женщина, склонившая лицо, отображенная водой спокойной».

Он говорил:

«Моя поэзия легка для чтенья и свободна, как дыханье. Ее мотив размерен, как часы. Лишь иногда, когда она не в силах сдержать в себе рожденный в сердце крик (а может, стон), ломает хрупкие пружины, и, раскачавшись, метроном вдруг отрывается от жизни. Размер срывается тогда... и боль, и больше нет дыханья».

Он говорил:

«Моя поэзия не создана, она сама себя у древних стен родила, и жить на свете мне давала силы, и дней моих мосты она сожгла дотла. Моя поэзия, — возлюбленная мать, моя жена, единственная в свете... А в парусах опять мятежный ветер. Гребцы устали. Острова сирен еще не встретились. И только серый день глядит в мое окно, за приоткрытой шторой, да тихо тянет дождь напев свой невеселый».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

18.

Две полки книг, любимые пластинки... Таривердиев, Гайдн, Григ, Бетховен.

Журчит вода в системе отопления.

А спать пока еще ложиться рано и за работу приниматься лень.

Проходят зимы, праздники проходят. Ты помнишь те шальные разговоры, стихи и прозу, многозначность взглядов и мудрости некрепкое вино...

О, сигаретная туманность истин и звуков разноцветные гирлянды, друзья, подруги — суета и скука... Всему узнать совсем не трудно цену, ночами заплатив за вечера.

А за окном деревьев черных сучья, и в черном небе белая, как плечи, луна качается. А дома очень тихо.

Как рано наступают вечера.

36.

А в клетках птицы совсем иные, как на полотнах, в стихотвореньях. Хоть те же крылья и оперенье, цвета опушки, даже пенье... но в клетках птицы, как неживые.

Ну, как, скажите, писать о птице — о цвете перьев, слегка блестящих, о взгляде вещем, ненастоящем, да разве это стихи о птице, о несвободе и полете, о сини неба?

Начнем сначала.

Спокойно скажем: «Смотрите — птица!». Зубами звуков проверим пробу своих созвучий. Посмотрим снова сквозь синь стакана, сквозь сигаретки дымок душистый...

И вдруг зажжется роса на крыльях и отразится в стеклянном взгляде и гордом крике, гортанном крике, тоской по сини утрат, по небу, тоской по воле. Под желтой лампой полет в неволе.

Быть может, это стихи о птице?

Начнем сначала.

Начнем прилежно. Не огорчайтесь. И «ветра в поле» искать не так уж и безнадежно.

Вот шум прибрежный и крики чаек... Чуть-чуть терпенья. Стаканчик чая! Я все сначала начинаю:

«Смотрите, птица...»

37.

В осенних стынущих лагунах с утра на пляже мусор жгут и дней погожих уж не ждут.

С утра промокшие пески, мельканье листьев, неба просинь, круженье надоевших лиц, прилив тоски, качанье сосен и крики ошалевших птиц.

Я ничего не позабыл, а сколько лет уж миновало! И сожалеть не стало сил, и горечь старая пропала...

Вспорхнут порой из-под руки воспоминаний мотыльки, слетятся на мое окно, отобразясь в стеклянных далях. Что мне до них? Давным-давно я пью грустнейшее вино, а ты всегда в моих печалях так иронична, и стройна, и восхитительно юна.

38.

Вечером, вечером, вечером глаз голубые овалы смотрят на город устало, в четкие крыши жилищ.

В гуле багряной печали позднее солнце садилось, взоры покинула лживость, город был смутен и нищ

Вечером, вечером, вечером — стекла осенние синие. Мягко окутает плечи Вам серая теплая шаль. Нечего, нечего, нечего листья листов перелистывать. Что позабылось — не сбудется, а невозвратное жаль.

Вечером, вечером, вечером звуки, как вздохи раздумий. Верьте, оно переменчиво, вечное волшебство...

Строчек серебряных струны. Серый уснул на стуле. Тикают часики тихие. Осень берет свое.

ГОЛУБОМУ ПЕРЕЛЕСКУ

42.

В ярко-багряной одежде скрылось усталое солнце, в дальних лианах лиловых, в бледных лиманах лимонных... Город стихает, как море.

Дай мне немного покоя, море мечты и мученья, дай мне уйти под луною озером лунным покоя...

Может, все поздняя осень? может, вчерашние взгляды? может, прощанья, прощанья? Может, прощаться не надо?

Время тревог и раздумий, время печали вечерней — осень.

43.

Белый день, когда за домом мелом выбелит березы, солнцем встанет у порога, светом глаз твоих коснется,

ты, меня припомнив, вздрогнешь, поднесешь к лицу ладони, и по крашеному полу босиком к окну с геранью...

Ах, опять зарделись щеки, а глаза совсем чужие в старом зеркале овальном, в них испуг и ожиданье...

А когда за домом вечер полхолма раскрасит красным, ты опять уйдешь из дома, в серый плед укутав плечи.

За капустным огородом трубку курит нетерпенье...

А глаза мои пустые. А слова мои, как тени.

ЛЮБОВЬ

49.

Из рамы неба льется ночь, и ветер рвет железо с крыш. Хозяин твой угрюм и нищ, а ты, как тень, за ним спешишь.

И ждут два глаза голубых его корявых тихих слов... Чу! Черной тенью темных ниш... Ах, это сердце между строф.

Ты в полумраке вздрогнешь вдруг, и расплетаешь солнце кос, и заплетаешь кисти рук, а он за пачку папирос... Сквозь зубы процедит «уйди», в дымах исписанных листов... А ты притихла и сидишь опять до первых петухов.

МОЙ ГОРОД

56.

По берегам моих скитаний — один маяк в ночном мелькании, под затемненными крестами, над ошалевшими листами — твой тихий свет в оконной раме.

57.

Город бредил смутными надеждами. Стыл туман и заплывал в тупик.

Над домами смежными, бесснежными виснул, падал, разбивался крик.

А войдя в стекло, асфальт и камень, он не брался голыми руками, он уже навеки был потерян...

Но случайный маг или поэт блики крика на караты мерил и снимал наложенные wetto, чтоб опять над улицей повиснул и остался в улицах оттиснут этот крик, разящий, как стилет.

58.

Под затемненными крестами клен и каштан шумят листами, трамвай вблизи моста восстаний, вязанье, сплин, переживания, гардины синей колебанье, свечи тревожное дыханье, а ты, полна очарованья, тоски, надежд и ожиданья, опять склонилась над гаданьем.

59.

В остывших улицах трубит октябрь осеннюю тревогу и четче означает тогу из леденело-серых плит.

Дворами виснет тишина.

Квадраты неба вечереют.

1950.

60.

По темному дому гудит тишина,

По гулким залам бродят тени. Души взвешивает Сатана и заглядывает в ценник. Мятые шкурки чертенят изогнулись в полупоклоне, бесшумно помешивают верный яд, подсаживают на подоконник. Бесшумно подкатывают авто к чугунному переплету.

А этот

пешком пришел в чертог с расчетом без расчета.

У синих стен голубой платок... Отчаяние сводит губы.

Если бы ведал тот, кто пишет стихи и любит!

Но вот, с лицом бледней полотна, и с решимостью ребенка

Она подошла.

И сам Сатана усмехнулся злобно и тонко. И обозначился четкий след безумно-красного цвета и в сердце врезался...

Мне было тогда еще мало лет —

я не хотел говорить Вам об этом.

61.

А город бродит пьяной брагой с бессонной темною отвагой, в его проулках пляшет ветер, красоток рой в неверном свете... По суете осенней, вьюжной спешит домой супруг ненужный. Ночь затихает. Фонари бледнеют в молоке зари.

61.

«В глухом подвале, под часами четыре черненьких чертенка с рассвета грустно распевали: «разлука, боль, морковь, любовь».

Гремящих дней не замечая, они, пожалуй, много знали и в дымоходы бормотали сюжеты, что волнуют кровь.

Но было холодно и сыро, и пахло квасом и свечами, и что-то ухало ночами по этажам большого дома.

Жильца его пока не знали и ни за что не отвечали. Все оправданья сочиняли, тому, что вам уже знакомо.

То в умилении, то в печали спешили, что-то продавали, кого-то ждали под часами изобретатели часов,

За развеселым цинандали прекрасные стихи слагали, вопросы дяде задавали, сдавали на анализ кровь...

А здесь, в подвале под часами, бесспорно очень точно знали, что стоят нынче: самогонка, девчонка, клизма, велогонка и сочиненные стихи.

Тетради вечные листали, четыре черненьких чертенка, да похихикивали тонко: «Все суета — грехи, грехи».

ПОСЛЕДНЕЕ

65.

«Люблю», — сказал я, не любя, и тотчас все зашевелилось, и сердце настежь отворилось, и мне идти, сжигать себя, пить, не испытывая жажды, и, как-то вечером, однажды, увидеть в зеркале себя, в чужих словах, в чужой квартире, часы чужие бьют четыре, пора идти — в столовой ждут чужой обед, чужой уют.

65.

«Устал. Нет дел. Хозяйки нет. Остыла печь. Закрыты двери. И мне уже немало лет — я верил, да уже не верю».

66.

Быть может, минут все тревоги, и паутина дней провиснет, и станут ни к чему дороги, и не останется от жизни ни этих далей, ни печалей, что столько лет меня качали, что столько лет меня водили, да только голову вскружили. Напрасно верят в постоянство. Ах, мне опять, опять скитанья. Лишь канет в осень все пространство, меня уводят расстоянья... Ведут по тихой поздней грусти, по дням, уставшим от раздумий. Но я вернусь, лишь боль отпустит, туда, где сходятся дороги, — в мой город строгий и высокий.

Мой город строгий и высокий, в твоих дождях омою ноги, позволь, вдохну твои тревоги и стану молча на пороге. Благодарю твои туманы, что врачевали мои раны. Благодарю, что равноправно бродил по улицам державным, что в даль моих тревожных странствий писец твой письма слал исправно. Благодарю за пониманье и за высокое молчанье, за все прощенья и прощанья, за все спасибо.

До свиданья».

ЛЕНА ВОРОНОВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Прозаик, поэтесса. Родилась в Северо-Восточной Сибири на реке Лена. Первый стих написала в 9 лет, вдохновившись полярной совой, принесенной из тайги отцом. После окончания школы уехала в г. Улан Удэ. Получив диплом культпросветработника, отправилась в гастрольный тур с театром оперы и балета. Позднее, перешла в эстрадный ансамбль «Аттракцион», продолжая гастролировать по Западной и Восточной Сибири. Отсутствие музыкального образования подтолкнуло к поступлению в училище искусств по классу вокала. Концерты привели в Москву. 2005 год — день святого Валентина (14.02.05) подарил удивительный мир, наполненный творчеством. Жизнь разделилась на — До и После.

Стихи, песни, афоризмы, сказки, истории о планете Земля, Вселенной, Солнечной системе наполнили каждый день.

2006 год — опубликована книга «Разумная Вселенная. Инопланетная письменность» (издательство «Феникс», серия «Человек нового поколения», Ростов-на-Дону)».

Автор 14-ти книг прозы и поэзии. Готовятся к печати романы «Мартикус» (Сказка про кризис), «Повесть аномального места», «Эхопанайона».

ПОВЕСТЬ АНОМАЛЬНОГО МЕСТА

(готовится к печати)

АННОТАЦИЯ

Странные истории происходят в жизни каждого человека. Они не дают покоя, маня к себе тайнами и загадками. Алексей — человек обыкновенный, но его судьба идет параллельно с необъяснимыми аномалиями. В каждом месте — будь то средняя полоса России, Англия, Чукотка, Египет, Турция или Московский цирк — он становится свидетелем необычных событий.

Блуждающие тени. Электронная почта, читающая мысли. Тролли и их королева. Призрак, кричащий странные слова. Холодный поцелуй русалки. Дольмен, устраивающий кинопоказ. Строительство пирамид. Ребенок, переживший дежа-вю. Превращение Домового. Яркий кристалл Стоун-Хенджа. Многоликий демон казино. Выход из тела и ответ на вопрос — что там... после смерти...

Сайт автора: www.lenavoronova.ru

УХОДЯ В ВЕЧНОСТЬ...

(глава из романа «Повесть аномального места»)

День закончился. Лешка смотрел на оранжевый закат. Сколько раз видел заходящее солнце, и каждый раз оно завораживало.

— Есть необъяснимые истины, — думал он. Дрожащая рука опиралась на трость. Тяжело встал, посмотрев на половинку светила, сказал Илье:

– Скоро я умру.

Илья замахал руками.

— Сынок, если через год ты раскопаешь могилу. Моих останков не найдешь.

Глубокий взгляд поразил сына, вызвав необъяснимую дрожь.

— Ты не о том думаешь, — автоматически произнес Илья.

— Знаешь, сын... Проводи больше времени со своими детьми, тогда не будет чувства, что что-то не доделал... Именно так я уйду.., — он вздохнул.

Почему-то Илья поверил, подхватил под локоть, искоса глядя на седого, похудевшего отца.

— Осень, — произнес Лешка. — Именно в этот день год назад... Он замер, по щеке покатилась слеза. Илье казалось, что отец смотрит внутрь него. Стало страшно. Лешка заметил желтый лист под ногами. Набрал воздуха в легкие, с восторгом огляделся, и, шагнул на желтый след осени.

Оранжевые искры разлетелись в разные стороны. Прозрачная рука скользнула из тела, за ней другая, ноги свернулись в слабый жгут. Он чувствовал, как тяжесть оседает на землю. Илья кричал, пытаясь поднять отца, но Лешка беспомощно улетал. Какая-то сила тянула вверх. Отец в последний раз посмотрел на сына. Прозрачная голова отделилась, он собрался в солнечном сплетении. Рывок, и парение над лесом.

— Я лечу, — кричал он, захлебываясь от восторга. — Илья, я лечу-у-у-у-у!!! Опустив голову, увидел тело на коленях сына. Илья плакал. Лешка ринулся вниз, пытаясь схватить себя за плечо. Рука свободно прошла сквозь материю. Откуда-то сверху послышались звуки. Рядом оказалась Аня, она улыбалась. За ней стояли дед с бабушкой, родители и еще какие-то знакомые люди. Он смотрел, понимая, что невидимая преграда разделяет их.

Две знакомые фигуры подхватили под руки. Встречающие оказались на уровне Лешки, он понимал, что все они, непостижимым образом, поднимаются параллельно друг другу. Жизнь полетела яркими кадрами. Лешка приметил закономерность. Необычные истории перемешивались с моментами любви и нежности, озарения и учебы.

— Значит, это главное? — думал он.

Головокружительный полет закончился. Лешка оказался в странной комнате, необъяснимой формы. Круги, овалы, углы плавно совмещались в одно пространство.

— Таких форм не бывает, — продолжал мыслить человек.

Перед ним возникли фигуры, смутно напоминающие что-то.

— Мы где-то виделись, — вспоминал он.

— Отрок, ты пришел на высший суд, — приятный голос пронзил.

— Я его слышал...

— Сейчас расскажут истории. Ты вспомнишь, кто ты и откуда. Что смог сделать, а что не смог...

Справа заклубилось пространство. Лешка зажмурился. Открыв непонятное зрение, осознал, что смотрит на очертания и цвет. Тела исчезли, рядом мерцали энергетические сгустки. Протянув руку, увидел лучи пальцев неоново — голубого цвета.

Появились — Илья с женой, дочка с мужем, внучата, начальник, сослуживцы, одноклассники, студенты из института и знакомые.

Слева — Аня, дедушки, бабушки, отец, мама и много знакомых очертаний.

— Справа — живые души, слева — ушедшие, — сказал знакомый голос.

— Откуда живые души? — думал Лешка.

Ему казалось, что он видит дурной сон. Хотелось проснуться, сбросить все эти лица — родные, не родные, хотелось оказаться в теле. Лешка застонал.

Все стихло. Лишь голос монотонно рассказывал истории из его жизни.

Страх сковал пространство. Оказалось, там, где он совершал отвратительное, с точки зрения небес, был прав. Там, где с удовольствием потирал руки и говорил: «Вот тебе урок», — наоборот, грешил и расстраивал Хранителей.

Он узнавал о себе странные вещи, но они, объяснили необъяснимые слова и поступки.

— Девять воплощений, — думал Лешка. — Если бы я знал их там, на Земле...

Кадры с участием людей, эпох перемешивались и выстраивались в стройную мозаику.

— Понимаю, — он начал светиться.

С одной стороны, пришло понимание его, Лешкиной, задачи в этом мире, с другой — он уже находился в состоянии невозможности что-либо изменить.

Лешку поразила прямота и честность. Каждый говорящий ничего не скрывал.

— Неужели мы все до такой степени на виду.., — смутился он.

Лешка думал о тайном, вспоминая, как мысленно раздевал хорошенькую секретаршу начальника. Как встречался с тремя девушками одновременно. Не отличаясь оригинальностью, говорил одни и те же слова. Стало мучительно стыдно. Что-то большое зашевелилось, покрывая зеленоватую оболочку красными пятнами.

— Это совесть, — сказало внутри. Он хотел оглянуться, но обнаружил, что может видеть всем, даже затылком.

— Вердикт, — прозвучал приятный голос. — Твое место, отрок...

— Заработал, — горестно думал Лешка. — Это справедливо...

— Тебе дается девять суток, чтобы попрощаться с Душами на Земле, — продолжил голос, — затем уйдешь к БОГУ. Тебе покажут строение мира. Через сорок дней займешь заслуженное место.

Лешка хотел оправдаться, но две радужные фигуры подхватили под неоновые руки и скатились вниз по светлому лучу. Он оказался в больнице, рядом с телом. Всю ночь трудился, пытаясь вернуться, но что-то отказывало, пропуская его сквозь плоть. Над головой появилось легкое зеленоватое свечение, ринувшись туда, ощутил неприятный разряд. Выбрался. Выбившись из сил, прошел сквозь двери холодильной камеры, присел на ручку.

— Не холодно, — подумал он, — тело нетронуто. Если его разрежут, как меня заберут в другое измерение?

— Ты уже в другом измерении, — услышал рядом. Мгновенно оказался лицом к источнику звука. Перед ним стояла прозрачная хрупкая фигурка.

— Ребенок, — Лешка расплылся в улыбке. Фигурка тоже порозовела.

— Мне шестнадцать... У тебя суд прошел? — Лешка кивнул.

— Я тоже пыталась в тело вернуться. Бесполезно.., — она опустила руки.

Плечи подрагивали. Лешке захотелось притронуться. Очутившись рядом, коснулся опущенной головы. Фейерверк голубых искр осветил пространство.

— Странно, — подумал он.

Вошли люди, ринулся сквозь стену, ближе к телу.

— Будем резать? — услышал он.

— Нет, сын запретил. Говорит — отец завещал без вскрытия.

— Почему? — кашлянул второй голос.

— Да кто его знает... Сегодня омоют, оденут, и отдадим так.

— А что в справке напишем... От чего умер старик?

— Обширный инфаркт... Что ты еще написать можешь?

Лешка возмутился.

— Я не старик, — кричал он. Ящик двинулся из холодильника.

— У него с лицом.., — голос дрогнул.

— Сколько раз говорить, про покойника либо хорошо, либо ничего... Стариком не называй, он и успокоится.

— Ты... правда в это... веришь? — насмешливо произнес дрогнувший голос.

— Смотри, — ответил второй.

— Ты был хорошим человеком, и дети у тебя хорошие.., — Лешка улыбнулся, гримаса спала, лицо расправилось.

— Вот это да.., — прошептал дрожащий голос.

— Выйдем, несколько случаев расскажу...

Лешке захотелось взглянуть на понимающего человека. Он увидел фигуру, оранжевое свечение с красным пятном под подбородком.

— Не будет лиц, — горестно подумал Лешка.

— Э, смотри... слеза...

— Пошли, хватит экспериментировать.

Люди в белых халатах ушли. Лешка присел на руке.

Захотелось увидеть дочку. Мгновенно переместился в ее квартиру. Ощутил привычный халатик с розовыми лягушками. Заплаканные глаза. Тяжесть и неприкаянность в родном облике. Лешка прикоснулся к плечу, она вздрогнула и оглянулась.

— Папа рядом, — произнесла она.

— Его нет, — громко ответил зять. — Похороним, и все... Как с квартирой получится? — дочка заплакала и ушла в ванную.

Лешка осознал — он слышит мысли людей.

Дочка думала, что мало общалась с отцом. Она плакала и казнила себя. Покрывшись испариной, не выдержал, ушел к зятю. Его рациональные мысли делили квартиру, подсчитывали расходы на похороны. Зять думал, как забрать рыбачье снаряжение и лодку. Лешка возмутился, но потом размяк, понимая, что ему не пригодится. Мысли про вещи обидели. Поежившись, отправился к внуку. Мальчик сидел у компьютера. Его мысли витали далеко. Голые девушки мелькали по экрану. Лешка не видел образов, но чувствовал, что именно это перед его глазами.

— Период созревания, — подумал Лешка и захотел к Илье.

Илья грустно размышлял о смысле жизни, об историях отца, о том, что выгнал с работы из-за мнения других людей. Он скорбел, и так же, как дочка, казнил себя. Это походило на воспоминание — самобичевание. Лешка содрогнулся и скользнул в комнату невестки. Женщина сидела на кровати, опустив руки. Она улыбалась. Слезы текли на пижаму. Вспоминания легкими облачками поднимались на небеса. Дед улыбался, говорил мудрые слова, учил рыбачить, шутил, хмурился. Ее мысли выбирали лучшее, заполняя пространство ровным розовым свечением. Лешка расслабился.

— Она любит меня по-настоящему, — легкая грусть захлопала желтыми крыльями, — к внучке.

Внучка пыталась сосредоточиться на мониторе, но мысли улетали к неделям заботы о деде. Тогда казалось, что это она взрослая, а дед — ребенок, за которым нужно ухаживать. Взгляд упал на фотографию. Восторженные лица на фоне белого кита.

— Один кадр получился, дедушка, — прошептала она. — А я его так и не показала...

Слеза скользнула на фотографическую картинку.

Лешка ринулся в рамку, удобно устроился на своем месте и подмигнул.

Сквозь радужные слезы внучка заметила странное движение. Промокнув глаза, оглянулась:

— Дедушка, ты рядом? — она встала. С фотографией пошла по периметру комнаты, внимательно вглядываясь в вещи и стены.

— Мне пора, — подумал Лешка, тут же оказался у раздетого тела.

Две женщины мыли его.

— Хорош был дед, — пошло произнесла женщина с придыханием. — Я бы с ним... в жизни...

Вторая, с сигаретой в зубах, грубо захихикала. Лешке стало стыдно, он пошел красными пятнами.

— Одевать не хочется... так бы голым и похоронила, — пробасила курящая дама.

Лешка медленно тлел, огонь охватил его существо. Боль пронзила все вокруг. Коричневые тени замелькали, как облака, рисуя рожицы и гримасы. Тело оказалось в хороводе злобных существ, свободно гуляющих от женщин к нему, от него к женщинам. Каким- то непостижимым образом они повисали на их фигурах и чем — то наполнялись. Лешка вспомнил земных клещей.

— Вампиры... Они едят их заживо.

Страх загнал в угол. Сначала тени скользили мимо. Затем одна приблизилась, тронула пространство, обожглась голубыми искрами. Вскрикнула и рванула к голове одной из дам. Женщина замерла, высказала желание отрезать мужской орган. Лешка с ужасом наблюдал, как она взяла ножницы. Скрипнула дверь.

— Закончили? — голос понимающего отразился эхом от стен.

Женщина спрятала ножницы за спиной.

— Еще немного.

— Одевайте, родственники прибыли.

Лешка выдохнул. Понимающий вышел. Вторая женщина сказала:

— Не дури, будет пятно, что скажем?

Ножницы шлепнулись об пол. Сквозь рыдания прозвучало:

— Затмения находят...

Светлое облачко повисло над головой. Коричневые тени ринулись в стороны, рассыпая остатки пыли.

— Помер, родственники пришли.

Женщины ловко надели костюм с застежками на спине. Двое мужчин уложили в гроб, понесли из комнаты.

Люди в храме чуть покачивались, грустили о нем. Лешка слушал молитвы, радуясь далекому хору небесных ангелочков, дополняющих земное пение. После отпевания повезли на кладбище.

Резкие изменения поразили ушедшую Душу.

Мысли гостей стали судить детей за гроб, за дешевые венки. Осуждение продолжилось за столом. Кому-то казалось, что наливают мало водки, кто-то ругал «деревенское» угощение. Лешка метался и кричал:

— Я рядом, про меня вспомните...

Поднимались бокалы. Вслух говорилось:

— Хороший был человек, талантливый. Дети хорошие.

А про себя звучало:

— Из-за него так и не получил повышение, гад был, сволочь.

Лешка в ужасе метался от одного к другому, слушая и пытаясь сказать важное. Но никто не хотел слышать никого, кроме себя.

Зять подсчитывал расходы, сын со злостью смотрел на людей, которые, по его мнению, довели отца до могилы. Дочка, выпив для успокоения, мечтала о скорейшем окончании поминок. В довершении запели веселую песню.

Лешка поднялся под потолок, схватился за голову, руки прошли сквозь нее, потом друг сквозь друга.

— Господи, — закричал он, — забери меня отсюда! — Он рыдал. Тяжесть разлилась в пространстве. Все существо налилось болью.

— Я никогда так не болел, — думал Лешка. — Как нестерпимо больно. Как прекратить эту боль?

— Найди того, кто тебя любит, — прошелестело над ним.

Лешка ринулся вниз, ища цвет жены Ильи.

— Розовый!

Пройдя сквозь нежность, сел на спинку стула. Почувствовав движение, она оглянулась, тихо произнесла:

— Прости нас, дядя Леша.

Лешка раскачивался. Боль утихла. Все потеряло значение. Он беззвучно плакал:

— Ничему не научил... Ничему...

Напевшись и наговорившись, гости разошлись. Женщины убирали посуду. Мужчины тихо разговаривали. Лешка, пригорюнившись, сидел на шкафу, стараясь не слушать — ни разговоров, ни мыслей. На ум пришла молитва:

— Буду молиться. Меня нет. Может — так услышат.

Мужчины замолчали.

— Кто-то есть, — нервно сказал зять. Илья передернул плечами.

— А если он нас из квартиры выживет? — в глазах зятя загорелся недобрый огонек. Лешка подумал:

— Напугаю, и они не захотят эту квартиру.

Как будто прочитав мысли, Илья ответил:

— У нас свое жилье. Эта квартира вам с сестренкой и племянникам. Дальше сами решайте.

Он встал и пошел на кухню. Зять, нервно озираясь, последовал за ним.

На кухне появились первые смешки. Лешка обрадовался, мгновенно оказавшись под потолком. Захотелось почувствовать тело, пусть старое, дряхлое, но свое, привычное. Висеть под потолком надоело. Он оказался на кладбище. Проник сквозь свежевскопанную землю. Внимательно осмотрелся.

— Неправду сказали бритые, — горестные мысли упали на белую простынь, — не достанут меня и не оживят.

Захотелось спать. Лешка прилег на холодное тело и отключился. Яркий луч света растворил тьму. Тело поднималось в сияющую сферу. Он постарался обнять себя крепче. Руки соскальзывали внутрь и проходили насквозь:

— Устал от газообразного состояния, — думал он.

Расслабился. Сияющий шар летел в черном пространстве. Почувствовав тело, Лешка отключился.

— Откройте глаза, — механический голос повторял фразу. Лешка с трудом открыл набухшие веки.

— Приветствуем вас в шестом измерении планеты Земля, — в комнату вошел высокий человек.

— Теперь ты с нами, — он механически улыбнулся. Лешка оглянулся, встал.

Тело ныло, но он его чувствовал.

— Время пришло. Тебя модернизировали, убрали болезни. Технология нам неизвестна. Мы берем человека, помещаем в сферу, построенную по чертежам второго измерения. Люди возвращаются со знанием и возможностями Богов Олимпа. Надо много работать.

Лешка попросил зеркало. Высокий пожал плечами. Справа от него открылась отражающая поверхность. Лысая голова, его, Лешкины, глаза, ровная кожа на лице. Он посмотрел на пальцы. Длинные, как у пианиста. Живот исчез, мышечная масса тоже.

— Я дистрофик, — подумал он.

— Такие мысли исчезнут, — не открывая рта, произнес высокий.

— Хоть имя скажи, — подумал Лешка.

— Гермес.

— Ага, — ироничная мысль вспомнила греческие мифы.

— Нет, не про меня, — ответил незнакомец. — В этом мире не принято думать плохо. В этом мире не принято болеть, страдать...

— В этом мире не принято жить.., — додумал Лешка.

Для адаптации дается двадцать дней. Если она не произойдет, тебя заберут во второе измерение, а тело послужит для другой Души.

— Я попробую, — прошептал Лешка. Вдруг он ощутил, сколько энергии потрачено на этот шепот.

— Люди столько тратят на разговоры?

Гермес кивнул головой.

–Пойдем работать.

— Тишина, — думал Лешка, — и мысли открыты для всех. Спрятаться невозможно.

— Учись не думать, — в голове прозвучал голос Гермеса.

— Сложно...

— Компьютер, — сказал Гермес, подводя Лешку к странному продолговатому сооружению, висящему в воздухе.

— Все просто. Думаешь то, что хочешь получить, он выполняет.

— Так не бывает, — непроизвольно произнес Лешка. — Хоть какие-нибудь датчики должны быть.

— Все датчики в твоей голове. Пробуй.

Прозрачное кресло вместило Лешку.

— В другом теле, я бы сюда не поместился, — со смехом подумал он.

Перед глазами появилась голограмма «старого» тела, сидящего на краешке прозрачного кресла.

Коды выстроились стройными рядами. Он осознал ошибочность некоторых комбинаций. Она пришла внезапно, как давно знакомое знание. Лешка восторженно присвистнул. Волна тяжести прокатилась по телу.

— Не стоит разговаривать, вспоминать былые привычки, — равнодушный голос Гермеса контролировал процесс.

— То нельзя, это неправильно, — возмущенно думал Лешка.

— Жаль тебя отдавать обратно, — с грустью произнес Гермес, — постараюсь помочь.

— Вы спите? — глупо спросил Лешка. Гермес кивнул.

— Едите?

— Да, это другая пища.

— И что, я не смогу картошечки с мясом съесть? — расширив глаза, произнес Лешка. Гермес покачал головой.

— Как он может не думать?

— Это просто, сначала выбираешь способ гашения чужих мыслей, затем подавляешь свои. Позже приходит возможность общения с Высшими Существами. Открываются невероятные способности. Можешь абсолютно все... Точнее, все, что нужно для блага Земли.

Лешка часто моргал, думая о сказанном.

— Это нужно делать самому, или есть... технологии? — язвительная улыбка прокатилась по скулам.

— Ты очеловечился.

Гермес склонил голову, глядя грустными глазами. Лешка протестовал и бушевал. Что-то теплое и мягкое прокатилось по телу. Он улыбнулся и провалился в сон.

— Лешенька, милый, старайся, пожалуйста, — говорила Аня, сидя на краешке непривычной кровати. Легкая рука гладила по голове, — Земле нужна помощь. Нужен прогресс, старайся, пожалуйста.

Лешка открыл глаза. Облачная Аня продолжала сидеть, даря знакомые ощущения.

— Ты тоже в этом мире? — любимая покачала головой, посмотрев голограммой глаз, растаяла.

— То не думай, то нельзя, — закапризничал внутренний ребенок, — я есть хочу...

— Пойдем, — из стены материализовался Гермес.

— Ух, ты, — вслух произнес Лешка. Сильная эмоция сковала ноги.

— В этом мире нет эмоций, — заученно произнес Гермес.

— Нет, я не смогу привыкнуть, — грустно подумал Лешка, — тело жалко... не отдам...

Встал, пошел на онемевших ногах. Гермес уважительно кивнул, пропуская вперед.

Кафе не отличалось от среднестатистического, земного пищевого заведения. Прозрачные пластиковые столики, прозрачные пластиковые стулья.

— Все на виду, — думал Лешка — и мысли, и попы...

— Грубо шутишь, — мимо проплыла фигуристая девушка. Сев на прозрачный стул, ткнула пальцем в пространство. Перед ней побежали буквы. Остановила длинным ногтем. Движения напомнили грацию гладкошерстной кошки. Лешка залюбовался.

— В нашем мире, — знакомый голос вещал над ухом, — не принято так воспринимать женщин.

— Да что вы в женщинах понимаете в вашем мире.

Девушка оглянулась, недобро посмотрела на новичка. Пошевелила длинными пальцами, закрываясь серой дымкой.

— Ты обижаешь, это неправильно.

— Давай есть.

Побежали непонятные строки.

— Ты хотел картошку с мясом, — из прозрачного стола показались тарелки, — Мы едим заменители со всеми микроэлементами и энергетиками.

Пахло сносно. Лешка принялся за еду.

— Жирку бы... или масла... сливочного...

— Очеловечился, — повторил Гермес, — Смогу ли справиться за такое время?

Лешка не понимал — с кем говорит собеседник.

— А кому и чем платить? — спросил он.

— Ты наивен. В нашем мире нет денег.

— У вас что, коммунизм? — глаза Лешки округлились.

— Каждый делает необходимое. За это — жилье, еда, предметы необходимости, то, что вы называете инструменты для работы. Если чего-то не хватает, запрос, и он выполняется.

— Где мы находимся?

— В Атлантическом океане, часть расположена на полюсах, часть в пустынях. Мы не должны мешать людям и их развитию.

Лешка осознал реальность происходящего.

— Что мне делать, Гермес? — серьезно спросил он.

— Учиться, жить по правилам и много работать.

— Хорошо, я попробую.

Следующий день Лешка просидел за компьютером. Постепенно глаза и пальцы привыкли к выполняемым операциям. Теперь он не понимал, как работал на жесткой, непослушной клавиатуре, глядя в плоский монитор. Новичок применял возможности своей фантазии. Коды приобрели вид объемных картинок. Каждая буква, каждая цифра походила на произведение искусства. Лешка оживил красавиц, превратив их в цветные образы. Непрерывное творчество вымотало новоявленного пришельца.

— Много сил тратишь на воспоминания, — произнес материализовавшийся Гермес.

–Учусь, — с упрямством малыша ответил Лешка.

— Время заканчивается.

— Два дня прошло, — возмутился он. — А ты говорил про двадцать.

— Наше время и время первого измерения слишком разные. Три дня шестого измерения равны двадцати дням первого. С точки зрения Высших существ у тебя остался день.

Лешка задумался.

— Почему ты не сказал раньше?

— Не мог...

— Я хоть что-то успел?

— Да, но мог больше.

Лешка поглаживал тело, понимая величие этого приобретения.

— Почему у нас нет возможности вечно жить в теле? — громко думал он.

— В нашем мире живут до двух тысяч лет. Правильное питание и постоянная работа продлевают ресурс.

— А упражнения? Бег, например, или тренажеры?

Гермес покачал головой.

— Для вас — подзарядка, для нас потеря энергии.

— Поэтому вы тощие, — заключил он и уткнулся в экран.

Проснувшись следующим утром, потрогал ноги, руки, лицо.

Провел рукой по лысой голове.

— Я жив. Я ЖИВ!

— Отрок, тебе пора,— мягко прозвучало рядом. Лешка вспомнил день, когда насильно впихнули в тело, а он кричал: «Не хочу».

Теперь хотелось кричать: «Не хочу из тела»...

Его подхватила приятная волна. Лешка забыл свои желания. Не хотелось думать, хотелось вечно находиться в состоянии расслабления, покоя и нежности. Он любил все — воспоминания, людей, Гермеса, другой мир. Лешка любил голос, говоривший: «Отрок». Он качался в невидимой колыбельке, ощущая умиление и радость. Время потеряло значение. Пространство исчезло. Он растворился в чем-то огромном и знакомом. Смутное воспоминание держало на поверхности.

— Это ЛЮБОВЬ, — услышал он.

— Кто ты? — главный вопрос повис на розовых лепестках. Лешка силился понять, откуда звучит голос, но он раздавался отовсюду и дарил необыкновенное блаженство.

— Ты меня именуешь БОГ.

Лешка замер. Любое слово, любое движение казалось кощунственным перед этой великой силой.

— Я достоин слышать БОГА? — в нем что-то затрепетало.

— Ты всегда слышал меня. Помнишь, СИЛА, что тебя водила? Все слышат БОГА, но не все осознают это.

Лешка вспомнил гадкие мысли. Стыд нарушил гармонию.

Неожиданно расплылось пунцовое пятно.

— Может он не заметит? — нахальная мысль вильнула хвостом.

— Все люди возвращаются ко мне. Позже идут смотреть настоящее устройство мира.

— А преступники? Они убивают.., — Лешка протестовал.

Ему не хотелось, чтобы ощущение Любви получали все абсолютно.

— Это эгоизм, — нежно произнес голос. — Плохих людей не бывает. Есть существа, которых вы не понимаете. ЛЮБОВЬ и ЗНАНИЯ — главный смысл существования человечества.

Лешка задумался.

— Тебе пора.

— Еще немножко, пожалуйста, — клянчил он.

— У тебя есть еще два воплощения. Мы обязательно встретимся...

* * *

Покормим птичек утром ранним,
Посыплем желтое зерно,
Изменим жизни расписанье,
Полюбим, что обретено.

Узнаем новости лесные,
Услышим перелетный крик,
Откроем тайны неземные,
Вернемся в уникальный миг,

Когда цветными чудесами
Молилась нежная душа
И умиления слезами
Светилась тихо... не спеша...

Играла солнечною трелью,
С собою в тонкий мир звала,
Первоапрельскою капелью
Омыла, счастье принесла.

Познала чудо осторожно,
Поверила в надежду вновь...
В подлунном мире все возможно
С волшебной верою в Любовь.

* * *

Колыхались листочки зеленые
На вершинах таинственных крон,
Солнцем ярким и днем опаленные,
Заслоняя пушистый газон.

Ввысь стремились к высоким обителям
И просили достать небеса,
А земные их корни-родители
Не пускали узреть чудеса.

* * *

Луна дорогу серебрила,
Светились лужи и кусты,
Звездами небо расстелило,
Когда ворвался смелый — ТЫ.

Пил в одиночку чай горячий,
А я под струями воды
Плескалась, мылом путь означив
Твоей мерцающей звезды.

Цикады шумно стрекотали,
Шумел по травам ветерок,
Нам мир дарил свои медали
Из будущих, крутых дорог.

Есть ритуал — и он безгрешен —
Два существа, как ТЫ и Я —
Любви венец — он неизбежен
На грани тонкой бытия.

Он дан нам небом совершенным
Для счастья полного вовек,
Чтоб чувствовал себя блаженным
Любого рода человек.

* * *

Рождаются из чепухи
Стихи, стихи, стихи, стихи!
По-всепогодному легки
Стихи, стихи, стихи, стихи!

Даны, как груда Впечатлений,
Творений и СловоРождений,
Небесных бурь и Пробуждений,
Открытий и СловоХотений.

* * *

В окружении змей гремучих
Обвивающих страстно стан,
Мы спешим далеко на кручи,
Где Изольду вез славный Тристан.

Где в глазах пламенеет солнце,
Чистый воздух раскованно свеж,
Горной речки прозрачное донце,
Камень бурый под мохом одежд.

И СОЗДАТЕЛЯ видим творенья,
Но боимся таинственных змей,
Закрывая в себе сотворенье
Наших смелых и гордых идей.

И они остаются мечтами,
Ну, а змеи потомство плодят.
И ползут, и скользят перед нами,
Закрывая на высшее взгляд.

АЛЛЕРГИИ

Тополиный пух — ближе,ближе,
Тополиный пух — ненавижу,
Тополиный пух — нос краснеет,
Тополиный пух — не жалеет...

Аллергийный ряд — зачихаю,
На природный миг — зарыдаю,
Маску на лицо — спозаранку,
Чтобы не дышать на баранку.
Окна у авто не открою,
Без кондишна, ой, — смерть герою...
Так шучу — кричу, Ради Бога,
Пусть летит - пушит на дорогу,

Улечу вместе с ним в Поднебесье,
Закричу, заворчу громко песню,
Ай-лю-лю, ай-лю-лю — за горами
Повстречаюсь с любимыми Вами,

Вы простите меня — миром смелым,
Что расплакалась тут за пределом.
Тополиный пух — не ругаю,
В аллергии своей замираю...

* * *

Засветилась частичка ужасного,
Заалела надменно вдали,
Заслонив все живое, прекрасное —
Рвалась ввысь от священной Земли.

Над галактикой думать и властвовать
Ей хотелось, глазами горя,
Побежала частичка ужасного
Вдаль от веры и от алтаря.

Высший разум, любя сердцем искренним,
Все простил, лишь слегка пожурил,
Но решила она скоро высмотреть
Отраженье небесных светил.

Не поняв, не увидев прекрасного,
Опираясь на черный навет,
Захлебнулась частичка ужасного
В черном дыме своих сигарет.

* * *

На сердце зарубина - трещина,
Потерян покой на века,
Грозами, громом обвенчана,
Стынет в ладонях рука.

Он — запоздало обузданный,
Блестками старых обид...
Кем-то бесстыдно разнузданный...
Под одеялами спит.

Женщина — средь ветра звездного
Мигом одним обернись —

Стань Королевой Морозною,
Знающей прежнюю жизнь...

Нет... будет жить, безотказная,
Встречами из-за угла,
Словно болезнью проказною,
Сердце измучив дотла...

* * *

Подарите любимым сказку,
Чтоб легко рядом с вами жилось.
Покажите любимым краску
Из прекрасных и ярких цветов.

Не учите любимых счастью,
Не учите жить и любить.
Подарите лишь ваше участье
И желанье мечту сохранить.

Покажите на чистом примере
Отношенье к любимым своим,
Относитесь с почтением к вере
И рассейте сомнений дым.

Улыбнитесь, когда вам грустно,
Расскажите заботы свои,
Коль не слушают вас, значит, чувство
Далеко от чудесной любви.

Вот тогда нам задуматься надо,
Чтоб обиды в душе не цвели,
А все чувствующих ждет награда —
Из волшебной любви корабли.

* * *

Мы тихонечко взрослеем
И плетем из жизни нить,
Молодеем, хорошеем,
И желаем лучше жить.

Мы от солнца в настроенье,
И печальные от туч.
Начинаем продвиженье.
Чуть забрезжит света луч.

Незаметно, по дороге,
Слышим о любви рассказ,
Думаем о светлом БОГЕ,
Говорим — Помилуй Нас.

ОЛЕГ ВОРОНЦОВ (ИСПАНИЯ, МАДРИД)

Поэт, прозаик. Родился в 1962 г. во Львове (Украина). В 1984 г. закончил с отличием факультет Международных отношений и международного права Киевского Государственного Университета по специальности «международные экономические отношения». В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР. В 1988–1990 гг. работал в ЦК ВЛКСМ. С 1990 г. живет в Мадриде (Испания). Владеет семью языками. В 1989–1992 гг. Олег Воронцов неоднократно приглашался для преподавания курсов экономики в Ирландию, Финляндию и США. С 1972 г. начал увлекаться олимпийским коллекционированием. В 1993 г. по инициативе Хуана Антонио Самаранча он принял самое активное участие в создании при Международном Олимпийском Комитете (МОК) специальной комиссии МОК по олимпийскому коллекционированию, которую возглавил сам Хуан Антонио Самаранч — в то время президент МОК. С 1999 г. Олег Воронцов — Президент Европейского общества олимпийских коллекционеров. В настоящий момент он является обладателем одной из крупнейших в мире коллекций олимпийской меморабилии. Награжден бронзовой медалью выставки «Олимпфилекс-92» (Барселона), почетной медалью Олимпийской выставки в Будапеште (1995), серебряной медалью выставки «Олимпфилекс-96» (Атланта), почетной медалью выставки «Олимпфилекс-2002» (Солт-Лейк-Сити). Помимо коллекционирования, он серьезно увлекся и историей Олимпиад, выпустив 3 монографии на эту тему. Особенно интересным представляется издание о первой Русской Олимпиаде в Киеве в 1913 г., которое является самым полным исследованием данной темы (издательство «Физкультура и спорт», 2006 г.). С 1995 г. Олег Воронцов является членом Международного общества олимпийских историков. В 2006 г. вышел первый сборник его стихов «Лагуна». В 2010 г. в издательстве «Городец» вышел олимпийский детектив «Имя на двоих».В этом же году в издательстве «Городец» вышел новый роман автора «Неоконченная хроника мертвых дней». Кроме этого, Олег Воронцов только что закончил работу над сборником коротких рассказов и пьесой и подготовил новый сборник стихов.

Сайт автора: www.olegvorontsov.com
E-mail: oleg_vorontsov@hotmail.com

СУДЬБУ ДРАЗНИЛ ИЗ РАЗА В РАЗ...

Я мчусь за вами, среди вас, —
мой дух воспрянул.
Я научился пить экстаз
из слезных гранул.

Судьбу дразнил из раза в раз,
но гром вдруг грянул.
Из Альбинони — прямо в джаз;
сад чувств увянул.

Но я пришел, я превозмог
пустыню тлена.
Стерпел, промучился и смог
спастись от плена.

От плена грусти и разлук,
от злобы мести.
Чтоб флейты счастья тонкий звук
услышать вместе.

01.09.2007

ЛЮБОВЬ УМОЛКЛА НАВСЕГДА

Любовь умолкла навсегда.
Теперь ее взрывное эхо
блуждает там, где никогда
не зазвучит твой рокот смеха.

Ты оборвал мой жалкий плач,
мою мольбу, мои надежды.
Мой верный рыцарь, мой скрипач,
вернись сорвать мои одежды!

Где ты теперь, славный чудак?
Кому играет твоя скрипка?
Я все прощу: ты мне не враг.
Мне лишь нужна твоя улыбка.

Струной натянута душа.
Я помню ласку тонких пальцев,
когда ты нежно, не спеша,
вел хоровод любовных танцев.

Я рвалась ввысь, под небеса,
я все терзалась в возбуждении.
Мне неземные голоса
вторили в райском упоении.

Теперь я выжата, черства;
осенний сад моя обитель.
И музыка дано мертва,
и я теперь ненужный житель.

12.05.2007

ТЕБЯ ДОВЕРЮ Я НОЧИ

Я постелю тебе ложе,
белое как снег.
Шелка прильнут к твоей коже
в истоме ласки и нег.

Тебя доверю я ночи
под тихий шепот Луны.
Ветра споют, что есть мочи,
про беззаботные сны.

Тебя разбудит не шорох —
дыханье тысячи роз.
И мыслей тяжкий твой ворох
падет под натиском грез.

17.06.2007

ТА, ДРУГАЯ, ЛИШЬ ПРОФИЛЕМ РЯДОМ

Я увидел твой профиль в толпе —
светлый лик из чудесных преданий.
И с тех пор в ежедневной мольбе
безуспешно искал оправданий.

Призрак твой стал моим маяком,
моей тайной, надеждой и верой.
Ложь и правда стояли рядком:
все считалось оправданной мерой.

В моей жизни реальна одна —
та, другая, лишь профилем рядом.
Почему же теперь допоздна
ту ищу, чтобы встретиться взглядом?

Почему среди тысячи лиц,
свою память нещадно ругая,
на задворках душевных границ
мне теперь так нужнее другая?

10.12.2006

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь отстучал свой мерный шаг,
его лучей запас иссяк.
И радуга волшебных дуг
всей краской падала на луг.

Все пробуждалось после сна:
старинный дуб, ольха, сосна.
Луг заиграл. И даже в лес
вселился юношеский бес.

Меж зарослей угрюмый лось
куда-то рвался на авось.
И пара юных глухарей
искала место посветлей.

Медведь резвился на траве,
мешая спать чудной сове.
В деревьях шерсть чесал кабан
под дятлов быстрый барабан.

Дождь смыл всю грязь и все следы,
бросаясь гроздьями воды.
Шумела мокрая трава,
весенний день вступал в права.

29.11.2006

ЛЮБИТЬ ТЕБЯ

Любить тебя, как ветер волю,
как реки бурных вод поток.
С тобой навеки хлеб и долю;
и навсегда души исток.

Во льдах забвения пылким жаром
ты взглядом сердце бередишь.
Своим великим чистым даром
в мечтах пурпурных убедишь.

Любить тебя, как снег вершины,
как музыки чудесный лад.
Как будто нежные картины,
которым я безмерно рад.

Любить тебя, как скульптор формы,
как винодел росток лозы.
Презреть условности и нормы
в раскатах бешеной грозы.

Я за тобой сквозь дни и страны,
я каждой клеткой верю сам:
через снега или туманы
к твоим причалю берегам.

25.10.2007

МАРК

Я даже теперь не вспомню, кто нас познакомил. И когда это было. Середина 90-х, это точно. Я тогда осваивал азы олимпийского маркетинга на собственном опыте, натыкаясь, по большей мере, на непробиваемые стены. Россия тогда не была готова к таким глобальным переменам, и весь мой опыт был в те дни еще менее нужным, чем пригоршня песка в пустыне.

Каким образом появился Марк, я уже не помню. Зато хорошо ощущаю тот напор, с которым он ворвался в мою жизнь. Вы когда-нибудь попадали в преддверии бури под напор ветра, который настолько силен, что не позволяет вам даже дышать? И вы поворачиваетесь к нему спиной, чтобы попытаться вдохнуть полной грудью. Если это чувство вам хоть немного известно, то вы поймете, без малейших затруднений, как Марк ворвался в мою жизнь.

Поначалу я отнесся к нему с недоверием. Американец, самоуверенный, а, в довершение ко всему, еще и ортодоксальный еврей. Вечные шляпы, кошерная пища — не хватало только пейсов. Евреи меня никогда не смущали — их было много в моем родном городе, в моем классе и в моем дворе. Среди них у меня были даже настоящие друзья. А вот к ортодоксальным, со всеми их прибамбасами, пейсами, поклонами в виде бесконечной тряски, я относился с большим напряжением, точнее — очень подозрительно. Может быть, это были догмы, заложенные мне в голову еще во времена Советской власти, и они у меня ассоциировались с сионистами, которые безжалостно порабощали палестинский народ. Этому меня учили в СССР. Короче, в моем понимании, в них было что-то не то.

Наш самый первый вечер с Марком поставил меня в тупик. На мой вопрос, какую пищу он предпочитает, Марк, ни секунды не колеблясь, ответил: «Кошерную». В середине 90-х в Москве это звучало приблизительно так же, как и желание сыграть в гольф где-нибудь в Якутии. Я случайно знал о существовании единственного в те времена кошерного ресторана в Москве. К несчастью, именно в тот вечер он был закрыт на какое-то частное мероприятие.

Марк нисколько не расстроился. Мне казалось, что он был готов, практически, к любым неожиданностям.

— Есть ларек с кошерной едой в одной синагоге, — сказал он, доставая свою электронную книжку, не меньшую диковинность в те времена, чем та кошерная пища, которую он искал.

Через пять минут мы уже ехали в разбитой «Ладе» к синагоге, о существовании которой я и не подозревал. Закупив, как мне показалось, пол-ларька, мы отправились в его гостиницу с видом на Кремль. Тогда я впервые обнаружил в Марке достаточное количество сибаритских замашек, ничего не имевших общего с той религией, которую он исповедовал.

Первая мания, поразившая меня, было его требование доставить дополнительных шесть подушек к тем четырем, которые уже лежали на его двухместной широкой кровати. Сразу после этого Марк достал две пары черных туфель (другие цвета обуви я никогда не видел на его ногах) и вызвал по телефону служащего гостиницы, чтобы их почистили. Я прекрасно видел, что туфли и так блестели. Уже потом, достаточно изучив его, я осознал, что это была мания. Мы неоднократно встречались с Марком в Москве, Нью-Йорке, Бостоне, Мадриде и, даже, Ташкенте. Обувь была его пунктиком. Если с вечера ему чистили обувь, а утром мы переезжали в другую гостиницу в другом городе, то сразу по приезду он требовал, чтобы ему почистили и без того блестевшие туфли. Впрочем, разве не у всех у нас есть свои странности?

В тот самый первый вечер, кое-как перекусив, и дав Марку насладиться кошерной пищей, мне пришлось оказаться в роли сводника. Кому из заезжих бизнесменов не приходилось в 90-е посещать вечером в Москве знаменитый клуб «Night flight»? А знаменит он был тем, что в этом клубе, прямо в центре златоглавой, поиск спутниц для предстоящей ночи был украшен некой галантностью: одинокие кавалеры всех возрастов оживленно беседовали с блондинками, шатенками, рыжими, красивыми, ужасными, обаятельными или просто отталкивающими девицами, попивая всевозможные коктейли, изредка поднимаясь для пятиминутной растряски на крохотный танцпол дискотеки, и, при этом, часто торгуясь в процессе общения о цене «взаимного согласия». Красота российских девушек сводила западников с ума. Как сказал потом однажды Марк, в Москве на одной троллейбусной остановке увидишь больше красивых девушек, чем во всем Лондоне. Интересно, когда это он успел побывать на троллейбусной остановке?

В тот первый вечер Палыч, мой водитель, отвез нас прямиком в «Night flight». Марк настоял на том, что ему потребуется «преподавательница» русского языка именно в ту первую ночь. К моей великой радости, весь процесс прошел на удивление быстро: за каких-нибудь полчаса я помог Марку пообщаться с его будущей «учительницей», сбить цену на 100 долларов и даже потанцевать. Он зевал, выглядел уставшим, но ни за что не хотел отказать себе в удовольствии познакомиться поближе с русской действительностью. Верный Палыч отвез их в гостиницу, а я на такси отправился домой.

На следующее утро глаза американца сияли от счастья.

— Просто блаженство! Ты знаешь, я попросил ее заняться любовью прямо на окне, с видом на Кремль! Просто сказка какая-то! — его восхищению не было предела.

— Ну и как твой русский? — ехидно спросил я. — Есть прогресс?

Марк с блеском выдал матерное слово по-русски, а потом, немного подумав, видно вспоминая что-то, добавил:

— Правда, был использован при общении и французский, — и весело расхохотался.

В течение четырех следующих дней мы стали завсегдатаями московского клуба «ночных полетов».

В тот первый раз Марк был в Москве для переговоров с Кока-Колой и Нэстле о производстве товаров с их символикой в целях рекламы. Как потом оказалось, это было частью семейного бизнеса Марка, где практический контроль принадлежал его отцу.

Отец был для Марка святым человеком. Или почти что святым. Во всяком случае, о нем он говорил с большим уважением. Правда, я несколько засомневался в его святости, когда Марк мне поведал, что на день своего шестнадцатилетия отец, в качестве подарка, свозил Марка в Гонконг, где ему пошили несколько костюмов за два дня и, при этом, они с отцом вместе отметились в публичном доме. Однако мало ли у кого существуют свои традиции!

Но самой святой вещью в жизни Марка был бизнес. Был, есть и будет. Он мог часами говорить о преимуществах своих дизайнов, доказывать вам конкурентоспособность его цен, убеждать в своих самых быстрых сроках и находить достойный ответ на любое ваше замечание. Он не умел и не хотел проигрывать споры и дискуссии, и сражался за свой имидж до последнего патрона.

Мой водитель Палыч с первого дня знакомства возненавидел чемоданы Марка. Все дизайны и образцы Марк возил в двух громадных чемоданах, которые занимали весь багажник и были неподъемными уже сами по себе — не менее тридцати пяти килограммов каждый. В дополнение ко всему этому Марк носил баул со своим компьютером и всевозможными документами. Палыч сверкал от злости глазами, по-всячески шипел и отходил немного только тогда, когда Марк клал ему в руку чаевые. В конце концов, они поняли и полюбили друг друга — с тех пор Марк, приезжая в Москву, всегда пользовался моей разбитой «Ладой» с Палычем, а тот мне потом рассказывал, в какие только дыры и места ему не приходилось таскать за Марком те треклятые чемоданы.

С каждым днем мы узнавали лучше друг друга. Мы говорили о семьях, о переменах в мире, о баскетболе, который очень нравился Марку, об Израиле и Палестине, о Ельцине и Клинтоне. Короче, обо всем, о чем русский мог разговаривать с американцем. Я с удивлением узнал, что Марк был женат и имел трех дочерей. Что он каждый год чуть ли не по пять раз ездит в Израиль. Вообще, об Израиле он всегда говорил одухотворенно, с придыханием, оправдывая любые шаги любого израильского правительства. Я иногда начинал довольно раздраженно с ним спорить, пытаясь углубиться в историю или привести голые факты, но, как правило, все это было бесполезно. При обсуждении Израиля как государства Марк уходил в глухую оборону — его фанатизм иногда серьезно обескураживал меня.

Чем больше мы спорили по поводу или без повода, тем больше я понимал, что Марк мне нравится. Он не хватал звезд с неба с точки зрения культуры и образованности, но я и не рассчитывал на это: я слишком хорошо знаю США. Мне нравился его подход к жизни. Я его называл «трезвый авантюризм». Марк мог легко с головой ввязаться в любой бизнес и, при этом, убедить без проблем большинство окружающих в громадных преимуществах своей компании. Он воспринимал по отношению к себе только руководящие должности, любил все обставлять с эффектом и помпой, был неспособен удержаться от бахвальства, но это, судя по всему, было результатом его постоянной борьбы за создание своего высокого имиджа в глазах окружающих. Ему постоянно требовалось признание. Видно, в еврейских семьях родители с детства приучают детей к «особой гениальности» своих чад. В некотором смысле, это очень полезно.

Я стал знакомить Марка со своими друзьями и партнерами. Мы стали искать точки соприкосновения, возможности для совместного бизнеса. Я перестал удивляться его подушкам и чистке обуви, а также твердой привычке уезжать на шабат в те города Европы, где имеется сильная еврейская диаспора — Лондон или Антверпен. Марк смог убедить, в конце концов, российских представителей Кока-Колы и Нэстле и, то ли из-за еврейского лобби, то ли из-за действительно конкурентоспособности своих товаров, но смог получить на обеих компаниях небольшие заказы.

В один из его приездов в Москву ранней зимой, Палыч вез нас в офис хоккейного «Спартака» для представления линии всевозможных товаров с маркой народной хоккейной команды. Ехали мы медленно из-за очень скользкой дороги, прилично уже опаздывали на запланированную встречу, но отвлекались от этой неприятной мысли оживленной беседой.

— Слушай, кто тебе постоянно звонит на мобильный каждые полчаса? Ведь в Америке еще ночь, — хитро спросил я Марка.

Он на минуту стушевался, но, наконец, решился.

— У меня появилась девушка в Турции, — тихим голосом произнес Марк.

— У тебя? В Турции? Мусульманка? — опешил я.

Он только кивнул в ответ.

— Подожди, подожди! — обрадовался я всплывшей вдруг теме. — И почему же ты, друг называется, молчал до сих пор?

Марк, завернутый в толстое черное зимнее пальто, только пожал плечами в полной растерянности.

— Требуем подробностей! — веселым тоном продолжил я свою бесцеремонную атаку.

Марк, наконец, облегченно вздохнул и даже улыбнулся.

— Отец мой давно размещает в Турции заказы. И я тоже стал их там размещать. Дешево и качественно, особенно кожаные изделия. А эта девушка контролирует производство наших заказов.

— Подробнее, пожалуйста, по поводу кого и что она там контролирует, — сказал я и весело ткнул Марка в бок локтем.

— Короче, чтобы не занимать много времени, у меня с ней роман. Точнее, у нее со мной.

— Не понял, — удивился я. — Поподробнее, пожалуйста, по поводу этой последней ремарки.

— В общем, она в меня по уши влюблена. Более того, безумно меня ревнует.

— Минуточку, — прервал я Марка, — она что, не знает, что ты женат?

— Все знает. И про жену, и про детей. Она мне сказала, что к жене ревновать бессмысленно. Ее лишь волнуют другие женщины.

— Что, в Турции у тебя тоже слава плейбоя?

Марк улыбнулся.

— Да не то, чтобы... — не закончил он фразу.

— Ты хочешь сказать, что эта турчанка ревнива по своей природе?

— Точно, именно так. Страшно ревнива, до безумия.

— Меня, мой друг, удивляет другое. Она ревнива. Пусть так. Но ты явно ее боишься.

— Еще как! — воскликнул Марк. — Она контролирует каждый мой шаг!

— Да, дружище, тебе в таких обстоятельствах и жена не нужна — достаточно любовницы. Это же надо, как ты влип. И что, у тебя это так серьезно, что ты это терпишь?

Марк смущенно кивнул в ответ.

— Ну и дела. По-моему, ты попал в западню. Хотя, если хорошенько разобраться, тебя, рано или поздно, это ждало.

В этот момент неожиданно зазвенел его мобильный.

— Она, — испуганно произнес Марк, глядя на высветившийся номер, и нажал кнопку для ответа. — Да, дорогая, как дела?

Я дал ему возможность поворковать несколько минут, потом громко, почти в трубку, произнес по-английски как можно отчетливее:

— Марк, девушки спрашивают, подниматься в твой номер или еще рано?

Розовые от мороза щеки Марка враз побелели, глаза выкатились из орбит, ужас застыл на его лице. Наверное, если бы рядом взорвалась бомба, он бы не так испугался.

— Милая, это шутка! — закричал Марк в трубку. — Глупая шутка моего друга! Мы в машине едем на встречу, на переговоры. Хочешь с ним поговорить?

Я же в этот момент готовил следующий предательский удар.

— Марк, девушки хотят тебя, со мной даже не разговаривают, — прокричал я по-английски опять в трубку.

Марк в ту же секунду отключил телефон.

— Это конец, — мрачно произнес он, посмотрев на меня то ли со злобой, то ли с досадой, то ли с одобрением.

— Марк, я твой освободитель. Ты просто идиот. Жена, трое детей, а ты окован цепями турецкой ревности. Ты пойди со своим раввином поговори — что он тебе скажет, а?

— Она теперь меня убьет, — спокойно, и, вместе с тем, отчужденно выдавил из себя Марк.

— Побесится и перестанет. Ты же не ее собственность. Не говори с ней пять-шесть часов — пусть попсихует. Отойдет, захочет услышать твой голос. Все образуется. Держи только дистанцию! Ничто так не убивает чувство, как ревность. Или ты этого не знаешь?

— Знаю, — грустно ответил Марк. — Хорошо знаю.

На следующий день, когда турчанка совсем успокоилась, я даже смог с ней пообщаться. Марк дал мне во время их разговора мобильный телефон, и я весело, как ни в чем не бывало, рассказал восточной красавице про наши трудовые будни в холодной Москве и про то, какой Марк хороший друг и как он ее беспрерывно вспоминает. Международный инцидент был исчерпан, и мой американский друг теперь уже с чистой совестью мог посещать вечером «Night flight» для углубленного изучения русского.

— Слушай, а действительно, что скажет тебе твой раввин, если ты ему расскажешь, что ведешь себя, как взбесившийся кобель? — спросил я наутро Марка.

У него было помятое лицо после, видимо, тяжелой ночи «погружения» в русский язык.

— Раввин мне скажет, что я должен быть заботливым отцом и любящим мужем. И в том, и в другом я безупречен.

Мой иронический взгляд не остановил его.

— Жену я люблю. По-своему, — продолжил Марк. — Она у меня очень умная. Я ни в чем ей не отказываю. Правда, она и не особенно меня о чем-нибудь просит. Девчонок своих я боготворю, просто их обожаю. Короче, почти что идиллия.

Я не стал спорить. Мне было понятно, что Марк себя обманывает, но не хочет признаться в очевидном. От идиллии на сторону не бегают и, уж в действительности, не спят со всеми подряд. У еврейского супермачо в мозгу было далеко до идиллии.

Мои связи и проворность Марка помогли в 1996 году получить большой контракт на продукцию, связанную с предвыборной кампанией Бориса Ельцина. Американец был на седьмом небе от счастья, гордился важностью заказа и с тех пор всем говорил, что лично участвовал в предвыборной кампании Президента России. Учитывая патологическую привычку Марка преувеличивать значимость событий, такой новый ракурс его автобиографии меня уже не удивлял. Ну, участвовал, так участвовал. Кто там в Америке усомнится в этом? Да и в самой России, кого этим удивишь, если сам Борис Николаевич пускался на сцене в пляс?

Однажды, во время поездки в США по олимпийским делам, я прилетел на пару дней в Бостон к Марку. Тогда он еще жил в этом городе, считающимся самым «европейским» городом США. Марк меня уговорил, а, точнее, принудил беспрерывными просьбами побывать у него в гостях по дороге в Колорадо-Спрингс. Впрочем, мне и самому хотелось увидеть Марка в привычной для него обстановке. Мне интересно было понаблюдать за всеми ролями, которые он беспрерывно исполнял: деятельный директор компании, заботливый муж и отец, верный друг.

Два дня подряд мы питались в кошерном кафе, почти что забегаловке по московским меркам. Форшмак лез у меня из ушей, но я уважительно относился к выбору Марка. В конце концов, для него еда всегда была и остается более принципиальным вопросом, чем для меня.

В офисе, довольно просторном, он изображал роль строгого и требовательного хозяина: обсуждал каждую мельчайшую деталь, контролировал всех и все, но, при этом, сразу всем объявил, что у них в гостях его новый русский партнер, который помог компании получить крупный заказ. Мне протягивали руки, со мной знакомились, шутили, разговаривали про медведей и водку. Типичные вопросы к русским от типичных американцев. В наше нынешнее время еще спрашивают про русскую мафию. Как правило, услышав стандартные ответы, каждый десятый американец скажет вам, что у него дома есть матрешка, и на этом экскурс в русскую тему будет окончен. Я это проходил десятки раз.

Дома Марк был королем, просто солнечным принцем. Слова «милая», «любимая», «дорогая» сыпались налево и направо, прилеплялись то к жене, то к дочкам. Он шутил, предупредительно расспрашивал о делах жены, играл с дочерьми. Вечером Марк вдруг решил, что я обязательно должен сыграть с ним в местной школе в баскетбол в одной команде. По вечерам школа предоставляла свой спортзал для любителей баскетбола. Спорить с Марком, как вы правильно догадались, это все равно, что ехать по встречной полосе: рано или поздно вас протаранят. Он гениально умел уговаривать, убеждать, доказывать и разыгрывать спектакль. Я уверен, что в евреях эти качества уже запрограммированы в генах: вековая борьба за выживание, торговля, ростовщичество и стремление, в конечном итоге, сохранить себя вместе со всем нажитым, не могла не отразиться на развитии их генома.

Через полчаса я уже играл с Марком в одной команде. Он играл действительно хорошо: прекрасно пасовал, легко забрасывал трехочковые броски и даже умудрялся подбирать мячи у щита. В команде его уважали. Я же бегал хорошо, но баскетбол никогда не был для меня любимой игрой. Разве что, по телевизору. Это уже потом я пристрастился на Олимпийских играх и не пропускал ни одного интересного матча. А в тот вечер в Бостоне я был просто балластом в команде, и мое присутствие в ней было ничем иным, как желанием угодить Марку и шагом к укреплению американо-российского взаимопонимания.

Потом Марк, став через несколько лет президентом компании, разрабатывавшей новую технологию на основе изобретений из израильской армии, начал часто наведываться в Испанию, где у него в Валенсии были партнеры по бизнесу. Он всегда останавливался хотя бы на один день в Мадриде, и мы с женой всегда по вечерам приглашали его в ресторан. Его и его секретаршу, потому что теперь Марк ездил всегда не один. «Моя ассистентка», — важно говорил президент компании.

За столом мы много говорили, шутили, обсуждали мировые проблемы и новые технологии. Табу было лишь на одну тему: арабо-израильский конфликт. Учитывая еврейскую кровь Марка и арабскую загадочность моей жены. Все другие темы, включая разговоры о женщинах, никогда не заканчивались за нашим столом.

Через несколько лет Марк опять поменял компанию, на сей раз вместе с местом жительства. Он перебрался в Нью-Йорк и стал работать в том направлении, в котором чувствовал себя, как рыба в воде. Вместе с партнерами они брались за молодые начинающие компании и доводили их до акционирования с выходом на биржу. Уж что-то, а продавать идеи Марк умел!

Как и завелось к тому времени в наших отношениях, я приехал к нему и в Нью-Йорк. Три дня во время обеда мы приходили в один и тот же кошерный ресторан в стиле гриль, и каждый раз наш обед превращался в клуб знакомств. На третий день я понял, что этот ресторан стал для Марка отправной точкой его бизнеса, центром, куда стекались его потенциальные клиенты, где рождались его будущие связи, и где запах денег был гораздо сильнее, чем запах гриля. Марка не интересовала еда. Он про нее просто забывал. Ему хотелось показать, чего он смог добиться за эти годы. Люди с фамилиями, по которым можно было изучать историю банковского и финансового дела, присаживались за наш столик и между блюдами совершали многомиллионные сделки.

Марк ни разу ни перед кем не позволил усомниться в моей значимости или важности. Даже используя меня иногда, как залетную приманку, он всегда высоко поднимал мою планку. Он любовался собой, но при этом толкал меня еще выше. Ему необходимо было утвердиться в собственном величии, но при этом он помнил о тех, кто помог ему на этом пути. Часто мне казалось это просто трогательным.

За три дня я перезнакомился в этом ресторане минимум с тридцатью людьми. Марк, не уставая, все те тридцать раз пел мне дифирамбы. Конечно, история с Ельциным была ключевой.

В один из вечеров мой американский друг пригласил меня на мюзикл «Кабаре». Не в качестве ответного шага за приглашение в Большой, а просто, как обязательное мероприятие для лучшего понимания еврейской нации. Хотя, мне кажется, после Второй мировой войны никто так не понимал евреев, как советские люди. Вряд ли Марк знал и о том, что СССР был первым иностранным государством, признавшим Израиль.

Со дня нашего первого знакомства прошло больше десяти лет. Не было ни одного месяца, чтобы мы не позвонили друг другу. Даже когда болтаем о второстепенных вещах, я понимаю, почему Марк притягивает меня. Мы похожи характерами. Мы оба любим двигаться вперед, несмотря ни на какие преграды.

Марк развелся, что меня, почему-то, совершенно не удивило. Наши дочери стали взрослыми. Жизнь вокруг поменялась, но человеческие отношения не зависят от наличия новых средств связи или технологий. Общение с Марком помогло мне лучше увидеть и понять еврейскую общину. Я осознал, как важна помощь между ними, каким обычным и действенным методом являются советы между евреями. Не уверен — спроси другого, посоветуйся!

Они любят жирную пищу, но при этом рассуждают о здоровье. Еврейские мужчины любвеобильны, но сами предпочитают иметь верных жен. Это важно для их самолюбия. Евреи скупы, но не жадны. Любят торговаться, но не настолько сильно, как арабы.

И самое главное. Они могут быть верными друзьями, даже когда ты этого от них не ожидаешь. Позвони мне, Марк! Ты мне очень нужен, особенно сейчас.

2007 г.

ДЕВЯТЬ БАЛЛОВ

— Лерочка, деточка, не обманывайте себя! Вас всегда тянуло к таким мужчинам.

— Каким таким?

— Опасным, я бы сказала. С суровой судьбой. Вам, безусловно, что-то в них нравится, вас притягивает авантюризм. Бандитский авантюризм.

Валерия удивленно подняла глаза на Зинаиду Ефимовну, но ничего не сказала. С ней она не играла никакие роли, не жеманничала и не становилась в позы. Хотя все это умела делать не просто хорошо, а превосходно.

Хозяйка внезапно спохватилась и быстро зашаркала на кухню. Валерия расслабилась в удобном кресле и стала в очередной раз рассматривать интерьер теперь уже соседской квартиры. Ей всегда казалось, что жизнь в ней остановилась лет двадцать назад, вместе со смертью мужа Зинаиды Ефимовны. Валерия его, конечно, помнить не могла. Ей было тогда всего девять лет. К тому же, муж Зинаиды Ефимовны был просто знаменитым конферансье. И хоть сама хозяйка могла часами рассказывать про своего Илью Борисовича, Лере этот человек всегда представлялся лишь заботливым мужем. Актером и конферансье она его никак представить не могла.

В просторной квартире всюду были развешены черно-белые фотографии. Вот молодая Зинаида Ефимовна и ее Илюша где-то на море: скорее всего, в Крыму. Куда еще ездила отдыхать в те годы артистическая элита? Ялта, Коктебель, Алупка, Алушта. Она с родителями в детстве тоже один раз ездила в Крым из своего родного Кемерово. Отцу на шахте выдали путевки. Лера надолго запомнила светлячков в воде, обилие фруктов, которые мама пыталась в нее затолкнуть, холодное море возле Ялты из-за какого-то течения и долгие дни, проведенные в поезде туда и обратно.

В углу комнаты, на рояле, стояла большая фотография Ильи Борисовича — невысокий, нос с горбинкой, улыбающиеся глаза, в смокинге и бабочке. В те времена подобный наряд казался, наверное, просто невероятным, не от мира сего. Как и сами артисты, которые в эпоху СССР были идолами вместо других, библейских, которые были запрещены коммунистами. Как все поменялось и как хорошо, что она не застала те времена! Так бы и прозябала в нищете угольного бассейна, где черно не от добываемого угля, а от никчемного и бестолкового течения жизни.

— А вот и чай, Лерочка! — Зинаида Ефимовна внесла большой поднос.

Она выставила с него на вышитую скатерть вазочки с клубничным вареньем, чайник с заваренным чаем, две чашки с блюдцами, розетки, печенье и мармелад в виде лимонных и апельсиновых долек.

— Ой, я не спросила, балда старая, — вдруг спохватилась хозяйка. — Может, вы есть хотите, милая моя? У меня борщ есть и котлетки куриные. Я мигом все разогрею.

Валерии стало по-домашнему приятно. Она вдруг почувствовала себя маленькой беззаботной девочкой, о которой пекутся и которую безумно любят. Мужчины вокруг нее тоже беспрерывно проявляют заботу, но она совершенно другая. Это часть сексуальной игры, где ничего не происходит просто так, от искренней души. О ней они заботятся либо чтобы покорить, либо чтобы удержать. Она в этой игре — лишь самка, способная выторговать себе цену. Весьма высокую цену.

— Что вы, Зинаида Ефимовна, милая! Спасибо, я очень поздно обедала. Я сыта. Вы такая всегда внимательная!

— Полноте, полноте, Лерочка! Да какая же я внимательная! Мозги стареют, вот и забываю часто важные вещи. Ну ладно, будем пить чай. А варенье я сама делала из собственной дачной клубники.

— Обязательно попробую! — пообещала Валерия, чтобы доставить старушке удовольствие. Сладкого она избегала, держала себя в форме, но отказать Зинаиде Ефимовне просто не могла.

— Ну-с, душечка, как протекает ремонт? — полюбопытствовала пожилая женщина.

— Клево! Все делают быстро. Месяца через два я стану и вправду вашей соседкой!

— Ну, вот и славно! Я так рада за вас, дочка! Может, вам какая помощь нужна?

— Да нет, что вы, Зинаида Ефимовна! Все идет полным ходом, не переживайте. Вам спасибо, что целый месяц терпели бедлам на лестничной площадке.

— Я, Лерочка, бедлам всю свою жизнь терпела. Ваш не хуже и не лучше. Если бы вы знали, что такое была жизнь артиста в СССР! Гастроли, концерты, съемки, постоянно люди толпились в нашей квартире. То родственники, то какие-нибудь друзья с периферии, то молодые актеры. Ах, милая, сколько всего в жизни было и хорошего, и плохого! Мы и любили по-настоящему, и верили искренне, и ненавидели от всей души. Мы жили по-другому, чем сейчас. Открытее, что ли. Люди были другими, общество было другое. Я никого не осуждаю. Я свое отжила и была счастлива. Дай Бог такую жизнь каждому! А вот вы, Лерочка, вы счастливы?

Валерии показалось, что именно этого вопроса она и ждала. Здесь, у этой пожилой женщины, в ее просторной квартире с еще советским антуражем, такой вопрос ей казался совершенно закономерным, просто к месту.

Ей нравилась эта женщина. Она была одновременно и изысканной, и простой. Сколько они были знакомы? Четыре месяца? Или, точнее, сколько раз они виделись? Десять? Даже, наверное, и десяти раз не наберется. Но каждый раз это была волна душевной теплоты, которая подхватывала Валерию с ее вечно разных берегов и нежно несла в какие-то неизвестные дали, показывала новые горизонты и трепетно врывалась

в ее тело состоянием благостной расслабленности. Эта пожилая женщина обладала великим даром доброты, простой человеческой доброты, которая, в той или иной степени, нужна каждому. Валерии порой казалось, что Зинаиде Ефимовне были известны какие-то секреты мозга, может быть, даже телепатии или гипноза. Ей, молодой и красивой, собранной в струночку для круговой обороны во время своих выездов по разным делам в город, эта квартира представлялась собственной крепостью, где можно было расслабиться и набраться сил. Даже у себя дома Валерия не могла быть сама собой: то няня, то сын, то еще кто-нибудь. Она была то заботливой матерью, то нежной любовницей, то настырной просительницей или еще кем-нибудь в тех разных сюжетах жизни, которые нас подстерегают на каждом шагу.

— Знаете, Зинаида Ефимовна, — начала Валерия и задумалась на самую малость. — По большому счету — да. По десятибалльной системе — девять. В Москве, в частности, и в России, в целом, десять баллов невозможны — слишком много напрягов.

По растерянному взгляду хозяйки ей стало понятно, что та не совсем поняла значение последней фразы.

— Как бы вам объяснить доступнее, — заботливо продолжила Валерия. — Вот мне подарили новый «Мерс»: серебристый, с бежевыми сиденьями, отделан под дерево. Казалось бы, езди и наслаждайся. Но какое же это наслаждение: менты то 100, то 200 рублей у меня забирают — всегда к чему-нибудь прицепятся. Пробки в Москве, вы сами знаете, просто удавиться. Семь месяцев в году грязь и слякоть — я хоть сама машину и не мою, но противно по этому ожиженному дерьму ездить. Вот и судите сами, даже по этому примеру, может и бестолковому, можно ли быть на все сто счастливой в этом городе.

— Лерочка, дитятко, пример не бестолковый и не вульгарный. Ведь машина — это часть вашей жизни, средство передвижения. И девять из десяти — просто замечательно. В жизни вообще ничего не бывает абсолютного: ни счастья, ни горя, ни побед, ни поражений. Все относительно не по Эйнштейну, а по отношению к человеческим судьбам. К тому же, я думаю, что машина не является большим составляющим вашего счастья?

— Нет, конечно, — улыбнулась Валерия. — Мне нравятся удобные, но машинам я уже давно не придаю значения. Это мужики помешаны на них. Нам, женщинам, ведь важен только комфорт. Ну и цвет, конечно.

Зинаида Ефимовна расхохоталась.

— Под цвет любимого костюма, — пошутила она.

Теперь они смеялись вдвоем.

— А как успехи в личной жизни? — осторожно спросила хозяйка. — Все так же, меж двух огней?

— Да, если коротко, то ничего не изменилось.

— Как же вам, радость моя, не страшно? Двое мужчин, у обоих власть, деньги, влияние. Неужто они не догадываются совсем?

— Мужчин, Зинаида Ефимовна, надо держать на расстоянии. На достаточном расстоянии. Чем меньше им потакаешь, тем больше они тебя хотят. И на все готовы. Мужчина в возбужденном состоянии иррационален. Вы, как женщина, это должны хорошо знать.

— Мне кажется, Лерочка, что все сильно изменилось. Сейчас все по-другому.

— Ничего не изменилось, Зинаида Ефимовна. Абсолютно ничего не изменилось! Появились новые технические прибамбасы, но жизненные отношения остались прежними. Если раньше мужики, в ваши времена, дарили цветы и стояли под окнами, то теперь они беспрерывно звонят на мобильный и дарят бриллианты, потому что у них

появились такие возможности. И атакуют они нас, женщин, с той же настойчивостью, как и пятьдесят, и сто лет назад. Самцы ищут самок беспрерывно, даже когда дома их уже ждет жена. Им постоянно хочется самоутверждаться в этой роли.

— Лерочка, я не пойму, вы так прагматичны от злости на них? Или что-то другое?

— Что вы, Зинаида Ефимовна! Какая злость. Они ведь являются моим материалом для работы. Просто я давно уже научилась видеть их конечную цель и воспринимать ее, как должное. Да, дорогая Зинаида Ефимовна, я эгоистка, которая просто хочет выжить в этом злом мире. Может, я хуже, ведь, по сути, я стерва, которая не просто хочет выжить, а жить хорошо.

— Зачем же вы, родная, так грубо о себе? Ведь наверняка у вас в жизни было все не так просто. Иначе вы бы не были такой колючей, я бы сказала, безжалостной по отношению к мужчинам.

— Да я вовсе и не безжалостная по отношению к ним, вот еще! Я суха и практична. Они получают от меня то, что ищут, а я то, что делает мою жизнь обеспеченной. Я ведь не шлюха, не перехожу из рук в руки...

— Господи, да что же это вы слова такие к себе примеряете!

— Я, фактически, дорогая любовница. Меня бросают, как правило, когда вся эйфория заканчивается. Хотя, в реальности, так было всего дважды.

— Разве это мало?

— И да, и нет. Я ведь не рассказала вам, что у меня сынишка... В общем, в семнадцать лет меня изнасиловали.

— Девочка моя, да как же так! — в сердцах воскликнула Зинаида Ефимовна.

Валерия даже не осознала, когда задушевный разговор перешел ту невидимую линию, отделяющую искренность от откровенности. Ей хотелось рассказать этой женщине свою жизнь со всеми ее пошлыми и безнравственными деталями. И она знала, почему смело могла это делать. Зинаида Ефимовна не судила ее, а просто внимательно слушала, сочувствовала и понимала. Понимала так, как только может понимать мудрый старец на закате жизни. Когда не бывает белого и черного, лжи и правды. Есть только опыт, огромный и переваренный пласт событий, которые наделяют некоторых тем, что мы называем житейской мудростью.

— И не кто-нибудь, а один бандит. Я забеременела, а он вдруг стал за мной ухаживать. Так продолжалось где-то с год. Он предлагал жениться, все время извинялся. Когда ребенку исполнилось три месяца, я сказала, чтобы он вычеркнул меня из памяти. Не смогла простить.

Глаза Валерии, светлые, неживые, не выражали никаких чувств. Как правило, мужчины, видя эти серьезные глаза, принимали ее взгляд за загадочность. Ничто так не притягивает мужчин к женщинам, как некая мистика, загадочность.

— Я уехала в Москву, на свой страх и риск. Ребенка оставила маме. Она даже на этом настояла. Мне надо было убежать от самой себя, от всего, что со мной произошло.

— Бедная вы моя, голубушка! — ласково и тихо произнесла Зинаида Ефимовна. — Это сколько же горя на вашу голову в таком юном возрасте!

Валерия лишь сухо улыбнулась в ответ.

— Я вам чашку поменяю, Лерочка, а то ваш чай совсем остыл.

Перерыв нужен был обеим. Валерия чувствовала, что понеслась слишком быстро по волнам своей памяти, а Зинаида Ефимовна сознательно дала своей будущей соседке возможность остановиться, пока не поздно, чтобы потом не жалеть о рассказанном за чашкой чая. Она хорошо знала, что иногда людей заносит в откровенности.

— Пожалуйста, голубушка, вот вам горячий чай. И вареньица еще чуть-чуть.

На минуту в комнате воцарилась тишина. С улицы доносились звуки московского транспорта, уставшего от ежедневных пробок. Где-то за стеной громко работал телевизор. В коридоре был слышен двигающийся лифт. Звуки, знакомые каждому горожанину. Мы настолько к ним привыкаем, что уже, практически, не замечаем.

— Вы ведь мне, милая, ничего такого о себе не рассказывали. Я вас представляла такой жизнерадостной, веселой, — нарушила тишину Зинаида Ефимовна.

— Может, когда-то я и была такой. Когда я перебралась в Москву, меня поразили масштабы. Все двигалось, мчалось, менялось, и все — в грандиозных масштабах. Помните приезд д'Артаньяна в Париж, из «Трех мушкетеров»?

— Как же, как же! Юноша, приехавший завоевывать Париж.

— Да, я тоже тогда поставила себе цель завоевать Москву. Только ради того, чтобы дать будущее своему сыну.

— Конечно, Лерочка, конечно. Я вас понимаю. Любая мать готова на все ради своего дитя.

Сама Зинаида Ефимовна никогда не имела детей. Врачи когда-то им сказали, что сперма Ильи Борисовича имела проблемы. Он проходил многократно курсы лечений, но все было тщетно. Их большой семьей стала сцена и актеры. Сейчас, одинокая в старости, она общалась лишь со своей сестрой и ее семьей. Плюс те актеры, большей частью бывшие и пожилые, которые еще помнили ее Илюшу и с которыми они дружили семьями. С каждым годом их становилось все меньше и меньше. Жизнь безжалостно бежала вперед, оставляя позади надгробия памяти. Что наша жизнь? Зажженная спичка: догорела и погасла. Короткий миг, подаренный природой.

— Через год я влюбилась. По-настоящему влюбилась, — продолжила Валерия. — Он был старше на двадцать лет. Сильный, богатый, уверенный в себе. Вы, Зинаида Ефимовна, наверное, и не слышали, да и вряд ли вас такое интересует. Его взорвали. Бомба под машиной... Моего Филестра... Как я его любила! Во мне в этот день умерло что-то. Я подозревала, что рано или поздно с ним что-то случится. Наш роман длился меньше года. Он был бандит, как это принято говорить сейчас. А для меня он был просто обаятельный мужчина с самыми изысканными манерами. Он умел ухаживать, удивлять, прощать. Он был великодушен с женщинами, но суров в своей среде. Всегда говорил мне, что его пребывание на этой земле временно.

— Но это же ужасно, сколько на вас, Лерочка, всего выпало! — Зинаида Ефимовна, говоря эти слова, стояла рядом с креслом, в котором сидела Валерия с отрешенным видом, и гладила ее правой рукой по голове. — В ваши годы пережить столько трагедий! За что? Почему?

— На это нет ответа. Я часто тоже думала, почему это все со мной происходило. Но, если разобраться, такие вещи случились за эти годы со многими. Общество сорвалось с цепи.

— Вы говорите, голубушка, про мораль и нравственность? Точнее, про их нынешнее отсутствие?

— Да нет, это ведь только последствия перемен, а не причина. А причиной стала самая обыденная и тривиальная вещь — жажда денег. И Филестра моего, в конечном счете, тоже взорвали из-за денег. Эта жажда отключила тормоза в мозгах у людей. Все перевернулось в один миг. И теперь каждый пытается что-то урвать для себя. Любой ценой. И это все множится матрицами.

— Это неизбежно, деточка, это неизбежно. Те, кто оказываются рядом с нами в жизни, они и определяют ее, формируют наши вехи. Это нам только кажется, что жизнь непредсказуема. Она же более чем предсказуема, и ее мгновения заранее определены

теми людьми, которых мы впускаем в свой круг. Заметьте, Лерочка, это не мы врываемся в чужие круги — мы просто даем кому-то доступ войти к нам. И каждый новый человек в этом круге — это поиск нового баланса, нового равновесия для внутреннего счастья. Мы все ищем для себя большего счастья, хотя часто не можем по достоинству оценить то, что уже имеем. И в этом большая беда людей — никто не хочет довольствоваться малым.

— Наверное, мой круг в один из моментов был затоптан. Сейчас мне просто, даже легко. Но я долго шла к этому...

— Милая, вам же и тридцати еще нет!

— Это по паспорту, Зинаида Ефимовна. А в действительности я уже несколько жизней прожила.

— Что вы, Лерочка, у вас еще все впереди! И сына вам воспитать надо.

— Да, это он мой главный мужчина в жизни. Это он каждое утро заряжает меня силой и энергией и придает смысл каждому дню.

— Вот видите, родная, значит, сын делает вашу жизнь счастливой. Это и есть те девять баллов из десяти.

— Да, девять баллов, — усмехнулась Валерия.

— Вам будет хорошо с сынишкой в вашей новой квартире: она просторная, светлая. Солнечная сторона. И транспорт слышен только в одной комнате. Хотя вы, наверное, стекла всюду поменяли. Сейчас это принято.

— Да, должны были поменять. Я еще не проверяла.

— Ремонт, наверное, в наши времена стоит немалых денег.

— Не знаю, наверное, — отрешенно ответила Валерия.

Зинаида Ефимовна удивленно посмотрела на нее.

— Я ничего не плачу. Все платит ухажер. Он, кстати, в строительном бизнесе. Вы, видимо, думаете, что я чертовски расчетлива? Уверяю вас, что я хотела платить все сама. Но он настоял, причем довольно жестко. К чему было сопротивляться по пустякам. Для него это все равно, что вам купить пакет молока. Даже не заметит.

— Я вас совсем не осуждаю, милая. Вы не первая, вы не последняя. В наши времена тоже такие вещи случались. Да и не мне рассматривать в лупу вашу жизнь. Вы столько, голубушка, настрадались, что впору пожить счастливо, для себя и сына.

— Вы знаете, я иногда сама себе в уме устраиваю суд. Так, чтобы критически оценить ситуацию. Даже выписываю на листке свои отрицательные качества: черствость, безразличие, эгоизм, неспособность желать и увлекаться. А потом начинаю себя защищать. Я ведь не была такой. Я была весела, бойка, жизнерадостна. Даже отличалась в школе острым умом. Но жизнь меня перезарядила, что ли? То, кем я стала, это не я; это просто защитный слой, который позволяет жить в этом моральном бардаке и улыбаться. И даже доходить до девяти баллов. А самое главное — не париться теми вопросами, которые отравляют сознание. Вы ведь знаете, я вам говорила — у меня сразу два любовника. И оба от меня без ума. И обоих есть семьи. И это не я их искала — они сами меня добивались. Долго, кстати. Я знаю, что оба не бросят свои семьи. Во всяком случае, ради меня. Хотя оба со мной счастливы. Разве не это главное? Счастье для себя и для других. Разве это я должна думать о тех женах, которые ждут их дома? Кто думал обо мне, когда меня насиловали и навсегда ломали жизнь?

— Девочка моя, сейчас, с высоты моих годов, я могу вам уверенно сказать, что нет ничего более важного, чем быть счастливым. Сколько раз я себя корила за то, что чего-то когда-то не сделала, потому что это могло потревожить тогдашнюю молву. А все то было моим уготованным счастьем, которое я по крупицам не собирала, а избегала.

Так не будьте вы хотя бы дурехой, какой была я. Нравится так — живите на здоровье! Влюбляйтесь, заводите романы, воспитывайте сына. Обязательно позаботьтесь о его образовании — это главное, что обязаны сделать родители. И будьте счастливы, проживайте каждое мгновение. Будьте сами собой! А я всегда буду рада помочь, чем смогу.

На глазах Валерии выступили слезы. Она сама не знала, почему. То ли стало жалко саму себя, то ли слова Зинаиды Ефимовны, сказанные от души, почти по-матерински, проникли глубоко в сердце. Ей хотелось плакать, хотелось расслабиться и забыть обо всем. К черту этот ремонт, эту квартиру — все и так сделают без нее. А кто еще сможет принять ее такой, какой она есть: без масок ролей, социального грима и без всякого апломба. Ей необходимо было это сострадание, здесь, в этой квартире, где еще испуганно доживало советское время, и где одним из самых ценных экспонатов хозяйки был портрет Ленина, сделанный из янтаря. Она пряталась в этом черно-белом прошлом и вспоминала свое детство, когда все было так легко и беззаботно. И эта славная женщина, которой так легко исповедоваться, потому что она жалеет и понимает.

— Зинаида Ефимовна, я сейчас поняла, — сказала Валерия, всхлипывая, — что вы — часть моих девяти баллов.

Обе дружно улыбнулись какой-то заговорщической улыбкой, как будто только что в этой комнате познали таинство, понятное только им.

2007 г.

ДМИТРИЙ ГОЛЯНСКИЙ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) (1972–2006)

ВМЕСТО БИОГРАФИИ: СЛОВО ОТ ПРЕЗИДЕНТА МАГИ

«ДОЖДЬ ИДЕТ В НЕБЕСА»

«В 2006 году вышел мой роман «Попрошайка любви» — о невидимом-но-существующем, о неслучайных совпадениях в жизнях, судьбах, снах. О невидимой паутине нитей между людьми и душами, сотканной неведомой рукой во времени и пространстве… А моя жизнь сама полна невероятных случайностей: последняя потрясла меня. Год назад, загружая собственные стихи на сайт Литсовета (www.litsovet.ru), где меня пригласили в «профи», я случайно нажала кнопку на «новые стихи дня». Среди них заворожило название «Звонари»: повеяло чем-то родным и знакомым. Стихотворение настолько понравилось, что поставила его тут же на свою страницу не только в «рекомендую», но и создала сноску «Прочтите — это стихотворение покойного поэта Димы Голянского». (В разделе «о себе» на странице автора этого изумительного стихотворения прочла следующее: «Дима погиб в ночь на 2 августа 2006 года в Питере. На 2-ом Суздальском озере (кому это что-то, конечно, говорит). Причина до сих пор толком не ясна. Все остальное есть (и будет дальше) в стихах. P. S.: e-mail imposter1@ list. ru принадлежит Кириллу Голянскому — брату Дмитрия. Всем спасибо за визит…»). Чиркнуло по сердцу это чужое горе… Засаднили мои собственные утраты. Написала отзыв Кириллу Голянскому — он ответил словами благодарности и… сообщил, что годами раньше его брат Дима купил мой сборник «Тысяча и Одна Жизнь» в Питере… А неделю назад (спустя год) Кирилл специально прилетел из командировки из Германии к нам в Испанию, дабы передать мне в руки только что выпущенный им посмертный сборник стихов брата с написанным им вступительным словом. Предисловие Кирилла начинается словами Платона: «…Поэт — это существо легкое, крылатое и священное…».

И вот у меня в руках два авторских экземпляра сборника стихов Димы Голянского «Дождь идет в небеса» — 200 страниц из оборванной жизни, но свершившейся судьбы и исполненного долга. Дима оставил людям сокровищницу своих стихов, в которых два параллельных мира — видимый и невидимый стали одним целым. Ушел человек, оставив нам между строк подслушанные им таинства бытия и любви… Быть может, о них ему нашептало эхо волн? И не случайно на фотографии на его странице на сайте Дима приложил ухо к морской раковине? И случайно ли то, что мы, никогда не встречаясь, выбрали стихи друг друга и пометили их для себя в душе «Любимые»? (Кирилл, передавая мне в руки книги брата, сообщил, что я была «любимой поэтессой Димы из современных»). И также, видимо, не случайно и то, что в новом моем романе маленький герой подслушивает тайны сновидческого мира в морской раковине, в которой его Ангел-хранитель частенько отдыхает от земной суеты сует… Видимо мы с Димой опоэтизировали в нашем творчестве одно и то же неслышное и незримое… Да: вот еще одно совпадение: Кирилл Голянский, собирающийся издавать в будущем и другие папки стихов, оставленные братом, сам не только музыкант, но еще и проникновенный поэт — певец «невидимого-но-существующего» мира, как и Дима, голос которого продолжает звучать в его стихах, несмотря на то, что его дождь идет в небеса…»

18 ИЮЛЯ 2007 ГОДА.

- В июле 2007 года петербуржцы Кирилл и Дима Голянские приняты в ряды Граждан Искусства М.А.Г.И.
- По просьбе МАГИ в «Московской правде» была опубликована статья о судьбе и творчестве Поэта Димы Голянского — «По коридору жизни промчалась душа» (1 ноября 2008 года) Оксаны Мерзлиник и Кирилла Голянского.

президент МАГИ, член Союза писателей России, член Всемирного клуба петербуржцев.

(Подборка стихов Димы Голянского печатается с разрешения Кирилла Голянского)

ЗВОНАРИ

Я раб Судьбы. Но сердцем я свободен.
А что Судьба? Мы все подвластны ей.
В ней что-то есть от русских колоколен,
В нас что-то есть от русских звонарей.

Упало Солнце в глушь немых окраин,
Но колокольный не смолкает звон.
Как будто зря навеки проклят Каин,
Как будто тень легла на Божий трон.

Шагает вновь окованный Мессия
Сквозь жизни строй. Но вновь в колокола
Звонят отход на рубежи иные,
И вечность льют на шпили-купола.

Но кто они, влекомые Судьбою?
Кто их ведет сквозь благодать и срам?..
Застыл звонарь, под колоколом стоя,
Уставясь в ночь, окутавшую храм.

А там, вдали, за черными ночами
Опять звонят до утренней зари
Сыны земли, с небесными очами,
Встречающие Солнце, звонари.

21.04.1998 г.

МОЯ БЛАЖЕННАЯ

Бывают дни длиннее и дороже,
Чем цепи в вечность канувших недель.
Бывают лица чище и моложе,
Чем первый снег в октябрьскую метель.

Я не без страха вслед смотрю провидцам,
Ужель сбылось, и впрямь исхода нет?
Но от тоски светлей бывают лица,
И дни длинней, чем тени долгих лет...

Смотрю в окно. Полдневное виденье
Возникло сразу. Четкий силуэт
Качнулся в воздухе, помедлил два мгновенья —
И вот Ты здесь — Примета всех Примет.

Идешь одна по улице пустынной.
Злаченый крест и нимб над головой
Уже видны, как знаки на картинах,
Написанных Божественной рукой.

Один порыв, одно движенье мысли,
И краски дня прольются на стекло.
И капли света превратятся в числа,
С последнего по первое число...

Мерцает полдень. Сонные кварталы
Как мотыльки над пламенем свечи,
Сгорают в свете солнечного бала,
И все вокруг сгорает и молчит.

Попался луч в окошек паутину,
Глаза Твои исполнены тоски.
Ведь день уйдет, какой бы ни был длинный,
А ночи здесь не так уж коротки.

Блаженная, Послушница, Святая,
Скорбящая над снежной белизной,
Взгляни наверх — Твой силуэт растает,
Черты лица останутся со мной.

17.11.1998 г.–09.03.1999 г.

ДЫШИ!

Там будет какая-то жизнь.
Хоть смерть неподвижна над всеми,
Движение строится из
Больших остановок на время.

И что там народ говорит,
О чем теоретики спорят,
Похоже на тот колорит,
Оттенок в чужом разговоре,

Что так не похож в свой черед
На речь представителей жизни.
Чем тема больней, тем капризней.
И чаще вопрос «что там ждет?».

Там будет какая-то жизнь,
И разные жители будут.
Вопрос повисает... повис...
Дыши, остановка покуда!

Пока твоя смерть далека,
Постой, покури, поразмысли.
А чтобы вопросы не висли,
Смотри на них чуть свысока.

Наверное, каждый урок,
Преподанный свыше, по сути,
Подводит к последней минуте
Длиною в пожизненный срок.

5–6.07.2000 г.

ЗВУКОПИСЬ ПРИРОДЫ

В душистый шум.
Сойду под сень
Земных стихий, и в их игре
Рискну проснуться в Судный День
И заглянуть в глаза Заре.

утро 13.05.98 г.

ХОЛОДНОЙ МГЛОЙ ОКУТАН ДВОР ПУСТЫННЫЙ...

Холодной мглой окутан двор пустынный,
Свет фонарей проглядывает в ночь.
Слепой туман дождливой паутиной
Опутал дни, умчавшиеся прочь.

Уже весна по календарным датам,
И в тишине волшебны чары дня.
А по ночам, туманами объятым,
Весна крадет сомненья у меня.

И вот опять надежды трепетанье,
И вот опять желание прожить
Всю эту жизнь, как первое свиданье,
Что, словно миг, нельзя остановить...

Пройдут года, и бой часов настенных
Встревожит слух стареющий не раз...
Теперь весна. Туманы всей Вселенной
Спустились вниз, но не укрыли нас.

Все по местам — и ночи взор дождливый,
И хлад небес, и мир у очага.
Вот только ты, мечтатель молчаливый,
Где будешь ты, когда пройдут века?

О ком вздохнешь, о чем жалеть не будешь?..
Часы как жизнь, не замедляют ход.
Но угли сердца пеплом не остудишь,
Как не расплавишь тронувшийся лед.

31.03.1998 г.–21.01.1999 г.

НА ЗАКАТЕ

В сетях заката
Вздыхает небо.
Закат из злата
Свивает невод.

Вздыхая робко,
Рядами окон
Дома-коробки
Плывут к востоку.

Ни волн, ни качки.
Под облаками
Антенны-мачты
Плывут, вздыхая.

И ветер чуткий
Тайком, украдкой,
Спустясь в проулки,
Вздохнет под аркой.

И мы с тобою,
Забившись в невод,
Вздохнем порою
О тех, кто не был

Как воздух, зыбкой,
Как день, крылатой
Златою рыбкой
В сетях заката.

15–16.02.1999 г.

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

Сто шестьдесят пять лет прошло со дня дуэли,
Как муки начались, и длились, на часах
Две ночи и два дня, часы оцепенели,
И в пользу смерти жизнь поднялась на весах.

Сто шестьдесят пять лет — то смерти годовщина.
Здесь в зимние часы, страдая тяжело,
От огнестрельной раны умирал мужчина.
И время, как палач, все резало и жгло.

Здесь Пушкин умирал. На Мойку, в дом 12,
То ездили врачи, то близкие друзья.
Кому-то уходить, кому-то оставаться
У Пушкина. И знать — вернуть его нельзя.

Быть может, кто из них надеялся на чудо.
О молодой жене и детях побоюсь
Сказать, что на душе творилось, и не буду.
И близких, и друзей я тоже не коснусь.

Историк-пушкинист исследовал детально
Последние часы, но вряд ли ведал он,
Что пережил Поэт во время расставанья
С той жизнию, что знал со всех ее сторон.

На улице народ — знак добровольной дани.
На улице мороз — январь на редкость лют.
На Мойке жгли костры и те, кто не читали.
Но Пушкин умирал — об этом знал весь люд.

Тревожные часы, последние минуты.
Биенье сердца в такт неведомым шагам
Души, что собралась, но сердце почему-то
Еще стучит. Раз. Два... Но трех не будет... там.

Там ангелы возьмут отчалившую душу,
Безмерную, как мир, и Свой откроет счет
Бессмертный Звездочет и скажет — Здравствуй, Пушкин.
И Млечною Тропой по Небу проведет.

А здесь, с земли наверх мы устремляем взгляды,
Но падающих звезд — увы, не сосчитать...
Сто шестьдесят пять лет прошло со дня утраты...
Прибавим тридцать семь, направим время вспять.

И мы увидим Жизнь, Судьбу и Человека,
Прочтем его Труды, прочтем труды о нем.
И скажем — Александр Сергеич, с третьим веком!
Тропа не зарастет. По ней мы к Вам идем...

ночь и утро 09.02.2002 г.
предпоследний день жизни А. С. Пушкина

СТРАННОЕ
(памяти Велимира Хлебникова)

Душа качается, как маятник,
Под белым потолком.
Окончен путь. Поставлен памятник.
И фото с уголком.

Глаза, как прежде, осторожные,
И смотрят невпопад.
Проходят дни пустопорожние,
И всяк чему-то рад.

Ее неловкие движения
Оставили печать.
Одно лицо без выражения,
Привыкшее молчать.

Под потолком густыми змейками
Играет звонкий дым.
Душа заставлена скамейками,
А мы на них сидим.

И видим — проплывает памятник
Сквозь крыши-корабли.
Душа качается, как маятник,
Под тяжестью земли.

13.05.98 г.

ПЕСНЬ С ХОЛМА

На холме благодать,
и со всех сторон света светает.
Унимается ветр,
просыпаются птицы в лесах.
Начинается день,
у подножья ручьи оживают,
и с вершины текут
колокольные вниз голоса.

И в гармонии той
зарождаются новые звуки.
Их душе перенять
будет проще у колоколов.
Где с востока плывут
вереницею красные струги,
там родится куплет
и к припеву добавится слов.

Эта песня Земли
до конца еще мною не спета.
А небесная ширь
скажет больше — не сочинена.
Впереди ль, позади,
остаются все стороны света.
И в гармонии той
Жизнь и смерть — это тема одна.

И взбираясь на холм,
и спускаясь вдоль ветхой ограды,
жизнь прибудет во всем,
что пульсирует, дышит, поет.
Вот и я пропою,
обойду вокруг белого храма.
Простою дотемна
у земных золоченых ворот.

12.02.2001г.

ДВИЖЕНИЯ ДУШИ
(сонет)

Душа, как дым, уйдет на небеса,
И ветер, задавая направленье,
Как компас, обозначив полюса
Пространства, не подвластного теченью

Ни времени, ни волн, лишь полоса
Магнитной стрелки установится, и зренье
Начнет игру в простое наблюденье
Происходящего; ударит по глазам,

И дымом бестелесным и бесцветным
Исчезнет, и без компаса, без ветра
Душа вздохнет над облаком костра

И спустится, как мотылек на пламя,
Опять кружить и дымом поднимаясь,
Вновь уходить, когда придет пора.

19-20.01.2000 г.

Мемориальная страница автора:
http://www.magi2007.by.ru/dimagolianski.html

СВЕТЛАНА ДАНИЭЛЬ ДИОН (ИСПАНИЯ, МАДРИД)

Поэт/прозаик. Член Союза писателей России с июля 2010 года. За верное служение отечественной литературе награждена литературной премией и памятной медалью А. С. Грибоедова, премией и медалью им. А. П. Чехова. Член Всемирного клуба петербуржцев. Член клуба Русских Писателей Нью-Йорка. Член Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» (Москва) и Открытого Литературного клуба «Отклик Член Всемирного Союза деятелей искусства ». С 2006 года — создатель и президент МАГИ (Международной Ассоциации Граждан Искусства, Мадрид).

Родилась в Ленинграде. Училась в Хореографическом училище имени А. Я. Вагановой. Иммигрировала в США в 80-е годы. Высшее образование получила в Колумбийском Университете (Нью-Йорк) по специальности «международный маркетинг и филология». Профессиональная балерина, работала в балетных компаниях США (мастер-классы и репетиции со знаменитыми русскими балеринами И. Колпаковой, К. Федичевой, М. Ставицкой, Е. Куниковой, А. Лисиной.) В «переломном» 1998 году, когда Светлана внезапно начала писать стихи и прозу, ей посчастливилось встретить в Нью-Йорке своего «литературного путеводителя» Надежду Семеновну Брагинскую, известного петербургского литератора и пушкиноведа, ведущую передачи «Живое слово» на РУССКОМ РАДИО «АЛЬЯНС»(США).
Светлана — автор четырех поэтических сборников, десяти в соавторстве, и романа «Попрошайка любви» — Ретро, СПБ, 2006 (номинант Российской литературной премии «Национальный бестселлер — 2006»).

Финалистка международного турнира русских поэтов зарубежья «Пушкин в Британии — 2004». Пишет стихи на русском, английском и испанском языках. «Не Дыши Без Меня» (Эрмитаж, 1998) — первый сборник стихов в Америке. «Тысяча и Одна Жизнь» (Блиц, СПБ, 1998) — первая книга поэзии в России. «Кружево Времени» — третий поэтический сборник (Лимбус Пресс, СПБ, 2002). «Небесный Почтальон» (Вест Консалтинг, Москва, 2010) — четвертая книга стихов и прозы. В сборники включены и стихотворения из романа «Попрошайка Любви». Стихи, написанные ею по-английски вошли в несколько антологий современной американской поэзии. Среди них — «The Evolving Secret», «The Sounds of Poetry», «The Fabric of Life», «The Best Poems'98», «Forever Spoken», 2008. С 1997 года является заслуженным членом «Международного Союза Поэтов» (The International Society of Poets), США. Стихи поэтессы печатались в русских и испанских газетах и журналах: «Книжное обозрение», «ПитерВоок», «Слово», «Литературные известия», «Футурум Арт», «Дети Ра», «Станция Мир», «Комсомольская Правда в Испании», «Московская Правда», «Славянские Корни», «Перо Лингвиста», «Работница», а также в Литературном альманахе мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым» («Тайвас», СПБ, Геликон Плюс, 2008), в Альманахе литературного сайта «НЛО» — произведения победителей конкурса 2008 года, в Новой антологии поэзии «Земляки» (170 поэтов из 24 стран; сост. Вл. Тугов, Москва, Ладомир, 2009), и в шести коллективных сборниках «Библиотеки современной поэзии» Фонда «Светоч» (Москва). Победитель Конкурса Издательского дома «Гаятри/Livebook» — 2007 (отрывки из романа «Попрошайка любви»).

С 1999 года Светлана Дион живет в Испании. В 1999 году русская программа телевидения в Америке (RTN) выпустила двухсерийный документальный фильм о литературном и балетном творчестве С. Дион «Поэтический полет русской Терпсихоры».

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« В стихах (Светланы Дион) звучит подлинный поэтический голос, — пишет **Игорь Ефимов («Эрмитаж»)**, — строй души поэта здесь налицо… и тонкий вкус. И сердечное богатство… Внутренний мир автора этих стихов кажется мне необычайно привлекательным и богатым… Порадовало, что нет вычурности, попыток блеснуть приемом, ошеломить метафорой, нет нарочитого разрушения речи ради грамматической детективности… »

« Новый роман Светланы Дион отсылает читателей к лучшим опытам Паоло Коэльо и Артура Переса-Реверте. »

«Комсомольская Правда», Испания,
25 мая 2006 г.

« Выпустив свой первый роман, балерина и поэт Светлана Дион предстала в новом качестве — как вдумчивый и глубокий писатель. Философский склад ума и ясная логика позволяют ей создать стройное повествование из пестрого калейдоскопа десятков самых разных персонажей, собрать воедино несколько сюжетных линий, не потеряться на перекрестках времен — ведь действие разворачивается параллельно и в прошлом, и в будущем, в XII веке и в 2013 году… У Светланы Дион особый дар «кинематографического» письма. Читатель становится одновременно и наблюдателем, и участником описываемых событий, словно превращаясь то в одного, то в другого героя жизненной киноленты… Вы верите в то, что любовь спасет мир? Что жизнь возвращает нас туда, где была сделана ошибка, чтобы исправить ее и начать все сначала? Вам кажется, что все происходящее с вами когда-то уже случалось? Подобные мысли не могут не возникнуть при знакомстве с романом Светланы Дион «Попрошайка любви»… Объемное произведение — более пятисот страниц — воспринимается легко и как бы исподволь вовлекает читателя в свою причудливую «сновиденную» реальность. При этом автор ничего не навязывает, растворяя выводы между строк и позволяя читателю самому прочувствовать «невидимое-но-существующее» вокруг нас. »

Елена Ерофеева-Литвинская
«Невидимое-но-существующее»
Журнал «Балет», «Линия»
Москва, 2006 г.

« **Юрий Ананьев** (критик, философ, писатель — Мадрид): В ходе представления духовно-фантастического романа Светланы Дион «Попрошайка любви» (длинный список номинантов Российского НАЦБЕСТ–2006) отметил «яркую самобытность жанра… полифоничность центральных идей романа, красивый стиль и высокий уровень русского языка», а также подчеркнул, что «сложная мистическая коллизия адекватно изложена в интригующем сюжете и вместе с тем не противоречит литературной ткани.., произведение к тому же написано красивым русским языком, тонким, интересным и богатым, что и ставит автора в один ряд с такими писателями, как Л. Улицкая и В. Токарева». »

Журнал «Славянские Корни»,
Испания, апрель 2007 г.

« Роман Светланы Дион насыщен размышлениями о вечности, Боге, смерти, любви, душе. Ее перу принадлежат фразы, претендующие на аксиомы науки о душе: «Любовь — это божья тень, скользящая по душам на земле. Со смертью мы столкнемся в жизни дважды. Впервые, когда поймем, что умрем, как все, — и тогда расстанемся с детством. А еще раз, когда поймем, что бессмертны наши любимые, и тогда мы заглянем в вечность»… Герои Дион — представители разных стран — Америки, Испании, Англии, России. Они находят общий язык вовсе не потому, что в их жилах течет русская кровь. Их, как выясняется, объединяет одна история из прошлого, мистическая подоплека которой заставляет изумляться и порой даже забывать о том, что роман прежде всего труд писателя, вымысел в большей степени, а вовсе не простое описание реальных событий,…клубок событий все же больше напоминает светящийся шар в руках медиума — посредника между душами живых и мертвых, читателя прошлого и предсказателя будущего. Сложность расклада пасьянса, за который взялась С. Дион, и состоит в том, что только кропотливое и вдумчивое, последовательное и осторожное ведение игры поможет картам сойтись. Оттого довольно объемное сочинение, состоящее из двух томов… композиционно выстроено по довольно строгой схеме. Без подобной подачи материала — с рефренами и уточнениями — читатель бы упустил нить повествования. Остается только догадываться и восхищаться тем, как мастерски «расправляется» с деталями сюжетных линий сама Дион… С. Дион держит в руках все многочисленные ниточки, как кукловод, управляя персонажами, каждый из которых основной, главный, значимый. И к тому же с филигранно выписанным характером и четко обрисованной внешностью.… Героине (романа), которая вызывает симпатию у любого, кто столкнется с ней и на страницах романа, и в той, виртуальной книжной жизни, тоже пришлось несладко. Вера путается в реальном и вымышленном, путает свое и чужое, путает причины и следствия, подозревает и верит, ведет собственное расследование, теряет и обретает любовь. А главное — приходит к выводам, способным ошеломить даже здравомыслящего человека. »

Оксана Мерзликина, «Сны о других»
«Московская Правда», 5 июля 2008 г.

Сайт автора: http://svetlanaddeon.narod.ru
E-mail: svetlanaddeon@yandex.ru

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАРОДЕЙ

Неузнанный живет среди людей —
Печальный, мудрый, вечно одинокий —
Художник звездный, Ангел-Чародей,
Еще Атлантам он давал уроки...

Земной закат всегда неповторим,
И каждый раз рассвет рисует новый
Художник-Чародей, пока мы спим,
Но не написано о нем ни слова...

Творит, — и как не устает рука?
Диковинною радугой двойною
Нас удивит, то в небе облака
Живой картиной поплывут чуднОю,

А иногда он черпает с лихвой
То красной, то зеленой краски, —
И лес пылает огненной листвой,
А в сосняке — одни зеленоглазки!

Он белый цвет лелеет, как дитя,
И белоснежной краски не жалеет
На снег, на облака, лишь цвет дождя
Нарисовать для нас всего труднее...

Он тайны цвета знает и цветов,
Оттенки и любви, и состраданья,
В альбоме Чародея — море снов,
Пейзажи судеб, миражи сознанья.

А иногда с палитрою своей
Прикинется художником-бродягой,
Портрет души напишет он твоей, —
Присядет в парке на скамейку рядом.

Как различить его среди людей,
По поступи, по выраженью взгляда? —
В нем что-то есть от белых лошадей,
Пасущихся на склонах небограда,

В нем что-то от кувшинок, лебедей,
И что-то от берез в плену сугробов...
Художник-Ангел, звездный Чародей,
Мой сон заветный нарисуй! Попробуй!

* * *

А что, если в небе читают стихи,
И важные строфы и строки
Заносят в архив, как и наши грехи,
И подвиги наши, а боги
Их с помощью ангелов
Судят и жгут,
и пепел нам ветер приносит...
И эту небесную пыль поутру
вдохнешь — и поэзия в прозе
нежданно забрезжит, и нам невдомек,
откуда порою, как чудо,
берется цунами изысканных строк...
А в море — зола изумрудов...

* * *

(Обитателю моего сердца, небожителю (Н. Д.) посвящается)

О, как тебя благодарю,
Живым, мой друг, всегда мне снишься,
Безвременности на краю,
В овале серо-синей ниши,

В оправе облака порой...
А иногда садишься рядом
И гладишь мне ладонь рукой,
Мой мудрый житель небограда.

Как изумительно молчишь!
Читаешь исповеди строки —
Черновики вчерашних виршей,
Печали завтрашней истоки.

И непонятно: кто из нас
Еще живой, а кто проснется
Впервые в предрассветный час
От света неземного солнца...

* * *

А ландыши в чужой стране
Хранят волшебный запах детства,
И растворенный в тишине
Рассвет — над озером — чудесный

Напоминает русский май,
Порханье бабочек на даче...
Покинутый когда-то край,
Не по тебе ли сердце плачет?

Не там ли оставляла я
Свои мечтания девичьи?
Порою трели соловья
Мне в пенье пташек заграничных

Напоминали об ином,
Приснившемся однажды царстве,
О чем-то чистом и святом,
И колокольчик стал... лекарством,

Ранимою голубизной
Своей, головкою поникшей.
Цветы, омытые слезой...
И ландыши — вчера в Париже.

Букетик ландышей пацан
Прохожим продавал... Улыбки
В ответ...Я столько разных стран
Объездила, храню открытки...

И бледных ландышей букет
Прижав к губам на Монпарнасе,
Я через столько горьких лет
Вдыхала сладкий запах счастья...

* * *

Среди чуждых людей и пейзажей —
В городах и деревнях чужих —
Я скитаюсь, гонимая жаждой
Вновь наткнуться на тихий родник,
Где знакомы и камни, и кочки,
Колокольчик от грусти поник,
А журчанье воды, словно строчки,
Вторит эху мелодий родных...

ПРЫЖОК В НЕБО

(Н. Д посвящается...)

Все просто и непоправимо:
Мне мир людей отныне
Казаться стал пустыней,
И жизнь проходит мимо,
Как поезд, уносящий прочь
Случайных спутников вокзальных, —
Бродяг из зала ожиданья,
Со мною коротавших ночь.

Но нет пути, и нет маршрута,
Нет станции, нет остановки —
Воспоминания и только
Ведут к тебе... Лишь с парашютом,
С земли — туда, за облака,
Сквозь снов бесцветные осколки,
Взвыв, как умеют только волки!
Как тянется к кольцу рука!

Но адрес твой кто даст мне в небе?
Ни среди тысячи теней,
Ни среди призраков людей
Не числишься в небесном чреве...

Но сердцу бренному видней,
И посреди небесной рощи
Тебя найду душой, «на ощупь»,
И припаду к душе твоей...

ТАИНСТВО РОСЫ

(Диптих)

1

А смерти нет,
но есть прощанье —
до новой встречи на земле,
есть тьмы извечное сиянье
и... возвращение к себе,
когда, уткнувшись в ландыш носом,
ты захмелеешь наяву,
и все ответы на вопросы
слезой росы падут в траву...

2

Что жизнь? — Не песня ли души,
чью музыку напишет сердце,
а голова сама решит,
когда романсы или скерцо
натянут времени струну,
по ней ударят чувства смело, —
объявят логике войну
и белым начертают мелом
на контурах души стихи; —
напевы сердца растворятся
в словах любви. Судьба. Шаги.
Обрывки снов, галлюцинаций.
И смерти нечего боятся:
душа не раз еще споет,
немало песен есть красивых...
Что жизнь? — Сплошной круговорот
И повторение мотивов...

* * *

Сквозняк.
Открытое окно.
И занавес как парус.
И одиночества зигзаг

Бросает тень на полотно,
А в кресле спит усталость.
И каждый день бывает так.
Кружится вихрем пыль.
Седеет волос на висках.
Стареет кожа на руках.
И под глазами синь.
И выжженный пустырь
Мерещится на месте туч,
А небеса в снегах...
Тугой повязкой
Солнца луч
На сердце нараспах.

* * *

Как ртуть,
Горошинами по углам,
Разлилась моя суть
Догадкой — там,
Мне в зеркале путь
По стихам —
к облакам,
Наизусть запомнив
Осколки снов,
Серебристую проседь —
Любимого лоб,
Цвет молитвы,
Шепот цветов,
И лезвие бритвы,
И песнь парусов,
И жалобу мачты
Над головой,
И лето на даче
Девчонки босой...
Стывшие пальцы
Матери
В ладони моей...
Улыбки-маски
Скитальцев,
забытые у дверей.
Слова прощанья
У того же порога,
Все имена любви,
Дорогу...
И безымянная рука,
Мираж родимого чертога,
Чуть слышная строка...
Нагая вера
Во что-то в зеркале,
Обрывки нервов,
Так от молнии — провода,
А мне не верили,
Что горит вода,
Иногда...

* * *

Мне тебя уже видеть не надо —
Мне достаточно помнить тебя.
Нерушимая в прошлом преграда
Уместилась в головку гвоздя,

Заржавевшего в клапане сердца,
И при каждом ударе саднит,
Словно рана — от черного перца,
Наболевшая мышца в груди.

Мне тебя уже слышать не надо —
Я привыкла с тобою молчать,
Вспоминая апрель виноградный
И цыганскую пьяную страсть...

Я уже научилась с рассветом
Твои руки к губам прижимать,
Забывать, что тебя больше нет
Для меня — навсегда и опять;

И лелеять надежду, что где-то,
Далеко, без меня и с другой,
Невредимый шагаешь по свету,
Не бессмертный — а просто живой...

«Мне тебя уже видеть не надо», —
Буду фразу твою повторять,
И себя обману беспощадно —
В первый раз, навсегда и опять...

ВДОЛЬ БЕЗУПРЕЧНОЙ ПАМЯТИ ВОДЫ

Мне от тебя не нужно ничего...
Ты просто будь — как снег, как свет, как ветер...
И сколько вместе нам отмерено шагов
На этой неразгаданной планете?
Не НАМ решать. Но только НАМ мечтать,
Загадывать безумные желанья —
Ведь иногда снисходит благодать...
Поверь, с тобой я не ищу свиданья.
Пружина времени в спиралях бытия
Моей судьбы запутывает нити...
Скажи, ты счастлив? Может быть и
Смогу тебе не раз еще присниться?
Какая разница — во сне иль наяву?
Твой взгляд знаком до головокруженья:
Так будит ветер ласково траву,
Так тишина ласкает отраженье
Плывущих на рассвете облаков
Вдоль безупречной памяти воды. —
Так рябь, так дрожь, так звон колоколов. —
И узнаванье... Ты — я. Я — это ты...
Наверное, друг друга так узнают цветы...

2010

«ГРАДУСНИК МУЖЕСТВА» ИЛИ «ПЯТЬ «ЗМЕЁВ»

(отрывок из романа «Попрошайка любви», СПб., Ретро, 2006)

Главная героиня этого духовно-фантастического детектива, действие которого разворачивается параллельно и в прошлом, и в будущем — в XII веке и в 2013 году, взглянувшая в лицо смерти, возвращается в жизнь. Спасенная с помощью чудодейственного этреума, Вера должна понять, почему она видит сны о чужих жизнях. Ей предстоит отыскать в лабиринтах времени горькую правду об одной любви... За каждым неожиданным поворотом истории главная героиня натыкается на самые невероятные открытия в науке о душе. В ее руки попадает и ключ от бессмертия. В ее власти устранить искусственную вечность, грозящую человечеству. Как и найти мужество заглянуть в зеркало своей души. Мужество жить, не боясь смерти, потому что на свете есть Любовь. А с ней надежда на то, что нам дан шанс переиграть собственные судьбы под другими именами в другом сценарии, ибо Бог верит в человека даже тогда, когда человек не верит в Бога.

«...Именно это стремление к подвигу во имя любви, эта безрассудная способность самопожертвования во имя другого делает нас узнаваемыми от жизни к жизни для самих себя. И тогда однажды, встав перед зеркалом, мы на миг уловим мелькнувший перед нами знакомый незаконченный портрет собственный души. И мы его узнаем. Но это не все. Его расплывчатые черты будут удивительно похожи на невидимого двойника, созданного в сердце тех, кто нас любил так искренне...».

Сурада де К., 1111 год, 2001 год
Отрывок из романа «Попрошайка любви»

«ГРАДУСНИК МУЖЕСТВА»

— Я видела в лесу пять змеёв! — бросилась я в колени отцу со слезами. — Честное слово!

— Кого?! — переспросила мать, не оборачиваясь.

— Пять змеёв, я видела... — тараторила я.

— Сколько?! — прервала меня бабушка.

— ...Пять змеёв, — захлебывалась я от страха.

— Не гнусавь! — И не змеёв, а змей, — перебил меня отец и резко поднялся со стула. — Она сочиняет на ходу! — повторил он и взялся за пряжку ремня.

Колотить меня вдруг перестало. И мой первый в жизни испуг сменился удивлением. Я стояла в центре нашей веранды в окружении пятерых взрослых, застыв от ужаса: никто из них мне не верил!

Отец что-то шепнул матери и обнял ее за талию.

— Может, не надо? — донесся до меня ее тихий голос, слившийся с потрескиванием масла на сковородке. В воздухе стоял сильный запах жареного лука и грибов. Я оглянулась в сторону моей няни:

— Милые вы мои, ведь несмышленая... — ее дрожащий голос осекся.

Отец решительно направился ко мне через всю веранду: он еще никогда не казался таким большим и сильным. Ко мне вернулся дар речи, и не слушавшиеся меня губы старались улыбнуться: «Па-а-апочка, я больше-е не бу-у-д-д-у вы-ы-ходи-и-ть за-а кали-и-тку одна-а...», — подвывала я, задыхаясь, — теперь уже от радостного нетерпения. «Мой папа ничего не боится: сейчас мы вместе пойдем с ним в лес, и он расправится с ужасными пятью змейми, — змеями», — поправила я сама себя уже вслух, и протянула обе руки кверху — к папе. Он одним махом поднял меня, и на мгновенье я ощутила знакомый, пугающе приятный аромат, тут же ускользнувший в запах «Беломора».

Комната перевернулась вверх ногами, и перед глазами возникли отцовские ботинки без шнурков. Превозмогая резь в глазах, я пыталась разглядеть стоптанные башмаки под стулом в углу. Они шаркнули по полу и зашагали прочь, оказавшись ногами моей бабушки. Над ними донесся ее голос:

— Нет, надо сеткой высечь, а не ремнем, и пять раз — за каждого змея, чтоб не выдумывала больше.

— Нет, нет. Четыре, — деловито торопилась мать, — ведь одного-то, по крайней мере, она видела.

— А остальные ей померещились с перепугу-то, — услышала я голос няни.

— А, может, это были змеята в гнезде, будущие? — успокоил меня звонкий и спокойный голос Ангелины — моей тети и маминой сестры, которую я звала всегда по имени, как и подруг по яслям. Когда Ангелина была рядом, ничего дурного или несправедливого произойти не могло.

Уже догадавшись, что я лежу кверху попой поперек жестких колен отца, я боялась только одного: вдруг слова моей тети спасут меня слишком поздно, и отец успеет стянуть с меня штаны, и все, особенно муж Женя моей лучезарной Ангелины, увидят мою голую... Додумать я не успела.

Первый удар, обжегший мои голые ягодицы, я не услышала из-за хлопнувшей одновременно со свистом ремня в воздухе дверью. Закусив нижнюю губу, я открыла глаза. В проеме стеклянных ромбиков двери на крыльце я увидела удаляющиеся новые ботинки моего дяди. Моя благодарность и уважение к нему зародились в тот момент и сохранились на всю жизнь — на много лет и после смерти нашей молодой Ангелины. Дав себе слово не проронить ни звука и не заплакать, я еще крепче ухватила зубами

нижнюю губу... Я насчитала еще четыре удара после хлопка двери и открыла глаза. И... не увидела нигде на полу веранды белых искрящихся лакированных туфель — ног Ангелины.

«Неужели?..» — снова не успела додумать я, как последний — шестой — обрушившийся на меня удар и слова отца — «А это на будущее»— застали меня врасплох. Нижняя губа предательски вырвалась из моих редких молочных зубов и издала новый для меня звук «Аммм!». Нечто среднее между «ай!» и «мама!». На середине удара, вернее, эха от него, потрясшего все тело, мне все же удалось снова закусить непослушную, мокрую от крови губу и не дать ей договорить «ама».

Кстати, «ам» вовсе и не был новым, изобретенным мною звуком. Его произносили каждый раз, держа меня за обе щеки, — чтоб я не выплюнула набитую в рот кашу, которую я стойко не желала глотать, несмотря на бесчисленные «ам» мамы и бабушки. Силы воли у меня обычно хватало не больше, чем на пять «амов», так как мой постоянный, измотавший всех насморк — по рассказам кормившей меня бабушки, — не позволял мне дышать через нос.

Никто из взрослых и не подозревал, что количество «амов» имело прямое отношение к количеству красных полос на моих ягодицах после той знаменитой первой порки, во время которой я убедилась, что мужество мое можно измерить, и что равно оно пяти, а сила воли — это ловкость закусывать нижнюю губу и не дать ей вырваться, чтобы не произнести ни звука.

В мужестве в тот год я упражнялась все лето. Мои стоические пять «амов» окончательно извели бабушку, занятую дачниками. Когда я расшибла себе левый висок, ударившись об угол скамейки, она пожаловалась родителям, что ей за мной не уследить. Окончательно бабушка сдалась после того, как меня доставили в местную больницу с необычным диагнозом: «села на пень». Дерево было спилено неровно, и острые зазубрины яростно впились в мои уже настрадавшиеся в то лето ягодицы. Бабушка позвонила маме в город и сообщила две новости. Первая, что я села на пень, но моя невинность, по заключению областного врача, не пострадала. Вторая, что меня срочно следует «снять с ее шеи» и определить в круглосуточный летний детский сад через дорогу от дачи.

«Сама себя высекла», — строго сказала мать, когда я, вися на калитке детского сада, стала громко ныть, будучи не в силах бороться с горечью первого расставания. Меня покинули против моей воли.

Высокие фигуры родителей исчезли за поворотом. Я осталась совершенно одна.

Все еще всхлипывая, но уже тише — только для самой себя я успокоила себя тем, что здесь не будет ни «амов», ни капроновой сетки из-под картошки, заменявшей отцовский ремень. Видимо, ремни деда бабушка не хранила после его смерти. Не будет и крапивы, заменявшей сетку, если та была занята картошкой.

«Не будет здесь и няни», — подумала я и почувствовала странную резь в горле. Я закусила губу. Не успев досчитать и до четырех своих обычных «мужественных пяти», я почувствовала во рту не сладковатый знакомый привкус крови из истязаемой губы, а соленый и горький. Слезы текли по щекам, попадали в рот и точно собирались в горле, где защемила моя тоска по няне.

Я огляделась — вокруг не было ни души. Только лес за калиткой и пустая поляна с качелями и песочницей позади меня. Я выпустила губу на волю и стала громко всхлипывать, не закрывая глаз. На всякий случай: вдруг кто-нибудь услышит? Боль из горла поползла вниз и исчезла в животе.

Мне вдруг почудилась мама, выглянувшая из-за кустов за поворотом дороги, но только на миг. Потому что в тот момент меня потрясло новое открытие: оказалось, что когда мужества хватает меньше чем «до пяти обычных», то, заплакав, можно перехитрить боль и утопить ее в животе. Но только если вокруг никого нет и плакать можно вслух.

«Значит, хныкать можно, только когда я одна, — а при всех нужно закусывать губу и считать... до пяти, — объяснила я себе на будущее и дала клятву, что — «когда вырасту, научусь считать до ста».

И тут меня осенила догадка: «Мне сейчас — пять лет, и я могу досчитать мужество до пяти. Каждый год я буду прибавлять мужество на один и стану очень сильной. Интересно: знает ли об этом моя бабушка? И до скольких считает мой папа? И вообще все взрослые? И все ли они знают, что надо считать мужество при всех, и тогда можно продержаться и не дрогнуть. — Не показать свою слабость. И никто не заметит, что на самом деле очень больно. А может, не все взрослые «считают»? Вот няня, например, наверняка не считает». При мысли о няне боль спохватилась и поползла из живота к горлу. «Надо научить ее считать хотя бы до трех», — пообещала я себе, вспомнив, что глаза няни всегда становились влажными, когда она меня обнимала.

Я решила отвлечь себя от одиночества этой игрой в мужество и стала вспоминать всех знакомых взрослых: «Интересно, до скольких сумела досчитать моя солнечная Ангелина, перед тем как одновременно с первым ударом ремня хлопнула за ней и за «мужем Женей» дверь?». Я задумалась. «Змеев было пять. Ударов тоже. Лет мне пять. И мужества моего тоже пять. И начну его прибавлять на один в каждый день рожденья», — снова поклялась я себе торжественно, потеряв на ходу мелькнувшую догадку о не случайности совпадений на много лет вперед.

Я сползла с калитки и присела на корточки. Прутиком начертила длинную линию и разметила на ней цифры от одного до десяти. Рядом написала имена взрослых родственников, начиная с няни. Напротив каждого имени я ставила цифру мужества.

Против няниного имени долго не знала, что поставить. Отец хотя и научил меня уже считать до десяти и рисовать градусники на песке, про ноль еще не говорил. После многих исправлений на песке около имени няни образовалась ямка, и я бы еще долго мучилась, если бы на мой чертеж не упала тень, а прямо перед носом не остановились бы белые лакированные туфли. На секунду я обрадовалась, вспомнив искрящиеся туфли Ангелины, которые всегда точно так же поблескивали на солнце, когда мы с ней пололи грядки с клубникой. Резиновые сапоги в огород надевать она отказывалась, несмотря на угрозы бабушки, что еще раз импортные туфли ей дарить никто не собирается. «Приедет ли Ангелина ко мне в родительский день через неделю? Как жаль, что я так и не успела расставить всех моих взрослых в линеечку», — с грустью подумала я и задрала голову. Меня ослепило солнцем, и я зажмурилась.

— Ты что же тут делаешь одна? — раздался незнакомый звонкий голос над туфлями.

Я открыла глаза и, привыкнув к солнцу, увидела очки в обрамлении желтой косынки. Снизу от очков была улыбка.

У меня мелькнула шальная мысль проверить мое новое открытие, и я спросила «улыбку в косынке»: — А вы до скольких можете считать? Больше чем до пяти? — спросила я.

Улыбка весело рассмеялась.

— Конечно, могу! А ты?

Я смутилась.

— Пока только до пяти, — врать мне ей почему-то не хотелось. И тут же прибавила: — А вот через год я смогу сосчитать до шести, еще через год — до семи... ой, а сколько вам лет?

— Мне? Двадцать пять, а тебе?

— Значит, вы можете досчитать до двадцати пяти! Ничего себе: сколько у вас мужества! — не ответила я на ее вопрос.

Улыбка села передо мной на корточки. Я с любопытством заглянула ей в очки. Позади полупрозрачных стекол на меня смотрели в упор раскосые зеленые глаза. «Как у Ангелины, только меньше», — обрадовалась я и вспомнила с досадой, что так и не поставила мою светящуюся тетю на песочный градусник мужества.

— Откуда ты знаешь это слово — «мужество»? Ведь оно только для взрослых. Ты знаешь, что оно значит? — очень серьезно спросила Улыбка.

— Знаю и давно, — похвасталась я. Мне ужасно захотелось ей понравиться, как и моей тете. Мне нравилось нравиться Ангелине больше, чем всем остальным.

— Как давно? — ничуть не удивившись, спросила Улыбка.

— Со дня, когда уснул мой дедушка, — тогда моего мужества было только три, но я еще об этом не догадывалась.

— Еще? — удивилась, наконец, Улыбка.

— Да. Еще. Я тогда не умела считать, да и не нужно было: меня тогда еще не били по... — я осеклась.

— Не били? — Улыбка сняла очки и взяла меня рукой за подбородок.

Боль из живота вдруг опять прыгнула в горло, и я принялась считать до пяти. Удалось: я загнала ее на место — в живот, и соврала:

— Я сказала: не были...

Я знала, что говорить правду про ремень и сетку другим взрослым нельзя. Однажды меня высекли за то, что я объяснила одной бабушкиной дачнице, что крапива растет для того, чтобы ею наказывали по голой попе плохих девочек, когда картошка еще не вся съедена. Глупая дачница обвинила бабушку при всех, что она закармливает меня картошкой. И мне опять «досталось» в тот вечер «за вранье». Высекли сеткой — картошка в тот день как раз кончилась.

Улыбка больше не улыбалась. Я виновато посмотрела на нее. У нее в глазах стояли слезы. Я с облегчением вздохнула: «Она тоже мне один раз уже соврала. Ее мужество меньше чем на десять», — сосчитала я, точно не зная, на сколько двадцать пять больше, чем десять. Не буду ей врать, — пообещала я себе строго, — сосчитаю до шести, но не буду». Я смело посмотрела Улыбке в глаза и улыбнулась.

— А что это такое — мужество? — поинтересовалась она, торопливо надев очки.

— Это то, что надо иметь, чтобы за него держаться, когда нельзя плакать на людях, но когда очень хочется, потому что больно в горле или на попе, — выпалила я.

Зеленые глаза позади очков стали круглыми и очень большими — почти как у мамы. Улыбка, казалось, застыла, а я вспомнила, что точно так же потеряла дар речи, когда догадалась, что про «пять змеев» мне не поверили. Мне стало ее жалко, и я решила ей помочь :

— Когда мой дедушка лег спать в гроб, моя мама — тогда ее мужество я еще считать не умела — стала рыдать на груди дедушки, который от этого не проснулся. Моя бабушка ей тогда сказала: «Держись, имей мужество, не плачь на людях, — смотри, как крепко держится твоя младшая сестра, — не плачет на людях. Не плачь при ребенке». Ребенок — это я, а сестра мамы — моя лучезарная тетя Ангелина.

Улыбка качнула головой:

— Ну, теперь мне все ясно. А почему она — лучезарная, твоя тетя?

Я смутилась, но, мужественно досчитав до пяти, призналась:

— Это секрет, но я вам скажу, так как один раз я вам уже соврала.

Она снова понимающе кивнула.

— Я никому ничего не скажу.

— Я как-то притворилась в машине, что сплю, и подслушивала. А мой дядя, который появился после того, как дедушка начал спать в гробу, сказал моей тете в машине: «Какая ты у меня лучезарная». Мне так понравилось это слово. Оно очень похоже на мою Ангелину.

— Чем же оно на нее похоже?

— Оно очень солнечное и долгое. Оно длиннее, чем его буквы. Длиннее, чем десять. Ангелина — тоже бесконечная и светится. У нее даже туфли блестят, и она очень стройная и тоненькая, «прозрачная и призрачная», как говорит ее муж Женя. — Я перешла на шепот. — И еще мне часто кажется, когда горит ночник, что она не кончается там, где она кончается. Вокруг нее как тень. Только не серая, как у всех взрослых, а белая. Светящаяся.

— Лучезарная тень? — подсказала мне Улыбка, так сильно улыбаясь, что я успела рассмотреть: у нее тоже нет зуба сбоку. Как и у меня. Она мне понравилась еще больше.

— Ангелина — это твоя родная тетя? А еще у тебя кто-нибудь есть, у кого тень тоже светится?

— Да, моя очень добрая старенькая няня. Только мужества у нее меньше, чем один, в отличие от Ангелины. — Она сразу же плачет, не досчитав и до одного. Но она в школе не училась и считать не умеет. А вы на самом деле до скольких считаете?

— То есть сколько у меня мужества? — сразу поняла меня Улыбка.

Я ликовала: «Значит, я правильно догадалась, и мужество взрослые считают!»

— Больше, чем десять? — не терпелось мне услышать.

— Гораздо меньше, чем полагается в мои двадцать пять. И гораздо меньше, чем у твоей тети Ангелины.

Это было мое второе в жизни разочарование после «пяти змеев»:

— Как?! Значит, мужества не прибавляется «на один» каждый год — и я не смогу досчитать до десяти, прикусив губу, когда на людях хочется плакать, но надо держаться? — Я чуть не разревелась от досады, что, оказывается, у взрослых все устроено вовсе не так, как я придумала.

— У кого как: у кого прибавляется, а у кого и убавляется, — грустно сказала Улыбка скорее самой себе, чем мне, и сняла платок. Длинные волосы рассыпались ей на плечи и оказались тоже светло-желтыми.

— Значит, если взрослым одинаково лет, а мужество у них разное? — окончательно сбитая с толку, пытала я загрустившую Улыбку.

— Да, очень разное, — сказала она застенчиво и принялась разглядывать мой «градусник мужества» на песке. Я заметила, что она сидит рядом со мной на песке, подстелив свой платок под светло-зеленое платье.

— А какое самое большое мужество после десяти? — заглянула я ей в веснушки.

— Оно беспредельно.

— А сколько это?

Веснушки наклонились к моему градуснику и ткнули в десять:

— Это у тебя шкала взрослых? — прочла она «бабушка» рядом с отметкой «десять». — Значит, твоя бабушка никогда не плачет? А няня? Почему не цифра, а ямка?

— Ее я сама начну учить считать и держаться за мужество, — гордо заявила я. — Она чуть что — в слезы. Особенно, когда меня жалеет. Ее я буду учить считать с одного.

— С нуля, — поправила меня Улыбка.

— С чего?

— Ты не знаешь про ноль? — удивилась она. — Я тебе сейчас все объясню.

У меня захватило дух:

— Это что — секрет?

— Нет, это еще меньше, чем один. Это ничего. Ты знаешь что такое «ничего»?

— Да, — серьезно, как и Улыбка, сказала я. — Это когда не нужна крапива, потому что его («ничего») нет в сетке. — И пояснила: то есть это то, чего нет в сетке, когда не нужна крапива.

Улыбка пристально на меня посмотрела. Потом она перевела взгляд на мою шкалу, как она почему-то назвала мой песочный градусник, и неожиданно спросила:

— Чем тебя секли — крапивой или сеткой, в которой было «ничего», когда ты первый раз сосчитала свое мужество до пяти, держась за него, чтобы не заплакать на глазах у всех взрослых: у своей жалостливой няни, строгой бабушки и волшебной Ангелины, когда тебе было пять лет? Это было совсем недавно? Да? И неужели никто за тебя не заступился, даже мама?!

Я остолбенела: «Как же это Улыбка догадалась обо всем и про всех?!»

В горле у меня так сдавило, что губу защемить не удалось. Я тщетно пыталась поймать ее зубами, чтобы начать считать и не разреветься. Но губы онемели и не слушались. Тогда я схватилась за запасное мужество: стала загибать пальцы на правой руке по одному и считать про себя «один», «два»...

Мне удалось не всхлипнуть, и я попробовала не дышать «до пяти». Я умудрилась не издать ни звука, но слезы уже предательски жгли обкусанную губу.

Улыбка «с мужеством меньше двадцати пяти» притянула меня к себе, — очень осторожно, чтобы не стереть на песке мой «термометр», как называла градусник няни бабушка.

— А ты поплачь, поплачь, — сказала она мне ласковым голосом моей няни. — И я окончательно запуталась в этой загадочной Улыбке, которая знала не только про ноль в сетке, но к тому же самое главное и про меня, и про мою чудесную Ангелину, и про няню. И еще она знала, что бабушка у меня строгая. Но самое невероятное — Улыбка была похожа и на мою лучезарную тетю, и на добрую мою няню с «мужеством в ноль», а глазами напоминала печальную маму.

Уткнувшись в ее ароматные волосы, я тихо всхлипывала. Она молчала и, раскачиваясь вместе со мной, поглаживала меня по волосам.

Мне вспомнились ласковые руки мамы, гладящие меня по голове после порки из-за «пяти змеев». И звук перелистываемых мамою страниц книги с огромной змеей, обвитой вокруг палки, на обложке. Я закрыла тогда глаза, чтобы не видеть это ядовитое напоминание о причине порки.

(Точно такой же странный символ медицинской науки, по настоянию бабушки, вырезали на плите у подножия могилы Ангелины годами спустя: она, как и мама, была врачом. А около гранитного памятника мама моя посадила тоненькую березку. Она прижилась, и мама ее всегда поглаживала и шептала ей о самом трудном в ее душе. Она была старше своей единственной сестренки на десять лет и любила ее на пятнадцать лет дольше, чем меня. Когда мама лишилась Ангелины, она перестала «чувствовать чувства». И, как однажды призналась мне, лишь помнила об их присутствии...).

Я прижалась теснее к Улыбке. Мне показалось, что знаю ее очень давно, еще даже до порки из-за змеев. Боль лениво расползалась по всему телу и спряталась снова в животе.

Улыбка осторожно разогнула по одному мои сжатые пальцы правой руки. Потом она так же разжала мой левый кулак и рассмеялась:

— Смотри, мой маленький герой, ты только что смогла досчитать до десяти, перед тем как расплакаться от боли, когда можно не бояться никого вокруг. Видишь, оказывается у тебя мужества вдвое больше, чем полагается на твои пять лет. И тебе не надо ждать до десяти лет, чтобы дорастить мужество свое до десяти.

«Жаль, что пальцев у меня только десять, а то бы я ей показалась еще храбрее», — мелькнула у меня в голове беспокойная мысль, что я ей не понравлюсь.

Улыбка долго рассматривала мою ладонь и, наконец, ткнула пальцем в самый ее центр:

— Смотри, какая у тебя необыкновенная ладошка: две разные линии — ума и сердца — слились в одну длинную. Значит, ты думаешь сердцем. — Она серьезно заглянула мне в глаза. — А так бывает редко, только у самых отважных и мудрых.

— А у вас тоже так? — я взяла ее за левую руку.

Она повернула ее ладонью вверх и провела пальцем по зигзагу в центре ладони между двумя короткими параллельными линиями.

— Говорят, это знак трудного пути к самому себе: душа и ум ссорятся, а в сердце путаница...

Я ее заверила, что тоже путаюсь в себе постоянно, и она снова повеселела.

— За что тебя наказали тогда? — спросила Улыбка, наклонившись над моим рисунком на песке.

— За то, что заслужила, — повторила я слова мамы. — Никто, кроме Ангелины, мне тогда не поверил. А она одна догадалась. Она все видела на расстоянии и знала правду. И защищала ее тогда. «Стояла за правду», — как сказал «муж Женя».

Улыбка внимательно разглядывала градусник на песке:

— Посмотри на свою шкалу: я не вижу имени твоей тети. И знаешь, давай начертим новою шкалу и поставим тебя рядом с «десятью», а няню твою напротив «нуля» не будем ставить. Ладно?

Я полностью доверилась Улыбке и начертила новый градусник. Над первой черточкой Улыбка нарисовала кружок.

— Ноль! — догадалась я.

Она чмокнула меня в лоб и дала мне прутик.

— Поставь десять сама. А завтра я тебя научу считать дальше.

Я нарисовала десять на конце и рассмеялась. Оказывается, ноль я уже знала, просто не замечала его в числе десять!

Улыбка взяла палочку из моих рук и продолжила линию на земле до самого забора, пока та не уперлась в крохотную елочку у калитки.

— Мужество равняется бесконечности? Да? Надо поставить спящую восьмерку! — догадалась я и обрадовалась, что теперь все уже понимаю. Я вывела на песке знак бесконечности, как учил отец, и ткнула пальцем в горизонтальную восьмерку, надеясь еще больше удивить Улыбку.

Она снова присела рядом со мной на корточки и взяла мои руки в свои:

— Ты очень умная и мужественная девочка, как и моя дочурка, — медленно сказала она, взяв мои руки в свои, и вдруг расплакалась.

Я растерялась.

— Вот видишь, мое мужество меньше, чем твое: я не успела досчитать даже до двух, вспомнив мою дочурку, которая год назад стала спать в гробу, как и твой дедушка.

— Не плачьте, Улыбка, — громко сказала я заботливым тоном моей няни. У доброй воспитательницы все еще катились слезы из-под очков. — Скажите лучше, куда мы с вами поставим мою Ангелину на этой «клаше»?

— Шкале, а не клаше, — поправила она меня и, к моей радости, снова улыбнулась. — Самое большое мужество — это не бояться правды, а не своей боли или слабости, мой маленький герой. Твоя тетя тебя защищала, потому что верила: ты говорила правду. Понимаешь? Кстати, ты мне так и не сказала: за что же тебя наказали.

— За пять змеёв, то есть змеев, — призналась я.

— А мне «змеёв» даже больше нравится. Особенно, когда их целых пять. Ведь их было пять, да?

— Там в траве было пять яиц, я хорошо сосчитала, — сказала я правду.

— А может, они были птичьи, а не змеиные?

— Нет, точно змеиные. — Одно яйцо было разбито, и около него извивался малюсенький змеек...

— Змееныш, — сказала она и заключила: — Ты просто видела то, что еще не случилось. Ведь остальные четыре яйца превратятся в «змеёв» позже. Ты говорила правду, и твою храбрую тетю Ангелину, которая тебя пыталась защитить, мы поставим на шкалу почти рядом с калиткой...

Много лет спустя, когда Ангелины уже не было в живых, я вернулась вместе с Колей и Ромочкой на то место, где мы с Улыбкой размечали наш градусник мужества. Калитка была уже другая, но на прежнем месте.

«Оказывается, Улыбка тоже тогда увидела будущее», — подумала я четыре месяца назад, стоя рядом с забором детского сада и объясняя Ромочке, что «на этом месте» я когда-то была такая же маленькая, как он. Вспомнив свою добрую воспитательницу и первый день в садике, я нагнулась и провела на земле длинную черту — от того забора, где давно-давно было выведено «Ангелина», до самого леса через проселочную дорогу. Там, где линия уперлась в срубленный березовый пень, я начертила две заглавные буквы — через черточку: «Т» и «А». «Т» — для тети, и «А», — конечно, для Ангелины.

Обе лучезарные, Ангелина и Улыбка одновременно стояли перед глазами, поблескивая на солнце белыми лакированными туфлями. «И это — не совпадение», — я пыталась сосредоточиться на ускользающих догадках и воспоминаниях. Сынишка тянул меня за руку и просился обратно на веранду с «ломбиками», где нас ждал Николай, перегревшийся в то утро на солнце. Возвращаясь на дачу, еле поспевая за своим расторопным малышом, я вспомнила, что так и не призналась тогда Улыбке в том, что вместо «шкала» нарочно сказала «клаша». Чтобы ее рассмешить, и она перестала бы плакать. Мне так хотелось, чтобы «Улыбка улыбнулась»...

Жаль, что я тогда не вспомнила, как именно звали мою солнечную воспитательницу, которая в наш первый день знакомства объяснила мне и про ноль, и про мужество. А позже не только научила меня считать до двадцати пяти, но и открыла мне секрет, что случайными совпадения кажутся только тем, кто не умеет видеть то, что еще не случилось.

ЕЛЕНА ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса, прозаик, журналистка, театровед. Родилась и живет в Москве. С отличием закончила Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского, факультет театроведения. Член Союза писателей России с 2009 года. Член Всемирного Союза деятелей искусства и Российского Творческого Союза работников культуры. Член Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» и Открытого Литературного клуба «Отклик». Автор 18 поэтических сборников в соавторстве и авторской книги стихов «Февральские цветы» (М., Вест-Консалтинг, 2008). Автор книг в жанре художественной публицистики «Сергей Захаров» (М., Вест-Консалтинг, 2009) и «Сценарий для богини» (М., Рипол Классик, 2009) и нескольких сотен публикаций в СМИ. Удостоена литературной премии и памятной медали им. А. П. Чехова за верное служение русской литературе. Победитель поэтического конкурса интернет-журнала «Эрфольг» и конкурса «Новые имена» в номинации «поэзия» Международного Союза писателей «Новый Современник» (2008). Лауреат Всеукраинской Независимой литературной премии «Арт-Киммерик» (2008). Лауреат Международного конкурса «Серебряный Стрелец-2009» (США). Лауреат Международного фестиваля «Русский Stil–2009» в номинации «Стильное перо — проза» (Германия). Вице-президент МАГИ.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

Светлана Макаренко (Казахстан) поэтесса, писательница, филолог, член Международного Союза писателей «Новый Современник», лауреат литературных премий: Елена, великолепные стихи. В них — незримая мелодия, подлинная поэзия души, простота и ясность. Такие стихи не могли быть не отмечены премиями и вниманием читателя. От них трепещет душа, волнуется и открывается чему-то Высокому, Иному! Говорят, что стихи это — свобода дыхания… Я почувствовала это зримо. И я этому рада. Спасибо Вам, истинный лирик… На Ваши стихи нужно писать музыку. Сколько мотивов, нитей, звуков, нот у любви, которая разными каскадами строк дарится нам поэтами, хорошими и не очень. Вам удался свой мотив, и это так важно понять. Чтобы знать, что все что пишется — не пропадает зря! Вы это знаете наверняка. Вы — Поэт.

Злата Рапова (Москва), историк, политик, издатель, лауреат многих международных премий: Мне очень понравились Ваши стихи. И мысли, и образы. И необычность слога. Исключительно красивые и музыкальные стихотворения, дорогая Елена! Удивительные, мистические. Прекрасно!

Лариса Кузьминская (Москва), поэтесса, член Союза писателей России, Президент Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч»): Лена, стихотворения, которые проникают в сердце! Такие стихи большая редкость! Спасибо за эти ощущения!

Павел Иванов-Остославский (Украина), поэт, лауреат Международной премии им. Н. Гумилева: Вы — самобытная и неподражаемая творческая личность, обладающая ярко индивидуальным художественным почерком. Ваши стихи очень интересно читать. Написано очень профессионально! Вы легко владеете словом, Елена. Вы свободно преодолеваете косность и хаотичность языковой и психологической материи. В этом и состоит мастерство… Какие замечательные у Вас стихи! Мастерские, эмоциональные, благородные, зовущие читателя к вершинам духовности и показывающие ему эстетический образец!

Страница автора на сайте «Стихи.ру»:
http://www.stihi.ru/avtor/leningrad83
E-mail: elenli7@yandex.ru

ПОДРУГА ОСЕНЬ

Не грусти, подруга золотая,
И не верь предчувствию беды.
В низком небе птицы, улетая,
Оставляют легкие следы.

Осень, не жалей о невозвратном,
Все идет извечным чередом.
По утрам в густом тумане ватном
Плавают прохожие с трудом.

Успокойся, отдохни немного
От веселой летней кутерьмы.
Предстоит нам долгая дорога
В царство заколдованной зимы.

Время есть поразмышлять о вечном,
Звездная спустилась пелена...
Осень, скоротаем этот вечер
За бокалом терпкого вина.

СЕСТЬ В САМОЛЕТ

Сесть в самолет и оказаться там,
Где нас любовь на миг соединила,
Где облака бродили по хребтам
Хранителей уснувшего светила.

Сплетались тени в встречном свете фар,
Твое автО — приют любви бездомной...
Нас словно солнечный сразил удар,
И затопило нежностью огромной,

Как океан, в котором утонуть
Казалось нам Божественным подарком,
Седьмого неба приоткрывшим суть,
Нечаянным, блистательным и ярким!

...Увязнут ноги в ледяном песке,
Я к кромке моря подойду поближе.
Зайдется сердце в горестной тоске:
Зачем я здесь? Тебя я не увижу

Нигде! (Не разрешен второй заход,
Живую воду поглотили льдины)...
Хоть обыщи глазами небосвод!
Хоть подержись за лампу Аладдина!

В дорожной луже радугой — бензин,
Зонты на пляже никнут одиноко...
Пустой отель. Закрытый магазин.
И ни следа, ни знака, ни намека...

Я НЕ ВИЖУ ТЕБЯ ВО СНЕ

Я не вижу тебя во сне,
Я домой не несу цветы,
В этой трижды пустой Москве
Забываю твои черты.

В веренице бегущих дней
Растворяется тайна двух.
Я прошу: назови своей
Хоть вполголоса, хоть не вслух.

К чуть подмерзшему витражу
Осень льнет расписной листвой.
Не своя, не твоя брожу,
Хоть на миг ты меня присвой!

А иначе — ни жизнь, ни смерть,
Ты ведь знаешь — я все отдам,
А иначе — ни синь, ни твердь,
Вот и маюсь — ни здесь, ни там.

Оттого так невесел взгляд,
Оттого не найдет покой
Это сердце, что век назад
Ты согрел под своей рукой.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Унизаны кольцами пальцы,
Браслеты звенят серебром,
Волос, разлетевшихся в вальсе,
Касается Ангел крылом.

Подобно мятежным кометам,
Стремясь из родного гнезда,
Ты снишься влюбленным поэтам,
Марина, морская звезда.

Еще не написаны строки
Про жаркую горькую гроздь,
Но кем-то отмерены сроки,
И в стену впивается гвоздь.

Не ведает Божия птаха,
Отправившись в вольный полет,
Что ей уготована плаха,
Что шею петля захлестнет.

* * *

С деревьев листья облетели,
Но, по-особому права,
Назло кружащейся метели
Сияет зеленью трава!

И не стесняясь голых веток,
Над ним сомкнувших потолок,
К едва пробившемуся свету
Упорно тянется росток...

Так и душа — в последнем рвенье
Еще немного доцвести —
Лелеет каждое мгновенье
В разжатой времени горсти,

Не хочет верить близкой стуже
И полумраку тяжких дней,
Затягивает пояс туже,
Чтоб быть, как девочка, стройней.

Так весела морозной ранью!
Так молода в своей мечте!
Сопротивляясь умиранью,
Оцепененью, темноте...

ЗИНАИДЕ СЕРЕБРЯКОВОЙ

Серебрякова! В век Серебряный
Вы родились.
Окинув землю взором медленным,
Взялись за кисть.

Беспечно радовались утру Вы,
И без затей
Картины в бликах перламутровых,
Игра детей.

Как прост и легок дар Ваш ветреный —
Светлее всех!
Серебрякова, Вы серебряный
Роняли смех...

Непостоянен век загадочный,
Разверзлась твердь,
Осиротел Ваш домик карточный —
Тоска и смерть.

И надвое судьбу разрезавший,
Взорвавший тишь,
Вам сердце поезд переехавший —
Москва — Париж.

И в старости, в покое мертвенном
Нежней невест,
Серебрякова! Вам серебряный
От века — крест.

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Благовещенья день разнежен,
Даже птица гнезда не вьет.
Снежной нитью пейзаж прорежен,
Перламутровый тает лед.

Воск зажженной свечи оплавлен,
Весь в предчувствиях Божий Дом...
То ли голубь, а то ли ангел
В поднебесье взмахнул крылом.

ВИЛЕНСКОЙ-ОСТРАБРАМСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Твои закрыты очи,
Блаженство затая.
Царица звезд и ночи,
Владычица моя!

Хранительница неба
Серебряных ключей,
Загадочная дева
В короне из лучей.

Ты знаешь, что мне надо
И в чем спасенье мне,
Всех страждущих отрада
На золотой луне.

Таинственного слова
Струится благодать.
Я все тебе готова
Доверить и отдать.

Окутывают плечи
Покровы из парчи,
И звезды, словно свечи,
Поставлены в ночи.

Твоя святая сила,
Твоя святая власть!
Я об одном просила:
Не допусти упасть,

Не дай сгореть от жажды
И опуститься вниз,
Позволь мне хоть однажды
Твоих коснуться риз.

Февральские цветы
Мы встретились в концертном зале —
Летели над Невой мосты,
И розовым огнем мерцали

ФЕВРАЛЬСКИЕ ЦВЕТЫ.

Скрывался день неровным бéгом
В заснеженном пустом дворе,
И сумерки сплелись со снегом
В причудливой игре.

Сгорал в объятьях ночи запад,
И стебли влажные цвели,
Изнемогая от внезапно
Нахлынувшей любви.

Я ЕХАЛА ДОМОЙ...

(глава из книги «Сценарий для богини», М., Рипол Классик, 2009)

Есть вещи, которые так давно и прочно вошли в нашу жизнь, что кажется, будто они существовали всегда. Вот, например, романс «Я ехала домой». Все его знают, а кто автор? Дотошные любители, может, и докопаются — какая-то М. Пуаре. Но мало кому известно, что за этой фамилией стоит яркая судьба талантливой актрисы, волновавшей российскую публику и своими сценическими созданиями, и подробностями личной жизни.

В конце девятнадцатого века многие сходили по ней с ума. Говорили даже, что один неудачливый поклонник застрелился прямо у дверей ее гостиничного номера. Артистка, певица, блиставшая в оперетках и цыганских романсах, композитор, поэтесса, журналистка — все эти многообразные таланты сочетались в миловидной блондинке с неожиданно низким голосом, москвичке французского происхождения, Марии Пуаре, родившейся в 1863 году.

Каких только цветов и подарков ей не преподносили! Когда появился первый романс, написанный Пуаре, — «Лебединая песнь», всю ее квартиру почитатели ее таланта завалили фигурками лебедей — и большими, и маленькими, и серебряными, и фарфоровыми...

Ее жизнь напоминала пестрый калейдоскоп событий, в которых фигурировали виднейшие и богатейшие люди России. А она успела побывать в роли и городской сумасшедшей, и любимицы публики двух столиц, и аристократической дамы, и изобретательной авантюристки, и узницы Петербургской тюрьмы...

И старым, всеми позабытым обломком великой империи...

...В тот осенний день 1916 года около здания Петербургского окружного суда царило настоящее столпотворение. Литейный мост был весь забит людьми, не сумевшими прорваться в зал заседаний. Билеты расхватали за три недели до заседания суда. Сквозь плотную людскую массу, запрудившую мостовые и проезжую часть, с трудом пробивалась карета, в которой находилась подсудимая. Дверцы распахнулись. По толпе прокатился гул, она всколыхнулась, взволновалась, пришла в движение.

Хрупкая светловолосая женщина в сопровождении конвоя, прокладывавшего ей дорогу, направилась к входу в здание. Под ноги ей летели букеты. Кто-то неистово аплодировал. Кто-то кричал: «Мы Вас любим! Мы с Вами!». Но слышался и пронзительный свист, и злобное шипение, и обрывки негодующих фраз — «Аферистка! На графские миллионы позарилась! Ишь ты, графиня Маруся!».

Совсем недавно ей поклонялся весь театральный Петербург, да и Москва не отставала. И в Киеве ее обожали, и Париж она покорила исполнением цыганских романсов, хоть цыганкой и не была. Там среди ее поклонников числился один из Ротшильдов.

А теперь ее ведут с позором, как закоренелую злодейку и преступницу. Но она виновата лишь в том, что любила. Любила и хотела, чтобы у нее был муж и семья. Разве это не естественно для женщины? А средства, которыми она пыталась этого добиться... Что ж, любовь зачастую в таких делах неразборчива.

И хуже всего то, что за решетку ее упрятал ее же собственный муж. Судебный пристав, предъявивший ордер на арест, холодно глядя ей в глаза, именно так и сказал. Марии не хотелось в это верить. Она знала, что на нее заведено какое-то судебное дело. Но чтобы муж... Ведь граф только что был у нее! Мария жила в своем особняке на Фонтанке. Супруги обедали, потом он попросил Марию спеть. Она аккомпанировала себе на гитаре — семиструнной, палисандрового дерева, с перламутровой инкрустацией. Пела с каким-то особым чувством и надрывом, словно догадываясь, что больше петь для него не придется. «Я ехала домой, я думала о Вас...». Ее мягкий, обволакивающий голос бередил душу. Граф даже прослезился. Он вообще был несколько сентиментален.

— Не волнуйся, Маша, все закончится хорошо, поверь мне. Я не пожалею для этого ни денег, ни связей. Я остановлю происки этих злоумышленников, чего бы это мне ни стоило. Они заберут свое грязное дело обратно. Успокойся, дорогая, и не думай об этом.

На прощание граф перекрестил и поцеловал ее. Он всегда так делал. А через несколько минут вошли полицейские с наручниками...

...— Мария, он недостоин тебя.

Казалось, внутри нее заговорил другой человек. Другая, мудрая, все понимающая женщина, и к ней нельзя было не прислушаться. Мария отмахивалась от ее слов, но та продолжала твердить свое.

— Графу льстило внимание такой необыкновенной женщины, как ты. Ему нужен был наследник его двадцатимиллионного состояния. Здоровый, крепкий ребенок. Он говорил тебе об этом с первого дня знакомства. Не комплименты, не признания. Согласись, это несколько странно. Вспомни, разве он любил тебя? Разве понимал, что творится в твоей душе? Тебе хотелось видеть своего избранника благородным, щедрым и надежным? Но это всего лишь твое желание, искажающее действительное положение вещей. Ты же сама сказала, что ваша свадьба была для тебя глупым геройством. Ты принесла себя в жертву. Зачем?

...Она прошла на скамью для подсудимых, присяжные сели на свои места. Суд проходил в знаменитом «Белом зале», в котором слушались дела террористки Веры Засулич, Сикорского, Сазонова. Раздались страшные слова:

— Истцом по делу графини Марии Яковлевны Орловой-Давыдовой, урожденной Пуаре, выступает ее муж, граф Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов.

Мария едва не лишилась чувств. Значит, это он. Он все организовал, а не какие-то безвестные «злоумышленники». Значит, все это время он бессовестно лгал, притворялся, выкручивался. А эти поцелуи, это внимание, эта забота, этот нежный тон в голосе? Чудовищный обман. Дьявольская изворотливость. Двуличие и коварство. Значит, он просто вводил ее в заблуждение. Чтобы не дать ей как следует подготовиться к предстоящему суду. Чтобы застать ее врасплох. И этого человека она любила? Посвящала ему стихи?

Нет, он не мог так с ней поступить. Его настроили против нее. Его заставили. Он такой слабовольный, легко поддается дурному влиянию. Карл? — мелькнуло в голове. — Неужели все-таки Карл?

— Эта кроткая с виду женщина опасна для общества, — услышала она голос графа. —

С детства она была исчадием ада. Дикая, своенравная, неуправляемая. А знаете ли вы, милостивые государи, что в юности первый муж госпожи Пуаре поместил ее в сумасшедший дом? Правильно сделал. Вот только выпускать оттуда ее не следовало.

Марии стало трудно дышать. Она непроизвольно положила руку на горло, а другой рукой схватилась за край скамьи. Зал заседаний поплыл у нее перед глазами...

...— Боже, что со мной? Где я?

Голова гудит. Она обрита наголо. Ноги не слушаются. По спине ползет холодный липкий пот. Маруся снова огляделась вокруг. Как она здесь оказалась? Нет, этого не может быть! Ночными кошмарами она не страдает, но то, что сейчас происходит, иначе не назовешь.

Унылые обшарпанные стены. Решетки на окнах. Железная кровать с голым матрасом, без всякого постельного белья. На ней какой-то грязный балахон, скрывающий ее хрупкую фигурку. Он напоминает саван. Беспомощно свисают слишком длинные рукава.

Напротив женщина с всклокоченными волосами и безумным взглядом бубнит что-то под нос, сидя на кровати и слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Почему она такая странная? О чем она говорит?

Сейчас все закончится. Просто надо во что бы то ни стало проснуться и прекратить этот ужас. Мария изо всех сил вцепилась в свою руку и вскрикнула от боли. Значит, она не спит.

Это сумасшедший дом. Больница для умалишенных. Ее привезли сюда вчера вечером. Врач и двое санитаров с трудом ее усмирили. Ей сделали какой-то укол, и она провалилась в тяжелый, мутный сон...

Сидя на скамье подсудимых, Мария закрыла глаза. В памяти всплыли слова, сказанные много лет назад:

— Маня, ты просто сошла с ума. Не знаю, что с тобой делать. Опять взялась за свое. Разучиваешь какие-то роли, вместо того, чтобы заниматься домом.

Муж неожиданно вошел в ее комнату в тот самый момент, когда она перед зеркалом читала монолог Офелии.

— Я хочу поступить в Консерваторию. На меня обратили внимание Чайковский и Рубинштейн, — тихо ответила она.

— Я не позволю, чтобы моя жена выступала на сцене. Какой позор! Я солидный уважаемый человек, а ты желаешь распевать на подмостках фривольные куплеты.

— Но Вам же нравилось, как я играла в домашних спектаклях.

У Марии никак не получалось обратиться к мужу на «ты» — он был почти втрое старше нее.

Замуж за инженера Михаила Свешникова, старинного друга семьи, шестнадцатилетняя Маруся вышла не по своей воле. После смерти отца родные сестры постарались поскорее сбыть ее с рук — отдать первому посватавшемуся. И не мудрено. Александра и Евгения, крупные, рослые, как гренадерши, спортивного телосложения, своими резкими манерами отпугивали потенциальных женихов и никак не могли выйти замуж. А тут еще Маруся, очаровательная изящная блондинка с голубыми глазами, привлекает к себе всеобщее внимание и отбивает кавалеров. Помимо красоты, в ней столько талантов! Артистичная, музыкальная, стихи пишет. Надо поскорее избавиться от нее, чтобы не мешала! Отец не позволил бы этого сделать, но несколько лет назад его убил на дуэли конкурент, а мама умерла, когда Марусе было всего восемь. И теперь ей приходится выслушивать нотации нелюбимого старого мужа.

— Я хочу быть великой актрисой. И стану ею!

— Неужели ты думаешь, что я тебе это разрешу? Ты будешь поступать так, как я считаю нужным, иначе...

Иначе он лишит ее всего — приданого (крестный дал за ней десять тысяч рублей), честного имени, положения в обществе. Просто объявит ее сумасшедшей.

И тут в ней что-то взорвалось. У Маруси началась дикая, невиданная истерика. Она металась по комнате в приступе невыразимого гнева, выкрикивала бессвязные слова, швырнула на пол вазу и дорогие каминные часы... Вызванные мужем санитары куда-то ее поволокли, несмотря на отчаянное сопротивление...

...— Представь, Миша, одна моя хорошая знакомая оказалась в сумасшедшем доме. Мечтает о сцене. Непонятно, что с ней стряслось.

Аня Лентовская, артистка Малого театра, завтракая с братом, известным московским антрепренером Михаилом Лентовским, не могла не поделиться с ним взволновавшей ее новостью.

— А как ее зовут?

— Маруся Пуаре.

— Уж не покойного ли Якова дочка?

— Она. У них в семье семеро детей, и Маруся — самая младшая.

Яков Викторович Пуаре, сын французского офицера, осевшего в России после наполеоновского похода, и польской дворянки Яворской, был известной личностью в обеих столицах. Удивительный человек, просто уникум. И француз, и москвич — как-то это все в нем сочеталось. Женился Яков Викторович на Юлии Андреевне Тарасенковой из богатого рода суконных фабрикантов, дородной русской красавице, вскоре ставшей видной московской гранд-дамой. По слухам, крестным одного из многочисленных детей четы Пуаре был сам император Александр II. Пуаре содержал знаменитую гимнастическую школу, единственную в Москве — что-то вроде фитнес-клуба девятнадцатого века. Преподавал гимнастику, фехтование, выездку. Многие известные люди к нему ходили — и артисты, и писатели, и композиторы. Гимнастика тогда входила в моду.

Фехтовальщик Пуаре был блестящий. Силач, каких мало. Поднимал в рывке одной левой восьмидесятикилограммовую гирю. Состоял в штате Императорских театров, ставил там все дуэли и сражения. Имел в Большом театре постоянную ложу бенуара № 8. И так глупо погиб — в самом расцвете сил, получив ранение на дуэли. Чего они не поделили с этим немцем Бродерсеном, открывшим школу гимнастики вслед за Пуаре? Но говорят, в споре была задета честь Франции...

...— Позвольте полюбопытствовать, кто едет вместе с Вами.

Проводник вагона первого класса обратился к высокому смуглому господину в сопровождении двух красивых девушек. Необычная внешность, очень необычная. Наверное, иностранец. Ни дать ни взять восточный вельможа, какой-нибудь турецкий паша — черные глаза так и сверкают, кудрявые волосы и борода тоже черны, как смоль. Огромный рост, телосложение богатырское. Сила, энергия. А девушки, должно быть, первые красавицы его гарема.

— Та, что постарше, моя сестра, а младшая — сумасшедшая.

— То есть как?

— Я пошутил, — захохотал Лентовский. Его раскатистый смех, казалось, заполонил все пространство. — В том смысле, что сходит с ума от любви к искусству. Это будущая артистка Императорских театров. Прошу любить и жаловать.

За окном проносились подмосковные пейзажи. Поезд набирал скорость. Они едут в Петербург! Маруся будет играть в спектаклях! Даже подумать страшно — сам Лентовский обещал! Маг и чародей театра, превративший заброшенный уголок Москвы между Божедомкой и Самотекой в подобие райского сада. Блеск электричества, невиданного прежде в Москве, море разноцветных огней, фантастический театр, гроты и фонтаны, лучшие артисты и музыканты... Часто бывая в саду «Эрмитаж», Маруся издали любовалась его хозяином. Настоящий Петр Великий. Она не поверила своим глазам, когда в дверях больничной палаты, откуда она уже потеряла надежду когда-нибудь выйти, показалась его внушительная фигура в белой чесучевой поддевке...

...— Ну, что, Лаврушка, как себя чувствуешь?

Лентовский ласково потрепал Марусю по начинавшим отрастать белокурым волосам. Он догадывался, что эта прелестная девочка к нему неравнодушна. Как она старалась быть к нему ближе, как подражала его интонациям и манерам, как трогательно пыталась кокетничать. Даже его фразы и словечки переняла.

Марусе стало обидно до слез. Конечно, с такой прической она чем-то похожа на мальчика, но она все-таки женщина, причем замужняя. Маруся покраснела.

— Ладно, Лаврушка, не смущайся. Расскажи лучше, что ты умеешь.

— Я пою, танцую. Многие драматические роли знаю наизусть. Марию Стюарт, например.

— До Марии Стюарт тебе, положим, пока далеко, а вот начать с пажей очень даже реально. И давно ты театром увлекаешься?

— С детства. Помню, как меня впервые на сцену выпустили. У нас, в домашнем театре. Я должна была ангелочка изображать. Потом все меня целовали, обнимали, особенно маменька, говорили: «Молодец, не струсила!». А чего трусить? Так все красиво, свет яркий горит, музыка играет, все в нарядных костюмах. Это все маменька устраивала. Больше никто меня не любил. А папа... Он весь был в своих делах — то школу организовывал, то Яхт-клуб, то народные гуляния на Варварке. Не понимал меня. Отправил в деревню к маминому брату. Там пришлось и гусей пасти, и за скотиной ходить, и огород копать. Жаловаться некому, вокруг чужие.

С тех пор я люблю быть одна. Для папы главное — чтобы порядок, дисциплина и никаких вольностей. Чуть что не по нему — он меня наказывал. А рука у него знаете какая тяжелая!

Поезд прибыл на Московский вокзал. Аня пересчитывала узлы и баулы.

— А где твой багаж, Лаврушка?

— Вот он.

В руках у Маруси был крошечный саквояж, похожий на дамскую сумочку.

— Это все, что у тебя есть? Ах, ты, цыган!

То Лаврушка, то цыган. Час от часу не легче.

Но разве мог тогда Лентовский подумать, что трогательный подросток, выбравший сценический псевдоним Марусина, станет главной приманкой всех его театральных затей? Что зрители будут валом валить в театр, чтобы увидеть несравненную Марию Пуаре, с истинно парижской живостью и остроумием блиставшую в модных оперетках? Он и не предполагал, что в будущем, став богатой и знаменитой, Мария не пожалеет своих денег и драгоценностей, чтобы вызволять его из долговых ям, куда Михаил Валентинович со свойственной ему широтой души и артистическим размахом попадал довольно часто. Внезапная смерть антрепренера в 1906 году станет для Марии Пуаре сильным ударом.

Первая безответная любовь, первые роли, первые успехи. В мыслях Мария далеко унеслась от судебного кошмара...

— Мария, подождите! Я иду за Вами от самого театра.

Маруся оглянулась. К ней приближался какой-то незнакомый мужчина. Кроме него, на пустынной темной улице никого не было.

— Не бойтесь, Я Ваш поклонник. Разрешите, я Вас провожу? Вы, наверное, живете где-то поблизости?

— Нет, в гостинице «Бель Вю». У арки Генерального штаба, рядом с Дворцовой площадью.

— Но это на другом конце города! Почему Вы пошли домой пешком?

Маруся помедлила с ответом.

— Мне стыдно признаться, но у меня нет денег на извозчика.

Незнакомец пристально взглянул на Марусю. Без грима, в свете фонаря было заметно, какое у нее бледное осунувшееся лицо. Она слегка поежилась и спрятала замерзшие руки в карманы своего легкого жакета. Осенние ночи становились все холоднее, а у нее не было даже перчаток.

— Да Вы, часом, не голодны?

Маруся опустила глаза и стала рассматривать свои поношенные туфли. Сегодня перед спектаклем она чуть не упала в обморок. Но она скорее умрет от голода и холода, чем что-нибудь попросит.

— Сейчас мы поедем в какой-нибудь ресторан поужинать, а после я отвезу Вас домой. Согласны? Эй, извозчик!

В его голосе было столько нежности и участия, что у Маруси на глазах блеснули предательские слезы. Еще не хватало, чтобы он увидел, как она плачет. Она не должна казаться слабой. Она сильная. Но что же делать, если ей всего семнадцать, и она осталась совсем одна в чужом городе без копейки денег? Стоило ей успешно выступить в приличной роли, как Аня сразу же стала ей завидовать и настраивать против нее брата. В результате Лентовские уехали в Нижний Новгород и бросили Марусю на произвол судьбы.

— Завтра я снова встречу Вас у выхода из театра. Какие цветы Вы больше любите — розы или хризантемы?

Потом в ее жизни будет целое море цветов — никому из актрис столько не дарили. Вспомнив о первом преподнесенном ей букете, Мария невольно улыбнулась.

...— Эта женщина — авантюристка, — откуда-то издалека донесся до Марии голос графа. — Ей нужно было во что бы то ни стало пролезть в высший свет. Такие выскочки и портят нашу аристократию.

Его обвинительная речь продолжается уже третий день. Сколько ненависти и злобы накопилось в Алексее! Уму непостижимо. Как он посмел вывернуть их жизнь наизнанку?

Ей никуда не надо было пролезать: в аристократических кругах Мария Пуаре вращалась уже давно и была там своей. Так же, как и ее близкая подруга, прима-балерина Мариинского театра Матильда Кшесинская. Матильда, или Малечка, как ее все называли, была не то чтобы хороша собой, а как-то по-особому притягательна. Она слыла роковой женщиной.

Актрисы сблизились в летний сезон 1894 года в Красносельском театре. Здесь давались лучшие спектакли с лучшими исполнителями. В Красном Селе были разбиты летние лагеря, и зал театра — с белыми, под мрамор, обоями, и с золотыми украшениями в виде военных атрибутов на барьерах лож, заполняли офицеры гвардейских полков. После спектакля актрисы вовсю кокетничали с толпящимися перед гримерной гвардейцами.

Однажды Кшесинская отвела подругу в сторону и попросила держать в тайне все, что она сейчас скажет.

— У меня роман...

Малечка перевела дыхание. Ее черные глаза заискрились еще ярче, лицо словно озарилось изнутри. Маруся невольно залюбовалось ею.

— С Наследником престола!

И Кшесинская рассказала Марии все подробности ее отношений с будущим императором Николаем II. Она полностью доверяла подруге — сплетничать и злословить было не в ее характере.

— Помолись за нас, очень тебя прошу. Ты добрая, Господь тебя услышит. И поверь мне, ты тоже встретишь своего прекрасного принца.

Предсказание Малечки вскоре сбылось. Героем Марусиного романа и самой большой любовью всей ее жизни стал потомок Рюриковичей, один из богатейших людей России.

Они познакомились на балу: высокий статный кавалер пригласил Марию на тур вальса. Вальс? Превосходно! Это ее любимый танец. Красивая пара, закружившаяся на паркете бального зала, вызывала всеобщее восхищение. И зрители, и артисты танцевали в этот теплый летний вечер в Красном Селе до упаду. А завершался бал «инфернальным галопом», где тон задавали Великие Князья.

— Князь Павел Дмитриевич Долгоруков, — представился Марии Пуаре ее кавалер.

Она слышала о нем: получивший прекрасное образование на естественном факультете Московского университета, он становился все более заметной фигурой в политической жизни России. Позже ему, одному из основателей кадетской партии, в случае свержения монархии прочили пост президента республики.

Любовь между ними вспыхнула с первого взгляда.

Долгоруков увлекся не только красивой женщиной и одаренной актрисой. Мария оказалась исключительно интересным собеседником. Они кутили в ресторанах, ездили к цыганам, но могли и часами говорить обо всем на свете. Марию и Павла Долгорукова очень многое объединяло, и прежде всего, родившаяся в 1898 году дочь Татьяна. Но стать законной женой князя Марии было не суждено.

Ее муж Свешников, поселившийся под конец жизни в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой Лавры, наотрез отказался дать ей развод, даже когда она сама приехала к нему просить об этом. Они не виделись с тех пор, как Мария сбежала с Лентовским в Петербург, и все равно старик был непреклонен. Единственное, на что он соглашался — признать Татьяну своей дочерью и дать ей свою фамилию. О настоящем отце напоминало лишь отчество Павловна, записанное в метрике при крещении девочки в родовой усадьбе Долгоруковых Волынщина под Москвой.

Павел, Павел, красавец, умница, личность... Их отношения, такие горячие вначале, спустя десять лет постепенно угасали, и однажды в сердцах брошенного князем какого-то обидного слова оказалось достаточно, чтобы они прекратились совсем.

Мария тряхнула головой, и воспоминания ушли. Она вновь оглядела зал: кажется, и публика, и присяжные устали от грязных подробностей, которые на нее вывалило обвинение.

— Подсудимая бессовестно заманила меня в свои сети, воспользовавшись моей юностью и неопытностью, — с завидным красноречием продолжал истец.

По залу прокатился легкий смешок. «Неопытный» Орлов-Давыдов был давно женат на баронессе де Стааль, родившей ему троих детей. Но к несчастью, его старший сын и наследник огромного состояния был умственно неполноценным.

— Она не гнушалась ничем, чтобы добиться своей цели и буквально навязала мне знакомство. Мало того — она пригласила меня в номер, напоила шампанским и попросила помочь расстегнуть корсет!

Боже, к чему такие подробности? Они познакомились в Москве в гостинице «Националь» у телефона в холле на первом этаже. Вниманием Марии завладел высокий представительный мужчина, оказавшийся ее давним поклонником и...двоюродным братом

Павла Долгорукова. И Мария Яковлевна неожиданно для себя влюбилась в графа — отчаянно, безрассудно, так, как любят на склоне лет. А может быть, это был панический страх перед подступающим одиночеством?

Мария пустила в ход испытанный женский арсенал — и томные взгляды, и сильно декольтированные платья, и легкие прикосновения, и романсы, и посвященные графу стихи. Свои бриллиантовые серьги дивной красоты — вторых таких не было во всем Петербурге — Мария переделала в запонки и подарила графу.

Алексей же Анатольевич вел себя несколько странно. Вроде влюблен, но к решительным действиям переходить не собирался. Про графа ходили самые нехорошие слухи — начиная с его, мягко говоря, невысоких умственных способностей, хоть он и был членом Государственной думы, и заканчивая нетрадиционной сексуальной ориентацией. Молва приписывала ему любовную связь с собственным слугой по имени Карл Лапс. Но Марии казалось, что уж ей-то удастся отвратить графа от порочной жизни и наставить на путь истинный.

Время шло, а их отношения не перерастали границ нежной дружбы. И Мария Яковлевна вспомнила, что Орлов-Давыдов увлекается модным тогда спиритизмом. Может быть, некий дух внушит графу, что его безумно любит одна женщина и не может без него жить, думала Мария, приглашая в свой дом на Фонтанке известную петербургскую гадалку Анну Чернявскую. Очень не хотелось ей заниматься таким богопротивным делом, но что еще оставалось? И граф поверил этому искусно разыгранному спектаклю.

Ему нужен сын, продолжатель фамильных традиций? Что ж, придется его якобы родить... Несмотря на возраст, который Мария и не думала скрывать. Но, видимо, граф плохо разбирался в вопросах женской физиологии, как, впрочем, и во многих других. Кроме, пожалуй, автомобилей — Орлов-Давыдов был в числе основателей первого российского автомобильного клуба, и масонских тайн — он возглавлял петербургскую ложу «Полярная звезда», заседания которой проходили в его роскошном особняке на Английской набережной.

...— Алексей, твоя мечта сбылась. Я беременна.

Орлов-Давыдов не скрывал своей радости. Он наконец-то добился развода с женой, которая большую часть времени жила за границей, ухаживая за больной матерью (Мария потратила немало сил и энергии, чтобы убедить графа в неверности его жены Феклы Георгиевны, даже наняла агентов и организовала за ней слежку). Мария Яковлевна тоже обрела свободу — ее законный супруг Свешников скончался в Гефсиманском скиту, перевалив за восьмой десяток. На пышной свадьбе графа и артистки в январе 1914 года шаферами выступили друзья Орлова-Давыдова — Александр Керенский, будущий глава Временного Правительства, и Владимир Маклаков. А через месяц пятидесятилетней новобрачной... предстояли роды.

...Младенец был очень хорошенький. Крепкий, здоровый, с голубыми глазами, как у Марии, и, самое главное, с густыми бровями, которые для Орлова-Давыдова служили признаком его породы. Камеристка Марии Яковлевны нашла его по объявлению в одном из детских приютов. К приезду графа из Калужской губернии, куда он отлучился по делам, в конце января долгожданный наследник «появился на свет». Для пущей убедительности на роженицу и ребенка был заведен температурный лист. Мальчика окрестили Алексеем — в честь отца. «Смотри, какой красивый, какой славный, на рынке достали», — игриво произнесла Мария. Все складывалось как нельзя лучше. Счастливое семейство отправилось в путешествие за границу. Неужели желанный happy-end?

А духи между тем не безмолвствовали, и на продолжающихся спиритических сеансах стали убеждать графа, чтобы он составил завещание и большую часть своего состояния отдал сыну, который, подрастая, становился все менее похожим на Орлова-Давыдова.

И тут на сцене появился скромный статист, до поры до времени державшийся в тени. Как говорят в театре — нет маленьких ролей, а есть большие актеры. Тот самый слуга Орлова-Давыдова Карл Лапс на поверку оказался настоящим кукловодом, а граф — всего лишь послушной марионеткой в его руках. Разве мог «честный Карл» допустить, чтобы все внимание графа переключилось на жену, эту пронырливую певичку, возомнившую себя хозяйкой положения? Разве мог смириться с тем, что остался не у дел?

Сначала Карл принялся шантажировать графа и графиню поочередно, намекая, что ему известно такое, о чем никто не должен знать. За свое молчание он требовал денег, и немалых. А потом и вовсе склонил графа, начавшего сомневаться в законном происхождении своего «сына», начать против Марии судебный процесс.

Заключительного слова обвиняемой все ждали с нетерпением. Тем более что в течение восьми дней заседаний суда она молчала и не ответила ни на один вопрос.

— Вся моя жизнь напоминает водоворот событий, — начала Мария.

Возникшая пауза придала ее словам еще большую весомость. Она говорила правду. И в самом деле, события ее жизни чередовались порой с головокружительной быстротой. То она с огромным успехом играла в Александринском театре, где его негласная хозяйка Мария Гавриловна Савина чувствовала в ней весьма опасную конкурентку.

То переехала в Москву и с блеском выступала на сцене Малого театра и у Корша.

То ненадолго открыла собственный театр в саду «Аквариум» у знаменитого Омона.

То сочиняла романсы, мгновенно ставшие невероятно популярными. Первый ее романс «Лебединая песнь» («Я грущу. Если можешь понять...») облюбовала великая цыганка Варя Панина, и говорят, исполняла его чуть ли не на смертном одре. А второй — «Я ехала домой» и подавно был на слуху у каждого.

То писала стихи, которые восхищали читателей петербургской газеты «Новое время».

То отправилась на русско-японский фронт в качестве военной корреспондентки.

То разъезжала по городам и весям с цыганскими концертами.

То вдруг отменяла все выступления и срывалась в Париж, к любимому брату Муше — Эммануилу. С детства обожавший рисовать, он прославился как непревзойденный художник-карикатурист под псевдонимом Caran d'Ache. Его рисованными историями, напоминавшими современные комиксы, забавлялся весь Париж.

Как много было Марии дано от природы! А сумела ли она реализовать себя полностью? Вряд ли. И эта подспудно таящаяся неудовлетворенность заставляла ее метаться из крайности в крайность. То шутить, то пребывать в глубокой депрессии. То горько рыдать, то игриво вскакивать на стол и требовать шампанского...

Она не искала ни графских денег, ни пышных титулов. Она просто любила. Последний раз в жизни. И ей очень хотелось быть счастливой.

Судьи совещались совсем недолго. Метрическую запись о рождении ребенка решено было признать недействительной, а Марию Пуаре оправдать. Когда зачитывали судебный вердикт, она на мгновение потеряла сознание.

Орлов-Давыдов, как и предупреждал его друг и адвокат Маклаков, стал всеобщим посмешищем. Неужели он не мог разобраться, беременна его жена или нет? В шубе, что ли, она при нем ходила? Или загипнотизировала его? Анекдот какой-то. Графу припомнили и жестокое обращение с первой женой, и постоянное отсутствие в Думе. А ребенка вернули его матери, некой крестьянке Анне Андреевой.

Разразившиеся вскоре революционные события заставили забыть о громком процессе и раскидали участников этого скандального спектакля в разные стороны. Орлов-Давыдов, превратившийся в личного шофера Керенского, бежал вместе с ним за границу. Жил во Франции, последние годы жизни провел в Русском доме в Сен-Женевьев-де-Буа.

Эмигрировал и Павел Долгоруков, но впоследствии решил вернуться в Россию. В 1927 году при переходе границы СССР его схватят и в ответ на убийство советского посла Войкова расстреляют в чрезвычайке — то ли в московской, то ли в харьковской.

Мария же Яковлевна вместе со своей старинной подругой Верой Ивановной Блезе — душевной, обаятельной и очень доброй женщиной из семьи музыканта — переехала в Москву. Петербургскую квартиру Пуаре полностью разграбили, а в пенсии этому чуждому советской власти элементу — бывшей артистке Императорских театров, да еще графине Орловой-Давыдовой — отказали. Но потом, вняв ходатайству Всеволода Мейерхольда и Леонида Собинова, все же небольшое пособие назначили.

Продав в Торгсин какую-нибудь из чудом сохранившихся безделушек, подруги могли себе позволить побаловаться кофе, сваренном на спиртовке. Рассматривая причудливые узоры из кофейной гущи на дне треснутых фарфоровых чашечек, они вспоминали былые времена и тех, кого уже не было рядом.

...Холодным октябрьским днем 1933 года по московским улицам в направлении Ваганьковского кладбища двигалась телега, запряженная одной лошадью. На телеге стоял простой гроб, наскоро сколоченный из сосновых досок. За гробом шла женщина с мальчиком. И еще одна женщина, с мужем и двумя детьми. Женщину с мальчиком звали Татьяна Павловна Свешникова, ее сына — Алешей.

Никто не спешил присоединиться к этой скорбной процессии. Никто не спрашивал — кого хоронят? Даже из праздного любопытства. Никому не было до этого абсолютно никакого дела.

Миновали Петровку. Давным-давно на фасаде желтого двухэтажного здания, между гостиницей «Англия» и аптекой, красовалась яркая вывеска «Яков Пуаре. Гимнастика и фехтование». Теперь здесь возвышался большой дом номер семнадцать с многочисленными коммуналками. По вечерам на общих кухнях стоял разноголосый хор примусов, а по утрам опаздывавшие на работу жильцы привычно ссорились в очереди к умывальнику.

А вот и Тверской бульвар. Старинный особняк с большим прямоугольным стеклянным эркером, куда семья Пуаре переехала позже. И здесь ничто не напоминало о его прежних владельцах. Деревья еще не сбросили листву — лето выдалось дождливым.

Когда-то Мария любила взять извозчика и прокатиться по Тверской с ветерком. Особенно зимой, чтобы снег веером летел из-под полозьев саней. А теперь ее везли медленно. Очень медленно. Лошадь, тащившая за собой телегу, понуро плелась, с трудом передвигая ноги.

У края тротуара примостилась худенькая белокурая девушка. Старомодное длинное платье было туго стянуто пояском в талии. На бледном личике выделялись огромные голубые глаза.

— Я ехала домой, — звенел над немноголюдным бульваром нежный мелодичный голос. — Я думала о Вас...

И редкие прохожие бросали мелочь в старую потертую шляпу, стоявшую у ног невесть откуда взявшейся в сталинской Москве уличной певицы.

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ (ИСПАНИЯ, МАДРИД)

Прозаик, композитор, поэт и исполнитель собственных песен. Родился 29 марта 1958 года в городе Караганда (Казахстан). Начальные школьные годы провел во Львове, аттестат о среднем образовании получил в Михайловской школе, на Херсонщине. Уже тогда сделал первые существенные попытки писать стихи, которые публиковались в районной газете. Делал и первые робкие попытки написать прозу, ну и естественно, что школьные сочинения его ставились в пример одноклассникам. Затем три года служил на атомной подводной лодке на Северном флоте. После этого женитьба, семья и многочисленные места работы по самым различным профилям деятельности: начиная от шеф-повара и преподавателя в Доме пионеров и заканчивая товароведом или владельцем швейного цеха. В 1999 году переехал на постоянное место жительства в Испанию, где и продолжил свои литературные пробы пера. К началу января 2010 года написал двадцать романов, общий тираж, которых приближается к 400.000 экземпляров, и не собирается останавливаться на достигнутом. Вышедший фантастический боевик «Уникумы Вселенной» вошел в топ — 20 розничных продаж по Москве, а первый роман цикла «Отец Императоров» в первую же неделю оказался на 5 месте. Помимо этого, пишет песни, которые исполняет на собственных презентациях книг и небольших концертах для русскоязычных соотечественников, проживающих в Испании.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« **Директор издательства «Домино» Александр Жикаренцев:** Восхождение писателя Юрия Ивановича к сегодняшнему уровню популярности и известности произошло стремительно, всего лишь за год, полтора. И в первую очередь это обусловлено огромным разнообразием, необычностью и уникальностью создаваемых автором миров. Недаром среди критиков за Юрием прочно закрепился весьма почетный титул «Мастер-Выдумщик». Ну, а хорошо закрученная интрига, отличный сюжет и замечательные диалоги лишь добавляют романам Юрия Ивановича сказочности, очарования и притягательности. Причем поражает и невероятная работоспособность автора, чуть ли не рекорд за 2009-ый год — сразу семь романов большого формата! И лучшие показатели талантливости «Мастера-Выдумщика» — это одни из высших рейтингов продаж в жанре «Отечественная фэнтези и фантастика. »

« **Писатель Иар Эльтеррусс (Санкт-Петербург):** Нет ничего лучше для читателя, особенно обожающего пофантазировать и сменить место своего виртуального обитания, чем окунуться в миры, талантливо созданные замечательным мастером русской фэнтези и фантастики Юрием Ивановичем. У этого автора удивительно гармонично сочетается великолепие, невероятность и жизненная многогранность каждого персонажа, любого места действий и уникальность создаваемой флоры и фауны сказочных миров. Но что мне лично импонирует больше всего, так это всепобеждающая доброта его героев, их искреннее желание изменить все к лучшему и добиться вселенской справедливости. Книги «Мастера-Выдумщика» заставляют верить в человека и учат молодежь, да и людей любого возраста, откровению, честности и умению созидать. Что трудно переоценить в нашем сложном мире, насыщенном ложью и стяжательством. Так держать, Юрий! »

Сайт автора: http://www.ivanovich-yuriy.ru
E-mail: yuriy.m@rambler.ru

ТОРГОВЕЦ ЭПОХАМИ

Книга третья

СПАСЕНИЕ РАЯ

ПРОЛОГ

Император Дасаш Маххуджи внешне выглядел самым обаятельным, веселым и жизнерадостным человеком во вселенной. А про его доброту в Успенской империи ходили правдивые и душещипательные легенды. Не только весь народ, но и подавляющая часть знати, дворянства и жреческого контингента твердо были уверены, что их правитель готов последнюю рубаху с себя снять, лишь бы помочь первому встречному поперечному. И не только первому, но и последнему тоже.

За его здоровье и долголетие истово молились во всех храмах. Имя Дасаша Маххуджи произносили только с трепетом, невероятным почтением и с внутренней, откровенной радостью. Когда он появлялся в общественных местах, обыватели затаптывали друг друга, лишь бы только попасть под взгляд живого божества. Раз в месяц он обязательно наведывался в любой выбранный спонтанно дом в столице и обязательно благоденствовал его обитателей. Император не гнушался зайти раз в неделю в простой трактир, угостить щедро всех там присутствующих выпивкой и закуской, да еще и пображничать с ними час, а то и два. И почти не было в столице забулдыги, который бы не хвастался, что пил на брудершафт с самим императором всей Успенской империи. Только на его справедливость и всепрощение надеялись как честнейшие подданные, так и самые оголтелые преступники. Самые бедные ждали щедрых подачек, самые богатые верили, что всегда могут выпросить у императора еще большие привилегии. А наиболее умные, гениальные и талантливые мечтали лично изложить свои великие открытия высшему властителю ашбунов.

Вот только на пути к добрейшему, жизнерадостному и щедрейшему императору стояло всегда два жутких препятствия.

Первое: его министры, злейшие и беспринципные негодяи; и два верховных жреца, которые имели высокое звание Арчивьелов. Имелся по слухам еще и третий Арчивьел, но он безвылазно жил в черном монолите, и о нем мало что знали. А вот остальные...! Истинные звери, садисты и кошмарные моральные уроды, как о них говаривали простые ашбуны. Прорваться сквозь этот круг приближенных к древнему трону удавалось только самым отчаянным и настойчивым счастливчикам. Министры с Арчивьелами творили, что хотели, и всеми силами ограждали императора Маххуджи от правдивого положения дел в государстве. Это были страшные люди, рассердить которых или пойти вопреки их воле считалось верным подписанием себе смертного приговора. Обойти их для встречи с императором слыло делом личной удачи и чрезвычайного везения, потому что те счастливчики, которые оказывались с ним случайно в одном зале городского трактира, потом резко меняли свою жизнь к лучшему. Как и те, которые в той же ситуации успевали пожаловаться на несправедливость и испросить высочайшего императорского заступничества. После личного вмешательства Дасаша Маххуджи в дело уже никто и ничто не могло помешать торжеству справедливости, а министрам и высшим жрецам оставалось лишь поскрипывать зубами от злости и бессилия. Молва о таких случаях заступничества волнами разносилась по всей империи, возвеличивая и без того максимальную славу добрейшего правителя. И смерть жалобщика через некоторое время проходила совершенно незаметно и буднично. Мало ли в жизни несчастных случаев...

Второе препятствие, на пути общения с императором возникало из-за основной святыни Успенской империи: вершины Прозрения. Все прекрасно знали, что черный монолит, расположенный в самом центре горного массива Бавванди, общается только с одним человеком на планете: благородным Дасашем из династии Маххуджи. Только ему раскрывает замыслы врагов, только ему показывает все земли с высоты птичьего полета, только ему дает уникальные знания и силы. И только ему вручает секреты таинственного оружия, способного защитить Успенскую империю от остального мира, находящегося поголовно под гнетом «демонов смерти». Ведь в остальном мире никто не мог изгонять этих демонов из тел новорожденных младенцев, никто не пленял этих демонов в ларцах Кюндю и ни у одного остального государства на семи материках больше не было такой святыни, как вершина Прозрения, где злобные демоны легко уничтожались. Оставалось только удивляться, как это высший правитель еще находил в себе столько силы, чтобы тянуть за собой и общение с божеством, и управление великим государством. Да еще и оставаться после этого жизнерадостным, добрым и чутким к любой несправедливости.

Так думали почти все. Любили, обожали своего императора и ненавидели, хоть и страшно боялись, министров и Арчивьелов.

При этом почти никто не догадывался, кого и почему боялись люди, окружающие Маххуджи. А они, как бы это дико не прозвучало для всех остальных подданных, млели от ужаса и падали в обмороки как раз при виде того самого добрейшего, милейшего и светлейшего. Потому что в узком кругу своих приближенных император превращался в сущее отродье, циничного подлеца и мерзкого, ублюдочного тирана. Но самое страшное зрелище наступало, когда розовощекий весельчак начинал применять дарованную ему черным монолитом колдовскую силу. Подобная демонстрация заставляла министров и верховных жрецов дрожать, словно листочки осины на ледяном ветру. И постыдно при этом чувствовать, как они из легендарных «зверей» превращаются в трусливых ящериц. Но если та же ящерица может иногда и укусить своего огромного врага, или, оставив хвост у него в зубах, сбежать, то ближайшее окружение великого трона не осмеливалось даже пикнуть. Мысль о побеге им даже в голову не приходила, потому что они лучше всех знали о невероятной магической мощи, которая сосредоточилась в «самом добрейшем и справедливом» правителе мира Зелени.

Вот и сейчас все замерли в каменном почтении, наблюдая за очередной, намечающейся прямо на их глазах экзекуцией.

В малом зале приемов шел очередной доклад. Задыхающийся от волнения и переживаний командующий оборонного пояса вокруг горного массива Бавванди генерал сообщал Высшему Совету подробности недавнего ограбления, а потом и исчезновения всего каравана с ларцами Кюндю. Рядом с генералом стоял преклонивший колени командир полка егерей, на глазах которого и происходило «похищение века». Он глазами «ел» с благоговением высшего правителя, а его непосредственный начальник старался делать доклад четко, сжато и только по существу. Хотя и пытался однозначно свалить неудачу при атаке егерского полка на таинственное оружие и невероятную магическую мощь неизвестных нападающих. Потому что завершил генерал свой пересказ конкретными выводами:

— Предварительное расследование на месте преступления показало, что егерей уничтожали все теми же кусочками сплавов тяжелых металлов, летящих с огромной скоростью. Подобные средства враг применил при срыве наступления нашего войска в районе перешейка. Ни одного трупа жреца обнаружить не удалось, их тоже похитили вместе с повозками и трупами павших возле дороги егерей. Мало того, возникший во

время хищения торнадо зачистил плиты дороги до первозданной чистоты. От снега не осталось даже влажного пятнышка. Не удалось отыскать ни единого предмета, которому дано определение «гильза». Также не опознаны...

— Хватит, — обманчиво спокойным голосом перебил император. Но этого было достаточно, чтобы все присутствующие министры и оба верховных жреца вздрогнули. — Избавьте меня от этих постыдных подробностей. Пусть лучше полковник скажет, почему побежали его воины обратно в лес?

Полковник смотрел на своего кумира с обожанием и восторгом. И готов был хоть сейчас понести заслуженную кару за случившееся. Но он наивно полагал, что великий и справедливый Дасаш Маххуджи будет скрупулезно интересоваться нападающими, чтобы отыскать и наказать в первую очередь именно их за подобное преступление. Поэтому отвечал смело, хотя и дрожащим от переживаний и подобострастия голосом:

— Ваше императорское величество! Первая колонна нашего авангарда полегла полностью. Остальные воины сразу осознали, кто именно оказался перед ними и, не имея возможности противостоять таинственному оружию, поспешно отступили под прикрытие леса. Тогда как...

— А ты где был? — чуть ли не с ленцой уточнял «добрейший».

— У кромки леса, вел наблюдение и отдавал приказы. Оттуда...

— Зря.., — скорбно кивнул император, сложив ладони перед собой и направляя пальцами в сторону генерала с полковником. — Лучше бы ты пал смертью храбрых, отбивая из рук врага караван с ларцами. Встань!

Полковник вскочил, успев еще проговорить:

— Мне казалось более важным донести эту страшную весть до вашего императорского величества...

— Ты смеешь мне перечить? — хохотнул Даммикурус, показывая наконец-то свою истинную веселость. — Да ты не просто трус, а еще и невежлив.

Полковник только и успел заметить, что стоящие по бокам министры сделали непроизвольный шаг назад, ближе к стенам. А в следующий миг, сорвавшаяся с рук императора молния оторвала командиру егерей обе ноги выше колен. Тело при этом отбросило метра на четыре назад, а у стоящего рядом генерала вспышка обожгла левую кисть, левую часть лица и оплавило почти все волосы на голове. Он только и смог, что рухнуть на колени, бухнуться лбом об пол и залепетать:

— Помилуйте, ваше величество!

— Что с оставшимися егерями полка? — послышался будничный, сочащийся искренней заботой голос.

— Они разоружены и сидят в казарме под домашним арестом, — настолько наивным, как полковник, который сейчас валялся сзади без ног и без сознания, генерал не был, но и в его голосе послышались нотки надежды. Ведь по большому счету его вины в пропаже каравана нет. — Я приказал к ним никого не допускать, ради неразглашения сути происшедшего.

— Верный приказ. Иначе тебе бы самому пришлось их вылавливать по лесам и весям. — Генерал в непонимании поднял свой взгляд на говорящего. — Потому что наказать паникеров и трусов надо обязательно. Сейчас выйдешь и отдашь приказ своим заместителям: немедленно казнить всех воинов позорного полка, бежавших с поля боя.

— Всех? — в недоверии выдохнул генерал.

— Конечно, — подтвердил император таким тоном, словно речь шла о мелких проблемах сельского хозяйства. — Причем приказ должен исходить строго от твоего имени. Для неукоснительного проведения твоего приказа в жизнь отправишь со своим заместителем две пары жрецов из моей охраны. Они дополнительно проследят, чтобы приговоренные ни с кем перед смертью не общались. После отдачи приказов о казни приведи себя в порядок и поступишь в распоряжение министра обороны. Дальнейшие указания получишь от него.

— Слушаюсь, и повинуюсь, ваше императорское величество! — командир оборонного пояса вокруг Бавванди, пятясь, стал выходить из зала и чуть не поскользнулся в луже крови. При этом он столкнулся с взглядом своего подчиненного, который во время разговора пришел в себя и слышал каждое слово по поводу уничтожения оставшихся в живых воинов из вверенного ему полка. Преодолевая слабость и жуткую боль по всему телу, полковник все-таки умудрился приподняться на локте и выкрикнуть, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Но егеря не виноваты! Их глупая смерть ничего бы не дала Успенской империи! Какое скотство здесь творится! Народ взбунтуется, когда узнает!

Еще в начале этих криков Даммикурус махнул рукой двум стоящим за его троном жрецам:

— Перевяжите ему обрубки и вырвите язык. А потом подвесите за руки возле ворот главных казарм гвардии. И надпись не забудьте прикрепить: «Этот трус убегал так быстро, что потерял на поле боя свои ноги!» Пусть там повисит сутки, пока не издохнет.

Через несколько мгновений вопли несчастного полковника стихли.

После чего император обратился к министру обороны:

— Позаботьтесь отыскать более достойного кандидата на место командира оборонным поясом Бавванди.

Тот кивнул, и, выдержав паузу вежливости, уточнил:

— А с этим генералом что делать прикажете?

— Через час выдадите ему большой двуручный меч и вытолкаете на мою внутреннюю арену. Моя зверушка уже давно порядочного сальца не пробовала. А этот генерал совсем не следит за своей фигурой. Пора ему слегка прибавить стройности. Ха-ха-ха!

Проследив, все ли в ответ вежливо и радостно заулыбались, правитель Успенской империи со старческим, притворным кряхтением поднялся с трона и пошел прочь со словами:

— А я полчасика, пожалуй, отдохну от дел. Может, и с монолитом поболтаю о последних событиях...

Никто не осмелился взглянуть ему вслед со страхом, ненавистью или затаенной злобой. Только с радостным умилением и раболепным почтением. Ведь все министры и жрецы прекрасно знали, что Дасаш Маххуджи и такие взгляды легко замечает, а потом еще легче избавляется от неосторожного подданного. А жить хочется даже «зверям».

Глава первая

ТОРГОВЛЯ

Дмитрий Светозаров с трудом подавил в себе вселенскую растерянность, жуткое волнение и неожиданное сердцебиение только через несколько минут после начала всхлипываний Елены. Чуть не падая на ставших вдруг ватными ногах, он принялся лихорадочно соображать, как все-таки правильно построить разговор с неожиданно воскресшей сестрой. В том, что он говорит с самым единственным своим родственником, сердце не сомневалось. А вот разум все больше и больше пропитывался подозрением

и здравым недоверием по отношению к шантажистам. Слишком нагло и бесцеремонно они действовали. Да и непомерные аппетиты говорили о многом. Скорей всего после получения выкупа они постараются уничтожить как саму свидетельницу их злодеяний, так и самого Торговца. Поэтому следовало короткий разговор растянуть как можно дольше и всеми своими силами показать явное недоверие.

Иначе он потеряет любые шансы на благополучную встречу с родной сестрой.

Поэтому в ответ на первое восклицание Елены «Димусик!!!» Светозаров долго молчал и старался пренебрежительно кривиться. Получалось у него это от волнения из рук вон плохо, но когда сконцентрировался, то подошел к переговорам творчески и с капризными интонациями выдал в телефон:

— И долго там еще эта плакальщица будет рыдать? Мне больше делать нечего, как выслушивать подобные инсинуации. Пусть говорит что-то по делу!

Рыдания стали громче и отчаяннее, видимо, сестра пришла в шок от такого обращения, зато сразу послышался голос халифа Рифаила:

— Дмитрий! Вы меня удивляете. Вместо родственной беседы вы кричите на свою сестричку.

— Ха! Она еще ни единым словом не обмолвилась о чем-то особенном, чтобы я вам поверил, — парировал все более приходящий в себя Торговец. — Тем более что сумму выкупа вы все-таки назвали немыслимую.

— Вам жалко этих денег?

— Нисколько, хотя собрать десять миллиардов евро быстро даже мне не удастся. Но я их таки соберу, не сомневайтесь. Мало того, если все у нас получится в честности и взаимном удовольствии, я еще и от себя лично добавлю уникальный бонус, от которого и вы не сможете отказаться.

— Неужели что-то покажете?

— Догадались. Обещаю организовать путешествие в один, а то и несколько миров.

— Хм! — казалось, что Халиф задумался, пока не сдержавшая своих чувств женщина приходила в себя и прекращала хорошо слышимые всхлипывания. — Что-то слишком подозрительна ваша щедрость.

— Это не щедрость, а дополнительные гарантии к нашему соглашению. Слово Торговца всегда нерушимо. Разве что вы заранее настроились на обман... Ну тогда...

— Вы мне угрожаете? — голос стал вкрадчиво опасным.

— Нисколько. Моя репутация утверждает, что своих обидчиков я найду даже под льдами Антарктиды. Причем не нашей полярной шапки, а других миров. По сравнению с такими масштабами планета Земля может показаться невероятно маленькой и тесной. Не находите?

— Значит, все-таки угрожаете, — констатировал халиф с печальным вздохом. Затем послышалось несколько слов на арабском, и он продолжил: — Ваша сестра успокоилась и готова говорить. И хочу предупредить: не стоит так слишком разговор затягивать.

При этих словах внимательно прислушивающаяся к разговору Александра многозначительно дернула бровями, показывая Дмитрию, что его уловку не только она раскусила. Но он лишь подморгнул ей левым глазом, который ну никак не могли заметить со стороны леса, и быстро затараторил:

— По поводу моего бонуса я в самом деле говорю со всей ответственностью. И объясню почему, — в ответ послышалась напряженная пауза, и он продолжил: — По некоторым соображениям я с семьей вскоре намерен окончательно покинуть Землю. Но основные, приносящие огромную прибыль программы так и останутся работать. Глупо

было бы лишаться своего законного заработка. И вполне понятно, что я оставлю на планете своего наместника, а то и нескольких. Скорей всего, дам им власть над проходами в иные миры и право распоряжаться получаемыми дивидендами. Так что вы, Рифаил, имеете дополнительную возможность заработать до конца жизни еще не менее десяти миллиардов. А при надлежащей сноровке — то и больше. Не говоря уже о возможности осуществить некоторые из своих мечтаний детства. Как вам такое предложение?

— Скрывать не стану, очень обольстительное. Я буду рад получить такой дополнительный бонус. Но сейчас перейдем к делу. Продолжайте разговор с сестрой.

Опять короткая пауза и вновь взволнованный женский голос:

— Димусик! Я так счастлива, что ты жив! До сих пор не могу поверить, что с тобой разговариваю и вижу на экране.., — ее прервали несколько слов на арабском, которые тут же, к огромному удивлению, перевела на другое ухо Александра: «Про изображение больше ни слова!» —...Правда твой голос настолько изменился, что сильно растерялась вначале. Но все равно узнаваем...

Говорила женщина на русском языке с некоторым легким акцентом, что и подразумевалось долгосрочным проживанием в иной стране с тринадцати лет. Но за это и зацепился Дмитрий в разговоре:

— А вот твой голос совсем не похож. Да еще и этот странный акцент.

Он всеми силами пока старался показывать, что не верит совершенно незнакомой женщине. Но это Елену, кажется, совсем не смутило. Оно деловито перешла к перечислению тех моментов из совместного детства, которые могли бы ясно подтвердить брату истинность их отношений:

— Да я за эти годы почти забыла русский, не с кем было даже словом перекинуться. Зато прекрасно помню все наши совместные игры и забавы. Я тут себе все на листочке выписала, начиная примерно с шести лет. Увы, раньше ничего существенного не помню, разве что такое, в чем и сама не уверена. А ты помнишь?

— Ну.., трудно сказать. Скорей всего, и в самом деле нечто туманное, маловероятное или незначительное.

— Ну вот, — обрадовалась женщина. — Тогда не будем с них начинать, хотя несколько я тоже выписала на бумажку. Оставим их напоследок. Начну с того момента, когда мы первый раз пришли в школу, и ты меня вел за руку в первый класс.

Она с удивительной точностью стала перечислять массу деталей как по пути в школу, так и первые минуты, проведенные на школьном дворе под присмотром родителей.

Все сходилось почти идеально, хотя для первоклассницы впечатления были более яркими и сочными, чем для второклассника. Тем не менее, Светозаров частенько мотал головой и пожимал плечами, всеми действиями показывая, что его в пересказе слишком много не устраивает. А потом констатировал:

— Довольно все спорно, хотя не секрет, что мне в тот момент очень хотелось как можно быстрей встретиться со школьными товарищами, и я не слишком обращал внимания на твои восторги. К тому же в то время уже имелось достаточно видеокамер в руках у самых состоятельных родителей. Все эти детали могли быть засняты.

— Точно! Я совсем про это забыла, — но при этом Елена нисколько не расстроилась, а деловито пошла по своему списку дальше.

Кое-что из ее рассказов Дмитрий и в самом деле не помнил совершенно. Часть припоминал смутно и с максимальным напряжением памяти, но подавляющее большинство «заметок из детства» сходились идеально. Даже если бы он колебался до сих пор, что слышит голос родной сестры, сомнения бы исчезли окончательно. Светозаров

давно удостоверился, но просто обязан был показать свои сомнения всеми внешними своими проявлениями. По его жестам, мимике и пыхтениям согласие получалось с точностью до наоборот: словно лишь малая часть пересказанного нашла подтверждение в его памяти.

Зато отвоеванное время дало возможность и самому вспомнить несколько важных моментов, ответы на которые он бы хотел получить немедленно. Особенно один, который он тщательно закамуфлировал среди всех остальных:

— Твои воспоминания довольно идентичны моим, но теперь бы и я хотел тебя спросить о нескольких основополагающих истинах. Готова?

— Конечно, Димусик, — кажется, Лене буркнули несколько угрожающих слов, потому что она тут же попросила: — Только, пожалуйста, не задавай тех вопросов, которые тебе запретили.

— Не беспокойся.

И он стал спрашивать. Быстро, коротко, часто.

В основном он спрашивал только о семье. Во что мать любила одеваться. Когда обычно возвращался со службы отец. Где они любили отдыхать. В каких позах и где фотографироваться. По какой аллейке парка прогуливались. Куда ездили отдыхать и на каком взморье сделана та или иная фотография. В какие дни и насколько к ним приезжала бабушка с дедушкой.

Елена тараторила в ответ, захлебываясь от счастья и потока новых воспоминаний. Иногда она коротко задумывалась, иногда отвечала с лету. Очень редко жалобно выдавливала «Не помню...». По крайней мере, так могло показаться со стороны. Но на самый главный вопрос она ответила правильно. Да так правильно и многозначительно, что у Светозарова по спине мурашки побежали. Томившаяся в далекой и страшной неволе сестра, не изменив даже тона, сумела дать в руки единственную тонкую ниточку, по которой он мог попытаться распутать этот древний и запутанный клубок. Что говорило лишь об одном: сама Елена не до конца доверяла своим опекунам и заранее постаралась хоть как-то подтолкнуть брата в правильном направлении возможного расследования.

Он спросил:

— А где была сделана одна из лучших фотографий родителей вместе с тобой? Я имею в виду ту, где они сидят на лавочке, а ты стоишь сзади, обнимаешь их за плечи, и все происходит на фоне забора, увитого розами.

— Что-то знакомое.., — коротко задумалась она и вскоре радостно воскликнула: — Вспомнила! Это ведь мы были в гостях у пана Анджея Дойника. И отец попросил тебя сделать фото. Потом еще я сделала точно такое же с тобой.

Вопросы продолжились с прежней интенсивностью, но вскоре телефон забрали из рук Елены, и опять послышался голос халифа:

— Мое терпение лопнуло. Наговоритесь после встречи. Надеюсь, у вас больше нет сомнений?

— Можно сказать, что нет, — согласился Торговец и тут же добавил: — Почти! Потому что последние сомнения развеются, когда я и в самом деле смогу обнять сестру без посторонних свидетелей.

— Что-то подобное я и предполагал, — не стал спорить Рифаил. — Ну, а теперь перейдем к шкурному вопросу: когда вы сможете собрать нужную для выкупа сумму?

— Полагаю, вы смыслите в финансах? — вопросом на вопрос ответил Дмитрий, и сразу продолжил: — Потому что должны понимать, подобные суммы наличности просто нереально быстро собрать в одном месте за короткое время.

— Понимаю. Поэтому и жду с терпением конкретного ответа.

— Сразу и конкретный ответ я дать не смогу, потому что подобной денежной операции еще никогда не производил. Для начала мне следует обзвонить всех моих посредников и торговых представителей, провести перемещение капитала по банковским счетам и сделать соответствующий забор наличности. Поэтому сию минуту сроки называть было бы слишком наивно. На это может уйти как два дня, так и две недели.

Какое-то время царила полная тишина в динамике. Видимо, халиф отключил кнопку подачи звука и советовался со своими сторонниками. Потом заговорил с полной уверенностью:

— Конечно, я осознаю все эти трудности и согласен подождать. Но сразу оговариваю: максимум моего ожидания — пятнадцать дней. Если за это время оговоренная сумма собрана не будет, будем считать нашу сделку расторгнутой со всеми вытекающими последствиями.

Дмитрий подобными сроками несколько опечалился:

— Но у меня есть встречное предложение. Мне гораздо легче внести некоторую часть выкупа в виде драгоценных камней. Я даже готов отдать эти камни всего лишь за полцены их рыночной стоимости. Если вы на это согласитесь, средства будут собраны намного быстрей, а в итоге ваша выручка получится более значительной.

Опять повисла продолжительная пауза в переговорах. Хотя предложение и в самом деле выглядело выгодным. Драгоценные камни, просто обработав их в алмазы, всегда можно сбывать на рынке и постепенно, и без особого риска. Тогда как помеченные деньги, или переписанные номера на банкнотах все равно в итоге могут вывести на след шантажистов. Да и прибыль от камешков будет однозначно выше, чем при денежном обороте. При этом халиф и в самом деле показал основательную заинтересованность дополнительными бонусами:

— Как я понимаю, алмазы найдены не на Земле?

— Правильно понимаете. Хотя никакой разницы с земными они не имеют. Полностью аутентичны. Можете тщательно проверить.

— Проверим обязательно, не сомневайтесь. Но мне интересно ваше предыдущее предложение по поводу сотрудничества. Есть у меня шанс стать основным представителем нового «алмазного потока»?

— Вполне, хотя я и не думал конкретно о таком импорте на эту планету.

— Существуют ли иные драгоценные камни, чем известные нам?

— О! Сколько угодно! — заверил Светозаров своего собеседника, одновременно подмигивая замершей возле него Александре: «Кажется, рыбка клюнула!» — Только вот иномирские камни — это не только дополнительное, немыслимое по величине богатство, но и верная смерть от рук монополистов подобного бизнеса на Земле. Они конкурентов рядом с собой не потерпят.

— Это не страшно, — с непонятной уверенностью заявил халиф. — Я сумею преодолеть любые подводные рифы любого бизнеса. Так что смело можете захватить для демонстрации и несколько камней, которые бы доказали их иномирское происхождение. Они будут зачтены в состав выкупа по самому максимуму.

— Что ж, меня это устраивает. Надеюсь, что Елена до момента нашей встречи будет жить в роскоши и покое?

— Не сомневайтесь. Это в моих личных интересах.

«Еще бы! — мысленно воскликнул Торговец. — Особенно если он и в самом деле мечтает стать главным дистрибьютором оригинальных украшений на Землю!»

— Как будем держать связь?

— Постараюсь названивать на ваш мобильный телефон каждое утро, начиная с послезавтра. Дадите номер?

После диктовки номера они распрощались с довольными, полными оптимизма нотками в голосе. Зато сразу воскликнула долго сдерживавшаяся супруга Дмитрия:

— Ты ему веришь?

— Вынужден. Иного не дано.

— Но это и в самом деле Елена?

— На девяносто девять процентов, — подтвердил Светозаров, возвращая телефон настоятелю и высказывая очередную просьбу: — Пожалуй, мы и в самом деле откликнемся на ваше предложение и отметим наше бракосочетание в ваших стенах. Еще не поздно напрашиваться?

— Милости прошу! — гостеприимно воскликнул отец Клод и чуть не вприпрыжку помчался во внутренние помещения монастыря, раздавая на ходу команды. Тогда как Александра молчанием поддержала подобное решение удалиться от неизвестно откуда следящего наблюдателя. Ведь при желании их и прослушивать могли с большого расстояния. Еще и развила это решение в нужном направлении:

— Еще никогда не пробовала древнего монастырского вина.

— Вряд ли оно здесь настолько древнее, — усмехнулся Торговец, поднимаясь по ступенькам на парадное крыльцо монастырского комплекса, — но попробовать надо. А потом я сразу начну вызванивать своим доверенным лицам. Со сбором такой огромной суммы стоит в любом случае поторопиться.

— Где же ты столько соберешь?

— У самого голова пухнет...

Но как только они скрылись за толстыми стенами, Светозаров попросил настоятеля:

— На самом деле пить и праздновать нам совершенно некогда. Нам придется закрыться за самой прочной дверью и много медитировать. Разве что от еды не откажемся. Но к вам большая просьба: сделайте некое подобие праздника. За монастырем наблюдают и пусть думают, что и мы в этом участвуем. Все расходы я оплачу.

— Сочтемся! — отмахнулся отец Клод. — Тем более что наши тяжелораненые уже пошли на поправку, и никто не сомневается в их выздоровлении. Так что это мы вам должны за их спасение. Выбирайте любую келью по вкусу. Сейчас вам принесут все самое лучшее из еды.

Уже собравшись подняться на второй этаж, Светозаров замер на месте и вновь обратился к настоятелю:

— У меня к вам еще одно, вполне коммерческое и выгодное предложение.

— Слушаю внимательно, — подобрался монах.

— Не могли бы вы разместить в монастыре около ста человек: дети и их опекуны?

— Да хоть двести! Только что это будет за мероприятие?

— Они сейчас все.., — Дмитрий замялся, подбирая правильные слова, — как бы в дальнем путешествии. И в связи с моими бедами, перипетиями и трудностями это путешествие несколько затянулось. Разгорается крупный скандал, и по-любому путешественников придется предъявить широкой общественности. Но сделать это надо так, словно они и всю предыдущую неделю находились здесь безвыездно. Также обязан предупредить и о последствиях подобной услуги с вашей стороны: монастырь скорей всего навсегда перестанет быть тихой обителью. Вас просто замучают корреспонденты, полиция и даже Интерпол.

— Хм! Звучит настораживающе, — признался с озабоченным видом настоятель. — Но шум и явление нашего братства всему миру меня совершенно не пугает. Давно чего-то такого душа просит. А вот правомерность этого самого путешествия мне видится несколько странной и подозрительной.

— Понимаю и сразу обещаю: после прибытия сюда всей группы в ближайшие дни вы будете иметь возможность переговорить со всеми детьми, их опекунами и узнать истинную тайну самой сути нынешнего и сути будущих путешествий. Пока больше ничего добавить не могу. Разве что заказ большой партии продуктов должен быть сделан более ранними датами. Ну, и остальная братия должна действовать вместе с вами, как единый кулак.

— Конечно, мне надо будет с ними посоветоваться вначале, — часто закивал монах. — Но свое личное согласие даю сразу.

— Уже отлично! — Торговец протянул завернутый в плотную бумагу небольшой пакет. — Вот деньги, на первую неделю должно хватить на все про все. Если коллектив одобрит, сразу приступайте к закупкам, нас беспокоить не стоит. В первую очередь закупайте фрукты, они составляют более половины рациона детей.

— А если...?

Продолжение следует...

ЕЛЕНА КАБАРДИНА (МАКОШЬ) (РОССИЯ, МОСКВА)

Елена Конусова (aka Елена Кабардина, aka Макошь) — поэтесса, автор и исполнитель песен. Доцент кафедры иностранных языков Дипломатической Академии МИД РФ, диплом МГПИ им. В. И. Ленина (русская словесность), диплом DLIELC Lackland AFB, TX, USA. Член Международного Творческого Союза «Серебряный стрелец» и судья международного конкурса «Серебряный стрелец». Лауреат премии П. Вегина (2008). Одна из победителей конкурса «Серебро слова» на портале Рифма.ру (2006). Диплом от «Золотого пера Руси» за высокое художественное мастерство (2008). 2 место в конкурсе песенной поэзии (диплом и звание призера от портала «Что хочет автор» и Международного Союза писателей «Новый современник»). Публикации: «Бабий век» (сборник стихов) (Уфа, 2004), «Мартовская интуиция» (сборник стихов) («Поверенный», 2006), «Грезы о волнорезе» (сборник стихов) («Поверенный», 2007), «Над садом» (сборник стихов) («Поверенный», 2008). Стихи Елены Кабардиной публиковались также в сборниках и журналах «Озарение», 2003, 2004, 2005; «Окна» (Германия), 2005, 2006, 2007, 2008; «Транзит-Урал», 2005; «Хохмодром. Лучшее», 2005; «Многоточие», 2006; «Серебро слова», 2006 (сборник победителей конкурса «Серебро слова» — 2006); «Новая антология поэзии «Земляки»», 2008; «Маковец», 2008; «Поэзия 21 век», 2008; «Песни у людей разные», 2008; «Серебряный стрелец» 2008, 2009 и в других.

Страница автора на сайте «Рифма.ру»:
http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=6&user=316
E-mail: ekonusova@mail.ru

КОГДА СЛОВА...

Когда слова пусты или темны,
не отражают истинных мотивов,
к иной воде и
берегам иным,
к морским волнам и лунным переливам
я выбираю одинокий путь,
и там, зависнув взглядом над волною,
я переговорю сама с собою
о том, чего, вернувшись, не вернуть,
о том, чего, вернувшись, не простить
и не понять, и не принять надолго,
и отрясу их пух и прах с подола,
зажав остатки гордости в горсти.

МАТЕРИНСКОЕ

Ты прав, твореныш мой, бунтарь,
всей правотой молочной кожи:
мне — бабья суть, я навья тварь,
всегда творящая по-божьи.
Кто в эту суть не вовлечен,
тот не увидит в блеске странствий,
как из — моей — руки течет
тепло, творящее пространство,
в котором ты, покуда слеп,
еще прильнул к моим коленям,
оно по навьему веленью —
твой верный кров, твой черный хлеб.

СТРАСТИ ПО ГОГОЛЮ

Сидят на Гоголе голуби,
и я на бульваре Гоголевском
под взглядом его — как голая,
и мысли — этаким моголем:
на Гоголя голуби — могут ли?!
Да только что ему, Гоголю...
А я стою — птица редкая —
а «до середины» — сгину
со всеми своими бедками,
и метками, и сединами.
И мне-то голуби — долго ли?
Много ли надо — с голубя
на эту больную голову?
Поодаль бы мне от Гоголя...

МАЙСКОЕ

О, слов неовесненные грачи,
мою весну склевавшие до крошки!
она мне обещала быть хорошей,
и были горячи ее зрачки,

но вам-то лишь бы только извести
весенние доверчивые взгляды, —

и то, что было близко, было рядом,
теперь горчит и больше не в чести.

зажат в горсти черемуховый рай,
батистовым платочком смят и скомкан:
от майских слов — бродить по майской кромке
до маеты, плеснувшей через край, —

и недалече вешняя гроза.
Но сад уже бутонами наполнен
и расцветает в блеске майских молний
и летних снов, летящих мне в глаза.

СКАЗОЧНО-ЗИМНЕЕ

В какой реальности, когда
я целовала эти руки?
На поднебесные снега
смотрел ноябрь близорукий
и бликовал чудным пенсне.
В той тридевятой стороне
ты загадал одну кручину —
и стаял снег во всех садах.
Мне снится, как в твоих руках
теплеют стоны пианино,
и разделяясь меж двумя,
на сад спускается зима...

ПОЛУ-...

У нас с тобою — передозировка
любви, надежд, соитий и скандалов.
Свисает с люстры тонкая веревка,
а люстра светит только вполнакала,
и ты сидишь ко мне вполоборота,
вот так, ни в полу-фас, ни в полупрофиль,
и в полумраке пьешь свой черный кофе
по полчаса, от чая с бергамотом
воротишь нос и рвешь на полуслове
вопрос, не озаботившись ответом.
И бьет копытом бледный конь соловый,
жуя солому летнего рассвета.

МУЖСКАЯ МОЛИТВА

Недостаток любви, как положено, возмещают
обещаньями, шалями, мыльными пузырями,
кружевными вуалями, дорогими вещами,
непрощаньем с разлюбленными козыряя.

Непрощеньем возлюбленных упиваясь ночами,
соловей, мол, не вовремя трепетное нащелкал,
чур меня, мол, от этой, с печальными-то очами
и речами, текущими переливчатым шелком.

Там — от господа (смилуйся), здесь от лесного беса,
и сама, как шишига, все лесом-чертополохом,
ты же лох, а не бох, раз не чувствуешь ни бельмеса,
как без этакой чертополошной порою плохо.

Или чувствуешь? Видишь? Да только гоняешь тучи
то над лесом ее, то над крышей моей, то выше,
что ж ты хочешь от нас, продолжая пытать и мучить?
Зарядить бы ружье да и выстрела не услышать,

не увидеть, как в небо с испугу взметнутся стаи,
как, плеснув по воде, под корягу забьются рыбы,
и не знать, как две женщины жизнь без меня верстают,
уставая ворочать ее ледяную глыбу.

ПРИВАТНОЕ

Куда ни кинешь усталый взор —
все те же тайны, секреты те же,
один и тот же мадридский двор,
где Наг Нагайной давно отслежен,
где Бог Привата приватно мил,
а на открытость — табу ответом,
где шито-крыто меня любил,
и так приватно даря букеты
тайком от серых Нагайн, мой Наг
(чтоб не прознали, иначе — амба),
по-королевски впотай-но-наг,
читал хореи мои и ямбы.

АБОРДАЖНОЕ

Волна пошла на абордаж
и Стенькой выкинула за борт,
и налетел гагачий табор,
и чаек бросилась орда
меня выхватывать из волн,
клевать и вновь топить в пучине,
и ты не стал искать причины,
чтоб оправдать их произвол.

Твоих речей латунь и медь
не отпугнула стаек звонких,
ты, «полон дум», ушел в сторонку
на волны с берега смотреть.
Когда сомкнулась надо мной
вода и смолкли шум и гомон,
ты снова птиц кормил с парома
вчерашней булкой покупной.

ВНУТРЕННЕЭМИГРАЦИОННОЕ

Не шепчи над стопарем, дескать, наглая,
зря, мол, было убеждать да названивать.
Ну, ушла к-себе-в-себя, типа, в Англию,
так, по-аглицки ушла, без лобзания.

Мнила, призраки мои — белы ангелы,
а над замками туман в цвет магнолии.
Я-то думала, к себе — словно в Англию,
оказалось, что в себя — как в Монголию.

И — ни замков, ни замков, — степи снеж-
ные,
и ветра по ним с утра и до вечера.
Пью кобылье молоко, веки смежила
в монголоидный разрез недоверчивый.

НАД САДОМ

Прихожу в Александровский сад, как в надсадность впадая,
и иду по не мною расхоженным темным аллеям.
На почившую осень слетает зима молодая,
чтоб останки склевать, ни крошинки ее не жалея,

у меня на плече ворковать Гамаюновы сказы,
заговаривать мысли до цвета прохладной досады,
и припомнив тобою в саду оброненную фразу,
я ладонью зажму мне на душу осевший осадок.

Захотев от плеча отогнать эту вещую зиму,
я руками взмахну, словно крыльями зимняя птица,
и взлечу над аллеей с улыбкой Джульетты Мазины,
и уверую в то, что плохого со мной не случится.

Вопреки мне предсказанным хворям, обидам и стужам,
пролетая над садом, я снова поверю, возможно,
что по-прежнему сад мне садовую голову кружит,
что по-прежнему песни мои тебе сердце тревожат...

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Остыла пылкая влюбленность,
и ты, мой милый дуралей,
глядишь на склон холма, где клены
голее голых королей.

Зима, мой друг. Похолодало...
Ни тусклый свет, ни тайный путь,
ни «ледяная рябь канала»
уже не могут обмануть,

и ничего не повторится.
Опавший клен заледенел,
и улетают голубицы
в небесно-снежный беспредел.

И мне — с причудами, но в белом —
твоих портьер не волновать, —
заиндевелою омелой
стою, как ты наколдовал.

Влюбленность прежняя, похоже,
ушла в глубины чутких строф
и под корой продрогшей кожи
перерождается в любовь...

КОГДА Я БРОШУ...

Когда я брошу думать о тебе,
сходить с ума, не есть, не спать ночами
и буду жить, тебя не замечая,
не прибегая даже к ворожбе,
тогда не приведи тебя господь
понять, как понимают в одночасье,
что я — твое единственное счастье,
твоей души отрезанный ломоть...

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Как фибрами-чакрами, ветками в облако врос
сентябрьский дуб, зеленея листвою упрямо.
Мы облачно вместе, дубовополиственно врозь,
и пьяный глинтвейн сентября, упоительно пряный,
нам связки смягчает, и наши с тобой голоса,
свободны от хрипов, ночами нежнее и выше,
сливаются вместе, сплетаясь, летят к небесам,
где ветки и листья сентябрьский ветер колышет.

ЛЕОНИД КОЛГАНОВ (ИЗРАИЛЬ, КИРЬЯТ-ГАТ)(гость антологии МАГИ)

Поэт, прозаик. Родился в 1955 году в Москве. 1972 — окончил среднюю школу. 1974 — поступил в университет (ушел по собственному желанию). С 2О до 25 лет писал исключительно прозу, которая вызвала горячее одобрение Ю. В. Трифонова и Л. Б. Либединской. А с 1980 года стал писать стихи. 1989 — лауреат VI московского совещания молодых писателей, принят в Комитет литераторов Москвы. 1991 — рекомендован А. А. Вознесенским на стипендию Фонда культуры. 1992 — гражданин Израиля. 2005 — почетный гражданин Кирьят-Гата. Член «Союза русскоязычных писателей Израиля». Руководитель литературных объединений «Поэтический театр Кирьят-Гата» и «Негев». Стихи публиковались в «Московском комсомольце», «Литературной учебе», «Истоках», «Смене», альманахе «Поэзия», в «Дне Поэзии — 1989», «Собеседнике», а так же во Всероссийских «Дне поэзии–2006» и «Дне поэзии–2007» и в «Санкт-Петербургском Дне Поэзии–2007», « Теплом стане», в трех антологиях серии «Стихия»: в журналах «Алеф», «22», «Юг», «Галилея», «У», «Роза Ветров»; в газетах «Вести», «Новости недели», «24-часа», в антологиях — «Антологии поэзии. Израиль 2005», «120 поэтов», «Русское Зарубежье», «Год поэзии».

Библиография:

- «Осеннее очищение», изд. «Московский рабочий, 1989
- «Бесснежные метели», изд. «Центр-Про», 1991
- «Пламя Суховея», изд. Елены Фельдман, Иерусалим
- «Слепой рукав», изд. «графика Зильберг», 1996
- «Средь белого ханства», изд. «ЭРА», 2001
- «Вьюга на песке», изд. «ЭРА», 2005
- «Легенда о Водяном столбе», изд. «ЭРА», 2005

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« **Эвелина Ракитская, издатель:** Поэзия Леонида Колганова — явление уникальное. Ее даже условно нельзя отнести к какому-нибудь поэтическому направлению… полифонична, многоголоса. Поэтический голос Колганова — не одинокая скрипка, а звучание эфира… »

« **Михаил Беркович:** Первое время трудно было слушать стихи Леонида Колганова в его собственном чтении. Он и читает, как пишет, своеобразно. Стоит, слегка наклоняясь вперед со сжатыми кулаками, слова произносит резко, будто выкрикивает, и от него идет экспрессия такого накала, словно от проводов высокого напряжения. Близко не подходи — сгоришь! Потом не только привык, но и подумал, что именно так и должно читать такие стихи.

…Читатель по стихам может проследить если не всю жизнь поэта, то основные ее вехи — наверняка. Перед нами открывается сложная, напряженная жизнь, полная переживаний, страданий, жизнь человека, угораздившегося в молодые годы пережить клиническую смерть, разлад в любви, смену страны проживания, терпеть неустроенность быта и прочее такое. Но меня могут спросить, где и когда ты читал стихи, написанные вечно счастливым человеком? И я отвечу: нигде и никогда. Потому что стихи, в основе своей, — крик души. »

Сайт автора: http://leonid-kolganov.narod.ru

1. КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ

Колеблем крещенскою ночью,
Среди завывающих лип,
Набрел на тревожный комочек,
Земли, источающей всхлип!

Привстав средь снегов ошалело,
Как лось на озябших ногах,
Земного щемящего тела, —
С кислинкою едкой — впотьмах, —

Почувствовал привкус знакомый,
Кромешная дрогнула мгла:
Стояла в древесном проеме —
Она, и как будто звала!

Неброской мучительной плотью,
Полесская ведьма влекла,
Дразнилась в метельном излете,
Как вражья стрела, — стерегла!

И я, поперек этой ночи,
Упал, — как солдат на бегу,
И выл, словно волк-одиночка,
Над призрачным мясом, — в снегу!

2. ОПАЛЕННАЯ КРУШИНА
(Памяти Николая Рубцова)

Россия — Родина Рубцова,
Россия — Вологда Рубцова,
Россия — Дербина Рубцова!
Он с ней — навечно — окольцован,
Он ею — вусмерть — уцелован!

Она — манящая кончина,
Она — летящая крушина!

Крушина с черными плодами,
И опаленными крылами!
Калина красная цветет,
Крушина черная грядет!

Крещенье... Баня... Дымовина...
Россия... Родина... Крушина...
Россия... Родина... Крушенье...
И липкой ночи наважденье!

Который день, который год,
Чернеет банный дымоход.
И — не находит себе места —
Крушина, — черная невеста!

3. КРУШИНА НА ИОРДАНЕ

Как будто тать на покаянье,
В кручине темной и тоске,
На мелководье в Иордане,
Я — черный куст узрел в реке!

Дождем подмытый куст крушины,
Размытый мерною волной,
О камни бился он чужбины,
Топляк, — таинственно-родной!

Крушина, — черная невеста,
О, не круши меня в бреду,
Нет для тебя живого места —
В моей души — немом аду!

О, нет, — круши все неустанно,
Кружа над всем, и все круша,
И — опускаясь покаянно,
Как окаянная душа!

Крушина, грешная крушина,
Мое крушенье на снегу,
Снегов российских — Магдалина —
На Иордана берегу!

Крушины нет на Иордане,
Как райской кущи на снегу,
И замираю я в рыданье —
На Освященном берегу!

БЕССМЕРТНАЯ ПЛОТЬ

Жизнь — скоротечная чахотка,
Как все болезни, — в смерть уйдет,
И смерти четкая чечетка,
Свой стук костлявый отобьет!

Она — как старая стукачка,
Следит — с рождения — за мной,
Но жизни — белая горячка —
Вступает с ней в смертельный бой!

Смерть пригласит на белый танец —
Меня, — как черная вдова,
Но — весь чахоточный румянец,
Что Храм зарделый Покрова, —

Своей разверстою каверной —
Вдруг вспыхнет, как лесной пожар,
И плоть покажется бессмертной,
Как поздний Чехов и душа!

И я тогда, подставив шею,
Под ржавую косу́ зари,
Как взрыв застывший онемею,
Шепнув лишь: Боже, длань простри! —

И — после жизни скоротечной,
Поднявшись в небо, словно дым,
Пред Вечностью предстану млечной,
Как ранний Чехов, — молодым!

ОКОНЧАНИЕ ЦИКЛА «ЖЕНЩИНА В СЕНТЯБРЕ»

Наша нежность, как кошка с хребтом перебитым,
В синих клочьях ночных чуть скребут коготки,
И ползет она, дымом холодным обвита,
Двух расхожих судéб все хрустят позвонки!

Закипанья твои, словно взбалмошный улей,
Я ведь сам же воззвал! Ты бесстыдно строга!
Бой окончен... И лишь одиночные пули
Временами смертельно ласкают врага, —

С двух сторон... И неясно, чье войско разбито...
Кто остатний огонь заслонит от дождя?
Спор окончен... Лишь кошка из ночи забытой —
Напоследок царапнет меня, не щадя!

Ты далеко — хоть рядом! Но где-то блуждает
Наш нелепый звереныш — двужильная боль,
Только утро разлучное дело свершает,
Ты опала... А я постою... Ты позволь! —

Как кочевник, вдыхающий степь пред разлукой,
Ты в изгибах родных! Ты свежа — как гроза!
Я пойду от тебя крестным счастьем и мукой,
Нашей нежности дым мне застелит глаза!

Ты в дремоте... Над нами судьбы многоточья...
Я стою над тобой, как над палой листвой,
Отлетают последние синие клочья,
Только нежности дым все дрожит, как живой!

ЗЕМНЫЕ ПОЛЕТЫ

1. В РЕАНИМАЦИИ

Бомбардируют височную вену,
В огне подсознанья взлетают миры.
Кто-то взимает последнюю цену —
За перегибы рисковой игры, —

Жизни со смертью...
Лишь красные вспышки —
В полузатухшем предсмертном чаду.
Может быть, приговоренные к «вышке»,
Так же вот ловят миры на ходу!

И — на последнем земном переходе —
Души бездомные тихо бредут!
Смертник бессвязное что-то городит,
Стрелки часов конвоирских бегут...

2.ДУША

Как —
Астральное тело —
Смотрело на тело,
От него отдалясь на семь вечных минут,
То качалась душа, что уйти захотела,
Оставляя в залог тишину и уют!

И —
Кидалась — покойная ныне собака —
На — уже не мою — отдышавшую грудь,
И — как женщина — к телу взывала из мрака,
Сгусток нежности и первобытная суть!

Но —
Ее и себя — вовсе не было жалко,
Я стоял в трех шагах — по ту сторону зла,
И добра, и любви...
Лишь сиротка-скиталка
Свой приют покидала, спаленный дотла!

3.КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

Я затих... Неподвластные смерти
Прорастали зачем-то усы,
И веселые белые черти
Жизнь бросали мою на весы!

А затем — в преисподнейшей койке —
Смутно слышал: то ль ангел поет,
То ль в морфушном бреду уголовник
Нам про милую мамку орет!

Стихли отзвуки дружьи и вражьи,
И все Веры, Надежды, Любви,
Распростерли объятья лебяжьи,
И спокойно сказали: Живи!

4.ЗЕМНЫЕ ПОЛЕТЫ

Старый оползень-дом наплывал, оплывая,
Утихая во мне пересвистом годов,
Но скреблася о память, как мышь полевая,
Потаенная нежность наших тихих прудов!

Пристяжной змей-ремень перехватывал горло,
И голимая степь приближалась, пыля,
И скорбели о нас смертным выпотом стекла,
Выносила нас — мертвая — жизни петля!

Выносила к иной — беспредельной — Отчизне,
Красным вспыхом планет озарялись глаза,
И вбегали, как дети, мелодии жизни,
И — на лике земли проступала живая слеза!

И катилась она по земле, как по старой иконе,
И манила заблудших среди мировых пустырей,
Я покой обрету на рассыпчатом глинистом лоне,
Но слизнет меня вал запредельных незримых морей...

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ (РОССИЯ, МОСКВА)

Филолог, поэтесса. Живет в Москве. Член Союза литераторов России. Окончила математический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, аспирантуру Института языкознания РАН. Защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук. Является одним из авторов-составителей и редакторов Словаря языка русской поэзии XX века (издано 3 тома Словаря в 2001, 2003, 2008 годах). Дипломант в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России» (2009 год). Руководит Литературным объединением Центрального Дома ученых РАН. Опубликовано более 20 сборников стихотворений поэтессы. Многие сборники и отдельные подборки стихотворений опубликованы на различных интернет-сайтах. На стихи Людмилы Колодяжной написано более 300 песен.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

Доктор филологических наук, профессор В. П. Григорьев: На «шести сотках» краткого неофициального отклика на стихи Л. Колодяжной не скажешь всего о том, чем же они как-то особенно привлекательны. Свой, свежий голос, порой, тончайшие интонации… Да, конечно. И непосредственность почти дневниковой точности вербальных откликов на душевные движения во внутреннем и внешнем мире: «здесь и теперь»; «Там и Вечно»… Несомненно. И профессиональная зрелость серьезных опытов противостояния «прелести» инерционной гармонии стиха. И многое, многое другое. Но, признаюсь, что больше всего я был поражен образной яркостью сближения двух строк о «самовитых словах» (термин Велимира Хлебникова):

«В каждом слове, как в комнате, мечется старое эхо…»

и

«В каждом слове, как в комнате, новое эхо томится…»

Отзыв на книгу «Слушаю я, как ангелы плачут», Рената Гальцева, философ, публицист: Теперь, когда стало боязно — или тоскливо — заглядывать в новые опусы стихотворцев: одних, потому что наткнешься на дежурную непристойность, других, потому что попадешь в тенета претенциозных псевдо-теологических воспарений — стихи Л. Колодяжной и по своей искренности, и по своей высшей настроенности оказываются особенно отрадным сюрпризом. Вместе с поэтом мы заново ощущаем, что душа — нездешних стран жилица, что вырываясь из плена вещей, она не разрывает с ними, но одушевляет их, что страдая от преходящести чувств, она стремится сохранить их в вечности. «Романтизм — это душа», — вспоминаются слова М. Цветаевой. О душе нашей поэтессы надо было бы сказать: «христианский романтизм».

Предисловие к диску песен на стихи Л. Колодяжной «Ковчег» (Мультимедийное изд-во «Деоника», М., 2008 — директор Всеволод Бучирин): На диске собраны песни на стихи замечательной православной поэтессы Людмилы Колодяжной. Эмоциональная насыщенность, глубокое и неожиданное осмысление библейских сюжетов, блестящее владением словом, мелодичность стиха принесли ей заслуженную славу и сделали ее произведения чудесной основой для красивых, звучных, запоминающихся песен, сочиненных Инной Николаевой, Ольгой Кузмичевой и Александром Долгополовым.

Интернет-страница Пасха.ру (http://uspenie.paskha.ru/lit/Kolodyazhnaya): В Послании Св. апостола Петра сказано: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией» (Петр. 1:4,10–11). Писать стихи — это дар. И очень важно, чтобы поэты использовали свое дарование, не забывая о том, Кто преподнес им такой подарок. Современную поэтессу Людмилу Колодяжную можно

отнести к тем, кто помнит. В своем стихотворении «Успение Богородицы» автор описала событие, завершающее земную жизнь Богоматери. За апостолами, которые распространяли слово Божие по миру, посланы облака, перенести учеников в Иерусалим, чтобы они смогли проститься с Богородицей. Лишь один Фома не успел. Но в том был промысел Божий, чтобы открылось всем, что Спаситель забрал Богородицу в Царствие Небесное.

Сайт автора: www.likolod-poet.ru
E-mail: likolod@yahoo.com

ПОЭТ РИСУЕТ СЛОВО

Поэт рисует Слово,
как Ангел, на песке,
его не слышно соло,
лишь пепла горсть в руке.
Довлеет дневи злоба...
Но не молчат уста,
пера — опасна проба,
когда тропа пуста.
Пока слова рисует
поэт — как Бог, он жив,
а тот, кто не рискует,
тот мертв, и пуст, и лжив.
День нынешний довлеет
в дыхании строки,
а завтра кто-то склеит
дней наших позвонки.
Пусть Саломея пляшет,
веселье — зла исток,
но смертную пьет Чашу
в Саду уставший Бог.
Довлеет злоба дневи,
и в гневе — вечера,
но зреет боль в напеве
все та же, что вчера.
Строки подъем изломан,
но в путь спешит рука,
и уголек не сломан,
и ждет — пуста-доска.
Строка на побережье
размыта солью волн,
а завтра — ветер свежий,
и Сад, и крест, и холм...

МУЗЫКАНТУ

Позови туда, где закат
золотит горизонта оковы —
зыбким выдохом, музыкант —
гибкой дудочки тростниковой,
где березовых дров смола
омывает мольбой жаровню,
где тебе не нужны слова
на тропе тишины неровной —
в край, что мне еще незнаком —
кроме музыки, что там будет?
в край, куда бегут босиком
за тобою ангелы, люди,
дети... В край меня позови,
в край, где знаешь — уже ничей ты...
Слышишь, выдохом улови,
смелым шепотом, лепетом флейты —
самой шелковой из сетей —
в край, который еще неведом,
где я стану тише детей,
что бегут за тобою следом.
Позови, музыкант, туда,
где любовь лишь — музыки тише,
где холодных небес слюда,
где мирАжем брезжится Китеж,
где уже — не флейта, а звон,
словно сон колокольный, светел,
где исполнили твой закон —
люди, ангелы, я и дети...

ПОМНИШЬ, КАК ГОРЕЛА ЛЮБОВЬ?

То, что в памяти я утеряю,
Ты припомнить мне помоги.
Ты идешь к тонкой двери рая,
А во мне, словно эхо, шаги.
Те слова, что напишем, не скажем.
Те, что скажем, не сможем сберечь.
Невесомым дрожаньем однажды
Вдруг моя отзовется речь.
Над листвой отзвук жизни — кроток,
Он тревожит твой слух и взгляд.
До не пройденного поворота
Ты идешь, к двери тонкой, в сад.
В прошлый мир наш войдем, доверясь,
О потерях ли говорить?
Ты идешь к самой тонкой двери —
Я должна ее отворить.
Вспоминать никогда не поздно,

Словно пламя ловить в золе.
Мы пройдем сквозь звенящий воздух
И в осеннем канем тепле.
Жизнь, как слово, немного стерта,
Но остался вкус на устах.
По листве мы ступаем мертвой
К тонкой двери, вздымая прах...
В облаках просвет, словно дверца,
Переступишь — остудишь кровь,
Напоенная светом сердца,
Помнишь — как горела любовь...

* * *

«Я зачитался...»
Райнер Мария Рильке

Тот взгляд остался, посланный давно —
твоею звездочкой — в мое окно,
сквозь грозы, гроздья позднего дождя,
в ночную жизнь, жалея и шутя...
Я всматривалась в свет, в тот час кручины,
задумчивости, в час, когда не спят
две стрелки, пятясь в прошлое, назад,
в тот час, когда — закат, закат, закат
горит в листах — тоской строки карминной.
Когда страницы рвут, и нити рвутся,
и жизни катятся, куда хотят,
когда хотят уйти, вернуть, вернуться,
не веря в стенки тонкие преград.
Когда идут куда-то, по приметам,
по райским травам, где стоят в кружок
Адам и Ева, звери, Ангел, Бог,
где нет греха, но есть любовь при этом.
Но я от взгляда — взгляд свой подыму,
еще пропитанный надеждой-ядом,
как будто пробыл ты со мною рядом
в бессонном сонме слов, в дому, в дыму...
Я возвращаю взгляд свой — в полутьму,
туда, что ты зовешь «житейским адом»,
в ту жизнь, что для души уже мала —
душа переросла пути-невзгоды
лишь потому, что звездочка вела
ее — твоя — за грани небосвода...

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Сияньем августа сотри,
Пока не поздно,
Строку пленяющей петли,
Звук гласный, грозный.
Приют бревенчатый, труха
Сухого лета.
О, как провинция глуха
К судьбе поэта.
Рябины ранней горечь-горсть,
Скупая лепта.
Строка-петля обвила гвоздь
Литою лентой.
В гортани звуки от рывка
Спеклись и слиплись.
Исчезло все. Душа легка.
Апокалипсис.
Хранитель-ангел тонких рук
Разнять не сможет.
Хранитель-ветер к звуку звук —
Молитву сложит.

ПОСВЯЩЕНИЕ АННЕ АХМАТОВОЙ

Лист, как бабочка, ветром распятая,
чуть желтеющий, как страница,
в черной книге — стихи Ахматовой,
стая белая, вереница,
та страница, что кажется матовой,
иль блеснет, как от жара, глянцем,
то Архангел мелькнет в ней латами,
то — Давид пред ковчегом в танце,
если Ангел, то рядом — Демон,
если луч — то кажется жалом,
самой темной эпохи темы,
те, что Муза наколдовала.
Неизменен лишь профиль строгий,
что над первой страницей стынет,
четкий профиль темной эпохи,
профиль Матери, ждущей Сына,
тоже — где-то, кем-то распятого...
Книга черная, в старом изданье,
где желтеет страница свято —
свято матери ожиданье...

ИРИНА КОМАРОВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Ученый в области истории науки, культурологии, искусства и образования; ведущий научный сотрудник Совета по изучению производительных сил Министерства экономического развития и РФ и Российской Академии наук; кандидат исторических наук (1995), академик МАНПО (2004); родилась 3 марта 1957 г. в Москве; трудовая деятельность: сотрудник Института теории и истории архитектуры, гл. редактор фирмы «Мейкер», зам. гл. редактора альманаха «Вымпел», гл. редактор журнала «Юный навигатор», главный редактор журнала «Восточный свет», начальник отдела информационного обеспечения программ межрегиональной общественной организации детей и молодежи «Новая цивилизация», одна из создателей журнала «Профи»; член координационного совета АНО «Федерация Интернет-образования» (с 2000 г.), эксперт Национального комитета ЮНЕСКО «Информация для всех», член-учредитель «Светского клуба»; автор более 150 научных и научно-методических работ (на русском и иностранных языках); автор более 40 книг по проблем культуры, искусства, образования, в т.ч.: «Художники», «Архитекторы», «Музыканты и композиторы», автор-составитель книг по воспитанию детей и молодежи: «Новая цивилизация от А до Я» (2004), «Методика проведения Интернет-фестивалей» (2003), «Методика проведения отборочных конкурсов»; Автор-составитель «Путеводителя по научным обществам России».

ГОРОД НОВОГО СВЕТА — МАДРИД

Мадрид, в отличие от Барселоны, лежит на периферии движения туристических потоков из России, что очень странно. Потому что Мадрид по очень многим причинам гораздо ближе сердцу русского человека, чем многие другие европейские столицы. Способность впитывать в себя любую культуру, сохраняя свою самобытность, у Мадрида почти сопоставима с Москвой.

Ни в чем так не проявляются характеры городов, как в их аэропортах. Наверное, даже не характеры, а будущее. И вовсе не потому, что отсюда начинается знакомство со страной. Сам аэропорт — страна в стране со своим ландшафтом, укладом, ритмом жизни и населением. Одни аэропорты очень похожи друг на друга своей рациональностью, упорядоченностью, аскетизмом (немецкие). Другие под внешним лоском прячут хамство и неуважение к человеку (московские). Третьи — шедевр удобства на биометрическом уровне (швейцарские), четвертые — совершенны с точки зрения физиологии.

В архитектурной среде конца 1980-х годов имена Роджерса, Ренцо Пьяно, Нормана Фостера произносились с придыханием. Немногие счастливцы могли увидеть их произведения, сразу же становившиеся легендарными, но многие читали о них редкие публикации в архитектурной печати или ходили на выступления тех, кто видел эти сооружения.

С постройками Роджерса я познакомилась сначала на таких выступлениях, а затем — ногами. Выйдя из самолета, приземлившегося в Хитроу, на дорожку, ведущую к службам аэропорта, я почувствовала, что пространство организовано так, что помогает тебе двигаться в нужном направлении. И удобство это было столь ощутимо, что первой мыслью было — боже мой! это строил гений! А вторая мысль — да я же слышала! Про эту постройку Роджерса рассказывал Евгений Асс. Шел, кажется, 1994 год.

Потом было множество аэропортов, очень разных, но подобного ощущения больше не возникало. Моя жизнь и Лондон разминулись где-то в пространстве, хотя кто-то рассказывал, что борта из России принимают нынче в другом терминале. И вдруг... Испания, Мадрид — и вновь это сумасшедшее пространство, и ты забываешь мгновенно

о паспортном контроле, багаже, и вновь в голове мысль — это гениально! А потом следующая — это же Роджерс! Знаменитый четвертый терминал мадридского аэропорта Барахас, за который автор получил множество международных архитектурных премий. О нем теперь много пишут в Интернете. Впрочем, чтобы увидеть этот терминал, нужно прилетать не рейсом «Аэрофлота» (он принимается старым терминалом), а «Иберией».

Непересекающиеся потоки людей, энергий, стран, говоров, движущихся по разным прозрачным коридорам, создают почти нечеловеческий масштаб. И все это увенчано утонченно изломанной, как волны жизни, кровлей.

Быстро разобравшись с багажом, наша маленькая компания на микроавтобусе направилась в Мадрид, который отделяют от аэропорта 13 километров.

* * *

Мадрид расположен в самом сердце Пиренейского полуострова, в центре Кастильского плоскогорья на высоте 646 метров над уровнем моря. В городе сегодня проживает около 3 000 000 человек.

Он был основан во время правления эмира Мохамеда I (856-886), который велел построить крепость на левом берегу реки Мансанарес. В течение долгого времени христианские и мусульманские страны бились за право владения этой крепостью, что и отразилось на уникальном облике столицы. Историческое наследство Мадрида огромно. По традиции центром города считается площадь Пуэрта дель Соль (Ворота Солнца) с тремя статуями и старинным Домом Почты (1768 г.), увенчанным часами с четырьмя циферблатами, под колокольный звон которых жители Мадрида празднуют наступление Нового года. Площадь украшена скульптурой — медведь и земляничное дерево. Это символ города. Однако всю эту информацию мы получили значительно позднее, а пока маленькая группа — участники международного круглого стола «Славянство: история и современность» — начинала свое знакомство с Испанией.

Круглый стол был организован Представительством Россотрудничества в Мадриде под руководством Илоны Явчуновской, посольством России в Испании и фондом «Русский мир», а также университетом Комплутенсе (Мадрид) и университетом Гранады.

На первый взгляд, и сама тема круглого стола, и Испания никоим образом не связаны ни с татарами, ни с Востоком. Но это — лишь на первый взгляд. В Испании мы встретились с большой группой представителей Татарстана, работающих на славянских отделениях знаменитых испанских университетов — в Мадриде, Гранаде, Алькала де Энаресе, Севилье и Уэльве.

Мы прибыли в Мадрид днем, разместившись в приятном отеле, расположенном в пяти минутах ходьбы от посольства России.

Добротный, обстоятельный район, примыкающий к Центральной автобусной станции, размещенной под землей, не удивлял архитектурой. Вид из окна тоже показался обыкновенным. Обычным был и ресторанчик, который нам порекомендовали для обеда. Хотя обед оказался очень дешевым и вкусным. Так что наше знакомство с городом началось с кулинарной составляющей.

Первая экскурсия по Мадриду — на крыше двухэтажного автобуса, отправлявшегося от музея Прадо по улицам города. Автобусы ходят по двум маршрутам — магазинному (синий) и историческому (красный). Мы выбрали последний. Экскурсии были записаны на разных языках, в том числе и на русском.

Мелькают виды, имена, названия, и все это образует невероятную смесь воздуха, света, тени, звуков города, запахов, зеленых пятен многочисленных садов и парков.

Если бы меня спросили, что, по первому впечатлению, отличает Мадрид от других столиц Европы, я бы ответила: совершенно иное ощущение пространства — движение пересекающихся пространств. В здании аэропорта это движение нашло свое архитектурное воплощение. Оно чувствуется и в старом городе, и в новых районах, и в архитектуре, и в живописи. Это чувство осталось и к концу пребывания, и повторилось в следующих поездках.

Из автобусной экскурсии больше всего запомнились фонтаны Кибелы и Нептуна, ворота Алькалы и Толедо, улица Гран-Виа, здание Почтового ведомства и площадь Америки.

Фонтан Сибелес (испанское название богини Кибелы) считается одним из символов Мадрида. Мне он не понравился, однако большинство наших маршрутов проходило так, что мы все время оказывались рядом, и я начала к нему привыкать. Этот фонтан был частью проекта по строительству мадридского Салона дель Прадо, согласно которому для жителей столицы должно было быть создано такое место, где они могли бы непринужденно прогуливаться среди садов и фонтанов. Для осуществления проекта были выбраны луга Прадос де Сан Херонимо и Аточа, в свое время также называвшийся лугом — Прадо Вьехо. На этом пространстве должны были расположиться в том числе и три роскошных фонтана — Кибелы, Нептуна и Аполлона.

Фонтан Сибелес был спроектирован известным архитектором, много строившим в Мадриде, — Вентурой Родригесом в 1777 году, во времена правления Карла III. Фонтан венчает скульптурная группа, изображающая богиню плодородия — Кибелу, едущую на колеснице, запряженной двумя львами. Согласно римской мифологии Кибела — дочь Неба и Земли, супруга Сатурна, родившая ему Юпитера, Нептуна и Плутона. Фигуры богини и двух львов высечены из белого мрамора, добытого в поселке Монтескларос, а все остальное — из камня, добытого в горах на севере Мадрида.

Сегодня этот фонтан обрамляют грандиозные здания, придающие ему еще больше величественности: дворцы Паласио де Буэнависта, Паласио де Линарес, известный как Каса де Америка, Паласио де Комуникасьонес, или Почтамт, и Банк Испании. Нельзя также не отметить, что отсюда открываются одни из самых красивых видов города: на ворота Пуэрта де Алькала, бульвар Пасео дель Прадо и улицу Кале Алькала.

Пуэрта де Алькала, или ворота Алькалы, были спроектированы архитектором Франсиско Сабатини по заказу Карла III. Место для столь торжественной постройки было выбрано очень удачно: ворота заняли господствующее положение на самой высокой точке улицы. В настоящее время она является и памятником, и обзорной площадкой. Для окончания стройки потребовалась внушительная по тем временам сумма — 2 миллиона реалов. В поисках денег власти, вспомнив прошлое, нашли выход не очень оригинальный, зато действенный: все питейные заведения столицы начали платить дополнительный налог. В ответ торговцы подняли цены на вино, и Триумфальная арка была закончена достаточно быстро.

Ворота состоят из пролетов: трех полукруглых и двух прямоугольных. Над центральной их частью установлена мемориальная доска, на которой запечатлены год строительства, а также имя короля: Карл III. Все это увенчано гербом, который поддерживают фигуры Славы и Гения. В свое время в каждой из арок были решетки, закрывавшиеся с наступлением сумерек.

Совершая автобусную экскурсию, невозможно миновать главную улицу — Гран-Виа. Сегодня мало кто знает, что в 1936 году улица эта носила имя Сталина, а в 1937- м — Хосе Антонио, идеолога Испанской фаланги.

Первый проект создания улицы, которая должна была соединить два богатых района города — Саламанку и Аргуэльос, относится к 1862 году. Проект не был осуществлен. Окончательный проект был одобрен только спустя сорок лет. Но его встретили в штыки хозяева и жители старых домов, подлежащих сносу, и торговцы. Аукцион на право строительства улицы выиграл за двадцать девять миллионов песет французский банкир Мартин Альберт Сильвер.

В 1910 году король Альфонсо XIII вывернул серебряной киркой первый камень из стены бывшего дома священника рядом с церковью Сан-Хосе и тем самым положил символическое начало строительству.

Для создания улицы шириной в 35 метров и длиной в 1315 метров было снесено более трехсот старых домов, без следа исчезли четырнадцать улиц, а пятьдесят четыре были урезаны. С расходами не считались: для того, чтобы продолжить Гран-Виа, пришлось срезать на три-четыре метра уровень улицы Принцессы. Поэтому ряд домов подрос на ней... на этаж вниз. Строители были вынуждены переоборудовать подвалы в первые этажи. Входные двери превратились в балконы. Чтобы расширить проезжую часть, даже старые деревья пересадили поближе к домам...

Гран-Виа разделяется на три отрезка. Первый — до площади Ред де Сан-Луис — отличается традиционной архитектурой, многие дома построены здесь в стиле неовозрождения, с колоннами, просторными балконами, большими карнизами. Второй отрезок — до площади Кальяо — смешение французского стиля с американским модернизмом. А на третьем — от Кальяо до площади Испании — полностью возобладал американский рационализм.

Многие дома на Гран-Виа имеют общеиспанскую или даже мировую известность. Наиболее представительным зданием на улице долгое время было здание «Метрополис» на углу улиц Алькала и Гран-Виа, в самом центре финансового и коммерческого Мадрида. Его архитектура элегантна, эклектична и обладает исключительными пропорциями. В ансамбле здания выделяется купол из черного кровельного сланца с переплетенными позолоченными украшениями, увенчанный замечательной статуей крылатой Победы. На третьем этаже здания была сооружена красивейшая ротонда с парами мощных коринфских колонн, поддерживающих четвертый этаж, украшенный статуями, которые олицетворяют торговлю, сельское хозяйство, горное дело и промышленность.

Вообще верхние этажи мадридских зданий, главным образом в центре, заслуживают отдельной экскурсии. Они образуют целый город, населенный богами и богинями, пегасами, гениями, славами, квадригами, и все это в обрамлении портиков, колонн, балюстрад, фонарей продолжает игру света и тени, которая свойственна всей испанской культуре. Перепады высот, объемов, с дробными поверхностями скульптурных завершений, усиленных игрой света, и создает то движение пространства, которое вовлекает путника в сетку мадридских улиц.

Прошло не больше десяти лет, и главным на главной улице стало здание Управления национальной телефонной компании — «Телефоника». До 50-х годов «Телефоника» была самым высоким зданием Мадрида — 81 метр. Автором проекта был Антонио Паласиос, архитектор, который работал в стиле ар-деко, или модерна. Как и другие архитекторы, такие как Виллануэва и Гомес де Мора, он оставил свой след в Мадриде.

Интерьер бара «Чикоте», созданный архитектором Луисом Гутьерресом в 1931 году, практически не изменен — его пощадила война, а новые владельцы, к счастью, посчитались с тем, что именно этот интерьер описал в своих произведениях Эрнест Хемингуэй. Здесь подают знаменитое испанское пиво «Сан Мигель» и рассказывают о Хемингуэе, показывают столик, за которым он сидел и пил андалузский херес.

Кроме бара «Чикоте» Хемингуэй часто бывал в популярном среди журналистов кафе «Хихон», в старинном ресторане «Ботин». В ресторанчике «Калехон-де-ла-Тернера» («Переулок телятины»), славящемся своими кастильскими блюдами, на стенах рядом с фотографиями известных тореро и актеров висят вырезки из газет с испанскими репортажами Хемингуэя и стоит бюст писателя, выполненный известным скульптором Сантьяго де Сантьяго.

Однажды посреди Гран-Виа даже состоялась коррида. Правда, она была вынужденной. Случилось это в 1928 году. От стада, которое гнали на бойню, отбился бык. Он пронесся по нескольким улицам, наводя ужас на прохожих, и выскочил на Гран-Виа. В это время по ней совершенно случайно проходил довольно известный тореро Диего Маскиаран по прозвищу Фортуна. Он не растерялся, мгновенно сбросил пальто и, действуя им, как мулетой, привлек к себе внимание быка, а прижавшейся к стене толпе крикнул, чтобы ему принесли шпагу из дома на соседней улице Вальверде. Необычный бой с быком тореро выиграл, вонзив в противника шпагу по всем правилам матадорского искусства. Бык же погиб достойно — во всяком случае, в бою, а не на бойне. А Маскиарана за эту победу наградили орденом.

Улица Гран-Виа завершается площадью Испании, где расположен памятник Мигелю Сервантесу де Сааведра, автору всемирно известного романа «Дон Кихот». У подножия памятника в Мадриде расположились главные герои знаменитого романа: Дон Кихот на Росинанте с копьем в левой руке и его верный оруженосец Санчо Панса на осле. Сервантес писал свою книгу в то время, когда Филипп II строил Эскориал. Мимо площади не проходит ни одна экскурсия.

* * *

Продолжает Гран-Виа улица Принцессы, названная так в честь принцессы Изабеллы, дочери Изабеллы II. На улице находится дворец Лирия, принадлежащий древнему роду Альба. Дворец был построен в 1773 году все тем же Вентурой Родригесом. Сейчас Лирия — одно из самых богатых частных художественных собраний мира, где хранятся картины, гобелены, древние рукописи, изделия из золота, серебра, фарфора, старинная мебель, оружие. В коллекции живописи — полотна Рембрандта, Рубенса, Брейгеля, Тициана, Сурбарана, Риверы, Эль Греко, Мурильо, Гойи, Ренуара... Один раз в неделю — утром в субботу — дворец открыт для посещения, и желающие могут ознакомиться с его богатствами.

Улица Принцессы заканчивается триумфальной аркой, возведенной диктатором Франко в честь победы над Испанской Республикой. Далее начинается мадридский район Монклоа, где расположены институты высшей власти — правительственный дворец Монклоа, резиденция главы государства, короля Испании — Дворец Сарсуэла.

Здесь же раскинулся университетский городок Комплутенсе с сильно запутанной планировкой. По приглашению его ректора наша группа и посетила Мадрид. В городке разместились три университета: Комплутенсе (140 тысяч студентов), Политехнический (43 тысячи), Автономный (28 тысяч).

После площади Колумба мы высадились из автобуса, и пошли посмотреть на Королевский (Восточный) дворец — главное здание, выходящее на площадь Ориенте. Это замечательный образец дворцовой архитектуры XVIII века. С его террасы открывается изумительный вид на город. Раньше здесь возвышалась арабская крепость, вокруг которой постепенно образовался город. Затем его сменил Алькасар эпохи Габсбургов. В рождественскую ночь 1734 года Алькасар сгорел. Филипп V — внук Людовика XIV, взошедший на испанский престол, — приказал выстроить на этом месте дворец.

В 1735 году был приглашен итальянский архитектор Филипп Юварра, которого после сменил Джованни Батиста Саккетти. Дворец строился с 1738 по 1764 год. И в него торжественно въехал Карлос III. В 1931 году, после отречения Альфонсо XIII, королевская семья покинула дворец. Сейчас он используется для торжественных государственных приемов, а сам король живет за городом, во дворце Сарсуэла.

Дворец огромен. Его общая площадь, включая подвалы и подземные помещения, — 100 тысяч квадратных метров. В здании дворца устраиваются выставки, и он частично открыт для публики (около 50 комнат). Наиболее интересны: Тронный зал с двумя позолоченными тронами, «фарфоровая» комната, потолок и стены которой украшены фарфором, обеденная галерея с прекрасными шпалерами, королевская оружейная палата, где выставлена коллекция средневекового оружия, и аптека со старинной посудой и книгами королевских рецептов.

За дворцом, на склонах холма, в XIX веке по приказу королевы Марии Кристины были разбиты сады Кампо-дель-Моро. Их необычное название — «поле мавра» — связано с тем, что в начале XII века здесь располагался лагерь эмира Али бен Юсуфа. Сады украшены цветочными клумбами и фонтанами. Вообще фонтаны — обязательная принадлежность любого города в Испании.

Главный вход во дворец расположен на южном фасаде, выходящем на Оружейную площадь. На нее же выходит и кафедральный собор Богородицы Альмудены — покровительницы Мадрида. «Альмудена» в переводе с арабского означает «крепость». По преданию, в стене старинной арабской крепости была найдена фигурка Девы Марии.

Собор был построен в 1884 году, когда Мадрид стал центром епископата. До этого здесь собора не было — только церкви. Освящен же собор был в 1993 году папой Иоанном Павлом II.

Собор выстроен в неоклассическом стиле — эрререско. Внутри он поражает своим светом и тонкой игрой отраженного цвета от витражей на стенах. В одном из подкупольных витражей собора русскими буквами прорисовано: «СЛОВО». В собор можно войти с улицы Байлен или с улицы Кале Майор. В отличие от других соборов, ориентированных по оси восток — запад, этот ориентирован по оси север — юг, так как по проекту он должен был стать частью ансамбля, включающего Королевский дворец.

Восточная площадь, или площадь Ориенте, появилась значительно позднее, чем дворец, — в 1811 году. По приказу Жозефа Бонапарта пространство вокруг дворца было расчищено, подступавшие к самому зданию жилые дома, монастыри и церкви были снесены. На их месте поставили статуи королей Испании — первоначально их планировали установить на крыше дворца, но фигуры оказались чересчур тяжелыми. В центре находится статуя Филиппа IV.

Напротив дворца — Королевский театр (1850), построенный при Изабелле II. Театр долгое время перестраивался и в 1997 году вновь открылся. Сейчас он отдан мадридской Опере и представляет собой один из лучших театров мира. В театре распространена система абонементов по истории оперы. Здесь можно услышать многие произведения, совершенно недоступные на подмостках России: три оперы Стравинского, две оперы Монтеверди и многое другое.

К северу от театра, на площади Энкарнасьон, стоит действующий августинский монастырь Энкарнасьон (архитектор Хуан Гомес де ла Мора), основанный женой Филиппа III Маргаритой в 1611 году. Фасад монастыря, подражающий церкви Сан-Хосе в Авиле (архитектором этой церкви был дядя Хуана Гомеса де Моры, Франсиско де Мора), выполненной из каменных плит и кирпича, послужил образцом для многих мадридских церквей.

В 1767 году храм пострадал от пожара, и Вентура Родригес отреставрировал его интерьер, роскошно украшенный яшмой, мраморными и бронзовыми скульптурами. Роспись храма принадлежит весьма популярному в Испании художнику Луке Джордано, поработавшему и в Эскориале, и в других церквях Мадрида. Внутри стоит взглянуть на бело-голубые изразцы, знаменитые скульптуры «Лежащий Христос» и «Христос, привязанный к колонне» Грегорио Фернандеса, и прекрасную коллекцию живописи: работы Хосе де Риберы и Винченцо Кардуччо, портреты членов королевской семьи. Святыня монастыря — реликварий, где хранятся мощи святых, в том числе и очень почитаемый сосуд с запекшейся кровью св. Пантелеймона. По легенде, каждый год 27 июля, в день смерти святого, кровь становится жидкой — и если однажды этого не произойдет, на Мадрид падут ужасные беды.

К югу от дворца можно увидеть остатки оригинальных стен арабского Мадрида — Майрит («мать вод», в европеизированном варианте — Магерит) и парк Эмира Мохамеда. Отсюда начинается Кале Майор. Эта улица, как утверждают, тянулась через весь город. Мы немного прошли по ней. По правой стороне улицы расположена Пласа де ла Вилья — одна из лучших площадей старого Мадрида. На площади находится старая ратуша — Каса де ла Вилья. Фасад этого здания образован двумя большими симметричными блоками из кирпича и гранита, состоящими из двух башен и балконов по обе стороны от главного входа, над которым установлен герб Мадрида — типично кастильской архитектуры. Ее спроектировал Хуан Гомес де ла Мора в 1629-м, но строительные работы не начинались до 1640-х годов. Здание строилось в течение 52 лет. Оно имеет две двери — но очень разных. Та, что на правой стороне, вела в ратушу, а на левой стороне — в городскую тюрьму. Сегодня здание передано муниципалитету. Внутри него имеются Парадная лестница, Галерея, Портретный аванзал, зал Гойи, часовня, зал заседаний, Стеклянный двор и зал Повозки.

В нижней части площади дом Сиснероса — Каса де Сиснерос, ренессансный особняк. На площади когда-то выходили конюшни и кухни дома Сиснерос. С этим домом связано множество легенд. Одна из них повествует о том, что в конце XVIII века молодой солдат шел по улице и услышал женский голос, зовущий его войти в дом. Он прекрасно провел там время с дамой и покинул ее после полуночи. Внезапно он понял, что забыл свой меч, и вернулся в дом. Но никто ему не отвечал. Сосед, который выглянул, услышав его крики, рассказал, в доме никто не живет уже более сорока лет. Он открыл двери, и, когда они вошли в дом, солдат узнал обстановку, но теперь все выглядело истлевшим и грязным. Наконец он открыл дверь в спальню и нашел свой меч, прислоненный к стулу. Он взял его и убежал так быстро, как только смог. Есть и другие исторические предания. Говорят, что в доме жил Антонио Перес, секретарь Филиппа II, обвиненный в государственной измене. В 1579 году он бежал из дома, замаскированный под женщину, и скрывался во Франции. Если вы слышали оперу Верди «Дон Карлос», вы знаете сообщницу Переса — принцессу Эболи. В ранней юности она вышла замуж за знатного вельможу, после его смерти поступила в кармелитский монастырь, но вскоре со скандалом его покинула и вернулась в свет. Поселившись в Мадриде, она вступила в связь с Антонио Пересом, который считал, что Филипп II преследует и его, и принцессу из ревности. Последние годы жизни принцесса Эболи провела в тюрьме. Ее дом также находился на этой улице, но сегодня на его месте — дворец Абрантес, позади которого расположено старейшее в Мадриде культовое здание XII века — церковь святого Николая. Не могу о ней не упомянуть, потому что в ней похоронен великий испанский зодчий Хуан де Эррера.

Каса де лос Луханес — один из старейших домов Мадрида, а также редкий пример дома-башни. Башня является самой древней частью здания; арабская архитектура проявляется, например, в арочных дверях. Остальная часть дома была построена в 1494 Альваро де Луханом. Известно, что король Франции Франциск I содержался здесь в плену после битвы при Павии в 1520, но непродолжительное время — возможно, в течение нескольких дней. Место для него было приготовлено в Алькасаре.

Пройдя еще немного по Кале Майор, мы вновь сели на автобус, завершив полный круг у музея Прадо. Он расположен на одном из главных бульваров Мадрида — бульваре Прадо. Прилегающие к бульвару улицы — своеобразный «музейный квартал», в который входят галерея Тиссена-Борнемисса и Музей современного искусства королевы Софии. В них попасть мне пока не удалось, в отличие от Прадо.

Мадридский художественный музей Прадо был основан в 1819 году (здание музея достраивалось вплоть до 1830 года). Однако, начало его коллекции было положено много раньше. Первым монархом, решившим сохранить свою художественную коллекцию для наследника, был испанский король Карлос I, он же император Священной Римской империи Карл V Габсбург (1500–1558). Это был страстный коллекционер и собиратель, обладавший тонким художественным вкусом. Его любимым художником был Тициан. Его коллекцию произведений светского искусства, выставленную в загородном дворце Эль Пардо, могла увидеть только знать.

Его наследник Филипп II (1527–1598) продолжил начатое. Оба старались все лучшее из подвластных им территорий привезти в Испанию. Именно им музей Прадо обязан богатыми коллекциями ранней нидерландской и итальянской живописи. В Италии скупались полотна Мантеньи и Беллини, заказывались картины Тициану, Тинторетто и Веронезе.

Коллекция музея сложилась из трех больших частей. Первая — коллекции испанских королей. Вторая — произведения, созданные под покровительством церкви и позже перешедшие государству. Третья — произведения искусства, полученные в дар, по завещанию либо приобретенные музеем на пожертвования.

Для первого публичного музея, посвященного естествознанию, в 1785 отвели место в большом парке Прадо (отсюда название будущего музея). Строительство велось по проекту архитектора Хуана де Вильянуэва (1785–1808). Во время нашествия наполеоновских войск пострадало и здание (в нем были расквартированы войска), и коллекция (много произведений было вывезено). В 1814 король Фердинанд VII (1784–1833) издал указ об учреждении публичного музея, но лишь в 1818 вновь вернулись к проекту создания Музея науки и искусства, который получил окончательное название — музей Прадо. В коллекции его первоначально насчитывалось 311 картин. Позднее сюда поступили картины, хранящиеся в Академии Сан Фернандо, в том числе из коллекций Карла V, Филиппа II, Филиппа IV.

В августе 1936 из-за гражданской войны музей был закрыт, картины эвакуированы в Швейцарию. 7 июля 1939 Прадо вновь открылся для посетителей, но экспозиция была неполной — часть картин выставлялась в Женеве (с началом Второй мировой войны картины вернули в Испанию).

Благодаря Интернету коллекция Прадо хорошо известна тому, кто интересуется живописью. Поэтому каких-то особенных откровений я и не ждала. Тем не менее, в мое первое посещение я сделала для себя три открытия: первое — Рубенс-портретист; второе — количество и качество полотен Эль-Греко (хотя после Толедского собора казалось, что самое главное потрясение в жизни от творчества Эль-Греко ты уже испытал) и третье — полотна Босха. Привычно не понравился Гойя и неожиданно оставил равнодушной Веласкес.

Конечно, в собрании были и другие великие произведения, но они доставили удовольствие и не более того.

А вот что меня действительно потрясло, так это магазин музея. Значительная часть книг в нем почему-то рассматривает испанское искусство как национальную разновидность общеевропейского искусства, хотя и очень провинциальную. А ведь если присмотреться внимательно, то в отличие от большинства европейских стран, искусство Испании развивалось вовсе не по итальянскому образцу: у испанского искусства всегда было принципиально иное понимание пространства, что позволило ему вылиться в совершенно отличную от общеевропейской ветвь развития. Это хорошо видно в творчестве Гойи (это я поняла чуть позднее) и в творчестве Дали и Миро.

Над зданием музея Прадо, на улице Морето, возвышается официальная церковь королей Испании — церковь св. Иеронима (Сан-Херонимо-эль-Реаль). Она была частью монастыря ордена св. Иеронима, который был основан католическими королями. В XVII веке церковь стала частью королевского дворца Эль-Ретиро. Здесь проходили церемонии венчания членов королевской семьи. В 1975 году состоялась коронация Хуана Карлоса I. Здесь же приносят присягу члены королевской семьи.

В первый свой визит мне удалось посетить еще часовню Сан-Антонио дель Флорида — культовое место для почитателей Гойи. Встреча в университете Комплутенсе начиналась в 12 часов, и мы решили, что надо же еще что-то увидеть в Мадриде — вдруг мы больше не попадем сюда. У меня не было никаких идей, что можно посмотреть за столь короткое время, и я поддалась чуждому для меня импульсу ехать смотреть Гойю. Как я потом радовалась, что поехала! Для скорости, чтобы не опоздать на мероприятие, заказали машину. Однако, на первый взгляд, все складывалось неудачно. Во-первых, машина ехала туда в отсутствие пробок полчаса, во-вторых, часовен оказалось две. В одной, которая была открыта, не было никого, и Гойи тоже не было, а вот в другой, судя по памятной табличке, он был, но все было закрыто. То ли время было такое, то ли день неправильный, но в округе не было видно ни одной живой души.

Наконец в окошке мы увидели какое-то шевеление занавесок и с удвоенной энергией попытались достучаться. Через минут пятнадцать из окошка высунулась рука и показала нам записку, на которой обозначалось, что мы сможем посетить часовню только в 11 часов. Посовещались, подсчитали время, оставшееся до конференции, и решили ждать.

Местность вокруг часовен представляла собой район, который мы назвали бы спальным: большие двадцатиэтажные дома с зелеными дворами внутри, заметно отличающиеся от наших спальных районов высоким качеством строительства. Мы долго гадали, в какой части Мадрида оказались, пока не прошли полкилометра и на открывшейся нашему взгляду площади не обнаружили вход в парк, который уходил резко вверх. Подняв головы, мы увидели королевский дворец, только с другой стороны. Он терялся в голубой дымке, которую еще не успело разогнать солнце!

Мы вернулись к часовне и наконец дождались того момента, когда нам продали билеты. До этого я не видела церковь, целиком расписанную Гойей. Общее впечатление: знакомые лица, знакомые жесты и даже знакомые сюжеты — и все это исполнено таким образом, что возникает полное ощущение рождения нового пространства и... ветерка, колеблющего уголки женских шалей и мужских косынок.

Для удобства посетителей в часовне поставлены зеркальные витрины, которые позволяют рассматривать росписи купола, не задирая голову. Очень мудро, так как движение изображений настолько очевидно, что голова начинает кружиться.

Часовня служила загородным храмом Карла IV. Первоначально на ее месте была небольшая церковь, посвященная Деве де Грасия, построенная кем-то из семьи Чурригера и снесенная во второй половине XVIII века. Для строительства новой часовни был приглашен итальянский архитектор Сабатини. Она была посвящена Сан-Антонио де ла Флорида. (Пасео де ла Флорида — дорога, которая ведет из Мадрида в одну из королевских резиденций — Эль Пардо.)

В течение XVIII века многие представители испанской знати любили строить дворцы на окраине Мадрида. Герцогиня Альба ненавидела королеву Марию Луизу Пармскую, и та ей платила тем же. Королева хотела затмить ее и решила построить дворец, который бы превышал владения герцогини. Часовня на Пасео де ла Флорида была разрушена, а вместо нее появилась другая.

Сегодня ничего не осталось от королевского дворца. На его месте расположена станция Принсипи Пио. Единственно, что напоминает о нем, — церковь Сан-Антонио де ла Флорида, построенная итальянским архитектором Фонтана между 1792 и 1798 годами.

Дворец был построен из гранита и кирпича с интерьерами, спроектированными Гойей. Гойя был другом Ювелланоса, одного из министров, выдвинутых фаворитом императрицы — Годоем. Хотя Гойя был придворным художником, он в течение длительного времени не писал ничего. Кроме того, он подал в отставку со своей должности директора Академии художеств из-за глухоты. Поэтому рекомендация Ювелланоса для росписи часовни обеспечивала художника работой. С поразительной быстротой, иногда используя губки, привязанные к кисточкам, Гойя написал сцену, в которой более тысячи персонажей.

В часовню вы входите не с центрального входа, а из бокового коридора, поэтому она открывается чуть иначе, чем это было раньше. Центром композиции является подкупольная фреска, представляющая чудо святого Антония Падуанского. Это история об умершем юноше, чьего отца обвинили в убийстве сына. Святой пытался убедить судей в невиновности отца, но они не поверили. Поэтому он попросил разрешение на эксгумацию трупа, чтобы допросить его. Собралась толпа, чтобы посмотреть на это. Восставший из гроба юноша показал на истинного убийцу.

Фреска занимает весь купол диаметром 6 метров. В центре картины — воскресший человек и святой Антоний. Основная сцена изображает свидетелей чуда, образующих кольцо вокруг нижней части купола. Создается впечатление, что они все стоят на балконе и одеты, как простые люди на улице. Религиозные сцены, таким образом, преобразуются во что-то повседневное. Все действие происходит на фоне голубого неба, облаков и деревьев. Дети играют, женщины разговаривают друг с другом и как будто общаются с верующими, которые пришли в часовню на богослужение. Вторая композиция состоит из группы ангелов, которая охватывает парус свода, половину стены и купол над алтарем.

Фрески стали поворотным моментом в карьере художника, так как многие пространственные и цветовые решения, найденные Гойей, стали визитной карточкой его живописи и считаются наиболее характерными для его творчества.

Часовня была освящена в 1799-м, а в 1881 году король Альфонсо XII подарил ее архиепископу Толедо. Позднее она стала приходской. Из-за дыма свечей фрески были повреждены, и было решено построить точную копию часовни рядом с ней. Благодаря этому сегодня мы можем наслаждаться картинами Гойи, которые недавно были восстановлены.

Гойя был похоронен здесь — в 1919 году его останки были перенесены сюда из Бордо, где он умер в 1828-м. Напротив церкви в небольшом парке поставлен памятник художнику.

Существует местный обычай: незамужние девушки опускают 13 булавок в купель храма, а затем погружают руки в воду. Булавки, которые попались в руки, означают количество молодых людей, с которыми девушка познакомится в текущем году.

Выходя из часовни, в которой, естественно, фотографировать нельзя, мы долго и безуспешно пытались обнаружить в киоске хотя бы открытку или буклетик, но напрасно. Книг и какой-либо другой информации не было тоже. К сожалению, это очень распространенный случай. Позже я узнала, что существует замечательная книга, изданная Академией художеств и посвященная фрескам именно этой часовни, но я ее не купила.

* * *

Следующий мой визит в Мадрид состоялся почти через год, в апреле 2009-го. Поскольку мы приехали поздно вечером и разместились в этот раз на улице Алькалы, то весь центр был доступен для ночных прогулок, и мы сразу же отправились знакомиться с достопримечательностями Мадрида. Нам сказали, что на Пласа Майор — большой праздник, на котором стоит непременно побывать, так как весь народ — там. Так мы и пошли вслед за народом, но оказались совершенно в другом месте, хотя по дороге и открыли для себя несколько замечательных памятников.

Первый — церковь святого Гиннеса. Умело освещенная, она выглядела как старинный замок. Впрочем, на следующее утро я опять пошла посмотреть на нее и могу сказать, что в лучах солнца она выглядит так же.

Согласно преданию, это — одна из старейших церквей Мадрида, возведенная на месте мечети. Ее прихожанами были два великих испанца — Лопе де Вега и Франсиско Кеведа.

Народ по ночным улицам продолжал валить толпами, и мы не оставляли надежду выйти на Пласа Майор, но неожиданно все опустело, а мы оказались на площади Сан-Мартин, на которой находятся два сооружения, очень узнаваемые: монастырь Дескальсас Реалес и знаменитый портал, перенесенный на стену современного здания. Этот монастырь я мечтала посетить еще в первый раз, но тогда не получилось.

Монастырь сегодня имеет особый статус «памятника Короны». Чтобы попасть внутрь, надо заранее купить билеты. Он открыт не всегда. Подойдя к монастырю вскоре после времени открытия, обозначенного на входе, я увидела длинную очередь. Она шла довольно быстро, и уже через полчаса я стала обладательницей предпоследнего билета на последнюю экскурсию, которых в день проводится всего три.

Ранее здесь был женский монастырь святого Мартина, который и дал название району. Рядом с монастырем в XV веке появился дворец. К началу XVI столетия он перешел в руки Алонсо Гутьерреса, финансиста императора Карла V. Позднее дворец был преобразован в женский монастырь, посвященный Богоматери Утешения, где разместились клариссинки — представители ордена св. Клары. Случилось это в 1559 году.

«Дескальсас Реалес» можно перевести как «Королевские монахини-босоножки». Название монастырю дали простые сандалии, которые клариссинки носили весь год, и факт, что женский монастырь был королевским. Его основала Хуана Австрийская, самая младшая дочь Карла V. Будучи вдовой принца Джона, наследника португальского трона, она возвратилась в Кастилию, куда ее вызвал отец, чтобы она стала регентом испанского короля в Вальядолиде, поскольку ее брат принц Филипп должен был отплыть в Англию. Ее четырехмесячный старший сын Себастьян остался в Лиссабоне, и Хуана никогда больше не возвращалась в Португалию. Будучи освобожденной от обязанностей регента, она сконцентрировалась на религиозной деятельности.

Проект Хуаны включал строительство здания с различными функциями: женский монастырь; королевское место жительства; больница милосердия; школа для осиротевших девочек и необходимые хозяйственные постройки, чтобы обеспечить автономность, типа огорода, маслоделен и пекарни.

Выбор здания, которому предстояло стать домом новой общине, определялся частично сентиментальными причинами. В 1535 году императрица Изабелла Португальская осталась во дворце Алонсо Гутьерреса, чтобы родить Хуану, свою самую младшую дочь. Годы спустя, в 1555, инфанта купила здание у наследников дона Алонсо и поручила архитектору Антонайо Силлеро реструктурировать дворец, чтобы приспособить его под женский монастырь. Работы начались в 1556 и были еще не завершены, когда первые монахини поселились в нем. В 1564 приступили к строительству церкви, однако Хуана умерла в сентябре 1573 и не увидела законченный комплекс.

Двери женского монастыря оставались закрытыми для посторонних в течение многих столетий. В 1960 совет попечителей Национального наследия, с согласия монахинь, решил открыть главные помещения для широкой публики. После того как было получено папское благословение, установили правила посещения монастыря.

С тех пор публика наслаждалась возможностью увидеть обитель, где произведения искусства передают и сущность жизни женского монастыря, и роль королевского покровительства. За это время многое изменилось; монастырь обогатился и за счет приданого монахинь, и благодаря пожертвованиям. Так как здание было открыто как музей, началась работа по каталогизации, исследованию и восстановлению. В результате монастырь был удостоен звания Музея года в 1987-м.

В 1999 были обнаружены интересные с точки зрения архитектуры остатки прежнего дворца и первоначального оформления, в 2002 году была полностью восстановлена комната гобеленов, на которых изображен Апофеоз Евхаристии. Они были сотканы в Брюсселе на основе рисунков Рубенса, по заказу инфанты Исабель Клары Эухении, дочери Филиппа II.

Сегодня патроном монастыря является Его Королевское Величество Хуан Карлос I.

На территорию монастыря ведет дверь эпохи Ренессанса. Войдя в нее, посетитель оказывается в вестибюле, где размещены изображения Богородицы Утешения, защите которой первые монахини поручали себя. Деревянная дверь, украшенная медальонами, ведет во двор монахинь.

Центральный внутренний двор был первоначально частью дворца. Погодные условия, которые начали пагубно сказывать и на здоровье монахинь, и на произведениях искусства, привели к тому, что внутренний двор был перекрыт. Так появилась уникальная лестница монастыря.

Здесь сосредоточены богатейшие коллекции картин, икон, ковров, подаренные монастырю жившими в нем королевами и принцессами.

Во внутренней части монастыря, кроме самой конструкции здания, сохранились также многие декоративные компоненты бывшего дворца, выполненные в испанском «серебряном» стиле. Здесь находятся произведения большой художественной ценности, например, фрески XVII века, выставленные в часовне Капилья дель Милагро и на лестнице.

Часть монастырской коллекции хранится сегодня в музее Прадо, вместо них вывешены копии. Несколько выдающихся произведений, в частности тициановский «Динарий кесаря», остается в монастыре.

Экскурсовод, которая собрала англоговорящую группу, вела экскурсию по-испански, но так четко произносила слова, что интернациональной группе было понятно почти все, что говорилось.

Кале Алькала — улица с таким названием появилась в городе благодаря Изабелле Католической. Решив устроить очередную проселочную дорогу, королева приказала вырубить оливковые рощи за крепостной стеной, чтобы за деревьями не могли спрятаться грабители. Сначала улицу называли Оливковой дорогой; ее первым зданием по испанскому обычаю стал монастырь Вальекас, настоятели которого добились разрешения соединить свою обитель с городом. Появившаяся вскоре узкая дверь в стене со временем стала шире и увеличивалась до тех пор, пока не получила право именоваться воротами. Знаменательное событие произошло в конце XVI века, и тогда же улица была переименована в Кале Алькала.

В барочном здании таможни, украшенном скульптурным порталом, располагается Министерство финансов. Неподалеку от него — Королевская академия изящных искусств Сан-Фернандо. Академию основал король Фернандо VI и разместил ее во дворце Гойенече (арх. Х. Б. де Чурригера, 1724). Академия была создана в 1744 году, а ее конституция появилась спустя несколько лет. В течение XVIII века Академия оказывала влияние на создание неоклассического стиля в Испании. Это здание является третьим домом Академии. Здесь учились и преподавали многие известные испанские художники, в академическом музее хранится большая коллекция европейской живописи (целый зал посвящен Ф. Гойе, некогда возглавлявшему академию). В Академии собрана уникальная коллекция живописи, преимущественно испанской.

Дальше по улице — церковь Сан-Хосе (перестр. арх. П. Рибера, 1730–1742). Это типичный образец мадридского барокко. Она знаменита тем, что здесь писатель Лопе де Вега был возведен в сан священника. Вообще во время прогулок по городу я обнаружила несколько мест, связанных с его именем.

Пласа Майор. На площадь я вынырнула неожиданно, чего не удалось сделать накануне. Совершенно не в том месте, где ожидала. Ранее здесь находилась площадь Аррабаль, сохранившаяся со времен Хуана Кастильского.

Реализуя свои идеи относительно того, как должна выглядеть столица, Филипп II опирался на опыт застройки Вальядолида, совершенно выгоревшего незадолго до его восшествия на престол. Известно, что король принимал самое непосредственное участие в разработке принципов планировки как Вальядолида, так впоследствии и Эскориала, принимая самолично каждый новый чертеж.

После этого пласа Майор стали возникать во всех испанских городах. Появилась подобная улица и в Мадриде. К ее созданию были причастны три великих архитектора — Хуан де Эррера, Хуан Гомес де Мора и Вильянуэва. Проектировать ее Филипп II поручил Хуану де Эррере. Однако строительство долго не начиналось — до тех пор, пока в 1617 за него не взялся Хуан Гомес де Мора, ученик Эрреры. То, что мы видим сегодня, относится в основном к концу XVIII века, когда Хуан де Вильянуэва провел восстановление площади после пожара.

Площадь вмещает 50 000 человек. Она была открыта в день канонизации св. Исидора. С тех пор площадь стала главным местом действия при проведения корриды, аутодафе и многих других мероприятий.

На этом закончилось мое вторичное пребывание в Мадриде. Впереди были третье, четвертое и пятое. Но самые первые впечатления лишь подтвердились, как укрепилась и любовь к этому восхитительному городу.

ЛЮДМИЛА КОРОЛЕВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса. Родилась и живет в Москве. Работала с 1998 по 2004 год в розничной торговой компании менеджером коммерческого отдела. В 2006 году закончила заочное отделение Университета Российской Академии Образования по специальности «коммерция». Увлекалась литературой с детства. Первое стихотворение написала в возрасте 9 лет. С 1998 года стала публиковать свои произведения на литературных сайтах. В 2007-2008 годах являлась членом Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч». Член Союза писателей и переводчиков России с 2009 года и Русского Литературного Клуба. Создатель и руководитель Открытого Литературного Клуба «Отклик» и одноименной литературной студии. Является главным редактором печатных проектов Открытого литературного клуба. Была составителем ряда поэтических сборников Регионального общественного фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч». Ведет постоянную работу в жюри различных поэтических проектов. Ведущая литературных гостиных, в том числе поэтического турнира в Политехническом музее Москвы. Автор книги стихов «Торопитесь любить» (Москва, 2008). Публиковалась в коллективных сборниках фонда «Светоч» из серии: «Времена года», «Поют любовь вам Ангелы-поэты», «Улыбки Пегаса», «Цветы»; в коллективных сборниках Открытого Литературного Клуба «Подарок небес» (стихи о детях), «Тысяча строк о ней…», «Страницы России»; в альманахах Союза писателей России «Поэзия», «Антология одного стихотворения», «Москва поэтическая»; в альманахах «Золотая строфа» и «Край городов»; в православной газете «Избери жизнь!».

Страница автора на сайте «Стихи.ру»:
http://stihi.ru/avtor/rusehka
E-mail: milkor@ya.ru

РАЗГОВОР С ЧЕРЕМУХОЙ

«...Если молодость есть вторая —
Лучше первой она вдвойне...»

В. Тушнова

Черемуха бенгальскою свечою
На фоне майской зелени зажглась
И шепчет тихо над волной речною:
«Вдыхай моих цветов душистых сласть!

Любуйся белою кудрявой гривой —
Смотри, как я сегодня молода!
Совсем недолго буду я красивой,
Как ты не будешь девочкой всегда».

А я ей отвечаю, улыбаясь:
«Да, молодость спустя года пройдет —
Раскроется бутон, родится завязь,
А после мудрости созреет плод.

И пусть за датой пролетает дата,
Этапы будут разные в пути,
Но если стану я мудрей когда-то,
То мне не жалко будет отцвести!»

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Взгляни в глаза...
Что видишь в них, скажи?
Что скрыто там...
за радужкой цветною?
«Глаза», — ответишь, —
«Зеркало души»
с, увы, неизмеримой глубиною.
Постичь ее
неведомую суть
Нам не дано,
в попытках нету проку...
Чем от рожденья
полнится сосуд,
Известно только
одному лишь Богу.
Но я твержу:
«Взгляни! —
в который раз —
Душой своей
в мою проникни душу!»
Я верую,
что свет любимых глаз
Стереотипы старые
разрушит.
Исчезнет,

растворится темнота,
Где прожитóе —
росчерком наскальным.
И без труда
ты сможешь разгадать
Непознанные тайны зазеркалья.

СКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ХОРОШЕЕ...

Скажи мне что-нибудь хорошее...
Ну, хоть одно из тысяч слов...
Я так устала быть непрошенной,
И засыхать травой некошеной
На землях брошенных лугов.

Опять срывается лавиною
Снег застоявшихся проблем
В нелепых поисках невинного.
И колет грудь тупыми вилами
Святой воссозданный эдем.

А мысли ложно перепутаны,
Все ценности давно мертвы,
И мы расхожими маршрутами,
Междоусобицами, смутами
своих сердец рубцуем швы.

Терзаемся занозой вросшею
В души нетронутой покров.
Скажи мне что-нибудь хорошее...
Дай вновь уверовать в любовь.

НЕ ПРОРОЧЬ...

Не пророчь мне слезы, осень, не пророчь!
От печали нестерпимой ослабев,
Я брожу по бездорожью голых рощ
В черно-белой, как березоньки, судьбе.

Только ты меня, не надо, не жалей!
Скорбной долей успокаивают плоть...
От дождя стволы становятся светлей,
Может, душу так же мне отбелит дождь...

Не тянись ветвями, в сердце не стучись!
Все грехи в груди — в глубинах под крестом...
Постепенно подготавливает жизнь
Нас к тому, что ожидается потом...

ПРОЗРЕНИЕ

«...Смотрим, как безвестна, чуть видна,
Мимо нас действительность несется...»
Л. Сирота

Для души и для глаз наступает однажды прозрение...
Убежать бы, уехать бы прочь из бетонной жары,
Отмести все дела и проблемы, по сути-то бренные,
Оставляя глядящие ввысь городские шатры.

И в уютном вагоне, где явится память попутчицей,
Наблюдая в окно за гурьбой белоногих берез,
Ты внезапно, возможно, почувствуешь, если получится,
Возрожденье души, осознавшей ошибки всерьез.

Осознавшей, познавшей, принявшей утраты, лишения,
Всю ничтожность и глупость постылой пустой беготни,
Вновь увидев края... Там, где лилий ростки длинношеие
Тянут головы к солнцу и небу, куда ни взгляни.

Где легко, незатейливо кружит и кружит капустница,
С накренившихся веток сирени спорхнув на траву,
А потом вдруг так близко... у ног в незабудки опустится —
Если есть где-то рай, то вот здесь, пред тобой, наяву!...

Как порою бываем мы скоры в неверных решениях,
И теряем все то, без чего нет возможности жить,
До немыслимой тяги в груди, до подкожного жжения,
Чтобы переболеть и к истокам шаги совершить.

...Но сойдя на перрон здесь, на этой затерянной станции,
В безрассудстве и немощи долго себя не вини.
Пусть назад не вернуться, пусть прошлое прошлым останется, —
У прозревшей души есть надежда на лучшие дни...

ЭЙ, ВЕСНА!

Эй, весна! Доставай-ка коро́бки —
Для ручьев корабли — коробки́
Поищи из-под спичек коротких!
Сгинь, зима! Ты хотя не из кротких,
Твои руки уже коротки!

Не пугай лютой вьюгой в отместку!
Эти выходки снежные брось!
Уходи и не мешкай! Не к месту
Стылый морок и поздний мороз.

День стал ясный и голубоглазый,
Нераскрытые почки плотны...
И мимозою заняты вазы —
И все комнаты, кажется, сразу
Ароматами марта полны.

Оплывают сугробные горы,
Что росли под окном до поры,
Сквозь проталин округлые поры
Дышат травы, топорща вихры...

Полно! Полно, зима, суетиться —
Прекращай свой внезапный кураж!
Скоро вновь в многоцветии ситца
Переменится, преобразится —
Заиграет оживший пейзаж.

НАМ ОПЯТЬ ПО ПЯТНАДЦАТЬ

Нам опять, как тогда, по пятнадцать...
А воланчиков белых не счесть,
Из травы нет желанья подняться...
Может быть, это счастье и есть —

Быть с тобою наивной, как в детстве,
Безмятежной? Гадать на цветке,
Удивляться подобно младенцу,
Что остался лишь стебель в руке,

Если все лепестки облетели
И тебе на ресницы легли.
Мы с тобою опять захотели
Оказаться от дома вдали.

Только двое в ромашковом поле,
Прикасаясь щекою к щеке...
Без стесняющих рамок, на воле —
В этом райском земном уголке.

Ты попробуй! Представить так просто,
Как ступаешь в ромашковый снег...
Пусть те годы давно уже в прошлом,
У души, знаешь, возраста нет.

Ведь реальность легко отодвинуть,
И, не зная привычных оков,
Собирать друг для друга невинно
Белый цвет для плетенья венков.

Так не бойся мечтать! Не стесняйся!
Воскреси в своей памяти дни!
И представь, что нам снова пятнадцать,
А вокруг лишь ромашки одни...

* * *

(Из цикла «Вкус детства»)

У крыльца хранит покои сада
молодой сентябрь на посту.
Тихо. Лишь по кровельному скату
Падающих яблок слышен стук.

Он необъяснимою тоскою
Сердце неотступно бередит.
Может, предугадывая вскоре
Мрачность,
увядание,
дожди?..

Только в этот день обыкновенный
Грусть не от того ль, что наяву
Детство, невзначай сорвавшись с ветки,
Укатилось яблоком в траву?..

АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса, прозаик, художница. Родилась и живет в Москве. Закончила музыкальную школу, Академию ФСБ (факультет переводчиков) и РЭА им. Плеханова, а также курсы при МИД РФ, МГТУ им. Баумана и Академии Психологии, Предпринимательства и Менеджмента. Училась в церковно-приходской школе при Богоявленском Соборе в Елохово, пела в детском церковном хоре. Пишет стихи и прозу с детства. Член Союза писателей России с 2009 года. Член Регионального общественного фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» и Открытого Литературного Клуба «Отклик». Удостоена литературных премий и памятных медалей им. А. С. Грибоедова и им. А. П. Чехова за верное служение русской литературе, а также диплома им. О. Э. Мандельштама (номинация «Философия души»). Кавалер ордена им. В. В. Маяковского. Автор 55 поэтических сборников в соавторстве, 15 авторских книг стихов и книги прозы «Игра в иную реальность» (Рязань, Литера М, 2010) .

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« Александра Крючкова пишет удивительные стихи. О любви и страсти, об Ангелах и Небесных Стражах, о предчувствиях и ворожбе, о тайне жизни и смерти, о лабиринтах подсознания и непостижимом ходе времени… О ностальгии по тому, что было и чего не было… О том, как земная Душа рвется обратно в Небо, а Душа небесная, вспоминая свое земное воплощение, не может найти покоя, тоскуя о настоящей любви… В них, очень современных по звучанию, порой оживают незабытые голоса и мотивы Серебряного века. И это тоже удивительно. Удивителен и контраст между детской хрупкостью маленькой фигурки поэтессы, вступившей в «возраст Христа», и глубокой, зрелой, женской выстраданностью ее стихов. Как необыкновенный, творческий человек, она ходит «босыми ногами по потолку», варит волшебное привораживающее зелье, колдуя над рифмами и словами, вслушивается в музыку метели, ни о чем не жалеет, поднимаясь «по лестнице в Небо», и знает, «как плачут Боги во сне под названием «Жизнь». Стихи Александры Крючковой никого не оставляют равнодушными. Удивительно и редкое сочетание их внешней живописности, яркой эмоциональности и внутренней безграничности. Это настоящая авторская исповедь — пронзительная, предельно обнажающая чувства. Необыкновенно одаренная поэтесса пишет, вкладывая в каждое стихотворение частицу своего по-детски чистого сердца, и они проникают прямо в душу читателя, заставляя перечитывать их вновь и вновь. »

Елена Ерофеева-Литвинская — предисловие к книге стихов А. Крючковой «Ностальгия» — Рязань, Поверенный, 2009).

Страница автора на сайте «Стихи.ру»: http://www.stihi.ru/avtor/kriuchkova
E-mail: alex50476@mail.ru

ДАЙ РУКУ МНЕ...

Дай руку мне... Как мостик без опор...
Как статуя любви без пьедестала...
Пока лавина не спустилась с гор,
Пока дышать еще не перестала,

Дай руку мне... Как птица без крыла...
Как рыба без воды... Как океан без суши...
Пока не победили силы зла,
На части разорвав седую душу,

Дай руку мне... Как храм без куполов...

Как ночь без звезд... Как праведник без рая...

Как скрипка без смычка... Как письма, где...нет слов...
Дай руку мне, пока еще жива я...

05 февраля 2009

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Взгляд влюбленных порой безумен,
Их прописка — Страна Чудес...
Он сказал мне, что Бог наш умер...
Я сказала: Христос Воскрес!

Возвращаться нельзя — примета,
Сколько всяких примет — не счесть!
Он сказал мне: Надежды нет, а...
Я сказала: Надежда есть!

Размечая в судьбе маршруты,
Чья-то дрогнула вдруг рука...
Он сказал мне: Любовь — минуты...
Я сказала: Любовь — века!

Он сказал мне, что Вера — повод...
Я сказала, что Вера — Путь!
Он был тоже когда-то молод...
Я хотела его вернуть...

19 апреля 2009

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе стонут крыши
От решивших сбежать в века...
Я кричу тебе! — Ты не слышишь,
Год за годом, как День Сурка.

Сколько пятниц на той неделе?
Ежедневник бросает в дрожь!
В этом городе нет той двери,
За которой меня ты ждешь...

В этом городе плачут стены
От подслушанных новостей...
И зашкалит безмен измены
Превышением скоростей,

И ударит по сердцу током
Столь привычно-циничный альт...
В этом городе пыльных окон
Солнце падает на асфальт...

21 апреля 2009

СКОРОСТЬ

Ключ. Поворот. 60. 90.
Встречи — пустые советы-ответы.
Я ненавижу вопросы-допросы!
100. 115. Окно. Сигареты.

Хватит! — 120 — Заполнена память!
Музыка, громче! На всю катушку!
В Небо! — 130 — Тушите пламя!
Взорвано сердце! Готовьтесь, подушки!

Кто я? — 140 — Ненужные строчки!
150. Нежеланная нежность!
160. Все расставлены точки!
Выстрелом взгляда! Провал в неизбежность!

Книжки — 170 — просто бумажки!
200. Цунами! Прощайте!!! Беспечность
Пешкой на трассе играет в шашки...
Прочь! — 220 — Да здравствует Вечность...

25 апреля 2009

ВО МНЕ...

Я — метр...
И пятьдесят...
Плюс восемь...
Сантиметров...
Но слышишь, я — поверь мне! — выше
Из книги Гиннесса — высокой самой! — крыши!
Я — больше, чем один лишь взятый город! —
Я — города! — скорее даже — страны!
Все параллели и меридианы —
Лишь лоскутки мной пройденных дорог! —
Я — волны! Я — моря! Я — океаны! —
Чьей глубины познать еще не смог! —
Я — непрерывный! — ласковый! — поток
Всех существующих и мыслимых энергий! —
На волосах моих — платок —
Повязан Вечностью! — смотри! — ее касаюсь я руками,
Как матери своей! — Танцуя с облаками! —
Я — девочка — Апрель! — иных — неведомых! — небесных! — тайных сфер!
Я — небо, я — витражных храм! — всех вер! — Нет мер
Таких, чтоб ты меня измерил! — Вне рамок времени! —
Вне всяческих границ! — Я — унисон
Всех голосов! — зверей и птиц!
Я — музыка! — едва лишь слухом уловимых! — звуков!
Я — сон! Я — ночь! Я — день!
Я — встреча и разлука!
И не одна Вселенная во мне — вмещается! — вращается! — сливаясь воедино!
И все, что зримо и не зримо — есть тоже я...
Мне сердцем — Солнце! — и огонь его — в ладонь — твою — Бери! — И... береги, познав
Любовь! — дарю! — я — миллиарды звезд! — сложу в один единственный букет! —
Чтоб подарить — ТЕБЕ! — Я — свет!
Я — тысячи свечей! — неугасимо пламя! — Я — память
О каждом, кто когда-то был и есть! — Я — все, кто будет! —
Я — свод картинных галерей, разбросанных по миру,
Словно капли... Я — радуга эфира! — Я — лабиринт со множеством дверей!
Во мне — всех кораблей
Последний пункт... Я — пристань вечная и я же — только миг! —
Библиотека книг — всех изданных! — и тех, что только будут — когда-нибудь! —
В НЕ наш с тобою! — век — во мне! — и я сама — есть книга! —
Я — человек,
Но я — есть все! И это все —
Во мне! — Во мне — одной...
Поверь! На этом белом свете
Есть место
Чудесам!
Я так хочу, чтоб мы влетели в Осень
С тобою вместе!!!
...И на крыльях — Ветра...

Возьми с собой в дорогу...метр...
И пятьдесят...
Плюс восемь...
Сантиметров...

12 мая 2009

ПЛАТЬЕ

Я ждала тебя — в яви и снах — каждой клеточкой тела,
Захлебывалась черной водой Памяти старенького колодца,
Глотая дни горстями смородины горько-неспелой —
Впустить бы! —
Пусть
На чуть-чуть! —
В душу
Пустую —
Солнце...

Летела к тебе — без остановок и вне расписаний — смеялась:
Импровизаций нет в привычно-скупой нотной партии альта,
Осенним кленовым листом на ветру вновь дрожала, но не боялась
Упасть
В пасть
Язв
Заштопанного
Асфальта.

Еще один новорожденный месяц рогами повис на небе — Мекке
Астрологических карт, зазывая к пророкам страждущих всех скитальцев...
А то платье — проклятье! — жаль выбросить, да... не отстирать вовеки! —
Все
В отпечатках
Июньских
Твоих
Пальцев.

июль 2009

ВАЛЬС С ОДИНОЧЕСТВОМ

Я обесточена! — Нет электричества!
Свечи... Бессонница... Вальс с Одиночеством...
Слез одолжите мне кто-нибудь! — Выплачусь! —
Больно! А слезы внезапно закончились!

Тошно в притворно-бездушном обличии!
Душу отдам за — ее же! — отдушину!
Жгучей крапивой! — не жаль себя! — высечь бы!
Стать бы мне кротко-смиренно-послушною!

К Богу бы в горницу горнею горлицей!
И перестать изрекать бы пророчества!
Вальс с Одиночеством... Свечи... Бессонница...
Свечи... Бессонница... Вальс с Одиночеством...

21 августа 2009

ЕВХАРИСТИЯ

Осени касается рука
Таинством прощальных евхаристий...
Мне любить тебя издалека
Нежностью вальсирующих листьев.

Паутинки разрывая нить,
Дождь ласкает выцветшие крыши...
Я давно смогла тебе простить,
Что — не мною — ты живешь и дышишь...

Ждет меня безмолвный кинозал,
Ждет перрон незримого вокзала...
Все, что я могла тебе сказать,
Я давным-давно тебе сказала...

16 сентября 2009

НАРИСУЙТЕ МНЕ МУЗЫКУ...

Нарисуйте мне музыку...
Желательно — синюю...
Из самых высоких сфер...
Горю я...
А сердце укутано инеем,
И боли — почти предел...

Нарисуйте мне музыку...
И лучше — на стеклышке —
Закончились в доме холсты...
Мой ангел
Очистил от пыли все перышки,
А Страж подготовил посты...

Нарисуйте мне музыку...
Ту, что я слышала
Там, где какой-то есть сад...
Быть может, за это
Однажды Всевышние
Вам все грехи простят...

17 сентября 2009

ЧАСОВНЯ

Не пугает — меня — эшафот —
Умирала — не раз — от боли...
Кто... Его — за меня — отпоет?
И в часовне — какой? — отмолит?

Я прижалась в ночи к фонарю,
Как к последнему — в жизни — другу:
Я хотела — с Ним — пить Зарю,
А зимою — с Ним — слушать Вьюгу.

И заплакали на Небесах —
Он сказал мне — Ему — не ровня...
Не рожден еще — тот — монах,
Не построена — та — часовня...

18 октября 2009

ВСЕ БУДЕТ ТАК ЖЕ

Когда оставлю суету сует,
Сливаясь с тем, что называют Богом,
Там, где, возможно, пустота, и нет
Того, что ждут от неба за порогом,

Все будет так же — после, как и до,
И не изменится ничто на этом свете:
Здесь будут возводить за домом дом,
И будут подрастать чужие дети,

И будут пролетать опять года,
Слагая век за веком неустанно,
А от меня — ни тени, ни следа...
Как ни звучит сегодня это странно,

Не вздрогнет от потери шар земной,
За мною закрывая в полночь двери...
И ты, как прежде, будешь не со мной
Мечтать, любить, надеяться и верить.

29 июня 2009

ИГРА В ИНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

(главы из повести, Рязань, Литера М., 2009)

1. ПРОЛОГ

— Ты — одна из НАС, я тебя сразу узнала, еще в аэропорту, когда ты нас встретила, — шепотом произнесла итальянка, которую мы на работе между собой звали Машкой.

— Что значит «одна из нас»? — переспросила я.

— Ты — ясновидящая. Ты общаешься с Тем миром... Тебе открыта Дверь... Разве ты сама этого не знаешь? Тебе ведь уже не раз об этом говорили, правда?

* * *

В кабинете на моей первой работе я сидела вместе с одной девушкой, которая тогда еще не знала даже, что такое «идеализации» и «пространство вариантов». Но у нее начались определенные проблемы, и она по настоянию своей мамы отправилась к одной ясновидящей в другой город, прихватив с собой максимальное количество фотографий всех тех, кто окружал ее в тот момент жизни, чтобы понять, кто есть кто. На следующее утро я с интересом ждала рассказа о результатах ее «похода».

Марина пришла несколько другой. Она посмотрела на меня как-то странно, закрыла дверь в кабинет, присела на стульчик рядом с моим столиком и торжественно произнесла:

— У тебя — столп!

Я молчала и ждала продолжения.

— Эта ясновидящая вчера смотрела все фотографии, которые я ей принесла. Там была одна фотка всего нашего коллектива. Она сказала, что ты сидишь рядом со мной в кабинете. Что ты знаешь много иностранных языков. Ты совсем не высокого роста, но ты — очень высокая. Потому что у тебя от головы идет какой-то столп... энергии или еще чего-то, извини, не запомнила. Но она это видит.

Я молчала. Марина встала и подошла ко мне со всем близко, долго что-то высматривала над моей головой, водила руками.

— Не выходит каменный цветок? — с любопытством наблюдая за происходящим, спросила я.

— Эх, если б я была ясновидящей!!! — тяжело вздохнула Марина и сдалась.

— А что было бы тогда? — поинтересовалась я.

— Я была бы самой счастливой на свете! Я бы все ВИДЕЛА!!!

Я промолчала — не люблю спорить с людьми.

* * *

Много лет назад я попала на Мальту. В тот день должна была быть какая-то экскурсия куда-то. Я спускалась по гостиничной лестнице. Русская группа уже собралась в холле вокруг одной из наших туристок, которая что-то им всем очень громко рассказывала. Внезапно эта женщина заметила меня на лестнице и вдруг закричала: «Смотрите, смотрите на нее! Вы видите?». Все уставились на меня, а я испугалась, что со мной что-то не так. Я осмотрела себя с ног до головы, но, вроде, в моем облике все было по-человечески: тело, платье, туфли, сумка...

Я подошла к ним и уже намеревалась поинтересоваться, что же означал этот ее вопль, как она взяла меня за руку и, многозначительно посмотрев на окружающих, произнесла:

— Разве Вы не видите? У нее же над головой свечение!

Женщина оказалась ясновидящей, и всю экскурсию, вместо того, чтобы слушать гида, мы обменивались с ней опытом.

* * *

Дальше был Рим. Мне говорили, что я еду на Собрание Акционеров. Раньше я не знала, что это такое — Собрание Акционеров. Оказывается, это — когда люди начинают усиленно пить уже в аэропорту своего родного города А за час до вылета их самолета в город Б, а заканчивают пить на обратном пути в том же аэропорту города А после приземления их самолета из города Б.

В один из вечеров этой игры в Собрание Акционеров мы все отправились на одну из площадей города, где собирались разные гадалки, хироманты и астрологи и за небольшую плату предлагали рассказать Вам все, что было и не было. Всем захотелось развлечений. Но судьбы моих коллег были достаточно тривиальны, поэтому в роли «детектора лжи» решили использовать меня.

Гадалка взяла мою ладонь и, едва взглянув на нее, воскликнула:

— Да Вы у нас — заклинательница!

Все остальные притихли.

— Вижу серию книг. Не сейчас, позже...

Потом она долго рассказывала про мою прошлую жизнь, потом про настоящее и в заключении произнесла:

— Послушайте, а Вы, ведь, и сами все знаете, что с Вами будет. Зачем Вы ко мне пришли?

* * *

Через несколько лет я оказалась в Индии, где хироманты и астрологи попадаются вам практически на каждом шагу, помимо того, что часть из них, кому почему-то повезло чуть больше, круглосуточно дежурят в холле гостиниц в надежде, что хоть кто-нибудь захочет узнать правду. Но правду, судя по печальному выражению их лиц, хотят знать далеко не многие.

Вернувшись с очередной экскурсии по храмам в свою гостиницу, я подошла к «дежурному» астрологу и протянула ему ладонь. Он засмеялся.

— Почему Вы смеетесь?

— Ты ЗНАЕШЬ все САМА. И не только про себя. Ты пришла, чтобы проверить, насколько хорошо я ВИЖУ?

Я улыбнулась.

— Ну ладно, если ты так хочешь доказательств.., — улыбнулся он в ответ. — Ты — заклинательница. У тебя выйдет целая серия книг. Не сейчас, потом. Ты будешь известной. Ты очень много пишешь и уже очень давно. Мало, кто пишет столько, сколько

ты, и еще меньше, кто пишет также глубоко. Ты — многогранна. Ты — океан. Никто не может вместить тебя в себе. Их не хватает на твою глубину. Все сидят на берегу, смотрят на океан и любуются волнами. Некоторые плавают вдоль берега, но бояться заплывать далеко. И никто, даже тот, кто пытается, не может опуститься на самое дно, чтобы познать, что там. А ТАМ — совсем другой мир, ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. Ты принадлежишь ИНОЙ реальности. С детства. У тебя не было детства, правильно? Ты родилась, чтобы быть СОЛНЦЕМ, но ты стала ЛУНОЙ. СОЛНЦЕ иногда просыпается в тебе, как твое естество, ты тянешься к нему, чтобы стать ИМ, но детство, которого не было, уже навсегда поставило на твоем подсознании печать ЛУНЫ, не позволяя тебе быть СОЛНЦЕМ. Ты разрываешься между общением с людьми и отшельничеством. Тебе ведь хотелось уйти в монастырь? И при этом иногда ты вдруг взрываешься, сгорая, как Солнце, среди тех, кто окружает тебя, согревая их и освещая им путь. Ты — звезда. Видишь знак звезды? Года через два-четыре ты либо погибнешь, либо сможешь полностью изменить свою жизнь, начиная от места работы, сферы деятельности, своего окружения и семьи до страны проживания. Посмотри сюда!

Он указал мне на разветвление одной из линий на моей ладони. До определенного момента эти две ветви расходились по разным сторонам, но на одном и том же отрезке внезапно обрывались. Именно на этом же месте появлялась другая линия ровно посередине между разрывом и продолжалась уже вниз до запястья.

— Каким бы Путем ты ни шла из данных тебе двух возможных до наступления возраста, о котором я тебе сказал, и где обе эти линии внезапно обрываются, ты должна ступить на окончательный Единственный Путь либо погибнуть...

Я уходила. Он улыбался мне вслед...

* * *

Был февральский субботний вечер. Я стояла в подземном переходе рядом с книжной лавкой. Мне было очень и очень плохо, оттого, ЧТО я ВИДЕЛА в своем ближайшем будущем, и мне совсем не хотелось идти домой. В потоке людей, стремящихся ко входу в метро, я вдруг заметила старенькую монахиню. Я почему-то уже знала, что она обязательно подойдет ко мне и начнет читать мораль. Но я ошиблась. Она подошла ко мне и улыбнулась:

— Я знаю, что тебе сейчас очень плохо, потому что ты ВИДИШЬ. Но Бог тебя любит — у тебя золотой венец над головой. Здесь недалеко в лесу есть часовня. Сядешь на троллейбус, проедешь две остановки. Сегодня — родительская суббота. Поставь две свечи за упокой своих родителей. Ты должна сберечь себя для Света.

Сказав это, она растворилась в толпе.

Я не знала, что в этом лесу есть часовня. Но я знала, что в этом лесу есть маньяк. Он на протяжении уже нескольких лет убивал тех, кто, видимо, искал там часовню. «Интересно, а был ли кто-то, кто искал маньяка, который искал тех, кто искал часовню?» — подумала я, но почему-то послушно проехала две остановки на троллейбусе, вышла и стала спрашивать редких прохожих в этот поздний февральский вечер, не знают ли они, как найти часовню в лесу.

Было очень темно. Падал снег. Прохожие шарахались от меня, будто я спрашивала их, как найти нужную мне книгу в Библиотеке Вселенной. В лес вело несколько тропинок. Я пошла по одной из них. Было очень темно. Падал снег. Тишина. Никого вокруг. Глухой лес. Я шла долго. Очень долго. И мне уже стало казаться, что эта монахиня — всего лишь плод моего воображения, как вдруг где-то вдали замерцал Свет...

2. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Мы познакомились случайно в книжном магазине. Когда я говорю «случайно» — это значит абсолютно неслучайно, а совершенно закономерно, то есть намеренно запрограммированным Высшими Силами образом, исходя из причинно-следственных связей, цепочку которых мы не в состоянии вычислить логическим путем. Я не верю в случайность.

Раньше книги приходили ко мне через людей. Люди, которые совсем внезапно встречались мне на моем пути и практически мгновенно исчезали в неизвестном мне направлении, успевали в буквальном смысле лишь «сообщить» мне название книги, которую мне обязательно надо было прочитать, и имя автора. Книги озвучивали совершенно разные, из разных областей, но это было действительно то, что мне необходимо было прочитать именно тогда, в тот момент моей жизни. А несколько лет назад я вдруг научилась выбирать себе книги сама, и, что интересно, с этого времени мне перестали посылать людей, пробегающих мимо и выкрикивающих по ходу своего стремительного движения названия книг и имена их замечательных авторов.

Так, например, однажды, когда меня очень интересовали книги, которые касались сравнительного анализа религий этого мира, я зашла в одну церковную лавку. И почему-то меня сразу же потянуло в самый дальний темный угол. Там, на нижней полке, скромненько так лежала одна книжка в твердой обложке фиолетового цвета и без каких-либо опознавательных знаков за исключением ценника. Когда я открыла ее, оказалось, что это — ксерокопия книги по сравнительному религиоведению, изданной 20 января 1893 года, в которой даже проглядывались пометки того, кто эту книгу когда-то читал. Естественно, она была в единственном экземпляре.

В тот день я, как обычно, сканировала руками содержимое многочисленных книг на полках, чтобы понять, что мне действительно стоит прочитать. Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом и прошел мимо, перевернув всю мою жизнь.

Когда люди спрашивают меня: «А какой Он, этот Твой Человек, Которого Не Было?», я даже не знаю, что им ответить. Я не видела Его лица и не смогу описать Его внешность. Я даже не обратила внимания, во что Он был одет. Я просто почувствовала его потрясающую энергетику, выходящую за рамки персонального пространства. Это была энергетика человека, который был сильнее меня и мог бы... Но одновременно я знала, что у Него все есть, и Ему ничего не нужно.

Еще я могу смотреть на людей и видеть их в образе геометрических фигур. Попробуйте, уверена — нет ничего проще, и у вас обязательно получится. Рано или поздно. Если очень сильно захотите. И если вам позволят это видеть. С одной стороны, это очень забавно, потому что это — своего рода игра, а с другой стороны, очень помогает в общении с этими самыми людьми. Обычные люди бывают квадратами, треугольниками, кругами, прямоугольниками и зигзагами (молниями). Да-да, и такие тоже встречаются, поверьте мне на слово. А кто вы?

Вот, например, одна из моих знакомых — прямоугольник, и, к тому же, еще и вампир. Это, наверное, самое ужасное сочетание из всех возможных. Нет, ушки у нее совсем обычные, да и зубки нисколько не выдают ее истинной сущности. Она всегда говорит очень долго, медленно и монотонно, сладким голосом Лисы из сказки про Буратино, как будто «обволакивая» свою жертву словами. После чего она начинает задавать тебе много нудных вопросов или, что еще хуже, лезть в душу с неприлично откровенными расспросами, ответы на которые, в принципе, ей совсем и не нужны, но именно то, что ты раздражаешься и, отвечая, тратишь свою энергию, приводит ее в состояние эйфории. Даже если сказать ей, что ты очень занята и не можешь говорить, она еще минут

десять будет «прощаться», потому что прекрасно понимает, что бросить трубку просто так я не смогу из-за своей элементарной воспитанности.

Так, однажды она позвонила мне, когда я была в ванной. Я вежливо извинилась за то, что мне не очень удобно с ней разговаривать и сказала, что перезвоню ей минут через десять. Но мое предложение ей явно не понравилось. Она спросила меня, а где я, собственно, нахожусь. Я сказала ей правду. Тогда она спросила меня, а что я там делаю... И я имела неосторожность ответить ей опять честно: «Очищаю свою ауру от негатива». А что еще, собственно, делают в ванной после тяжелого рабочего дня? И мне казалось, что на этом наш разговор будет хоть на десять минут приостановлен. Но для нее мой ответ стал каким-то потрясающим открытием, и она буквально завалила меня вопросами: «А зачем ты это делаешь? У тебя появились какие-то проблемы? Может быть, ты мне сейчас о них расскажешь? А как ты это делаешь? А какой температуры у тебя сейчас в ванне вода? А ты закалываешь при этом волосы, или они должны быть распущены? А какой марки ты используешь мыло? А как ты считаешь, что будет, если добавить в ванну морской соли на несколько щепоток больше чем то количество, которое рекомендуется производителями и указано на этикетке? Ты чем-то недовольна? Наверное, рядом с тобой кто-то там есть?»... С тех пор каждый раз, когда она намеревается позвонить мне, я оказываюсь «недоступной». Например, еду в метро, где очень к месту вдруг пропадает связь, или мой телефон внезапно разряжается.

Но есть, ведь, и не совсем обычные люди. Я вижу их трехмерными и сложными фигурами, в каждой из которых может быть одновременно несколько фигур, вложенных одна в другую или пересекающихся в пространстве. Я, например, пирамида, вложенная в сферу, которую сверху донизу и ровно по центру пронзает молния, при этом молния выходит за рамки сферы как выше, так и ниже ее окончания. Но так было не всегда — такой я стала со временем, потому что сначала я была простым треугольником, потом превратилась в пирамиду, обросла сферой, и в заключении меня пробило молнией.

Когда я посмотрела на Него, я сразу поняла, что Он — тоже сложная фигура. Он — сфера внутри куба, а внутри самой сферы — молния по центру, но она не выходит за рамки сферы. ОН был нужен мне, как единственное, что могло меня сейчас спасти. Жизнь многогранна и сложна. В последний период времени каждая ее грань, одна за другой, внезапно рушились, зажимая меня в угол, перекрывая кислород, сворачиваясь змеиной петлей вокруг моей шеи. Я стояла на краю чего-то. Какой-то Пустоты. Я искала Окно перехода в какую-то новую и неизвестную мне Реальность, но в той же Земной плоскости, чтобы только не умереть. Я не знала, насколько меня еще хватит.

Несколько раз я приходила в этот книжный в надежде снова встретить Его, но тщетно.

3. ЖАННА

Вечером мне позвонила Жанна, одна очень известная ясновидящая. Она почувствовала, что нужна мне и позвонила. Она сказала, что сейчас временно проявилась в другом городе и не может приехать ко мне. Внезапно она стала читать слова из моих последних заклинаний, которые сама она еще никогда не читала.

— Смерч... Ты стоишь на каком-то краю...

Я попросила ее «держать» меня.

Мы познакомились с ней «случайно». Мне было очень одиноко и хотелось просто поговорить с таким же человеком, как и я, по крайней мере, похожим на меня, на нашем общем и не доступном для окружающих языке. Я знала о ее существовании, о ее способностях, но не больше, я даже не знала, где она живет в этом огромном мире.

В тот день я пришла в свою любимую кафешку рядом с домом в совсем не обычное для меня время. Жанна сидела за соседним столиком одна.

— Ты — Жанна, я знаю, — сказала я, подойдя к ней. — Ты нужна мне. Мне надо с тобой поговорить.

— Зачем? Разве я смогу тебе чем-то помочь? — удивленно спросила она.

Жанна всегда чувствовала, кому она может помочь, а кому — нет.

— Я просто хочу с тобой поговорить. Мне от тебя ничего не нужно...

Она облегченно вздохнула.

— Садись... Прости, я просто никакая — тут один вампир звонил, всю душу высосал...

Некоторое время мы смотрели друг на друга молча. Потом она вдруг стала говорить:

— Ты — вся в паутине... Ты разрываешься между мамой и сыном... Ты не можешь их совместить в этой жизни... Вижу кровь... Много крови... Ты — мертвая... Как и я... Ты — одна из нас. Ты была ТАМ и открыла ДВЕРЬ...

* * *

Я так и не сказала ей тогда, что значит для меня паутина. Пауки — самое страшное явление для меня в Этой Реальности. Я долго пыталась копаться в себе, чтобы понять, где же произошла «связка». Я точно знала, что это произошло именно в этой жизни, потому что в самом раннем детстве я их не боялась. Я не могла найти ключ сама и попросила одного из моих Учителей помочь мне. Ее звали Гера. Она стала задавать мне наводящие вопросы, я отвечала, но как будто не слышала своих ответов сама.

— Почему ты боишься паука? — спросила она меня.

— Он — страшный.

— Но ведь он — такой маленький и беззащитный...

Я разразилась жутким хохотом:

— Он беззащитный? Он — огромный и всесильный!

— Что он может сделать тебе?

— ОН УБЬЕТ МЕНЯ. Рано или поздно...

— Ладно, допустим... Представь, что ты берешь его и сажаешь в коробочку.

Меня передернуло:

— Я не могу даже смотреть на ЭТО со стороны и представлять в своем воображении... Как я могу ВЗЯТЬ его РУКАМИ???

— Хорошо, я беру его и сажаю в коробочку. И закрываю ее. Это подарочная коробочка. Я завязываю ее ленточкой с бантиком. Какая она, эта коробочка?

— Красная. С черными лентами, — не задумываясь, машинально ответила я.

— Давай разведем костер. Смотри, я бросаю эту коробочку в огонь. Она горит...

Я почти закричала:

— ОН НИКОГДА НЕ СГОРИТ!!! Он БЕССМЕРТЕН! Он ВЕЧЕН! Он был, есть и будет!!! ОН НИКОГДА НЕ УМИРАЕТ!!!!!! Смотри, коробка сгорела, а он жив! Он выползает из костра...

Гера тяжело вздохнула...

Я чуть не плакала. Я вышла от нее и буквально прошла метров десять по улице, как вдруг остановилась, как вкопанная. Это был мгновенный инсайт, как вспышка света, — фрагмент из детства, который внезапно пронесся у меня перед глазами...

Мне было двенадцать. Это было на даче. Было воскресенье. Мама вдруг сказала мне, что ей стало очень плохо. И так не должно быть после той операции, которую ей сделали за несколько месяцев до этого дня. Мы сидели на скамейке под яблоней. Я молча-

ла. Мама сказала, что ей надо срочно вернуться домой в город, чтобы вызвать скорую. Пошел дождь. Мы продолжали сидеть с ней под яблоней. Я вдруг все почувствовала. Я поняла, что если до этого момента существовало несколько вариантов в пространстве вариантов, то в этот момент они резко схлопнулись в одно — в смерть. Я почувствовала это внезапно, но даже не отдала себе в этом отчет на сознательном уровне. И еще долго-долго, практически до самой ее смерти в декабре, я всегда считала, что она просто болеет и рано или поздно поправится, и никто не говорил мне, что она умирает. Но именно с момента этого нашего разговора на даче на подсознательном уровне я уже знала всю правду. Я поняла, что сейчас зарыдаю. Чтобы мама этого не видела, я побежала к сараю в дальний угол нашего участка, где жил мой друг — маленький Белый Кролик. Шел дождь. Я бежала очень быстро, рыдая и кусая губы, чтобы только не закричать от безысходности. Я со всей силы рванула дверь сарая на себя и с разбегу уткнулась глазами в центр огромной паутины, аккуратно сплетенной ровно на весь дверной проем. Прямо перед моим носом сидел огромный жирный черный паук с большим крестом на спине. Я закричала...

* * *

Тогда с Жанной мы долго разговаривали и даже смеялись, КАК кому из нас приходит ЗНАНИЕ чего-то откуда-то свыше, и кто из нас что умеет. Она рассказала мне, как умер мой отец. Потом мы раскрыли друг другу ладони и держали их друг напротив друга.

— Давишь ты! — сказала Жанна. — Сильно давишь. Какая у тебя энергетика! Не могу так, убери ручки, убери...

Потом я рассказывала ей о том, как пишу заклинания. Внезапно она воскликнула:

— Потрясающе! Знаешь, что ты сейчас сделала? Ты утащила меня за собой в другое время... Я провалилась! Я видела маленькую бедную комнатку, мы там были с тобой вдвоем, ты была в другом теле, в чем-то сером, какая-то шаль, там горела керосиновая лампа... Так бывает, когда очень сильный по энергетике человек, например, протягивает тебе руку, и ты проваливаешься туда, куда он тебя ведет... Ты понимаешь, что я имею ввиду?

Я улыбнулась. Так было со мной уже много-много раз. Мне многие об этом говорили. Я не знаю, как это у меня получалось. Потом Жанна назвала цифру.

— Осторожно! Можешь умереть. Или операция. Или еще что. А если переживешь, то потом уже... — и назвала еще одну цифру.

Я вздрогнула, потому что ее цифры отличались от того, что сказал мне хиромант-астролог в Индии, всего на один год.

— Я вижу книгу. Она — твоя. По магии. Лежит на книжных полках. Не пройдет и года, как она выйдет. И ты станешь известной заклинательницей, веришь мне? — спросила она.

Я снова улыбнулась... Тогда мне казалось это совсем не реальным.

4. СКОРОСТЬ

Многие люди на этой земле почему-то любят спирт под хорошую закуску. Я люблю скорость под хорошую музыку, но без спирта.

Мне снился сон. В ночь с четверга на пятницу, когда все сны имеют обыкновение сбываться у тех, кто верит в то, что они сбываются, именно приснившись тебе с четверга на пятницу. Хотя, конечно, все это — условно, потому что сбываются те сны, которые

должны сбыться независимо от того, в какой день они тебе вдруг приснились. Я пришла к своей подруге. Все как будто в тумане, я плохо могла различать ее очертания, как и ее квартиру, в которой я в реальности еще не успела побывать, потому что она совсем недавно переехала. Мы с ней молчали. Молчали, но как-то очень грустно молчали. Потом она вдруг спросила меня, что же все-таки произошло. Во сне я знаю, что что-то очень плохое произошло, о чем мне совсем не хочется вспоминать. И я руками отмахиваюсь, говорю ей, что не хочу об этом говорить, а слезы прямо сами на глаза наворачиваются. Потом я оказываюсь дома у моего друга-одноклассника. Сюжет повторяется. Мы молчим, грустно молчим, потом он осторожно начинает спрашивать меня, как это было, почему. Мне во сне очень больно вспоминать об этом. Я как будто заставляю себя НЕ вспоминать то, о чем они пытаются меня расспросить. Я начинаю плакать. Зачем они все мучают меня своими расспросами, когда мне самой так плохо, что говорить об этом я не в состоянии? Потом я прихожу к кому-то еще. Не знаю, к кому. Опять все то же. Но этот кто-то слишком настойчив. Он заставляет меня ВСПОМНИТЬ ВСЕ. И я вспоминаю, я вижу, как это было... Широкая дорога, я вижу свою машинку в любимом мною левом ряду. Темно, машин на дороге мало. Я как бы «прокручиваю» эту ситуацию, как будто смотрю кино, смотрю на эту дорогу откуда-то «сверху», вижу каждую машину: ту, которая едет рядом с моей, и те, которые — за мной и передо мной... В левом ряду скорость большая, потому что машин мало, наверное, не меньше 150–160. Я вижу, как дорога впереди поворачивает. Там где-то авария или еще что-то, что не видно сразу, поэтому там все машины, которые едут передо мной начинают тормозить, а потом объезжать справа. Я смотрю на эту картину, но не могу никак повлиять на свою машинку и на себя в ней. Я плачу, все это вспоминая, а кто-то продолжает меня мучить вопросами: «Как? Почему?». Моя машина не снижает скорость. Почему-то. Как будто меня в ней нет, и она едет сама по себе. И вот она на полной скорости врезается в тех, кто передо мной... Потом вижу, что с ней стало, как все уже почти разъехались. Долго не приезжает эвакуатор. Потом приезжает, и мою машинку увозят куда-то... И тут я понимаю, вернее, вспоминаю во сне, что я просто заснула за рулем, но никто этого не знает. Никто, кроме меня...

* * *

На днях мне сказали не ездить на машине в понедельник-вторник, дабы чего не вышло, но я очень соскучилась по Лиське и забила на это предупреждение. Совсем рядом с моим домом находилась страховая. Страховка недавно закончилась, надо было переоформить. За несколько дней до этого по телефону мне озвучили сумму со скидкой за безупречное вождение. Простояв в очереди, я получила на руки документы на эту сумму и... маленькую такую бумажку-расписку, которую я должна была подписать, подтвердив то, что у меня за последние три года никакую другую машину не угоняли. Так как именно три года назад при очень мистических обстоятельствах у меня машину именно угнали, подписывать я не стала. Я ждала хоть какой-нибудь реакции со стороны девушки из страховой, которой я озвучила свою проблемку. Но через двадцать минут мне предложили подождать еще часок-другой, когда придет окончательный ответ из их центрального офиса. Я послала страховую компанию очень далеко и видимо на всю свою оставшуюся жизнь.

Проехав километр, я остановилась у светофора. Внезапно водитель соседней машины открыл окно и стал что-то мне кричать. Я выключила музыку. Он показывал на мою Лиську. Я вышла из машины и увидела, что правое заднее колесо спущено в ноль. Я поняла, что уже не доеду ни обратно до дома, хотя это было совсем рядом, ни до работы,

которая находилась на противоположном конце города, поэтому перестроилась к обочине, остановилась и закурила. Я долго думала, как это произошло — у меня несколько раз случалось подобное, но при этом колесо чуть-чуть спускалось, даже не очень было заметно глазами, потом я еще несколько дней ездила так, а потом уже добиралась до шиномонтажа. Никогда не было такого, чтобы за то короткое расстояние, которое я умудрилась проехать в то утро, колесо было спущено вообще при условии того, что я выехала из гаража с абсолютно нормальным колесом. Оставив Лиську в укромном местечке, я поехала на работу на метро. Вечером же на ближайшем шиномонтаже мне сообщил мне потрясающую новость: колесо абсолютно нормальное, не проколотое. Никто так и не понял, что это было. Его просто накачали (и до сих пор езжу...).

— Понятно, — сказала я.

И про себя подумала: «А ведь три года назад могли бы тоже только колесо спустить...».

* * *

Я люблю ездить быстро. Это получается редко. Потому что я живу в очень большом городе, где машин, наверное, столько же, сколько людей, а иногда мне кажется, что машин даже больше. И еще мне иногда кажется, что многие люди в этом мире любят свои машины гораздо сильнее, чем людей. У нас в городе есть такая огромная дорога, которая называется словом из четырех заглавных букв. Это слово, как мне кажется, очень похоже на синоним библейского слова «Преисподняя», причем не только по звучанию, но и по своему смыслу. По этой дороге все движутся по кругу. Правда, по ней можно не двигаться, а ехать, если успеть попасть на нее до половины восьмого утра. Потом все стоят. Тоже по кругу. Везде. Я уже давно поняла, что эта дорога — своего рода игра, в которую каждый играет по своим правилам. Есть, конечно, правила, придуманные кем-то однажды, и всех водителей их заставляют учить, но я еще не встречала ни одного человека в этом городе, кто бы эти правила ни разу за свою жизнь не нарушил. Например, не занимать левый ряд, если можно ехать правее, потому что левый ряд — для тех, кто любит быструю езду или просто очень-очень сильно куда-то спешит. Хорошее правило, но обычно в левом ряду обязательно едет некто, чей жизненный принцип гласит: «тише едешь — дальше будешь», и этот некто очень хочет всех водителей поучить, как жить правильно, и совершенно не собирается уступать дорогу никому и ни при каких обстоятельствах. Поэтому уже давно многие из тех, кто не любит передвигаться на машине со скоростью пешехода, частенько едут по самой правой или обочине.

Есть особая категория водителей, которые играют на дороге в шашки. Однажды на моих глазах разбилась одна такая машинка. За рулем был мужчина. Скорость, с которой он ехал, была явно не меньше 180. Все произошло в какие-то считанные мгновения. Я ехала во втором ряду слева со скоростью 140, он резко выехал на крайнюю левую, но я уже видела, что он не успеет сделать то, что собирался сделать. В результате с крайней левой после удара об разделяющий встречные потоки отбойник его машину отбросило в крайний правый, где еще и развернуло. Машина задымилась.

Несколько лет назад, когда я оказалась в Пустоте, как и сейчас, я тоже играла в шашки на очень большой скорости. Правда, мне больше нравится просто скорость, чем шашки. Я даже написала одно заклинание, которое так и называется «Скорость», после того, как во время одной из моих командировок за границу, один человек прокатил меня на скорости 220, хотя он до сих пор утверждает, что это было 230. А мой друг тогда прочитал это заклинание и написал: «Пробовал. Два дня назад. Не помогает...». Но, несмотря на все предупреждающие знаки, которые мне посылали свыше, я не остановилась. И тогда однажды вечером, оставив машинку на улице где-то минут на сорок, я потеряла ее навсегда. С тех пор в шашки я не играю. Я просто езжу, превышая скорость. Иногда. Когда все куда-то проваливается, и я оказываюсь в Пустоте.

* * *

В тот вечер в каком-то восточном кафе я встретилась с тем самым другом, который на собственном опыте знал, что такое игра в скорость. Он смотрел на меня с печалью. Он был единственным человеком в моей жизни, которому я могла все рассказать, потому что он сам через многое прошел и понимал то, что я чувствую. Он знал меня с семилетнего возраста такой, какая я есть на самом деле, настоящей, и мне не надо было быть с ним кем-то еще. И ему, единственному человеку на этом свете, ничего было не нужно от меня. На днях он прислал мне свой рассказ на 36 листах. Рассказ о том, как он жил эти последние несколько лет на краю Пустоты. Он, как и я сейчас, дошел до того состояния, в котором уже не возможно не выплеснуть накопившуюся боль на бумагу. Почти все из этого рассказа я знала, потому что он рассказывал об этом мне раньше, за исключением того, как однажды он встал на балкон...

Мы долго говорили, пытаясь понять, зачем и как нам дальше жить.

— Мне казалось, что я уже через все прошла, но оказывается, нет... Только ты знаешь, через что мне предстоит пройти. Никто больше не знает. Я не знаю, когда. Но это уже и не важно... Я, как мост, у которого по очереди вырубили все опоры. Я — в Пустоте. Я падаю в пропасть... Я так долго ждала Его. Он — единственный человек, с которым я смогла бы все забыть, временно совмещая обе реальности, но оставаясь при этом Здесь, на земле. Любовь — самое великое лекарство, она смягчает боль и позволяет тебе выжить здесь и сейчас, выйдя из Пустоты... Потом мы привыкаем к боли, адаптируемся к действительности, нам становится легче. Но только потом. До этого «потом» нужно преодолеть самое страшное...

— Ты уже давно не принадлежишь себе, понимаешь? Ты принадлежишь Иной Реальности...Ты — НЕ такая, как все, ты НЕ обычная, смирись с этим...

— Я хотела бы хоть недолго побыть обычной женщиной, которую любят просто так, за то, что она есть на этом свете. Я любила до самопожертвования, отдавала все, что имела и ничего не просила взамен, но никто никогда не любил меня, всем всегда было от меня что-то нужно... Мне казалось, что я, наконец-то, ЕГО нашла. Но Ему ничего не надо... А я ведь не хотела быть такой! Я не выбирала Иную Реальность!

— Ее не выбирают, Она сама выбирает, кого ей хочется, не спрашивая, что мы думаем по этому поводу... Она выбрала тебя... Это — твой Путь...

* * *

Я вернулась домой, где меня ждал мой любимый волшебный шарик, который самым обычным мистическим образом я нашла на Байкале. Я случилась там в ноябре, было минус двадцать. Байкал замерзает в январе, поэтому вечерами я сидела на берегу моря (моря, потому что я видела его морем, а не озером) и провожала солнце. Было холодно, но я снимала перчатку и протягивала ему руку. Я чувствую левой рукой. Обычно это чувствуешь именно левой, а не правой, если, конечно, изначально не запрограммировать себя на правую руку. Огромные волны тепла вливались в меня, и рука совсем не замерзала. Потом ко мне прилетела птица, кружась прямо у моего лица, она что-то говорила мне, но я не поняла, что именно.

Когда солнце исчезло в море, я пошла на маленький рынок, где местные жители покупали рыбу. Там была палатка с сувенирами. Я зашла. Со всех сторон меня окружало несчетное количество камней в самых различных формах. Я подошла к одной из витрин и остановилась.

— Вам чем-нибудь помочь? — спросила меня одна из продавщиц.

Я смотрела сквозь витрину, проваливаясь куда-то, а потом стала говорить:

— Мне нужен камень. Это шар. Он как земной шар. Там видно воду и землю. Как будто сверху смотришь... Ну с высоты самолета... Когда ты летишь... К земле... Я не знаю, как Вам это объяснить...

Продавщицы загадочно переглянулись между собой и хором воскликнули:

— Вот это да!!!

Одна из них полезла в лоток под той самой витриной, где я стояла, достала что-то, завернутое в бумагу и, сняв ее, с благоговением протянула мне на ладони тот самый шарик:

— Вы это искали?

Я взяла его в руку. Он был тяжелый. Я не могла отвести от него взгляд.

— Местные жители приходят к нам, чтобы полюбоваться на него, — гордо сказала продавщица. — Это очень редкий камень. Многие даже считают, что его не существует в природе, но вот смотрите, у нас есть книжка про камни, хотите про него почитать?

Продолжая держать шар в руке, я прочитала, что этот камень действительно очень редкий, цвета индиго, встречается только вкраплением в малахите, почитался в древнем Египте, как волшебный камень, открывающий путь в Вечность, стимулирует работу «третьего глаза», а в Индии считается камнем, выводящим его обладателя на высшие уровни энергий и пространств.

С тех пор этот шарик жил у меня дома, и я засыпала, держа его в левой руке.

* * *

Той ночью мне снова снился сон, хотя я сказала бы, что это был не сон. Я пыталась пробиться в Высшие Сферы. Мне хотелось долететь туда, где звучит Музыка Сфер. Сначала — привычная спираль, шум или даже гул, невидимая Сила, которая поднимает тебя вверх по Потоку, напоминающему трубу, огромная скорость... Кто-то был рядом... В первый раз я не смогла долететь — застряла в Низшем Астрале. Но мне очень хотелось услышать, какая она, Эта Музыка... Но во второй раз, поднимаясь по тому же самому Потоку, в какой-то момент я вдруг стала улавливать волшебные звуки... Скорость снижалась, вокруг все заполнялось Светом, приглушенным, но одновременно ярким. И весь этот Свет был пронизан Музыкой. Теперь я слышала Ее совсем отчетливо. Я зависла в этом пространстве, наслаждаясь звуками и пытаясь сравнить их с чем-то земным... Я улыбалась — я долетела...

НАТАЛЬЯ ЛАЙДИНЕН (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса, прозаик, журналистка, путешественница. Родилась в Петрозаводске, в Карелии. В настоящее время живет в Москве. Стихи начала писать в раннем детстве. Занималась на литературных курсах при Петрозаводском Университете. Параллельно занималась журналистикой. В составе участников Международной Детской Студии ICS в 1990–1993 годах участвовала в интервью с известными политиками и общественными деятелями, готовила материалы для местной прессы, карельского телевидения и радио. В 1998 году закончила Московский государственный Институт международных отношений (МГИМО), факультет международной информации. Кандидат социологических наук. Первый авторский сборник стихов «Небесные песни» вышел в 2004 году. Книга получила хорошие отзывы, в том числе от поэтессы Риммы Казаковой, «Литературной газеты», других центральных и региональных СМИ, была удостоена премии «Книга года-2005», учрежденной «Литературной газетой» и Национальным биографическим институтом. За поэтическое творчество была отмечена медалью «За заслуги перед МГИМО». С тех пор начала регулярно публиковать поэтические подборки в российских и зарубежных СМИ, в 2004 году стала членом Московской организации Союза писателей России. В том же 2004 году был запущен сайт Натальи Лайдинен www.laidinen.ru, частью которого стала своеобразная энциклопедия женской поэзии разных стран и времен. Важная часть сайта — стихотворения о родной Карелии. Еще один просторный зал — рубрика «Русские поэты о море», подготовленная совместно с сайтом navy.ru и российскими офицерами ВМФ, любящими поэзию. В порядке эксперимента написала и опубликовала под псевдонимом Н.Воронцова два женских психологических романа. Много путешествовала, а в 2005 году благодаря знакомству с группой единомышленников появились три книги-альбома об известных, но мало исследованных местах России: Камчатке, Северном Байкале, Лосином Острове. Издания вышли под научной редактурой профессора МГУ Николая Николаевича Дроздова, известного телеведущего. Традиция создания повествований о путешествиях была продолжена в издательстве «РИПОЛ-Классик», где при участии писательницы была открыта новая линейка романов-травелогов: в 2008 году были опубликованы два романа из этой серии — «Индия глазами русского Шивы» и «Другой Париж: изнанка города». Наталья Лайдинен — лауреат нескольких международных литературных премий. За литературное творчество награждена памятной медалью им. А. С. Грибоедова. Член Правления Российского Творческого Союза Работников Культуры. Публиковалась в десятках российских и зарубежных СМИ, сборниках, альманахах.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« **Римма Казакова, поэтесса:** Я рада доброму и обещающему явлению в литературной жизни, имя которому — Наталья Лайдинен. »

« **Вера Зубарева, профессор, университет Пенсильвании, США:** Стихи Н. Лайдинен проникнуты романтикой, таинством и драматизмом, в которых раскрывается душа автора — многогранная и чуткая к культуре и религии. »

« **Борис Кушнер, профессор, поэт, переводчик:** Замечательные, чистые как родник стихи… Их северное звучание напоминает мне Сибелиуса: Вторая симфония, Valse Triste, Скрипичный концерт… Чудесно звучат приближенные рифмы — они проходят по той самой грани, которая и отличает настоящее искусство. Действительно, Звездная Музыка. »

« **Давид Гарбар, профессор, переводчик, Германия:** Тонкая, сильная, временами порывистая и страстная, временами раздумчивая и нежная, иногда наивная,иногда мудрая — такова ее поэзия. »

Григорий Рыскин, поэт, писатель: Сквозь дыры и трещины развалин мы видим возрождение классического, ахматовского начала русской поэзии… Поэзия Натальи Лайдинен в русле этой традиции.

Антология поэзии Карелии: В стихах Натальи Лайдинен — перекличка с поэзией Серебряного Века и яркий голос современности, парадоксальность мировосприятия, глубокая философичность. Стихи ее, как зеркало, отражают путь души молодой российской женщины.

«Литературная газета»: Поэтический голос Натальи Лайдинен действительно неповторим. «Жадно ждущий воплощений Дух ненаписанных стихов» дышит в ней, и дух это подлинный.

Николай Дроздов, путешественник, телеведущий: Наташа помогает в форме легкой, озорной и одновременно философской беллетристики познакомить широкую аудиторию читателей с разными странами мира, привлечь внимание к достопримечательностям, любопытным местам, а также, не навязывая субъективного мнения, предупредить путешественников о возможных проблемах, которые могут встретиться на пути.

Игорь Задорин, социолог: Книги Наташи Лайдинен увлекательны, читаются легко, запоминаются образным юморным языком, и при этом насыщены богатой исторической и культурной информацией. Важно, что Наташа, человек творческий и многогранный, не сосредотачивается только на исторических фактах и достопримечательностях, а пытается открыть читателю сегодняшнюю жизнь стран, акцентируя внимание на современных социальных проблемах и тенденциях.

Газета «Трибуна»: Надо отметить смелость Наташи Лайдинен: в то время, когда в книжных рейтингах торжествует гламур, она предлагает познакомиться с изнанкой жизни, отнюдь не претендуя на лавры нового Гиляровского.

Игорь Котин, старший научный сотрудник МАЭ РАН, кандидат исторических наук: Не поэма ли в прозе и травелог Наташи Лайдинен, известного поэта и ценителя стиха?! Или это проза Поэта? В книге чувствуется ритм, есть лирическая тема, а завершение романа — настоящий гимн прекрасной человеческой любви!..

Светлана Колосова, доктор наук, психолог: Своими интересными, написанными на материалах личных жизненных впечатлений, путешествий и встреч, книгами Наталья Лайдинен говорит о том, что не стоит впадать в глубокую депрессию и драматизировать происходящее, если в настоящий момент не удается достичь счастья, гармонии с собой и кажется, что жизнь потеряла смысл. Можно измениться самому и начать черпать мудрость из каждой ситуации, искать свою частичку истины и постигать богатство жизни.

Сайт автора: http://laidinen.ru
E-mail: info@laidinen.ru

* * *

Я заблудилась в пещерах юга,
Вот только вышла опять в Асгарде,
Мне примеряли дар нибелунга,
Возили в лодке по синей глади.

Кивал ветвями знакомый ясень,
И Один руны в ладонях высек.
А я смеялась: не нужно власти,
Дай хоть немного любви — и смысла!

Все тайны мира — твои трофеи!
А у меня — искры ожерелья.
Я ускользаю путями Фреи,
Лови в волне мои отраженья!

Ветра с вершин заблудились в струнах,
Из облаков — голубая барка.
Куются копья, поют колдуньи,
Зовет все дальше звезда-собака.

Я сквозь тебя прорасту травою,
Сверкну зарницей багрово-алой.
И ты однажды уйдешь, как воин,
Через столетья — назад в Валгаллу.

* * *

Я твоя по крови племянница,
Испытаний прошлых наследница,
Под твоими чуткими пальцами
Оживаю арфою кельтскою,

Наплывает звездная музыка,
Воскресает звуками новыми!
Музы все в девичестве узнаны —
Голосят стволами кленовыми;

По душе журчит песня струнная,
Умножает страсти октавами,
Изливаясь ручьями, струями,
Полыхая ночными травами...

Тетива натянулась — к выстрелу!
Властный ветер играет кронами.
Мною ты, рунопевец, выстрадан,
Как тобою — арфа бессонная.

* * *

Когда будет чужое роздано
Или продано с молотка,
Я хотела бы жить у озера
В доме с окнами в облака,

Где открыты края небесные,
Очистителен шум дождя...
Точно храм был поставлен Нестором
Среди острова — без гвоздя!

Деревянная память зодчества!
Сруб — как парусник на волнах!
Позабытое одиночество
Горьким привкусом на губах.

Сколько воли — и сколько радости!
Сердце дальней струной звенит.
От младенчества шаг до старости:
Через тяжесть земли — в зенит!

Задохнуться сосновой свежестью,
Слово травам назад вернуть!
Горизонт над седой безбрежностью
Как зовущий к истокам путь;

О любви вспоминать не поздно ли,
Когда кистью ведет Лука?..
Я хотела бы жить у озера,
В доме с окнами в облака.

* * *

Эта радость душе знакома:
Я беспечна, и я смела...
Слишком много солнца и рома,
А земля предельно мала.

Время лечит старые раны,
Строит новый лад для струны.
Слишком много марихуаны,
И смешны московские сны.

Лунным островом парус бредит,
Океанский штиль бороздя.
Слишком много мужчин и рэгги,
Иногда не хватает тебя.

На заре облаков разводы
Акварелью бегут с холста.
Слишком много шальной свободы,
От которой трудно устать.

Шторм — ревут и пальмы, и снасти,
Дом в дождливых ручьях дрожит.
Слишком много соли и страсти...
Слишком сильно хочется жить!

* * *

Мы друг друга с восторгом приняли,
Наше чувство — углем на извести!
Нарисуй меня черной линией,
Хочешь — длинной, хочешь — прерывистой,

С остановками для дыхания —
Так скрывают волнение школьники!
Нарисуй меня без сострадания,
Все изломы и треугольники!

Силуэтом, сожженным заживо,
Разнесенным — дыханьем ветреным!
Нарисуй меня — в воздух ряженной,
Вопреки всякой геометрии;

Я в просторах живой гармонии —
Пронесусь по мольберту рифмами.
Нарисуй меня белой молнией,
Сумасшедшими биоритмами!

Вдохновенье — опасной кручею,
Взлет эмоциям и движению!
Нарисуй меня, как получится,
На полотнах воображения!

Как увидится, как представится —
Оставляя на небе полосы,
Нарисуй меня не красавицей,
А скользнувшим по сердцу образом...

* * *

Замысел, мука ли, милость,
Только завещано: длись!
Десять колен растворились,
Десять колен разошлись;

Кружит нелегкое время
По миру манну-метель,
Всюду развеяно семя
Страсти твоей, Исраэль!

Сколько нас бродит по свету,
Пасынков с искрой в сердцах?
Все мы внебрачные дети
В поисках Бога-отца;

В примесях крови мятутся
Мудрость, и память, и плен...
Заново где-то сойдутся
Вечных двенадцать колен!

АРГЕНТИНСКОЕ ТАНГО

Шаг вперед и резко — назад.
Стон. Метание!
Искры на расстоянье разят,
Страсти тайные

Призывая осуществить
Полднем, полночью!
Первый импульс — скорей уйти,
Вопль о помощи.

Поздно! Всюду сверканье стрел.
Дрожь и вежливость.
Улыбаясь, уже раздел.
Сердце — бешено

Закипает. От встречи рук
Стала каменной,
Через миг сменился испуг
Взрывом пламени!

Обнимает... Бежать, сейчас!
К окнам, к лестнице,
Чтоб не видеть и не встречать —
Годы, месяцы...

Губы — вместе и сразу врозь:
— Демон!
— Ангел мой!
...Закружилось и понеслось
Аргентинское танго!

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА-ТРАВЕЛОГА «ЗВЕЗДА ОБЕТОВАННАЯ»

* * *

Вдоль извивающейся, как лента, ныряющей вверх-вниз двухполоски по обе стороны пошла колючая проволока. Местность стала безжизненной, немного похожей на печально знакомые пейзажи Иудейской пустыни.

— Что это означает? — с тревогой спросила я.

— Там, — Шломо показал рукой, — граница с Иорданией. Видишь желтые треугольники? Местность заминирована. По ту сторону — блиндажи. А если вдруг начнется перестрелка, и ты будешь проезжать здесь одна...

— Надеюсь, такого не случится! — саркастично заметила я.

— Мало ли... Предупрежден — значит вооружен. Короче, если слышишь выстрелы, бросаешь машину и ползешь вон за те бетонные блоки. И там лежишь, пока не приезжают наши ребята.

— Это что, шутка что ли? — недоверчиво посмотрела я на полковника. Но он и не думал шутить.

— Все вполне серьезно! Смотри, вот въезд в Хамат Гадер, — Шломо притормозил машину. — Справа проволока и слева. А между ними — разрыв!

— Я правильно понимаю, что.., — осторожно начала я.

— Правильно! На самом деле, Хамат Гадер расположен на иорданской территории, но между государствами существуют некоторые договоренности, которые позволяют нам, израильтянам, хорошо проводить тут время! Когда-то тут неподалеку проходила железная дорога на Дамаск... А вообще, название местечка происходит от имени некогда богатого города эллинизма — Гадера. Хамат Гадер был его пригородом.

Мы въехали на территорию Хамат Гадера через аллею пальм. По обочине дороги зеленели кусты с цветами. После голых склонов Голан местность показалась настоящим оазисом.

— Конечно, купальника у тебя с собой нет, — утвердительно сообщил Шломо, — но это не беда. Мы его тут в магазинчике купим.

— Мы действительно собираемся купаться? — вскинула я брови.

— А то! Римляне, чай, не дураки были — такое место нашли. Тут замечательные термальные воды. Всю усталость — рукой снимает, вот увидишь. Но сначала прогуляемся по территории, я покажу тебе кое-что интересное.

Мы прошлись по парковой зоне. Оказалось, тут же был и маленький зоопарк, театр попугаев и даже бассейн с крокодилами разных мастей. Несмотря на понедельник, кругом было полно туристов и отдыхающих.

— Это еще что! — сказал Шломо. — Ты бы видела, что тут в сезон происходит! А на римских развалинах пофотографировать хочешь? — спросил Шломо.

— Конечно! — обрадовалась я. — Только они же огорожены, и вон табличка висит: вход воспрещен!

— Для кого запрещен, а для кого — и нет! — подмигнул мне полковник. Судя по всему, он был настоящий экстремал.

Оглядевшись, Шломо подвел меня к довольно неприметному кусту, за которым висел замок ограды. Пара ловких движений — и замок оказался открытым. Вот это да!

— Вот так я всегда и наручники расстегивал! — хвастливо сказал полковник. — Пролезай! Только быстро! И смотри под ноги, можно с большой высоты на камни навернуться.

— Нас не арестуют?

— Волков бояться — лесу не видать! — рассмеялся Шломо.

Мы быстро пошли вперед по полуразрушенной стене римской купальни. Внизу, в заросших травой каменных нишах местами все еще стояла вода. Я сделала несколько снимков.

— Римляне очень любили это место! Заложили тут термы во втором веке нашей эры воины Десятого легиона. Эти купальни, между прочим, считались одними из красивейших в империи, — сказал Шломо, опускаясь на теплые камни за высокой аркой, вдалеке от любопытных глаз, и раскуривая очередную сигару. — А вон там был когда-то театр для римских воинов. В зале искусств проходили знаменитые оргии... На раскопках нашли прекрасно сохранившиеся мозаики, они сейчас в Иерусалиме. Вообще-то, кроме римлян тут еще турки строили. Вот и мечеть сохранилась.

— А вода тут действительно целебная?

— Вера в нее была некогда так велика, что раненые воины лежали у воды по нескольку суток, в надежде, что у них руки и ноги заново отрастут. Здесь любые ранки и цара-

пины на глазах заживают, на себе проверял! Римляне ночами тут разрешали купаться прокаженным. Говорят, через неделю они излечивались. В воде не только сероводород — минералов много. Говорят, для омоложения души и тела тоже хорошо. Но ты у меня и так — юная нимфа, тебе это не нужно.

— Ой, вот только этого не надо! — разозлилась я. — Ты знаешь, сколько мне лет?

— Двадцать пять, — уверенно ответил Шломо и немного поправился под моим скептическим взглядом. — Ну, от силы двадцать семь...

— Тридцать три! Ты разочарован?

— Вовсе нет! Мне гораздо больше! — рассмеялся он.

Мы прошлись по остаткам римских построек и выбрались обратно к людям. К счастью, наши похождения остались для охраны незамеченными.

— А сейчас — купаться! — провозгласил Шломо. — Марш за купальником — и в воду. Я тебя буду у бассейна ждать.

Когда я, уже переодевшись, подошла к бассейну, Шломо сидел в воде по самый подбородок. Над мутной водой, широко улыбаясь, колыхалась только его мокрая голова с закрутившимися кудряшками и хитрющими черными глазами.

— Ты не представляешь, какой кайф! — сообщил он мне — Залезай! Почувствуй себя древним римлянином, точнее — римлянкой!

— А вода горячая? — спросила я, осторожно потрогав ее мизинцем.

— Вода замечательная, в этом бассейне — 42 градуса. А в дальнем — все 52 будет. Настоящая сковородка! Нам повезло: сейчас лучшее время, чтобы отдыхать здесь. Уже через пару месяцев будет слишком жарко. Не понимаю тех, кто в сорокоградусную жару еще тут в воду лезет!

— Наверно, я плохо выгляжу в этом купальнике.., — я очень комплексовала по поводу дурацкой зеленой тряпки стоимостью в десять долларов.

— Ты — красавица! — совершенно серьезно ответил Шломо.

— Да перестань...

Я бочком влезла в бассейн и встала под массажную струю. На самом деле, дышалось легко, и вода не показалась такой уж горячей. Ко мне тут же подплыл улыбающийся, напоминающий всем своим видом проказливого мальчишку, Шломо. Меньше всего в этот момент он был похож на действующего полковника одной из самых боеспособных армий в мире.

— А это что еще у тебя такое? — на шее Шломо я увидела массивную золотую цепь с хитрым плетением.

— Талисман, — нехотя сказал он и нырнул в воду с головой.

— Но это же... дурной тон! — не выдержала я, дождавшись его всплытия. — Так ходили в России бандиты в начале девяностых.

Шломо ничего мне не ответил, только посмотрел на меня внимательно и немного насмешливо, и отплыл в сторону.

Я еще немного побултыхалась в горячей воде и вылезла на сушу. Забралась в шезлонг, растянулась на полотенце. Прохладно, свежо. Красота!

Следом из бассейна вылез полковник. Не сказав ни слова, он куда-то ушел и вернулся с бутылкой ледяного белого вина.

— Выпей немного! — сказал он, наливая вино в бокал. — После горячей воды будет хорошо. Это мое любимое вино Голанских высот. Хотя, конечно, главным израильским виноделом всех времен считается барон Ротшильд. Когда-то на его средства была куплена земля в Палестине, организованы поселения, в которых начали культивировать виноградные лозы. Очень многие вина теперь существуют благодаря барону...

С плеча Шломо соскользнуло полотенце. Я к своему ужасу увидела на его плече татуировку. С кем же я все-таки имею дело? — в очередной раз испугалась я, припомнив его странный пассаж про наручники.

Полковник поймал мой взгляд и прикрыл плечо полотенцем.

— Это тоже с тех времен, не обращай внимания. Дурак был.

— Что значит — с тех времен? — робко спросила я. — Я ведь ничего о тебе не знаю, кроме того, что мне Милка рассказала, — боевой полковник ЦАХАЛа, герой. Женат к тому же, отец взрослой дочери... И вижу я тебя всего второй раз в жизни!

— Это не страшно. А о тех временах я тебе как-нибудь попозже расскажу. Долгий непростой разговор. Вот ты мне о себе тоже ничего еще не рассказала...

— А что рассказывать? — вздохнула я и нацепила привычную московскую улыбку, больше похожую на гримасу. — Ничего особенного. Точнее, все очень здорово! Работаю фэшн-фотографом в глянцевых журналах, живу в Москве, купила квартиру в кредит... Занимаюсь модой, снимаю на престижных показах, в дорогих бутиках. Армани снимала, Валентино, когда они в Москву приезжали. В общем, мечта!

— Ты замужем? Дети есть?

— Нет, — смутилась я.

— А почему? — огорошил меня вопросом Шломо.

— А не хочу! — решительно сказала я и допила залпом вино. Полковник незаметно подлил мне еще.

— Не ври! — сказал он. — И не выделывайся!

— А я и не вру.., — попыталась я встать в позу и вдруг начала всхлипывать.

— Да что ты? — обнял меня слегка струхнувший полковник. — Ну, перестань.

— У меня все замечательно! — пыталась вырваться и сквозь слезы что-то доказать ему я. — Лучше всех!

Шломо гладил меня по голове и бормотал что-то ласковое. Я понемногу успокаивалась, вытирая лицо его футболкой.

— Ну вот, другое дело! — сказал он, когда я наконец подняла на него глаза. — Не надо тут ничего из себя строить, девочка. Я тебя насквозь вижу. Что у тебя там не в порядке? Рассказывай...

Незаметно для себя я все рассказала Шломо про моих предыдущих горе-кавалеров и предателей-любовников. Насколько я устала от этих самодовольных нарциссов и метросексуальных импотентов, которые вечно ищут для себя сапог потеплее. Про то, как задолбало меня снимать тупых моделей для тупых журналов, которые множат глянцевые сказки для уродливых идиоток, мечтающих походить на Пэрис Хилтон. Про подруг, любая из которых готова сдать и подставить при первом удобном случае, не говоря уж — перспективного мужика увести. О том, как я окончательно запуталась в том, что делать дальше со своей жизнью, никакие психологи не помогают...

Полковник внимательно слушал и курил. Я попросила у него сигару и мгновенно закашлялась от горьковатого дыма.

— Успокойся! — твердо сказал Шломо. — Теперь ты под защитой. Ты не зря сюда приехала. Знаешь, на святой земле иногда у людей прояснения в мозгах происходят, перевороты на сто восемьдесят градусов. Только надо быть к ним готовой, поняла меня? И ничего не бояться.

— Угу, — кивнула я, еще всхлипывая. — Прости, что я на тебя все это вывалила. Я не хотела. Не знаю, что со мной такое.

— Все в порядке. Никаких больше слез! Я их терпеть не могу, особенно — не по делу. Пошли купаться! Вода все смоет.

Шломо решительно скинул полотенце. Оказалось, татуировок на его загорелом теле было несколько. Я последовала за ним.

— В той стороне — водопад и фонтанчики! — весело крикнул мне полковник. — Окунись и плыви сюда.

Я поплыла навстречу Шломо. В отгороженной от основного бассейна круглой купальне снизу били довольно мощные струйки. Я попыталась встать на один из фонтанчиков, но не удержалась, и меня резко откинуло в сторону горячим потоком воды. Я окунулась в воду с головой и неожиданно снова оказалась в крепких объятиях Шломо. Уже ничего не стесняясь, он прижал меня к себе и поцеловал в шею. На этот раз я не сопротивлялась и уткнулась носом к нему в мокрое плечо, прямо в татуировку.

— Эй, ребята, только не тут! — помахал нам, оскалившись, охранник.

Полковник нехотя выпустил меня. Мы долго вопросительно смотрели друг на друга. Похоже, Шломо, как и я, не очень понимал, что происходит, но держался немного уверенней.

— Смотри, вон наши вояки! — через несколько секунд нашелся он и показал на площадку перед бассейном. Туда пришли несколько пацанов в плавках и с автоматами через плечо. — Наверно, с ближайшей базы, отдохнуть вырвались.

— Ты знаешь, а я ведь тоже побывала на курсе молодого бойца! — с гордостью сказала я.

— Как тебе это удалось? — изумился полковник.

Я рассказала в двух словах. Шломо хохотал так, что едва тоже не нахлебался сероводородной водички.

— А ты ведь такая же безбашенная, как и я! — наконец сказал он, вытирая слезы с глаз. — Не думал, что у нас такое возможно! Я скажу знакомым офицерам с Маханей Шмоним, чтобы они серьезно занялись внутренней дисциплиной! Это ни в какие ворота не лезет!

— Только не выдавай нас! — испугалась я.

— Я еще в жизни никого не выдавал! — подмигнул Шломо.

Между тем мальчишки побросали оружие около бассейна и полезли в воду, завозились рядом с нами в воде, как щенки. Шломо нахмурился и по-военному громко и отрывисто что-то им сказал на иврите. Парни, как ошпаренные, выскочили из воды и схватились за автоматы.

— То-то же, — вздохнул Шломо. — Понаберут детей...

После купания мы пошли в местный ресторанчик. Полковник заказал мне здоровенную рыбу-мушт, которая на тарелке выглядела устрашающе из-за своих колючек.

— Я не буду это есть! — сказала я.

— А я тебе почищу!

Полковник моментально разделался с этим чудищем. На удивление, у страшной рыбы оказалось удивительно нежное, вкусное мясо. Шломо ударил по говядине. Вдруг его лицо исказилось, и он тихо ойкнул, схватившись за щеку.

— Что такое? — насторожилась я.

— Оставлю тебя на минутку! — сказал полковник и удалился из ресторана.

Когда он вернулся после недолгого отсутствия, он все еще держался за щеку. Увидев мой обеспокоенный взгляд, Шломо вдруг рассмеялся.

— Все в порядке, не волнуйся. Просто челюсть выпала. Точнее — ее часть.

— Ты шутишь? — я начала смеяться так, что люди за соседними столиками стали удивленно оглядываться.

— Никак нет! — продолжая смеяться, выдавил из себя он. — Просто у меня своих зубов нет. Все при ранении вышибло. Хожу с мостами уже два года. Вот, один отвалился... От избытка чувств, наверно! Вот такой я пылкий любовник!

Я давно так не смеялась. А главное, меня поразила реакция полковника, который практически не смутился и гоготал задиристо вместе со мной.

— Ты был ранен? — просмеявшись, спросила я.

— Да, и не один раз.

— А зубы-то где выбило?

— Тут, неподалеку. Была одна операция, спасали наших заложников, — неожиданно став совершенно серьезным, сказал Шломо. — Пришлось принимать все решения на месте, ждать приказов от политиков было некогда. Никто не хотел брать ответственность на себя. Ребят удалось вытащить. А в мой бронетранспортер прямой наводкой стрельнул один гад... Я видел его через прорезь, но уже ничего нельзя было сделать.

— Сильно ранило? — осторожно спросила я, догадываясь теперь, откуда шрам — через все лицо.

— Лицо снесло почти целиком. Бровь болталась где-то на уровне рта, щеки оторвало. Но ничего, видишь, все пришили. Стал, как новенький. У нас чудесная медицина, а ты говоришь — зубы...

— А что с заложниками?

— Каждый год получаю подарки в день их освобождения. А от военного руководства был серьезный выговор.

Обратно мы ехали молча. Уже стемнело. Я была под таким впечатлением от рассказа Шломо, что даже ничего утешительного сказать не могла. Он после разговора о ранении тоже стал печальным и задумчивым.

— Слушай, — сказала я наконец. — Отсюда до Тель-Авива далеко пилить, наверно. Ты посади меня на автобус, а сам поезжай домой. Тебя там ждут, наверно. Ты и так со мной сегодня весь день провозился.

— Всего неделю здесь, а уже говоришь, как настоящая израильтянка! — усмехнулся Шломо. — Жители Хайфы годами не бывают в Иерусалиме, поскольку им, видите ли, ехать далеко! Скажи лучше, это был хороший день?

— Очень! — искренне сказала я.

— Вот и замечательно. Ни в какой Тель-Авив ты у меня не поедешь. Я поселю тебя в хорошую гостиницу в Хайфе, на горе Кармель, переночуешь, а дальше — будет видно.

— Но в Тель-Авиве остались мои вещи.., — робко сказала я. — Ничего важного, но...

— А вещи я попрошу кого-нибудь забрать с оказией. А возможно, я сам завтра там буду, у нас в штабе совещание намечено.

Тон Шломо не подразумевал дискуссий. Я снова притихла.

Разместив меня в номере небольшого отеля в Хайфе, высоко на горе, полковник задержался в дверях.

— Ну, я поехал.

— Домой?

— Ага, - кивнул он и нахмурился. — Ну, пока...

— Шломо! — остановила его я. — Почему ты приехал ко мне сегодня? Только правду скажи!

— Потому, что хотел тебя снова увидеть. И еще... ты извини, я посмотрел твои фото на карте в камере. Там была не только свадьба, видимо, еще съемка предыдущего дня...

— Ах, ты.., — попыталась разозлиться я.

— Мне просто хотелось узнать о тебе больше. К тому же, прости, я должен был убедиться, что ты не из разведки. Иначе у меня были бы серьезные проблемы.

— Ну и ну! — только и выдавила из себя я.

— И знаешь, мне очень понравилось, как ты снимаешь. На твоих портретах — удивительные лица. Ты занимаешься своим делом! Я думаю, нормальные люди это оценят. Не всю жизнь тебе моделек снимать!

— Спасибо, — не нашлась, что ответить я. Злость как рукой сняло.

— Тогда, до завтра. Приеду, как смогу. Позвоню предварительно.

— Хорошо!

— И за подругу не волнуйся. Все решим. У меня уже есть план...

Шломо быстро поцеловал меня в щеку и ушел. Я упала на кровать в полном шоке от всего, что так стремительно происходило со мной в последнюю неделю.

* * *

В шесть утра меня разбудил требовательный стук в дверь. Я проснулась и испугалась, не понимая, где я и что случилось.

— Эй, Карина, открывай! К тебе свежие цветы приехали! — задорно раздалось из-за двери.

Я вскочила, как ужаленная. Глянула в зеркало. Без косметики, после вчерашнего длинного дня, в футболке... Видок еще тот!

— Подожди! — крикнула я и заметалась по номеру, натыкаясь на мебель. Господи, куда подевалась проклятая расческа? Никто никогда не видел меня с утра в таком ужасном виде. Оставаясь на ночь с любовниками, я всегда ставила будильник, чтобы проснуться первой и успеть навести марафет.

— Ты что там, снова уснула?

— Ладно, заходи! — решилась наконец я, опасаясь, что веселый полковник разбудит всю гостиницу. — Только закрой глаза. Я в душ.

Кое-как в ванной я привела себя в порядок, умылась холодной водой и окончательно проснулась.

— Так нечестно! — возмущенно сказала я, выскальзывая из ванной в длинном полотенце, чтобы заняться поисками одежды.

Но Шломо и не думал подглядывать. Он меня даже не слышал, просто стоял на балконе и курил. Впервые я увидела его в военной форме. Обычная форма, как у тех лейтенантов, с которыми я общалась на базе для девочек. Никаких знаков отличий. На голове — кепка с длинным козырьком.

У меня на кровати лежал букет свежесрезанных роз. Я быстро оделась и поставила в вазочку цветы.

— Очень красиво, спасибо! — сказала я, выходя на балкон. — Только уж очень неожиданно! Ты чего это в такой ранний час?

— Могу сегодня на базу чуть позже приехать, — сказал полковник. — Хотел увидеть тебя и встретить с тобой рассвет. Ты готова, наконец? Сколько можно собираться? Едем скорее!

— Куда? — озадаченно спросила я.

— В центр города. Прогуляемся немного. Выпьем утренний кофе... Видишь, я в форме. Обычно нам вне службы нельзя так ходить, но я отсюда сразу в штаб округа еду.

Мы спустились на машине с холма, на котором стоял отель. Спуск был долгим и живописным. Мы остановились полюбоваться видами на смотровой площадке. Утренний холодок бодрил.

— Когда-то тут были дивные виноградники! — сказал Шломо.

Полковник скинул с себя военную куртку и набросил на меня. Прямо перед нами вставало солнце. На сверкающей поверхности моря и силуэтах кораблей играли разноцветные блики.

— Перед нами — порт Хайфы, крупнейший порт в Израиле. А вон там, в стороне, торговый центр. Он был разрушен попаданием снаряда в 2006 году, а теперь снова восстановлен.

— А что, снаряды даже сюда долетали?

— Еще как! Поэтому цены на недвижимость на севере после второй ливанской войны резко упали. А в районе Тель-Авива — наоборот, выросли.

— А Хайфа — тоже библейский город? — спросила я.

— Нет. В Торе и Новом Завете Хайфа не упоминается. Когда-то на месте города находились две деревни — деревня Салмона и рыбацкий поселок Шикмона. В период арабского владычества Хайфа, как называли эти два поселения, разрослась, увеличилось и еврейское население. Хотя действительно мощно Хайфа начала развиваться только в середине прошлого века, постепенно превратившись в один из крупнейших городов Израиля.

— А там что за красота? — спросила я, показав рукой на аккуратно постриженные, лесенкой спускающиеся вниз газоны.

— Это сады бахаи, одно из красивейших мест в Израиле. Всего восемнадцать террас! Обязательно приди сюда прогуляться днем, зайди в храм ради интереса. Его купол из всех мест города видно. Вообще в Хайфе расположены 25 храмов различных конфессий: монастырь и храм кармелитов Стелла Марис, храм и пещера Ильи Пророка. Даже есть особый квартал Кабабир, где живут последователи мусульманской секты Ахмеда. Но храм бахаи — все равно особенный. Его не зря называют восьмым чудом света.

К стыду своему я понятия не имела о том, кто такие бахаи и что у них за особенный храм в Хайфе.

— Расскажи! — попросила я.

— Если кратко, это универсальная и самая молодая религия, довольно агрессивная, — сказал Шломо. — Она объединяет в себе основные принципы всех мировых религий. Бахаи считают, что будущее в мире — за единой религией. Возможно, они правы. И еще, в них во всем мире закачивают очень много денег.

У меня в памяти затеплились смутные ассоциации. Примерно полгода назад Краснодольский вернулся из Индии и взахлеб рассказывал про храм всех религий в Дели, он был в форме лотоса.

— А в Индии храм бахаи есть?

— Да, есть. Там очень необычный дизайн — в форме цветка. Говорят, сегодня храмы бахаи есть уже на каждом континенте. Все производят серьезное впечатление!

— Тогда я поняла, о чем речь! Я слышала об этих последователях единой религии! — обрадовалась я тому, что не оказалась полной серостью, каковой я тут себя в последние дни неоднократно ощущала. — Шломо, прости... А ты сам — еврей? И какой веры придерживаешься?

— По матери я еврей, она была польская еврейка, после всех переселений и мытарств в Питере оказалась, Штерн — как раз фамилия ее родового древа, — кивнул Шломо. — Мой отец, ты удивишься, испанец, музыкант, приезжал в Россию в составе одной культурной делегации. Моя мать тогда работала в консерватории. У них случился роман бурный, но короткий, увы. Времена такие были. Потом она рассказывала, он был дирижером одного знаменитого оркестра в Мадриде. Мы виделись с ним всего несколько раз, незадолго до его смерти. Так что я — гремучая смесь!

— То-то я смотрю, ты свои мысли выражаешь не как военный! У тебя прекрасный русский язык! — воскликнула я. — Я еще думаю, с чего бы это?

— Еще бы, моя бабушка в ленинградском университете столько лет преподавала!

— Как интересно! А музыкой ты тоже занимался?

— Конечно. Окончил музыкальную школу, едва в консерваторию не поступил, мать об этом мечтала. Так что теоретически могу сыграть даже на балалайке!

— Ничего себе, военный! Такое вообще бывает? — поразилась я. — Скажи, а тебя всегда... Шломо звали?

Полковник взял длинную паузу, глядя вперед, в сторону моря.

— Нет. Когда-то меня звали Александром, — наконец, сказал он. — И фамилия была тоже другая.

— А как ты стал Шломо Штерном? Когда сюда приехал?

— Да, многие репатрианты меняют имена на еврейские, которые соответствуют Галахе, — сказал полковник. — Светы становятся Эстер, Леши и Левы тут частенько — Ари, Михаилы превращаются в Михаэлей, а Даши — в Юдифь. Имена заменяют по-разному: кто-то переводит, кто-то меняет на близкое по звучанию. Выбрать есть из чего: только в Торе упомянуто несколько тысяч имен! А ведь есть еще имена из идиш — Голде, Фриде...

— Надо же, как неожиданно все, что ты говоришь! А мое имя какой-то аналог имеет?

— Здесь тебя бы звали Карен, — кивнул полковник.

— А правда, что есть такое имя — Сруль?

— Есть, есть, — усмехнулся Шломо. — И герой местных комиксов есть такой знаменитый — Срулик. И даже имя Пися есть. И не считается крамольным!

— Пися? — ухмыльнулась я.

— Да, это уменьшительное от Пинхас. У меня парень служит, Пися Прицкер. Так его в России в школе так задразнили, что он жизнь самоубийством пытался покончить. А тут — все нормально, Пинхас, библейское имя, звучит гордо! А я вот стал Шломо. Одновременно — и о царе Соломоне напоминает, и о мире, и о воинском шлеме, я же тут сразу в армию пошел.

Мне хотелось подробней расспросить Шломо о его прошлой жизни, но я не стала, заметив, что эти воспоминания явно не радовали его.

— А ты считаешь себя иудеем? Я видела, на свадьбе твоей дочери ты был в кипе, как все.

— Я живу в Израиле и в самом прямом смысле проливал кровь за эту страну, — совершенно серьезно сказал Шломо. — Я уважаю ее традиции и законы. Но я считаю себя свободным современным человеком. И с уважением отношусь к другим религиям. Но ни на чем не зацикливаюсь, не соблюдаю тупо ритуалы. В идеях бахаи есть что-то правильное, как мне кажется... Но едем дальше!

Мы выехали на прямую и довольно широкую по местным масштабам улочку.

— Мы в интересном месте! Улица Бен Гурион, — широко развел руки полковник. Одна из центральных улиц. Тут есть кафе, которые работают с раннего утра. Выпьем по чашечке кофе? Кстати, посмотри, прямо в центре Хайфы араб совершает намаз. Разве было бы возможным для еврея помолиться, например, в центре Сектора Газы? Его бы убили через тридцать секунд! А у нас — демократия...

Кроме нас, в кафе никого не было. Полковник заказал себе термоядерной крепости эспрессо кацар, а я взяла привычный американо.

— Город Хайфа интересен тем, что тут всегда проживали люди разных национальностей. Например, сорок процентов земли в городе и сейчас принадлежит арабским семьям. А этот район был основан выходцами из Германии, назывался «Мошават Германит» — Немецкая Колония.

— Почти, как Немецкая Слобода в Москве. Там при Петре Первом тоже немцы поселились.

— Выходцев из Германии называли здесь темплерами...

— Тамплиерами? — глубокомысленно переспросила я, наблюдая, как в кафе зашли два туриста, говорящих по-английски, очевидно, отец и сын. Они были увешаны фотоаппаратами и видеокамерами и что-то обсуждали взволнованно.

— Да нет, тамплиеры — это легендарные рыцари храма, — рассмеялся Шломо. — А темплеры — переселенцы из Германии в Хайфу. Можешь себе такое представить, с приходом к власти Гитлера в 1933 году, они активно поддержали НСДАП, даже основали в Хайфе отделение партии и переименовали эту улицу в Гитлерштрассе!

— Не может такого быть! Нацисты — в Израиле?! Бред какой-то. И что было дальше?

— Когда началась вторая мировая война, контролировавшие город англичане собрали темплеров и вывезли их от греха подальше в Австралию. А вот, кстати, обрати внимание на тех двоих, в углу. Вы случайно не из Австралии? — обратился к ним по-английски Шломо.

Мужики вздрогнули от неожиданности. Потом разулыбались. Я в очередной раз удивилась непосредственности и общительности полковника.

— Да, — смущенно кивнул один из них. — А как вы догадались?

— Разговор случайно услышал, — доверительно сообщил Шломо. — Впервые в Хайфе?

— Я — нет! — сказал тот, который постарше. — Уже в третий раз приезжаю посмотреть на дом, в котором вырос мой отец. Это тот самый дом! А теперь вот привез сына показать ему родные места... У меня сохранились фотографии от отца. В соседнем доме жил его друг, тут почти все, как было тогда! — мужик начал совать нам старые пожелтевшие фото. — Только дома перестроили немного. И пооткрывали тут кафе на первых этажах.

— Все ясно, — кивнул Шломо. — Удачи вам! Побродите по окрестным улочкам, тут много, чего с тех времен осталось...

Туристы радостно закивали и помахали нам на прощание рукой. Мы вышли из кафе.

— Довольно частая история, — прокомментировал полковник. — Потомки тех темплеров приезжают сюда и льют слезы на местах, где жили предки-нацисты.

— Хорошо, что эта страшная страница истории уже в прошлом...

— Ничего подобного! Ты будешь, наверно, удивлена, но и сейчас в Израиле есть те, кто называет себя нацистами-антисемитами и неофашистами.

— Да ты что? Как такое возможно?

— Проблема в том, что в Израиль в последние десятилетия разными путями приехало много народу, которые не являются даже евреями по крови — не то, что по вере. Они не хотят знакомиться с культурой и религией Израиля, язык даже иногда не учат. Вот и возникают разные перекосы. То свастики на стенах рисуют, то антисемитские лозунги пишут. Среди этих экстремистов, кстати, полно выходцев из бывшего СССР. Они даже умудряются нацизм тут пропагандировать. Ортодоксов бьют. Недавно молодые ублюдки, называющие себя сатанистами-нацистами, публично сожгли флаг Израиля. Еще один выходец из России, проживая здесь, создал антисемитский сайт, отрицающий Холокост. Но верх абсурда — осквернения синагог! В Петах-Тикве в одной синагоге на ковре краской нарисовали свастику, изрисовали нацистскими лозунгами колонны и скамейки, хорошо, хоть до свитков Торы не добрались. Раньше такое тут и вообразить нельзя было!

— Это безумный мир! Неофашисты в Израиле, являющиеся его гражданами — страшный сон!— воскликнула я. — Как ты думаешь, эта дикость когда-то закончится?

— Как это ни печально, я думаю, надо готовиться к худшему, — сказал Шломо. — Есть у меня подозрение, что такие проявления будут усиливаться. Если государство нормальных мер в ответ не предпримет. А тут уже политика — отношения с алией и все такое... Но если ситуацию упустить — проблемы могут быть гораздо более серьезные!

В этот момент у Шломо зазвонил мобильный.

— Кэн. Беседер.... Лех к ебене матери! — услышала я и, отвернувшись, прыснула от смеха.

— Мне пора на базу! — невесело сказал Шломо, отключив мобильник.

— А я правильно расслышала...

— К ебене матери? — засмеялся Шломо. — Правильно! Это ненормативное выражение прочно перекочевало в иврит. Тут тоже так посылают. В дословном переводе означает — очень далеко. Многие израильтяне на полном серьезе рассказывают, что это выражение пришло к нам из арабского!

— Нарочно не придумаешь! — расхохоталась я.

— Точно. Но мне, правда, пора. Если смогу, приеду к тебе вечером, поужинаем вместе. Да, кстати. Я купил для тебя телефонную карточку, чтобы мы были на связи. Через Москву тебе слишком дорого звонить!

— Спасибо.., — растерялась я. Никто еще никогда так ненавязчиво не заботился обо мне. И тут же испугалась, заподозрив Шломо вновь не в самых лучших намерениях.

— Там записан мой номер. В случае чего — звони без стеснений!

— Ладно...

— Отвезти тебя в отель? Отоспаться? Подъем-то ранним был! Ты, сдается, непривычная к таким побудкам! — подмигнул полковник.

— Нет, я лучше погуляю по городу, раз уж такая возможность выпала, — вздохнув, ответила я.

— Тогда пока!

Полковник целомудренно чмокнул меня в щеку, прыгнул в военную машину и умчался. Я медленно пошла вдоль улицы Бен Гурион в направлении садов бахаи. Интересное выдалось утро! У меня возникло предчувствие, что с этим веселым полковником у меня будет еще много приключений.

ИГОРЬ ЛУКШТ (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэт, скульптор. Родился в 1950 году в городе Баку Азербайджанской ССР, закончил сначала Московский авиационный институт (факультет ракетных двигателей), позже Московское высшее художественно-промышленное училище им. С. Г. Строганова (мастерская скульптуры). Сейчас скульптор, член Московского и Российского союзов художников. Помимо творческой деятельности в скульптуре, преподает рисунок в Строгановке и школе-студии МХАТ, доцент. Публикует стихи на сайтах «Поэзия.ру», «Стихи.ру», «Рифма.ру», «Литконкурс.ру». Отдельные стихи опубликованы в журнале «Октябрь» №12 за 2006 г., сборнике стихотворений «Серебро слова» (издательство «Свеча», Новосибирск, 2007), журнале «Лауреат» (издательство «Новый Современник») №1, №4 за 2008 г., поэтических сборниках: «Загадки души» (Библиотека современной поэзии, Москва, 2009), «Самое время» (Москва, издательский центр Вентана-Граф, 2009), «Серебряный стрелец. Поэзия–2009» и других. Лауреат международных конкурсов: «Поэзия 2006», «Вся королевская рать» (2006, 2007), «Серебро слова–2006», «Серебряный стрелец–2009». Финалист Волошинского международного конкурса (2005, 2006, 2008).

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« **Татьяна Литвинова** (http://www.stihi.ru/board/list.html?start=6&rec_text=2004/05/25-585):… В поэтическом видении Игоря присутствует тот самый «хищный глазомер», о котором говорил Мандельштам. И это не удивительно, поскольку Игорь Лукшт — профессиональный скульптор.

Мир, оказывающийся в фокусе его поэтической оптики, насыщенно живописен, детализирован, объемен. Мир «цветных свобод», мир пластических свобод. В нем ощутим «звездный след благословенной глины», причем глины не только материальной, но и символической — той, из которой в разнообразных мифах была создана жизнь. »

« **А. Б-Л.** ((http://www.stihi.ru/avtor/burdjuk):…Как притягивает настоящее, замечательное, выдержанное русское слово… Многообразное, непредсказуемое, выверенное и рельефное. Словник Игоря Лукшта отлит… нет, сформирован (сформован!) и обожжен из фарфора высшей пробы, тонкого, прочного, звонкого, узорчатого и могущего быть чем угодно — птицей, деревом, на котором сидит эта птица, землей, на которой растет это дерево, водой дождя, которую эта земля впитала… Через этот язык с некоторым усилием прокладываешь себе путь и все думаешь, что вот-вот споткнешься, но не спотыкаешься, он расступается, как плотный, но послушный умелому путнику лес.

Но какие растения попадаются в этом лесу… Хочется собирать гербарий и засушивать веточки этой экзотики в фолиантах классиков. Впрочем, экзотика этих исконно русских слов только в плотности их употребления, в чудовищной концентрации поэтического слога, в упругой вязке этих слов в крепчайший орнамент…

…Про технические средства — это тоже важно, особенно когда они присутствуют в таком ассортименте — нужно сказать несколько слов. Стихи изобилуют аллитерациями, ассонансами, часто их сочетанием. Замечательные, не избитые, свежие рифмы, безупречные грамматические конструкции, безошибочный синтаксис и орфография… Замечательная строфика автора, редко встречающаяся где-либо еще, разве в теоретических изысках Брюсова и других работах вековой давности… Уверяю вас, не много вы найдете такой строфики в современном стихосложении, если найдете вообще, а чтобы и все остальное в стихах было на высоком художественном и техническом уровне — это будут единичные экземпляры. Теперь самое главное в стихах. Строки, откровения, вспышки — моменты, данные свыше. Пока есть эта простота горних высей, есть поэзия. Все остальное требуется для разбега, это как торжественная атрибутика, как ритуальное помещение, в котором можно эти слова сказать. Смотрите…

«Мальчишка палкой лупит пузыри,
Они плывут и спинками качают».

Поищите у автора другие моменты такого же порядка, найдтте — получите удовольствие, нет, снижаю, — духовный экстаз! Можно говорить о своеобразной фонетике, о редком расхождении текста с ожиданием превосходного звучания… А вы пока подумайте, коллеги, о балансе воли и поэтических средств, озарении и иллюминации, а также о том, какие причудливые мысли вызывает эта духовная отрасль физического мира — искусство.

Страница автора на сайте «Поэзия.ру»:
http://www.poezia.ru/user.php?uname=Napkur
E-mail: igor_lucsht@rambler.ru

ТАМБОВСКИЙ ЧАСОСЛОВ

В сонливости легчайших облаков,
в оцепененье перистого стада,
пастух ярился в белых небесах,
трещал кузнечик — шалый вертопрах —
в подсохших травах брошенного сада,
и я листал тамбовский часослов,
где август длился жарок и багров.
Сквозь дым зеленоватой кисеи,
высокий осокорь — в сгущенье соков,
с изрезанной морщинами корой —
мерцал дремотно узкою листвой
и простирал громады сучьев к стеклам.
В окно мое сто-листые ручьи
стекали водопадом с веток и

в жасминовую кипень ли, сирень
пронизанного солнцем палисада...
Там шел ребенок. В розовый загар
легко окрасил горний медовар
его плечо и лоб, осколки радуг
цвели в глазах и голубела тень
под нежным подбородком — в знойный день,
как тонкую и хрупкую скудель,
несла котенка дочь, откинув локон.
Дыхание над крохотным зверьем
и бережные пальчики ее
мир делали не столь уж кособоким,
не столь больным войной...
Под птичью трель
полудня чуть скрипела карусель:

В виолончельных жалобах пчелы
на сквозняке покачивалась шляпа,
в луче, светло целующем стекло,
крыло соломки блеклое цвело
узором золотистых крупных крапин,
и свет, сходя на старые полы,
их срез седой являл из полумглы.

Тот древний деревянный манускрипт
с причудливою строфикой прожилин
хозяев добрым словом поминал,
фамильный их храня инициал...
Как трудно, но достойно жизнь прожили
в любви — сквозь беды, голод, недосып...
В тиши полдневной скрип... и скрип... и скрип...

КВАДРОКРЫЛЫЙ

Руки не затворю
и перьев не сгребу в горсти,
голуба крылая, свисти себе, свисти
и прочь под куполы лесов
легчайшим сном, треща крылом,
лети!
Литым кронштейном ногу перекинув
вокруг колонны другой ноги
и глыбу торса в контрапункте
сдвинув,
и подперев
шарнирным механизмом локтевым,
стою себе структурой
в лесопарке
среди хвощей
стволов и незабудок,
притянутый к поверхности земной
в сто тысяч жил земного притяженья.
Стою себе и думаю:
А что ли
и нам вослед за птахой этой шустрой?
Но гравитации закон? —
Пренебрегу.
Ножовочных полотен изведу —
не перечесть.
Я изгрызу связующие нити с землицею
и в кузне золотой
из матюгов, фанеры, шестеренок
построю квадрокрылый махолет,
и устремлюся, хлопая крылами.
Теперь мы вместе в гордом поднебесье
парим!
Ты, капля крови в пуховом мешочке,
сверкаешь искрой голубой,
и я своим мотором сотрясаю — о, Дедал!
«Трик-трак, трик-трак», — воздушный тракт.
Но если вдруг, что может стать,

на фюзеляж ты мой фанерный
опустишь вольные крыла —
руки не затворю
и перьев не сомну в горсти.
Пичуга синекрылая,
лети!

ВЕЧЕР

Усталое солнце в осоке намокло,
Белесые шлейфы текут по низинам.
На выжженных спинах холмов кособоких
Березы в волокнах тумана поблекли,
В слоистых сединах.

Становится к ночи безликой холстиной
Узорная ткань золотой поволоки.
Погасли поля, холодны и пустынны,
Наволгли тенями оврагов морщины,
Речные протоки.

Там робкие ивы в молочные космы
Доверчиво ветви свои опускают.
Безгласые рыбы в неведомый космос
Глазами хрустальными смотрят серьезно,
Волну разгребая.

Вдали разливается синька густая,
В ней скоро моргнут и затеплятся звезды.
Стада прошагали, крестцами вихляя,
Молочные торбы свои окуная
В вечерние росы.

Кричит и волнуется птичий народец,
К ночлегу готовясь в темнеющих кронах.
Заброшенных пугал недвижны уродцы,
И сонные ведра роняют в колодцы
Железные звоны.

В бревенчатых избах уклад церемонный
Под солнцем удач, под луною невзгодиц:
Детишки, да скот, да стаканчик граненый —
Размеренной жизни жужжат веретена,
Лампады горят у икон богородиц.

МОЛЕНИЕ НАД ГЛИНЯНЫМ КОМОМ

Травины пыльные, обломок валуна...
Сквозь толщу стен в подвальные глубины
Нисходит свет из старого окна,
Где ветра вздох, где ворох воробьиный...

Мерцает в каплях серебра скульптурной глины
Зеленый ком, чья плоть окроплена

Шнуром зеркальным плещущей струи.
Здесь в магме родовой, первоначальной
Сокрыты все творения мои —
Рожденные и будущие чада —
Отзвучия любовей и печалей,
Отчаяний и помыслов рои.

Под коркой глины слышу шелест крыл,
Смятенье юных губ и плеск ладоней,
И старости ворчливые хоры...
Здесь смерти необузданные кони
Сквозь льды и хаос древних космогоний
Летят в пещерах глиняной горы.

Я рассекаю грубой бороздой
Горбы и глади глиняного поля,
Тревожа Небо медленной мольбой:
«Пребудь со мной, в дни радости и боли,
В часы трудов — в обычае ль, в крамоле —
Отец Небесный, Свете тихий мой»...

НАТУРЩИЦА

в лучах софитов белою свечой
как дар Творца
горит горит вседневный ангел мой
натур-щица
поводит алебастровым плечом
и краснотца
от теплых струй чуть розовит под завитком
овал лица

по хохолку стекает ливень — золотой
как хохлома
на маковках груди о бог ты мой
светов волшба
и перламутр сосков ее лепных
вина хмельней
когда колдуют в глубях голубых
крыла теней

о дуралей пред плотью трепетать
извечна страсть
скорби душа моя с Кем споришь ты опять
что за напасть
с забвеньем ли веков глухим где все уснет
в конце концов
Творца ль гневишь в садах срывая терпкий плод
его трудов

текучей глины бег и стеки борозду
не торопи
под кровлей мастерской ту тонкую черту
не преступи,
где зыблется бедро округлой белизной
не для слепца
в луче кружит мой ангел золотой
натур-щица.

МОЛЛЮСК

Моллюск — корпускула печали.
В прохладных сумерках глубин
Случаен тихий взлет спирали
С узором каменных морщин.

Морских ветров и волн боренья,
Чудовищ океанских пир,
Шторма и льдов переселенья —
Щадят его негромкий мир.

Под морок рыб в стекле зеленом
В садах с качаемой травой,
Дед океан слезой соленой
Орнамент точит роговой.

Гудит в ракушечной купели
Пространство, взятое в полон —
Там в перламутровых туннелях
Седое шарканье времен.

Известка лет, как циркуль генный,
Виток выводит по кривой:
Моллюск — корпускула Вселенной,
Ее галактик точный строй.

Дитя зари, рукою нежной
Прими рапан ороговевший,
Его мелодии внемли.
Дремучей скорлупе не спится,
В ней утро брезжит, и дымится
Начало мира и земли.

СТИХИЯ — ВОЗДУХ

(Татьяне Чебровой)

В небесах, в небесах наши сны. В дни трудов их гони
иль брани —
Веера маховых парусят в восходящих потоках.
Холодеет душа, приближаясь к обители Бога...
Белой чашей крыла бирюзы ледяной зачерпни,

Здесь и ныне — цеди синь небес, слушай шорох и свист,
вверх ли, вниз...
В этих струях текучих, в заливах из зыби озонной,
В этих реках воздушных, послушных веленьям циклонов,
Снеговые челны провожай в бесконечный круиз.

Сквозь молочный туман в полыньи загляни — там земли
зелен лик,
Вечерами стога теребят свою древнюю жвачку,
Нежногруды леса и двулики листы мать-и-мачех,
Луноглазо сверкают в речных камышах голавли.

В небесах, в облаках над дымами больших городов
гул ветров,
Над полями, где пахарь встает к борозде до рассвета,
Надо рвами сражений, где носит безумная Грета
Окровавленный меч, над горбами рыдающих вдов.

Принимая и слезы, и боль, и печаль — в высоту,
в чистоту
Все стремится душа, все тоскует небесная птица
По воздушным потокам — там солнце дрожит и змеится —
Ей, крылатой, в пределах прокрустовых невмоготу.

Вот и тянутся сквозь облака, сквозь века — на холмах,
в городах
Эти храмы — земные? небесные? — строгие башни...
Пусть склоняются дни над строкою, над камнем, над пашней,
Но любовь и мечты — как полет — к небесам, в небесах.

ОЛЬГА МОИСЕЕВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса. Живет в Москве. В 2007–2008 годах являлась членом Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч». Член Союза писателей-переводчиков с 2009 года. Автор 13 поэтических сборников в соавторстве и авторской книги стихов «Шестое чувство» (Харьков, 2008). Член Открытого Литературного Клуба «Отклик».

Страница автора на сайте «Стихи.ру»:
http://www.stihi.ru/avtor/zingara
E-mail: omois@yandex.ru

СИДИ И СЛУШАЙ!

Сияет солнце
За облаками
Как тяжело
Ты сегодня дышишь.
Закрой глаза,
Подопри руками
Лицо
И слушай,
И ты услышишь:
Как ветерок
Пробежал по струнам
Души натянутых
Паутинок.
Как еле слышно
Играет Шуман
На клавесине
Сухих тростинок.
Как мир вращается,
По спирали
Все повторяется
Снова,
Где-то
Так удивительно,
Но едва ли
Ты сам осознанно
Слышал это...
Так мир поэты
Нам воспевают
Замри и слушай,
Как над землею
Лениво облако
Проплывает.
Как извивается
Плющ змеею.
Как одуванчики
Отцветают
Парашютируя
Выше крыши
Как крылья бабочки
Расправляют...
Сиди и слушай...
И ты услышишь.

* * *

Кто мы — люди?
А может, звери?
Сердце — камень...
Или свинец?
Скольких ставили на колени,
Чтоб терновый надеть венец,
И плетьми по дороге били,
Насмехаясь над просьбой:
— Пить!
Руки,
Ноги
К кресту гвоздили...
Только душу
Не пригвоздить.
Не подмять под себя...
Бесплотна,
Хоть и создана из любви.
Словно птица,
Она — свободна,
Не поймаешь,
Как ни лови.
Не заманишь...
Быть может, статься,
Что приручишь ее к себе,
Только время придет
Расстаться:
Прогулять,
Потерять в борьбе.
А пока
Прибывая в вере,
Что далеко тот грозный час

Что ж мы скалимся,
Словно звери,
Будто вечность
Травили нас.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ АФРОДИТЫ

Я умру
И стану вновь волною
(Вздорною
И кроткою такой,
Изумрудной,
Может голубою),
Выходить на берег за тобой.
Ну а ты —
Живи себе без горя...
Пой, мой друг!
Еще повремени!
И живой,
Целебной силой моря
Продлевай назначенные дни.
А когда тебе
Чуть-чуть взгрустнется
Или может
Древняя печаль
Незаметно
К сердцу подберется,
Вспомни моря
Ласковую даль.
Приходи на берег
Непременно,
В воду изумрудную
Войди,
На волнах
Покачиваясь мерно
Ты меня по голосу найди.
И ладонь
Окажется в ладони,
И к груди опять
Приникнет грудь.
Я тебе в бескрайнем
Этом море,
Слышишь,
Не позволю утонуть.
Поддержу
И с ног сниму усталость,
И опять
Спокойствие вдохну...
Это ведь такая,
Знаешь, малость —
Ждать тебя
Всю жизнь
на берегу.

РЕАЛЬНОСТЬ
(по эскизам С. Дали)

Когда-то
Словно девочка ПикАссо
На шаре танцевала я земном.
Теперь,
Когда крылатого Пегаса
Обычным окрестили скакуном
И приучили к нашей атмосфере —
Жить только в притяжении Земли.
Я чувствую себя,
По крайней мере,
Натурщицей безумного Дали.
Довольно эксцентричною особой
(И дело даже вовсе не в стихах,
Хотя для них и нужен стиль особый)
Я все еще летаю в облаках.
Растягиваю время,
Как резину
Развешиваю,
Чтобы подсушить
И складываю,
Как белье в корзину —
Мне некуда
И незачем спешить...
Ведь здесь же
На песке пасутся кони
Чудные
Длинноногие вдали.
Все это только выдумка — не боле,
Но чья
Творца?
Моя?
Или Дали?..

Не объяснить исток
Сюрреализма
Наш мозг другие создает миры —
Причудливые,
С духом романтизма,
Под стать воображению игры.
Но вместе с тем,
Они и есть Реальность,

Как сон, мечту,
Ее мы строим сами...
Она всего лишь разума зеркальность,
А вовсе не предмет перед глазами!

Равны друг другу
Так твердолобы
И своенравны,
Но стоит скинуть
С себя одежды —
Равны друг другу,
Друг другу равны,
Не замечаем
Различий внешних.
Душа при встрече
Узнает душу
И ей навстречу
Скользнет отважно.
И то, что кто-то
Был раньше лучше
Мгновенно станет
Совсем не важно.
Ведь вместе к небу
Летим ликуя
И по земле
Как скитальцы бродим...
По обе стороны
Поцелуя
Простое счастье
Свое находим...
Пусть твердолобы
И своенравны.
Мы уникальны,
Сильны и все же
Равны друг другу,
Друг другу равны,
Живем друг другом
И дышим тоже.

ЖЕНЩИНА ДЕРЖИТ ИГОЛКУ

С малых ногтей,
Втихомолку
Пока еще
Зоркость есть
Женщина —
Держит иголку
И вышивает крест.
Неторопливо,
С толком
Стежок
Норовит к стежку...
А хочется выть —
Волком...
А хочется
По снежку,
Бежать
За водой талой,
Иль с горки
Скатиться вниз.
Но ей ли
Больной,
Усталой
Жаловаться
На жизнь.
Смахнет слезу
Потихоньку
(До боли
Знакомый жест)
И снова
Возьмет иголку,
Чтоб вышить
Последний
Крест.

ВСТРЕЧА

(Посвящается ветеранам Великой Отечественной войны)

Так много чувства вложено,
Себя ль переупрямить?!.
Который день встревожена
Известиями память.
Который день растравлена,
В душе давно уснувшими
Затянутыми ранами,
Событьями минувшими.
Не письмами и драмами,
Всю душу всколыхнувшими
Почти киноэранными
Сюжетами скользнувшими
По льду застывшей памяти,
По сердцу острым лезвием...
О, будь же трижды памятен!
День встречи
с уцелевшими...

ВЯЧЕСЛАВ МОРГАЧЕВ (ШЛЕЙФ) (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэт. Живет в Москве. Искусствовед, закончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской Академии Художеств в Санкт-Петербурге. Основная деятельность: охрана культурного наследия, музееведение. Творческая деятельность: поэзия, публицистика, литературное редактирование, фотография, подсобка в живописи. Основные поэтические печатные издания (персональные сборники): «Блики» (изд-во «Информ-Знание», М., 1999), «Шлейфы» (изд-во «Утро-Morning», М., 2000), «Рось» (изд-во «Утро-Morning», М., 2000). Работает в Российском комитете Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест ЮНЕСКО.

E-mail: seva1@front.ru

ТРЕХГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Лист,
как рыжий котенок,
закружился у ног.
Чист,
ажурен и тонок
голых веток венок.

Снег
ложится узором
на трехглавом орле.
Смех
прощальным укором
затихает во мгле.

Туч
гирлянда, как четки
на соборной игле.
Луч
пробился, и четки
стали грани в стекле.

Шпиль
хрустально изломан,
зазеркалья ключи.
Стиль —
ни плесенный гомон,
цвет и слово случи.

NOCTURNE

затихает аромат в передней,
ты ушла по Млечному Пути,
черный кот в углу из лунных бредней
рассыпает лапой конфетти,

доурчит, о чем не доиграла,
краски перепутав и слова,
укрывали тайну под забрала
мы, потери горечь не нова,

в тишине на звездном сеновале
прорастет забвения трава,
зря листы для нот налиновали,
арбитрио ария права,

озорства ноктюрну нет возврата,
исчезает легкий след во мгле,
непереносимая утрата,
тает взгляд прощальный на стекле,

станет вербный аромат передней
сны тревожить верно без вреда
одинокого шута в норе, дней
бесконечна бледных череда,

буду ждать на призрачном перроне,
возвратись по Млечному Пути,
снова в ослепительной короне
Рассыпая звуков конфетти.

ВЗГЛЯД НЕБЕС

вечер закружил шальные листья,
взгляд слепит небесного пруда,
ты — палитра Ра, без краски кисть я...
осень... стынет прошлого руда...

тихо опустели переулки,
старый пес лежит на мостовой,
отдаю ему остатки булки...
окон блики, лик иконный твой,

опадают плавно листья вишни,
луч холодный рдеет на стекле,
чист прощальный взгляд, слова излишни,
легкий след теряется во мгле...

ветру не пройти пути сначала,
том стихов судьбы почти закрыт,
листья Ра шуршат, ты промолчала,
брошен пес у треснувших корыт,

я — на полке высохший гербарий,
ты — в росе зеленая трава,
ноты прервались осенних арий,
юность бесконечная права,

лихо откружили жизни листья...
твой портрет... влечет к отлету даль,
пустошь... опущу сухую кисть я...
взгляд небес... зовешь меня туда ль?

осень... золотой любви начало...
листопад шута души открыт,
краски допоют — о чем молчала
перед грудой брошенных корыт.

ЛИНА

тихий шелест кринолина,
сном по сну крадется Лина,
дигитальных перепонок,
крыльев шелк прозрачно тонок,

статна поступь горностая,
слов легла покорно стая,
закружился рунный шарф,
рвутся струны тронных арф,

блик астральный турмалина,
неземного штурма Лина,
собираю лоскуты
яра, скрыла ласку ты,

звезд слились в окне бутоны,
ускользают к небу стоны,
ароматом опален,
пал надломленный паслен,

луноветренной гулены
сникли веерные клены,
вьются шлейфы алых мук,
жжет огонь холодных рук,

взлет бесцельный цеппелина,
Ра скрепила цепи Лина,
убегу из гущи гун
к берегам алы лагун,

разлился нектар отравы,
зазеркалья вянут травы,
миг — итог несносных нег,
лег на звуки черный снег,

опрокинуты озера
озорного фантазера,
зла актриса кундалини,
вечность сна — секунда Лине.

ЛУННЫЙ ВЕТЕР

расти, забвения трава,
роса с утра, дар Ра, права,
днем блещут звезды из колодца,
в тор от утрат не отколоться,

колышет ветер коноплю,
под вечер черви накоплю,
паук ползет по циферблату
в обратный путь к але по блату,

давящей массой валуна
восходит полная Луна,
в душе разрушенной державой
лучами жжет по ране ржавой,

Ра волк-отшельник одинок,
строка — утраченный клинок,
к недостижимой недотроге
мчусь ночью в пропасть на отроге

вражды, жиреющий каплун,
не жди слияния двух лун,
ноктюрн сыграл на шалой флейте,
в разбитый чан укоры влейте,

стих волчьих стай под утро вой,
стих пахнет скошенной травой,
душа, голодная волчица,
к Луне за слогом волочится,

в тумане утреннем луга,
опально преданный слуга,
зря, Ра младенец, рот разину,
обрывки нот летят в корзину,

шутом оплачен плен сполна,
ты океан, а я волна,
полустихи... полупоэта...
полулюбовь... полураздета...

душа полуденной Луны,
унылы в луже валуны,
застыли в небе слов кометы,
метафорические сметы.

ЛЮДМИЛА НЕКРАСОВСКАЯ (УКРАИНА, ДНЕПРОПЕТРОВСК)

Родилась в городе Бендеры Молдавской ССР. Закончила музыкальную и художественную школы, с отличием закончила Днепропетровский горный институт, получив два диплома: инженера по автоматике и телемеханике и корреспондента и литературного работника. Награждена Почетным знаком ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу». Работала в НИИ автоматизации черной металлургии, где прошла путь от инженера до старшего научного сотрудника, имеет 18 печатных научных работ. Член МСПС — Международного сообщества писательских союзов (Москва), член правления Конгресса литераторов Украины (Киев), Почетный деятель еврейского Совета Украины (Киев), член Всеукраинского национального культурно-просветительного общества «Русское собрание» (Киев), член Межрегионального союза писателей Украины (Луганск), член правления, руководитель секции поэзии Регионального союза писателей Приднепровья (Днепропетровск). Член редакционного совета литературной газеты «Отражение», международного альманаха «Провинция», международного альманаха «Ковчег». Лауреат литературной премии имени Михаила Матусовского (2006), трижды лауреат литературной премии имени Леонида Вышеславского (2004, 2005, 2006), лауреат 19-ти международных и всеукраинских поэтических фестивалей и конкурсов 2004–2007 годов, лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2008). Более 40 стихотворений Людмилы Некрасовской положено на музыку Ассоциацией композиторов Украины. В 2009 году за вклад в развитие культуры поэтесса награждена медалью «За заслуги перед Днепропетровском». Публиковалась в альманахах и журналах Украины, России, Израиля, США. Автор 8 книг стихов и 18 поэтических сборников в соавторстве.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

«СПОСОБ ПОНИМАТЬ ДРУГ ДРУГА»

«Счастье — это когда тебя понимают», — так сказал герой хорошего фильма, и с ним трудно не согласиться. «Понять друг друга и простить — вот в чем надежда, поскольку «быть или не быть» — страшит, как прежде». Понимание к нам приходит с трудом, да и не всегда. Хорошо, если рядом есть тот, кто может помочь, посоветовать, объяснить. А если нет? Тогда на помощь может прийти искусство, литература, поэзия. Причем, не всякая, а истинная, в которой общность вопросов предполагает индивидуальность ответов, в которой боль рождает исцеление.

Такова поэзия Людмилы Некрасовской, одного из лучших поэтов современной Украины. И то, что она пишет на русском языке, нисколько не мешает этому определению. Ибо в ее стихах — пульс жизни нашего общества. «Писать стихи? Да, это горький труд: Кричащей болью стих по сердцу вышит. Не знаю: может, так сейчас не пишут, Но с каждым днем все чаще так живут».

Может ли быть хороший поэт плохим человеком? Увы, да. Это только гений и злодейство несовместимы, хотя сомнение и эту фразу гложет… А поэты, даже талантливые, порой проявляют все те негативные качества, которых перестали стыдиться в последние годы. Некрасовская — не такая. И в стихах, и в жизни — она порядочна и бескомпромиссна, справедлива и требовательна к себе и к окружающим. Она задает тон в общении, и это тон высокого искусства.

«Нам приводили сто примеров, что бунт — отнюдь не ремесло, но заражали светлой верой и в справедливость, и в добро, чтоб мы делами и слезами отмыли землю добела, звоня рожденными стихами в небесные колокола».

В поэзии Людмилы Некрасовской удивительным образом соединены гражданственность и тонкий лиризм, музыкальность и умение говорить правду просто и искренне. Ее талант заметен, и потому она - лауреат множества конкурсов и фестивалей, участник, практически, всех поэтических акций, которые проводились в стране в последнее время.

Ее понимают и принимают и коллеги, и читатели. В этом, наверное, счастье и признание мастерства. Но она об этом не задумывается. Она просто пишет и живет, одаривая своим талантом окружающих. О Некрасовской можно много писать, но это — задача литературоведов. Я мо-

гу только порадоваться за читателя, который открыл ее книгу, потому что в ней — хорошие стихи, умные, красивые, необходимые для души, как лекарства для организма. В ней — попытка понять время и людей и поделиться этим пониманием.

Простреленные пустотой,
Стихов антибиотик глушим,
И рифм целительный настой
Легко врачует наши души.
И не постичь, не объяснить,
И все опять идет по кругу,
В котором стих — как право жить
И способ понимать друг друга.

Неплохой, прямо скажем, способ. А стихи — просто замечательные.

Владимир Спектор,
член исполкома Международного Сообщества писательских Союзов и Международного литфонда, председатель правления Межрегионального Союза писателей Украины, сопредседатель Конгресса Литераторов Украины, лауреат литературной премии имени Николая Тихонова.

Страница автора на сайте «Поэзия.ру»: www.poezia.ru/user.php?uname=Nekrasovskaya
E-mail: nekrasovskaya@optima.com.ua

СТАРЫЙ НОЙ

«Вот и день отгорел. Видишь, Боже, измученный Ной
В утомленном ковчеге упавшие звезды качает.
И слезится душа. И над горькой, постылой волной
Кроме Ноя, молитвой никто Тебе не докучает.
Позабыть бы о днях, когда рос этот мрачный ковчег,
О соседях, друзьях и родне, ребятишках и прочем.
Я доподлинно знал, что уже обречен человек,
Но без воли Твоей разве мог я хоть чем-то помочь им?
А когда напирала, с высот низвергаясь, вода,
И в отчаянье люди бежали под прорванным небом,
Я за них не молил, малодушно боялся тогда
На себе ощутить отголоски великого гнева.
Помнишь, юную мать заливало холодной водой,
А она мне тянула бутон верещавших пеленок
И молила: «Спаси! Помоги ему! Смилуйся, Ной!
Ведь ни в чем не виновен родившийся этот ребенок!»
Я до смерти своей этим криком, как грязью, облит.
И устала душа принимать эту горечь без меры.
Потому-то, наверное, старое сердце болит,
Что придавлена совесть моей стопудовою верой.
Что мне делать, Господь? Я давно потерял аппетит
И смотреть не могу на сынов помрачневшие лица».
«Успокойся, старик. Видишь: голубь назад не летит.
Значит, будет весна. И Земля для любви возродится».

ИОСИФ

Неужели они? И, похоже, меня не узнали.
Робко жмутся в дверях и мешки разложили у стен.
Долог лет караван. С той поры, как меня продавали,
Постарели они. Да и я изменился совсем.
Как тогда я вопил, пробудить в них, отчаявшись, братство!
Как я был одинок! Сколько боли с тех пор превозмог!
Но страшила не смерть, а чужбина, предательство, рабство.
Хорошо, что в пути постоянно поддерживал Бог!
Как надменность тогда искажала родимые лица!
Но увиденный сон оказался реальным вполне.
Фараона слуге норовят до земли поклониться,
Чтоб от голода спас. А поклон их достанется мне.
Зло нельзя наказать, раскрывая при этом объятья.
Мне давно ни любовь, ни погибель семьи не нужна.
Но, какие ни есть, а они — мои кровные братья!
Это выше, чем месть. Эй! Насыпьте пришедшим зерна!

РАЗГОВОР С БОЖЬЕЙ МАТЕРЬЮ

О любви я ее спросила,
Но ответила Божья мать:
«Я ведь, дитятко, не любила.
Мне не ведомо, что сказать.
Я законно иль незаконно,
Но мечтала любовь познать,
А не ликом святым иконным
Мир от мерзости заслонять.
Я хотела на этом свете
(Как представлю — бросает в дрожь),
Чтобы сын, как и должно детям,
На любимого был похож.
И моя нелегка судьбина.
Уж не знаю, поймешь ли ты:
Проступили в лице у сына
Не знакомые мне черты.
И все ходят и ходят люди,
Плачут, молятся предо мной.
Но сама, как о высшем чуде,
Я прошу о любви земной».

Ты заметил, что я перестала писать о любви?
Ты заметил, что я перестала писать о любви?
Не ищу, не звоню, избегаю любых пересудов,
Но мечтаю ночами и робко прошу: «Позови!»,
А под утро себе обещаю, что все позабуду.
Мне б уехать туда, где царит нескончаемый день,
Чтоб не видеть, не слышать, не знать, не желать и не верить,
Чтоб ушло ощущенье, что я — это зыбкая тень,

От тебя отсеченная ветром захлопнутой дверью,
Чтоб душа обнажилась, как дно пересохшей реки,
Той, в которую мы безрассудно, по-детски ныряли,
Чтоб себя отыскать малой точкой последней строки.
Только б эту строку о любви иногда повторяли.

НАБЕРУ В ВЕДРО ПЕРЕЗВОН ДОЖДЯ

Наберу в ведро перезвон дождя,
Вскипячу грозой молодой июнь,
Заварю траву и, тебя щадя,
Не вложу в питье горьковатый вьюн,
Поднесу тебе дорогой бальзам,
Чашу редкостной пряной сладости.
Убедишься сам: в наслажденье нам
Зацвели вокруг травы радости.
Ты таких цветов прежде не встречал,
Чтоб взошли они — счастье надобно.
Позвони друзьям, пригласи на чай,
И поделимся нашим снадобьем.

ПРИЛЕТЕЛА ПТИЦА ПОД ОКОШКО

Прилетела птица под окошко,
Предсказала горькую дорожку:
В разнотравье праздничного мая
У тебя зазнобушка другая.
Милый мой соколик ясноглазый,
Я не верю птичьему рассказу,
Видимо, вестунья (эка жалость!)
Вдоволь зимних ягод наклевалась.
Помнишь, как ты нежен был и страстен,
Как пообещал, что встретим счастье
И, не дожидаясь урожая,
Свадьбу развеселую сыграем?
Разве не цвести сирени белой?
Отчего же птица грустно пела?
Пела слезно, будто отпевала,
Чтобы о тебе я забывала.

ТО КОНЬЯК, ТО БАЛЬЗАМ ПОДЛИВАЮ СЕБЕ ПОНЕМНОЖКУ

То коньяк, то бальзам подливаю себе понемножку,
Потускневшее фото в альбоме опять тереблю,
О пузатый кофейник озябшие грею ладошки,
Но к чему прислонить бы промерзшую душу мою?
За окошком октябрь философствует, словно Гораций,
Отзвеневшим дождем об ушедшем июне скорбя,
Под горчащую взвесь угасающих реверберацией
Во Вселенной души, где давно не хватает тебя.

СРЕДЬ ХОЛОДОВ ЗИМЫ

Средь холодов зимы внезапен твой звонок,
Рождающий во мне недоуменье,
Ведь айсберг чувств былых он растопить не смог,
Хотя грозил глобальным потепленьем.
К чему теперь оно? За долгие года
Я научилась жить под черным небом,
Мне дорог черный снег и черная вода,
И весь мой мир, где так давно ты не был.
А он промерз насквозь. Здесь ни слова, ни сны
Не принесут тепла воспоминаний.
Когда б ты понимал, как больно от весны
На широте несбывшихся желаний...

Я — ЗЕРКАЛО. Я ВОЗВРАЩАЮ СВЕТ

Я — зеркало. Я возвращаю свет,
А вместе с ним улыбки и кривлянья.
Смешно смотреть на то, как с резвых лет
Вы силитесь привлечь мое вниманье
И чаще отражаться. Вы горды
Своею красотой и юным веком,
И верою в бессмертье человека,
И в то, что можно с зеркалом на ты.
Потом вы реже ищете во мне
Себя. И начинает мне казаться,
Что вы уже устали отражаться,
Охотнее стоите в стороне.
Вы стали шаркать мимо и бочком.
Я покажу, кто вы на самом деле.
Ну, что, мой ненаглядный, поглядели?
Ну, где же вы? Мне душно под платком...

БЕСКОНЕЧНАЯ ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Бесконечная лестница в небо все выше и выше.
Кто идет впереди, те не видят меня. И не слышат
Отстающие все, будто я одинока на свете.
Лишь ступени, ступени, ступени и стонущий ветер.
Мне нельзя на пути оступиться и остановиться,
Потому, что у всех, кто догонит, суровые лица.
И, быть может, осудят меня не конкретно, а в общем,
Да того и гляди, не заметят и просто затопчут.
А у тех, кто рванулся вперед, ощущаю насмешку.
Я за ними спешу неустанно, стараясь не мешкать,
Но для них навсегда остаюсь только младшей сестрою.
Никогда не узнать им, чего я воистину стою.
Крепко зубы сцепив, поднимаюсь, не ведая лени.
Что меня ожидает? Ступени, ступени, ступени...

ТЫ И ВПРАВДУ МАЛЫШ?

Ты и вправду Малыш? Извини: я ответ не расслышал.
Я сейчас прожужжу по-над самым твоим потолком,
А потом полетим прогуляться по вымокшим крышам
И по лунной тропе, что протоптана летним дождем.
Ты заглянешь в дома и увидишь, как выглядят люди.
Это очень смешно. И неважно, что ты еще мал.
Мама с папой поймут и тебя никогда не осудят.
Не поверит лишь тот, кто всю жизнь ни о чем не мечтал.
Мы собаку найдем самой лучшей на свете породы.
Будем с нею втроем мы по лужам бродить до утра.
Только знаешь, Малыш, ничего нет прекрасней свободы
Ощущать высоту. Но домой возвращаться пора.
Я еще прилечу. Никуда друг от друга не деться.
Подсади на окно. Да на кнопку не сильно дави.
Одиночество я или Карлсон, что родом из детства?
Я — не найденный друг, а, быть может, начало любви.
Что ж ты, милый, ревешь? Говоришь, у тебя день рожденья?
Ну, держи. Я дарю. Мне для друга нисколько не жаль
Этот сказочный мир, как огромную банку варенья,
Пригуби и почувствуй, как горечью пахнет миндаль.

ГУСТО КРОВЬЮ ПРОПИТАНО ВРЕМЯ

Густо кровью пропитано время на сивой реке,
Резкий воздух насыщен горчинкой шальных изотопов.
Потому-то страну невозможно постичь вдалеке,
Попивая шартрез в ресторанчиках старой Европы.
А прикрою глаза, и взволнует: из центра земли
С диким храпом и гиканьем где-то на киевском склоне
Мне навстречу летят, подминая собой ковыли,
Под чубатыми хлопцами серые сильные кони.
И сжимается в точку планеты воинственный шар,
Постигается Русью свободы великая школа:
Печенегов набеги, разгульные пляски хазар,
И пропахшие лошадью дикие души монголов.
Приоткрою глаза — двадцать первый стремительный век.
Снова кровь и усобицы рвут эту землю на части.
Изменилась эпоха, но не изменен человек,
И затравленно мечется в поисках денег и власти.
А Европа торенный торопится путь указать.
Но напрасны надежды, что Русь можно взять на поруки.
Видно, каменным бабам вовек на курганах стоять
И в молитвах за землю по-скифски заламывать руки.

ГЕТМАН

Литва, Россия, Польша, хан Гирей —
И земли Украины в вечном плаче.
Соседям не по нраву дух казачий,
Который извести хотят скорей.
Но этой ночью, гетман, твой черед,
Ведь не сложней, чем на Сечи, рубиться,
Понять: лишь православная столица
От поруганья веру сбережет.
И невозможно прекратить борьбу,
Когда душа корежится от боли.
А не отнимет ли Россия воли
За право разделить ее судьбу?
Устала от сомнений голова,
Раздумывая, как сберечь свободу,
Чем стать полезным русскому народу,
Пока в руке резвится булава.
Ворочается гетман и не спит,
Прислушивается к дыханью сына.
А за окном притихла Украина,
И время, цепью звякая, дрожит...

ВИДНО, СКОРО ОСЕНЬ

Видно, скоро осень: разлетелись дети,
Постарел внезапно онемевший дом.
Все теперь иначе выглядит на свете:
Предстоит ребятам жить своим умом.
А гнездовье комнат синей грустью дышит,
Стала бесконечной ожиданья нить.
Может быть, приедут? Может быть, напишут?
Может, не забудут завтра позвонить?
Листопад вопросов закружился лихо,
Но о стены гулко бьется тишина.
И молчат подолгу аист с аистихой,
Часто на дорогу глядя из окна.

НАТАЛЬЯ НИКИФОРОВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса, прозаик, художница. Родилась и живет в Москве. Закончила Московский институт тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова. Член Союза писателей России. Ответственный секретарь Союза поэтов интернета. Секретарь Правления Русского Литературного Клуба. Лауреат литературной премии им. А. П. Чехова. Кавалер памятной медали им. А. П. Чехова. Член Общероссийской общественной организации «Журналисты России». Член Открытого Литературного Клуба «Отклик». В Украине присвоено звание «Живое перо». Автор книги стихов «Пылинки снов». Публикации: журнал «Няня», сборник стихов «Стихи.ру» (2009), литературно-художественный альманах «Карат», сборник современной литературы «Новая волна», молодежная правовая газета МВД России «Опасный возраст», № 6 2007 г., № 5, №9 2008 г., детский журнал «Картинки в паутинке», альманах «Московский Парнас», № 5 2009 г. и другие. Также публикует свои произведения в интернете на сайтах «Стихи.ру», «Проза.ру», «Литконкурс.ру» и других. Выставки акварелей Натальи Никифоровой «Япония рядом» (акварель и хокку), «Бабочки» проходили в Москве и других городах России. В вестибюле дома по месту жительства Натальи располагается постоянно действующая экспозиция акварелей. Ведет поэтическую гостиную на Старом Арбате в «Дулин Хаусе». Является постоянной участницей гостиной Сергея Сокольского в Булгаковском доме. Читает свои стихи в музыкально-поэтических гостиных Москвы и Московской области. Украинский композитор и бард Чот Валентин Александрович написал и исполнил песни на стихи Натальи Никифоровой «Бокал вина», «Ночь раскинулась километрами», «Париж передо мной», а московский композитор Амаяк Морян — на стихи «В тот миг, когда упали небеса», «Просто я вошла в твои глаза», «Мотылек».

Страница автора на сайте «Стихи.ру»:
http://stihi.ru/avtor/terpelivaja
E-mail: biatris7@gmail.com

СКРИПКА В ПРЕДЧУВСТВИИ ЗВУКА

Скрипка в предчувствии звука,
струной возрожденного,
слушала,
как осыпается трон тишины.
Слушала,
постепенно вникая в частности
не произнесенного и не услышанного,
как обломки мечты сокрушаются
о потерянной целостности,
о невыполнимости, о высоте.
Скрипка, она без смычка
бессловесна.
Ей прикосновенья нужны.

ПЕРСПЕКТИВЫ БАБОЧКИ И СИГАРЕТЫ

Какая перспектива у сигареты,
которая тлеет в пепельнице мраморной с двумя моржами?
Или у бабочки, на иголку наколотой
и лежащей в гербарии, засунутом между стеллажами?
Пожалуй, нисколько не лучше,
чем перспектива попасть в источник у воды,

что вчера была пролита на бумагу со множеством многоточий.
Но пески Сахары иногда быстро перемещаются по поверхности.
И даже на очень большие расстояния.
Случится зима.
Когда под вечер все деревья вдруг сбросят свои одеяния.
Ретроспектива — это командная активность
пересмотра ближайшего отрезка времени работы.
На ретроспективу ни для бабочки,
ни для сигареты не выданы квоты.
А пески, обретя вдруг подвижность, летучесть,
просто однажды становятся тучей и улетают на одинокий остров.
За собой оставляя пустыни голый остов.
От сигареты останется только пепел,
да еще, наверное, дым, от которого першит в горле.
Красотой бабочки восхищаются,
даже после того, как она стала мертвой.
Вот с песками сложнее, пролетая сквозь красное солнце,
они становятся намного сильнее,
и постепенно они забывают пустыню,
становясь просто пляжем, который греет чью-то спину.

ПРИВКУС ЧУВСТВ ТВОИХ

Привкус чувств твоих, живущих во мне,
Чувствую. Горечь сглатывая, закрывая руками солнце,
Поворачиваясь на закат, ощущаю взгляд твой в оконце души моей,
заколоченной ставнями, и с дверями, молчаньем закрытыми. Стены стонами,
как плющом,
увиты. Дом души. Никого не впущу. О не выстраданном не грущу.
Ты один и хозяин, и гость. Опираясь на времени трость,
позволяешь жить небесам по законам,
что пишешь сам.

ПРОСТО, ЧТОБЫ КТО-ТО СНОВА БЫЛ РЯДОМ

Нервы вырастают кустами на кочках сухожилий, состоящих из наших переживаний.
Пролетая по небу, метеорит оставляет след, как поэт стихами на дороге своих исканий.
Даже грозовые тучи на закате становятся ярко-красными, будто наполняются кровью,
Вытекающей из сосудов мира. Если запястья порезать не вдоль, а поперек любовью.
Все, что случается, обычно зачем-то надо. Зачем? Понять очень трудно. Порой безрезультатно
Думать о недавно случившемся письме на закате. Или о взгляде, потерянном где-то там, на Арбате.
Осенью не набухают почки. Но зато родятся вот эти строчки. А я уже говорила, что ничего не бывает просто.
Просто так ни зачем. Не бывает. Чтоб совсем без причин. Обычно это зачем-то надо.
Хотя бы просто, чтобы кто-то снова был рядом.

ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

А вдруг мы просто отраженье чего-то большего извне?
Иль может бреда порожденье в больной усталой голове?
Мы в зеркале, а не снаружи, и повинуемся тому,
Что отражается. И служим, и подчиняемся ему?
А вдруг мы вовсе не свободны? И выбор дан совсем не нам.
Мы отражаемся. Мы дробны. Мы только часть. И служим снам?
Богам приснилось наважденье и отразилось на стекле,
И так возникло поколенье людей, живущих на Земле.
А мы о чем-то там мечтаем, пытаемся постигнуть смысл,
А сами просто отражаем неясный сон иль чью-то мысль.

ПОД МУЗЫКУ ШОПЕНА

Мне грустно! Очень, очень грустно!
Но я сама не знаю почему?
Попробую развлечь себя искусно,
Любимую мелодию включу!

Шопена скрипки тихо застрадали,
Волна любви по комнате прошла.
С души собрали капельки печали,
И растворили в музыке меня.

Меня не стало. Да, совсем не стало.
То, что осталось, то была не я.
И этот кто-то в кресло сел устало
И начал заново придумывать меня.

Из фа-диеза он придумал губы,
Такие сладкие, что и не снилось вам.
Кораллом соль-минора стали зубы,
Ведь эта гамма побелее оных гамм.

Нарисовал ключом скрипичным косы,
Такие длинные и дивной красоты.
И тут возникли у него вопросы:
Все то снаружи, что же там внутри?

И он решил наполнить эту душу
Сияньем звезд, волнением мечты,
Поняв меня, узнал, что я не струшу
Поговорить с судьбой порой на ты.

Взмывает ввысь под музыку Шопена
Вновь созданной меня высокая душа.
Судьба в обличье скрипача Шагала

Смычком души толкает в жизнь меня.

БАБОЧКИ В ЖИВОТЕ

Сердце сводит от боли, судорогой черно-белой.
В голове сплошные мозоли от мыслей ороговелых.

Руки ласкать привыкли, просят: «Пустите в нежность».
Зеркало молит: «Опомнись! Откуда такая небрежность?»

Мир наизнанку вывернут. Черное стало белым.
Я раскололась на части, а хочется снова стать целым.

Вьюга кровь мою выпила. В венах моих пустота.
Ночь сумрак на землю вылила. Исчезла вся красота.

Так происходит затмение, если поссорились мы,
Солнце, верни вдохновение. Скорее верни мечты.

Сердце взлетает и падает. Грохот и шум в голове.
Остановилось мгновение. Снова я не в себе.

Я не в себе, а где же я? В облаке или в луне?
Остановилось кружение. Застыла Земля в тишине.

Звезды одна за другою постель оставляют свою.
Дверь я тихо открою и на краю постою.

Сяду на краешек пропасти, что разделила нас.
Пусть успокоятся Ангелы. Огонь еще не погас.

Ноги свои в безвременье я опустила. Сижу.
Глазами, что смотрят нервами, на нас с тобою гляжу.

Падает, падает, падает снег, заполняя мир.
Где-то глазами красными жертву ищет вампир.

Чувства крылья расправили бабочками в животе.
Надо бы жить по правилам. Хватит бродить в темноте.

Несколько слов, и снова мы вместе с тобой на века.
Наше непонимание уносит ночная река.

Глаза снова счастьем полнятся. Руки переплелись.
И как я могла обмолвиться, что мы с тобой разошлись?

Крылья трепещут бабочек, желаньем наполнен живот.

Мир снова вывернут набело, и солнце скоро взойдет.

Я, КАК ЦЫПЛЕНОК, ВЫЛУПЛЯЮСЬ ИЗ НЕ КОЛЮЧЕЙ ЛИЛОВОЙ РОЗЫ

Я, как цыпленок, вылупляюсь из не колючей лиловой розы,
Глотаю первый раз воздух, пью вечерние росы.
Заворачиваю свое нежное раннее тело в облако зимней грозы.
И, конечно же, плачу. Пока еще неумело, тихо, но до последней слезы.

Я рождаюсь для новой жизни, с переходом из никуда в куда-то.
И с разбега прыгаю в это новое, и уже не вернусь обратно.
Я сдираю кусками старую надоевшую немного колючую кожу,
Как змея, оставляю ее на ступеньках рая, в прихожей.

От души отрываю близкое с кровью и болью,
Нити рву, заполняя пустоты меж вечностью и любовью.
Уходя, прихожу, закрывая закрытые двери.
И все же взлетаю, снова в себя поверив.

ВСПОМНИЛА ТУ, ЧТО НОЧАМИ ЛЕТАЛА

Едкие мысли, едкие чувства, мысли взаймы, взгляд напрокат.
Холод огня, порывы безумства. Падают буквы в словах наугад.
Небо застегнуто до подбородка. Петлями звезды искать нелегко.
Ветром у солнца простужена глотка. Черный зрачок, будто в дубе дупло.

Где-то кому-то подарена милость. Дым сигарет выедает глаза.
Помнишь, когда-то тебе я приснилась. Сны раскидала по небу гроза.
Горечь в гортани. Наверное, виски. Или печаль позабыла сглотнуть.
Кошка уснула около миски. Сны наяву мне мешают уснуть.

Вместо халата набросила вечер. Колются мысли, и руки дрожат.
В комнате темной колышутся свечи. Тени в углах на судьбе ворожат.
Вспомнила ту, что ночами летала. Каждую ночь выходила в окно.
На подоконнике я не стояла. Сразу и быстро. Лечу. Решено.

ВОТ, КАЖЕТСЯ, ТЫ РУКУ ПРОТЯНИ

Ты рядом,
только руку протяни и....
Коснешься,
кажется,
твоей души...
Я слышу голос твой,
твои шаги....
Со мною рядом ты,
как далеки...
Как далеки сейчас

твои глаза...
Ты на краю земли,
что там Земля...
Ты на краю
реальности другой...
Пройдут мгновенья
яркой чередой...
Но каждое мгновенье
без тебя...
Кружится жизнь,
и вертится земля...
И я живу,
мгновенья не щадя...
А вечность берегу...
лишь для тебя...
Меж нами
быстротечность бытия...
Разлуки горечь
пьем и ты, и я...
Соединить нас
сможем только мы...
Вот,
кажется,
ты руку протяни...

ЛЕОНИД НОРКИН (США, НЬЮ-ЙОРК) (1932–2007)

Поэт, радиожурналист. Родился в Ленинграде. Инженер по микроэлектронике. Автор стихов более 200 песен (исполненных на эстраде, радио и телевидении, в кино, театральных постановках, выпущенных на пластинках и компакт-дисках), музыку к которым писали композиторы А. Петров, А. Колкер, Н. Мартынов, Я. Дубравин и другие. Песни исполнялись ведущими певцами — М. Кристалинской, В. Кикабидзе, Э. Пьехой, Э. Хилем и другими. Стихи публиковались в более чем 60-ти песенных сборниках издательств «Музыка», «Советский композитор», «Молодая гвардия», в ежегодных песенных сборниках «Песня 64»–«Песня 83», «Товарищ Песня», «Невские Мелодии», «Песня Года», «Песни Радио и Кино», в журналах «Смена», «Сельская молодежь», «Кругозор», в газетах «Ленинградская Правда», «Вечерний Ленинград», «Комсомольская Правда», «Советская Россия» и многих других. Автор поэтического сборника «Если б не было в мире влюбленных» («Интепресс», Киев, 1994) и диска «Ах как быстро летят эти синие весны» (Emmix Nostalgia, 2004, Канада). Автор песен для спектаклей Государственных Академических Драматических Театров им. Пушкина и им. Комиссаржевской, а также песен для кино-, теле- и документальных фильмов: «Невские мелодии», «Открытая книга», «Веришь-не веришь», «Большие перегоны», «Люди Земли Кузнецкой», «Снилось мальчишке море» и других. Автор заглавной песни для Молодежной телепрограммы «Горизонт». Лауреат Всемирного Фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году; лауреат, дипломант Международных песенных конкурсов в г. Познань (Польша), в г. Турку (Финляндия) и конкурса «Золотой Граммофон» (Россия, 1998 год). С 1991 года жил в США. С 1993 по 2007 год — автор и ведущий радиопрограмм «Петербургский Час» и «Невский Проспект» на Русско-Американском Радио в Нью-Йорке (более 900 выпусков). Программа рассказывала об истории и культуре Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда, о судьбах современных петербуржцев, живущих в разных странах мира. Удостоен III-го места в конкурсе журналистов «Петербург. Возрождение мечты» за лучшее освещение 300-летия Санкт-Петербурга в средствах массовой информации. Стихи, написанные после 1991 года, публиковались в России, Израиле и США — в Альманахах Клуба русских писателей Нью-Йорка, Альманахах поэзии (Калифорния), журнале «Время и место», Альманахе

Всемирного Клуба петербуржцев «Тебе, Петербург», газетах «Новое Русское Слово», «Форвертс» и других. Был членом Клуба русских писателей Нью-Йорка, членом Всемирного Клуба петербуржцев, членом Клуба русскоязычных ученых штата Массачусетс (США).

Мемориальная страница автора:
http://maginet2006.narod.ru/leonidnorkin.html

* * *

Когда читаю снова
О любви
Свои стихи перед затихшим
Залом,
Волнуюсь я — ведь, что не говори,
Как-будто проживаю
Жизнь сначала!
Кому-то кажется: все это
Ерунда.
Не может быть.
Вообще не интересно.
Я слышу, как под ним
Скрипит тогда.
Скрипит и стонет,
Как живое, кресло...
Но если Вас,
В каком-нибудь ряду,
Я строчкою стиха
С собою уведу
И в Вашем сердце
Боль
Останется звенеть,
За это стоит жить
И можно...
Умереть!

* * *

В трагический час 11 сентября
Из падающих самолетов,
Из рушащихся зданий
В эфир летели тысячи звонков
Со словами: « Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!!!»

Когда с ума сошедший самолет
Предательски сошел с маршрута ,
Не знал мой город — это настает
Последней безмятежности минута...

Еще дремали небеса
И солнце куталось в тумане...
Еще прозрачная роса
Не знала, что слезами станет...

Еще хранила трепет рук
Уставшая от счастья скрипка...
И в складках чьих-то нежных губ
Застыла сонная улыбка...

Еще кружилась голова
От жаркого азарта ночи,
И кто-то тихо повторял слова:
« Люблю Тебя!.. Ты слышишь?!. Очень... Очень!»

Когда с ума сошедший самолет
Вошел в живое тело башни,
Как закричал тысячеустый рот
В своем отчаяньи, в своем бесстрашьи:

«Люблю Тебя!!! Ты слышишь?!! Я люблю!!!»
От горя стало черным все в эфире...
«Люблю Тебя!!! Ты слышишь?!! Я люблю!!!»
Как будто не было других признаний в мире...

Когда в один единый страшный миг
Любовь и Счастье тонут в черном дыме,
Рождается неповторимый Крик...
И мы — кто жив — становимся ... другими...

Сентябрь 2001

* * *

Давным-давно... В Начале Дня
Поклялся я своей невесте:
«Отныне жизнь имеет ценность для меня
Пока, моя любовь, мы вместе!»

И клятву верности храня,
Я, как скала, стою на месте...
И эта жизнь имеет ценность для меня
Пока, моя любовь, мы вместе!

Тепло у нашего огня,
Любой шалаш для нас поместье...
И эта жизнь имеет ценность для меня
Пока, моя любовь, мы вместе!

Пройдет сто лет... На Склоне Дня
Я повторю тебе без лести,
Что эта жизнь имеет ценность для меня
Пока, моя любовь, мы вместе!

* * *

Проказница Осень,
Согретая Летом,
Стихи сочиняла,
Назвавшись Поэтом,
Назвавшись Художником,
Краскою яркой
Покрасила улицы,
Скверы и парки...
В молчаньи потом
На мгновенье застыла...
Себя за фантазию
Вслух похвалила...
И снова на все
Наглядевшись на память,
Решила... Зиме ничего
Не оставить!..
И ветром холодным
С невиданной силой...
Разрушила все,
Зачеркнула ...и смыла!..

* * *

Еще вчера здесь песни пел ручей.
И был он всех звончей, ручей.
То вверх, то вниз он гнал осенний лист,
Кружил он желтый лист ничей.
Еще вчера...
А нынче поутру
Затеял с ним игру мороз.
Вода и лист — как две Судьбы — слились.
И был хрусталь их чист до слез.
Но день пришел — и вновь бежит ручей.
От солнечных лучей бежит.
А лист, а лист. Судьбы осенний лист.
Любви ушедшей лист
Забыт...

* * *

Ах, как быстро летят эти синие весны —
Наши годы уносят с собой навсегда...
И морщинки твои — это прошлые версты,
Седину на виски принесли холода.

Ах, как быстро летят эти синие весны –
Даже дней не считаем — не то, что минут!
Жить, как в юности давней: бездумно и просто
Нам потери родных и друзей не дают...

Ах, как быстро летят эти синие весны –
Старики говорят: «Это жизнь такова»...
Для себя незаметно становишься взрослым,
Не играешь, как прежде, в пустые слова...

Ах, как быстро летят эти синие весны –
Горький вкус непризнанья успели познать.
За плечами остался шумный тот перекресток,
На котором свой путь мы могли выбирать...

Ах, как быстро летят эти синие весны –
Все равно торопись — пусть нас ищут в пути.
Где-то ждет нас, мы знаем, таинственный остров...
Надо верить, мой друг, что успеем найти...

* * *

Записная книжка,
Разве это дело —
Ты за год последний
Сильно похудела...
Я ль тебя не прятал
От чужого глаза?!
Грел тебя на сердце,
Не терял ни разу.
Вроде все на месте
Белые страницы,
Но глядят с укором
Черные глазницы...
Это просто время
Нервною рукою
С книжкой поделилось
Грустью и тоскою.

СВЕТЛАНА ОС (ОСТРИКОВА) (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса, журналистка. Член Союза писателей России. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». Родилась в городе Полярные Зори Мурманской области в семье военного летчика. В 1985 переехала с родителями в Курск, где в 1987 окончила школу, а в 1991 — литературный факультет Курского государственного университета. В настоящее время живет в Москве. Работала преподавателем литературы, журналистом и фотожурналистом в региональных изданиях, автором стихотворных текстов в московских издательствах. Неоднократно была лауреатом и призером поэтических конкурсов. Лауреат Международного поэтического конкурса «Серебряный Стрелец», победитель в номинации «Серебряное слово». Победитель «Парнасских игр». Стихи Светланы были напечатаны в многочисленных сборниках, литературных альманахах, периодических изданиях в России и за рубежом, переведены на иностранные языки. На некоторые стихи написаны песни. Светлана Ос — автор книги стихов «Чертовы прииски».

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« Поэтесса поражает необыкновенной легкостью стиха, каким-то «легким дыханием» веет от стихотворной канвы, воздушность стиха настолько прозрачна, что встречающиеся часто-густо метафоры кажутся необыкновенно яркими лучами солнца на безоблачном небе. Метафоричность и сжатость стиха, численные аллитерации, прикосновение к вечным философским темам, частые авторские неологизмы, точные и умелые рифмы, звуковая лирика мелодики стиха, плотная архитектоника при необыкновенной легкости слова и восприятия делают поэзию Светланы Ос неотразимой, яркой, впечатляющей и самобытной. »

Леслава Кореновска,
кандидат филологических наук,
Ягеллонский университет,
Краков, Польша.

« Так что же все-таки делает поэзию автора настолько притягательной? Что заставляет меня после прочтения жадно, в три затяжки скурить сигарету, чтобы унять пульс и вернуться из мира ее стихов обратно на землю? Я, наконец, нашел это слово. Вот оно — образность! Та самая образность, которая превращает художественное произведение в картину. И не просто в картину, а в ту, что созвучна самым потаенным и глубоко запрятанным струнам, нет, даже не струнам — фибрам души.У Светланы Ос есть то, что отличает настоящего поэта — ее лирика создает настроение, несет его в себе и передает читателю, заставляя проникнуться стихотворением, вжиться в него и ощутить себя сопричастным. »

Майк Гелприн, писатель-фантаст,
США, Нью-Йорк

« …Стихотворения насыщены и внутренней — буквально, магической, силой, характерной для всех произведений данного автора, и музыкальным, совершенно завораживающим, звучанием, и той игрой образов, которые, через метафорическую глубину, определяют трехмерность произведения и выносят его на самый высокий — визуализируемый — уровень восприятия. Это именно тот случай, где слова соединятся друг с другом не только по речевым законам, но и по законам внутренней — тончайшей — поэтической логики. »

Лааль Джандосова, США

Александр Карпенко «Поэзия Светланы Ос сквозь линзу житейской мудрости и цветной верофилософии»: http://svetlanaos.ru/?Statmzi:Karpenko_Aleksandr._Stihi_Svetlany_Os._Statmzya

Сайт автора: http://www.svetlanaos.ru
E-mail: svetlana_os@rambler.ru

НЕТОПЫРЬ

Там, где неба грани колки и остры,
Где за полем брани эльфы жгут костры,
И в тумане тонет легкая зола,
Лепестки бегоний, рвы и купола
Изумрудных башен плавит липкий зной,
Где закат украшен бархатной каймой,
Струи в водопаде призрачно бледны,
Где по темной глади мертвый лик луны
Катит южный ветер, где цветет имбирь,
Пойман звездной сетью черный нетопырь.
И скользит на плечи тень его крыла...
Ты пришел под вечер. Я тебя ждала.

В иствудском бокале пенится крюшон.
Губы цвета стали, белый капюшон.
Вязким сном охвачен сумрачный ландшафт.
Выпьем за удачу и на брудершафт.
Искрами играет, оседая, яд,
За рекой смолкает хор лесных наяд.
Сброшена рубаха, сняты образа...
Кто сказал: «У страха серые глаза» —
Взор пылает медью... сердце не стучит.
Венчанных со Смертью смерть не разлучит.
Тайну этой встречи скроют зеркала...
Ты пришел под вечер. Я тебя ждала.

Скрип ворот печальный, церковь на горе.
Скорбное молчанье. Сгорбленный кюре...
А за синим гротом, в дальней стороне,
Знаю, будет кто-то думать обо мне.
И когда уныло день оставит трон,
И, теряя силу, колокольный звон
Эхом растворится в городской тиши,
Выйдет он молиться за покой души,
За тоску и слякоть, за мои грехи.
Будет пить, и плакать, и читать стихи,
И, сжигая свечи, память жечь дотла...
Ты пришел под вечер. Я тебя ждала.

ДЕТОЧКА

Снежные орнаменты вьюга вышивает...
Что ж застыла камнем ты, словно неживая?
Словно в белой пустоши прошлое хоронишь,
Взгляда не опустишь и звука не проронишь...
Битая жемчужница с пепельным отливом,
Бледная послушница храма нелюбимых,
Гость без притязания на чужой пирушке,
Вещь с самосознанием сломанной игрушки,
Чахлой вербы веточка, раненая птица,
Ты же знаешь, деточка — чуда не случится...
Под небесным куполом путь тернист и труден:
Что б ты ни задумала — ничего не будет,
Даст рассудок трещину, в дом придет разруха.
Стать девице женщиной, женщине — старухой...
Но пока слова еще не сбылись пророчьи,
Приходи на капище беспокойной ночью
По надежды крошеву, затаив дыханье,
Помолись о прожитом, загадай желанье,
Дверь открой железную в темноту и ветер...
Там тебя, болезную, как родную, встретят,
Перепишут набело времени скрижали
Сумрачные ангелы с острыми ножами.

И ПОТОМУ...

И сколь не жди оцепенело,
Сколь не пророчь
Луча бездонному колодцу
Души иной,
Все ночь — как день в его пределах,
А день — как ночь...
И потому, ты будешь Солнцем,
А я — Луной.

И нам, воскресшим ниоткуда,
Жалеть о чем? —
Не стать вине со сроком давним
Лихой бедой.
Но ты УЖЕ не веришь в чудо,
А я — ЕЩЕ...
И потому, ты будешь камнем,
А я — водой.

И нет печальнее итога,
Чем жизнь круша,
Пульсировать незримым нервом
Под слов корой.
Но, кто любил, тот ближе к Богу
На вздох, на шаг...
И потому, ты будешь первым,
А я — второй...

СОЗРЕВАЛА ТЬМА...

Созревала Тьма густотой имен,
Чернотой зрачков, пустотой времен,
Проникала вглубь, разливалась вширь,
Заполняя все уголки души,
И глушила звук, и стирала цвет...
А внутри нее зарождался Свет.

И тоской томим, и мечтой влеком,
Он тянулся ввысь пламенным цветком,
И качался в такт под напев ветров,
Унося за грань неземных миров,
И дарил покой, и сводил с ума...
А внутри него созревала Тьма...

СЛОВО

Ангел-хранитель — стальные перья,
Тенью латающий клеть души —
Зыбкий оплот моего неверья
В высшие силы, в иную жизнь.
Вне осознания, вне религий —

Мудрость дарованных встреч не в срок...
Мир твой — мерцающих рамп вериги,
Мой — безграничье ночных дорог.
От созерцанья не станет ближе
Лунного ока стеклянный шар,
Путь между нами смещен и выжжен
Испепеляющим светом фар.
В смерче губительных наваждений,
Там, где в одно не собрать частей,
Сонмы грядущих перерождений —
Лишь отголоски недосмертей.
Звездное пламя не греет руки,
Тает магических рун узор,
Мерно, как в пропасть, уходят звуки
В гулкое, черное «nevermore».
И по дыханию, по мгновенью,
Жизнь иссякает песком в горсти...
Ты наложи на себя забвенье,
Если не сможешь меня спасти.
Выйди из бездны ночных кошмаров
На запредельных земель простор,
Где распускаются ненюфары,
Пеной у кромки лесных озер,
Где под шаманского ветра скерцо
Призраком, вырванным из «вчера»,
Буду убита я пулей в сердце —
Словом из чистого серебра.

ЕЛЕНА ПАВЛОВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса. Родилась и живет в Москве. По образованию инженер-физик, окончила Московский энергетический институт. В 2007–2008 годах являлась членом Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч». Член Союза писателей России с 2009 года. Член Открытого Литературного клуба «Отклик». Занимается психологией в Школе Причинности, основанной доктором философии В. П. Гочем. Нумеролог, увлекается ландшафтным дизайном. Автор 12 поэтических сборников в соавторстве и авторской книги стихов «Я люблю этот мир» (Москва, Вест-Консалтинг, 2009).

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« Свой первый поэтический сборник «Я люблю этот мир» Елена Павлова назвала книгой размышлений. Пишет ли она о вечных истинах и вечных вопросах, о любви или о сменяющих друг друга временах года — ее неспешные, легкие строки притягивают к себе, заставляя задуматься. В них заключена своеобразная тайна, которую хочется разгадать — тайна единства женской мудрости и мысли. Елена Павлова сравнивает наш непостижимый мир с островом, дрейфующим между небом и землей, и не устает повторять, что он рожден для нашей любви. Она называет стремительно бегущие века «уставшим спринтером». Пытается несовершенным земным слухом различить «аккорд в дыхании солнца». Улыбается Вселенной. И никогда не забывает о том, что «Небо — наверху», а любовь — «переливание душ». В ее стихах — ничего лишнего, отвлекающего от сути. Читая их, понимаешь, что все в мире живет по законам ритма и гармонии. Ее поэтические образы неповторимы, а рифмы — неожиданные и ясные. Кто-то сказал, что поэзия — это лучшие слова, выстроенные в лучшем порядке. В своем творчестве Елена Павлова приближается к этому определению. И, наверное, это самая высокая похвала несомненно талантливой поэтессе, чей тонкий и умный дар не может не вызвать восхищения у читателей. »

Елена Ерофеева-Литвинская — предисловие к книге Е. Павловой «Я люблю этот мир».

Страница автора на сайте «Стихи.ру»:
http://www.stihi.ru/avtor/ep2008
E-mail: ee2605@yandex.ru

СЕНТЯБРЬ

Всегда некстати осенью дожди,
Когда еще по-летнему одеты,
Но все же ожидает впереди
Короткое смешное бабье лето.

Дрожит еще зеленая листва,
Капризами замучил здешний климат,
И на газонах скошена трава,
Так и уйдут со стрижкою под зиму.

Совсем промокли ноги сентября,
Слоняется по улицам без дела,
Природа что-то просит у меня,
Наверно, чтобы я ее согрела.

А я сама привыкнуть не могу,
Холодный воздух в душу проникает,
Я осторожно в осень ухожу
И все как есть, послушно принимаю...

Заброшенный рай

Поле встретило нас
Васильковыми синими волнами,
Расплескалось у ног
И затихло в дорожной пыли,
И открылось глазам:
Молодыми пушистыми соснами
Лес уже наступал
На невспаханный угол земли.
От привычной картины
Остался всего лишь набросок,
Как стираются быстро
Следы человеческих рук!
На немой колокольне

Прическа из юных березок,
Тишина и покой,
Словно кто-то здесь выключил звук.
В край забытых полей
Прилетели усталые птицы,
Он им снился всегда
На далекой чужой стороне,
Только вот человек
Никогда уже не возвратится
В тот заброшенный рай —
К беззаботного детства поре...

МОЯ ВОЛЯ — ЛЮБОВЬ

Л.М.

Не считай меня хуже и лучше, чем есть,
Я сегодня одна, завтра буду другая.
В сундуке моем образных масок не счесть,
По утрам на заре выбираю, какая.
Разглядит там, где свет превращается в тень,
Своей искренней сутью приходится впору,
И поможет прожить убегающий день,
Быть готовой всегда, твоей помощью скорой.
Все подвластно Законам и данной судьбе,
Небеса нас совместно ведут неслучайно,
Кто-то свыше решил, что я стану тебе
В каждой явленной жизни непознанной тайной.
Я по левую руку, полшага назад,
Все сомненья оставь за вчерашним порогом,
Моя Воля — Любовь, я веду тебя в сад,
Там, где люди сердцами встречаются с Богом.
По дороге в слезах родниковой воды
Успокою твои незажившие раны,
Отдохнем в тишине у подножья горы,
Ждут нас белые стены священного Храма...

Из цикла «Отпуск»

МИРЫ

М.Л.М.

Дорогой мой, поверь,
До рассветной поры
Приоткроется дверь
В голубые миры.
Ярким сном наяву
Перекинется мост,
Мы уйдем по нему
От неоновых звезд.

В тот мерцающий свет,
Опрокинутый дом,
Где у малых планет
Много женских имен.
Где гигантов-светил
С именами Богов
Охраняют они
От незваных врагов.

Нас пускает вовне
Мирозданья спираль,
Галактический плен
Почему-то не жаль.
Этот временный скит
Отдаем за долги
И для новых орбит
Выбираем круги.
Мы с тобой миражи,
Но любовь нам дана,
Чтоб продолжила жизнь
Световые года.
Остается лишь час
До рассветной поры
И Вселенная в нас
Открывает миры...

Из цикла «Отпуск»

ОРГАННЫЙ ЗАЛ В ЛИВАДИИ

Осенний луч скользит по витражу.
Звук вырвался, взметнулся к потолку,
Собрал все блики света, а потом
Обрушился серебряным дождем.
Мелодия струилась и текла,
И стали легче грешные тела,
В них зародилось тайное зерно,
И как игла, пронзая полотно,
Вдруг проросло, напоминая ось,
Раздвинув тучи. Солнце пролилось,
Касаясь глаз и затвердевших губ.
А водопады из блестящих труб,
Вытягивали души из теней,
Всех поражая волею своей.
Открылся космос музыкою сфер
И оглушил восторженный партер,
Переключался серебристый звук
Движеньем легких, словно крылья рук.
Орган, вдыхая нотные значки,
Бросал обратно чистые листки.
Короткое молчанье, перерыв,
И снова повторялся мощный взрыв...
Был воздух свеж, как от разрядов гроз,
Светились лица от текущих слез...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУДУЩЕЕ

(С. Есенину)

Привокзальные циферблаты
Вместе с боем берут разбег,
Я полжизни жила в двадцатом,
А теперь двадцать первый век.

Бег за лидером в карусели,
Гонки к финишу — не отстань!
Вот уехать бы на неделю
В поэтическую Рязань.

Все быстрей виражи, быстрее,
Все сильней за себя держусь.
Эх, пришел бы Сергей Есенин
Посмотреть на родную Русь!

Сарафаны берез из ситца,
Как зеленый ковер, трава,
Из волос золотой пшеницы
Заплетают косы ветра.

Все как раньше... Бегут дороги
Между сел и простых деревень,
Только много домов убогих
Крыши сдвинули набекрень.

Все похоже, но как-то тихо...
Удивленно глядит поэт —
Словно здесь побывало лихо,
Синеглазых мальчишек нет...

«В пустоте уже не родиться,
Да и дом мой теперь — музей.
Отчего же тоскливые лица
У живущих вокруг людей?

Если вам здесь нужны поэты,
Что ж, попробовать я готов,
Но в двадцатом познав секреты
Одиночества городов,

Знаю я, нет дороже на свете
Под ногами пылящей земли,
Дом в деревне, семья и дети,
И чтоб внуки быстрей росли»...

МЫ ВСЕ ВРЕМЯ НА ШАГ ОТСТАЕМ

(А.И.Солженицыну)

Мы все время на шаг отстаем,
Для людей нет живого пророка,
Все решит окончание срока,
Вот, ушел...что ж, теперь помянем.

На уроках начнем изучать
Биографии длинную повесть,
Вместе с ним похоронена совесть,
Ведь ее невозможно распять.
Продолжается времени ход,
Не расслышать последнего вздоха,
Постепенно уходит эпоха,
Ей на смену другая идет...
Но ничто не дано просто так,
Их рукою начертано слово,
И читаем мы снова и снова,
Отставая все также на шаг...

ДРЕЙФУЮЩИЙ ОСТРОВ

Я люблю этот мир,
С его вечно изменчивой формой,
Со снегами в полях,
Где следы заметает метель.
Я люблю этот мир,
Несравнимый с придуманной нормой:
Здесь в лесу на ночлег
Мне готова из листьев постель.
Я люблю эту жизнь,
И что рядом так много похожих,
Зеркала этих лиц
Отражают с улыбкой меня.
Если вдруг упаду,
Кто-нибудь из случайных прохожих
Свою руку подаст
И уйдет, ничего не прося.
Слышу я поутру
Громкий свист пролетающих крыльев,
Пало в руки перо,
Как до неба бесплатный билет,
Сжалось сердце в груди,
Мысль, как пуля проходит навылет:
Мне нельзя в облака,
Есть на это строжайший запрет.
Сильно ветер шумит,
Бьет корабль в просоленный остов
На воздушных дорогах,
Покрытых туманом зари,
И нельзя разгадать —
Этот мир, как дрейфующий остров,
Меж землею и небом,
Рожденный для нашей Любви!

ЛЮДМИЛА ПЕТРИКОВСКАЯ (ГЕРМАНИЯ, РОСТОК)

Прозаик, журналист. Живет в Германии (г. Росток) с 1996 года. До этого проживала в западноукраинском городе Черновцы. По образованию инженер (сначала) и журналист (несколько позже). Работала инженером-конструктором на крупном машиностроительном заводе, преподавателем черчения и промышленной эстетики в техническом колледже, тележурналистом. Сотрудничала много лет в г. Черновцы с различными газетами. Писала очерки, статьи, рассказы, телесценарии, сценарии праздничных демонстраций. Некоторое время вела по своим сценариям передачу на областном телевидении. Член Международного Союза писателей «Новый современник». Большие литературные произведения начала писать в 1995 году. В украинском издательстве «Золотые литавры» вышли следующие книги: «Забудь свое вчера» (1995), «Лабиринты любви» (1999), «Время превращений» (1999), «Кольцо Соломона» (2000), «Чудеса начал» (2002). С 1998 года и по настоящее время работает редактором городской русско-немецкой газеты «Neue Zeiten» — «Росток по-русски», которая способствует освоению в Германии русскоязычных людей, помогает им ориентироваться и одновременно популяризирует русский язык среди немцев (именно за это была награждена от «Золотого пера Руси» серебряной наградой). Имеет грамоты и награды за прозаические произведения и еще одно награждение от «Золотого пера Руси» за отрывок из романа «Тупик для соблазнов». Кроме того, в ростокском обществе «Друзья русского языка» более десяти лет ведет «Литературную гостиную».

СКВОЗЬ ПУСТОТУ К ПОЛОСКЕ СВЕТА...

Вторые сутки льет дождь. Я подхожу к окну, но, кроме частой сетки из капель и редких прохожих под разноцветными зонтами, ничего не могу увидеть. Включаю телевизор, и тренированный бодрый голос сообщает о последних событиях в мире: теракты, военные действия, дефолты, скачущие цены на бензин...

А внутри меня пустота... Всех прошедших лет моей жизни оказалось недостаточно, чтобы ее заполнить. «Почему? Почему...??»в — спрашиваю себя. Но скорее, это вопрос обращен в никуда, значит, и ответа на него не может быть. Таковы теперь мои жизненные обстоятельства.

В чужую, как мне представляется, размеренную и спокойную, жизнь за окном врываются резкие тревожные сигналы машин скорой помощи. К этому просто невозможно привыкнуть. Вообще, когда с утра идет нудный, барабанящий дождь, все вокруг мне кажется безрадостным. Выключаю бубнящий телевизор. Пусть наступит хотя бы относительная тишина.

Вчера мне снился хороший сон. Его мне хочется вспомнить в малейших подробностях. Он был гораздо ярче окружающей меня сейчас реальности и фантастически поворачивал время вспять. Я была молодой... Очень молодой... Улыбаясь внутренней радости, я танцевала медленный танец с мужчиной, ощущая полное с ним единение. Негромкая музыка как будто лилась со всех сторон, а мой партнер был именно тем человеком, которого я ждала всю жизнь. И еще он был тем, кому можно положить голову на плечо и почувствовать в этом невинном слиянии общие биотоки. Музыка была печальной, но именно такую мне хотелось слышать в это мгновение, она не мешала моим ощущениям. Наоборот. Она, как синий горизонт в начале мая, являлась фоном, углубляющим мои чувства. В этот момент Ян и Инь были единственной истиной. Он целовал мои ладони... Мы не говорили, да слова и не были нужны, каждое наше движение озвучивалось стуком двух сердец... Тук... Тук... В этот, соединивший нас, счастливый миг они бились в унисон. В этот неповторимый миг счастья... От осознания этого единения — еще более прекрасный... Кто был человеком из сна? Моей несбывшейся мечтой? Похоже, в реальной жизни мне так и не пришлось с ним встретиться, а возможно, я его просто проглядела... Значит, у него нет имени... Нет, скорее у него может быть несколько имен. Именно так... Да... И это, пожалуй, довольно странное умозаключение.

Однако и в действительности многое теперь мне кажется странным, а из-за прошлого не стоит сильно убиваться. Проснувшись, я подумала именно об этом. В нем ничего уже нельзя изменить, и не оно меня сейчас мучит. Моя сегодняшняя печаль навеяна настоящим. Настоящим... И связана она с внуком, моим единственным любимым внуком, который не испытывает желания общаться со мной. Следует признать, я ему попросту неинтересна. Семейные устои устарели, и для него я, бабушка, — «ничто». Правда, это звучит уж слишком обидно и уничтожительно... Ладно, согласна обозначить явление помягче — «никто». Да, вот так: «бабушка — никто»... Малыш считает меня бесполезным существом, с которым, как ему говорят, он состоит в родстве, но у него нет общих интересов и, значит, не может быть тем для бесед. Да еще, время от времени, ему приходится отмахиваться от моих «супчиков» и «русских пирожков», которые он даже попробовать не хочет. Его любимая еда находится в «макдональдсах» и «бюргеркингах». Это уже совсем непонятно мне: так мы и говорим с ним на разных языках в переносном и буквальном смыслах этого слова.

Здесь стоит немного рассказать об истории нашей семьи. Не вдаваясь в подробности, которыми, безусловно, была заполнена прошлая жизнь, после внезапной скоропостижной смерти мужа мы остались вдвоем с дочерью в небольшой петербургской квартире. Наступили новые, не лучшие для нас, времена. Выстроенная годами жизнь летела под откос... Моя преподавательская работа приносила маленький доход, дочь, получив диплом врача, долго не могла устроиться на работу. И тогда мы решились на переезд в Германию, вспомнив немецкие корни моей мамы. Ринулись в совершенно незнакомое бытие... Через два года жизни в новой стране моя Маринка вышла замуж на немца. Ее муж Марк немного говорит по-русски, его бизнес связан с Россией, а дочь уже неплохо освоила немецкий. Семья как семья... Интернациональная, каких множество во всем мире. Я очень обрадовалась рождению внука. Марк согласился дать ему русское имя в честь моего мужа — Александр. Мальчик заполнил мою жизнь. Родившись с небольшим весом, ребенок часто болел. Он много бывал со мной, я прижимала его хрупкое тельце к себе, носила на руках и пела старинные русские песни, которые мне пела в детстве моя бабушка. «Не ложися на бочок...», — старательно выводила я. Под эти песни внук сладко засыпал. В такие минуты мне все казалось правильным, все было на своих местах.

Сашенька подрос, пошел в садик и стал отдаляться. Постепенно, я не сразу это заметила. Меня даже забавляло, как пятилетняя кроха поправляла мой несовершенный немецкий язык. Я просила его остаться у меня. «А ты скажи «dableiben, da-blei-ben...». Скажешь это правильно, тогда останусь». Я старательно копировала немецкую интонацию — не получалось. «Вот ты смешная», — говорил внук, — такое простое слово не можешь правильно сказать». Сам он все хуже и хуже говорил на русском языке. Я просила дочь стать союзницей в сохранении внуком русского языка, но она отмахивалась. Получалось, что ей также родной язык был уже без надобности.

Потом внук увлекся человеком-пауком. На первых порах он еще отвечал на мои вопросы и пытался называть мне действующих лиц этой современной фантастической сказки.

«Сэндмэн, Зеленый Гоблин — песчаный человек, он может превратиться в песчаный смерч и даже пролезть в замочную скважину. А космический симбиот Веном — черная дрянь... Плохой... Он сильно вредит человеку-пауку, всегда обманывает его...», — втолковывал Саша. Когда же я не сразу смогла повторить имена героев и разобраться в про-

исходящих с ними коллизиях, то и совсем потерял ко мне интерес. Если он оставался на несколько часов у меня, то тихим голосом вел беседы с вооруженными космическим оружием монстрами, исключая меня, как достойную внимания собеседницу.

Он уходил, а я произносила недоступные пониманию внука монологи.

«Сашенька, — говорила я, — моя профессия связана с изучением философии. Я много лет преподавала ее в Петербургском университете. Из всех философов больше всего люблю Людвига Фейербаха. Его учителя Гегеля тоже чту, но Фейербаха больше. «Природа — высшая реальность, а человек — высший продукт природы. В лице человека природа ощущает, созерцает себя. Она бесконечна, как и вечна: пространство и время — основные условия всякого бытия и сущности всякого мышления и деятельности...». Такие слова писал один из крупнейших мировых философов. Писал на латинском и немецком языках, а я знакомила с его умозаключениями русских студентов. Как же мне, дружочек, достучаться до твоего родного сердечка? Много ли у тебя в жизни будет людей, которые смогут любить, как я?» Но что могли изменить сегодня мои внутренние монологи, сколь эмоциональны они бы ни были?.. Александр был еще мал, чтобы изучать биографии родных, а пропасть между нами росла...

Близилось его семилетие, мне хотелось сделать подарок, который смог бы доставить радость. Теперь внук увлекался телевизионными играми. Когда ему удавалось совершить нечто, по его мнению, героическое, то он мог поделиться радостью: «Я разбил сразу пять «Мазерати». Целых пять! Представляешь? Они так красиво разбивались... Блямс... Бух... Супер!». Это он в «Dominator» играет, поясняла дочь.

Я уже сама себе казалась глупой. «Ты скоро пойдешь в школу, Саша, я смогу помогать тебе в математике, биологии...». «А разве ты сможешь?» — недоверчиво спрашивал внук. Недоверие было обоснованным: чтение сказок на немецком языке у меня получалось не слишком хорошо. То и дело получались неправильные ударения в словах.

Итак, я искала подарок и за советом обратилась к зятю. «Александр хочет «Prology», — сказал он. — Мы с Мариной, правда, еще не решили, нужен ли ему именно этот флэш-плейер. Если хотите, посмотрите в магазинах». Как я объяснялась с продавцом отдела, где продается техника, это особая история. Устройство оказалось небольшим, на ручном ремешке. Напоминало красными плюсами на поверхности аптечку или батарейку... «Заряжается через портал USB любого компьютера, оттуда скачивается музыка...», — объяснял услужливый продавец.

«Вот и куплю внуку эту современную штуку, разве я противница прогресса».

Требовалось время, чтобы уследить за быстротекущим, изменяющим мир, временем. Звучит парадоксально, но это именно так. Если бы вопрос упирался только в физическое время... Все было гораздо глубже. Глубже и больнее. Все меньше и меньше становилось людей, с которыми мы могли бы понимать друг друга, да и просто свободно разговаривать. Многие ушли из моей жизни навсегда.

— У тебя новая игрушка? Покажи мне ее, — попросила внука, увидев в его руках небольшое, в виде записной книжки, устройство с экраном.

— Игрушка... Ну, ты и скажешь, бабушка... Это мой друг — «нинтендо».

— И как ты с этим другом играешь?

— Много есть разных интересных игр. Мне их папа покупает. Я умею убивать злых врагов, летать, и через огонь прыгать, и через стену проходить... Можно и с собачками играть, но это больше для девчонок.

Внук включил устройство и на небольшом экране замелькали крошечные человечки. Они дрались, убивали друг друга и издавали пронзительные воинственные кличи: Й-аа! Й-оо! Й-иих... Внук веселился. Громкие звуки заполняли мою комнату...

— Можно, я попробую?

— Нет. У тебя не получится... Ты не сможешь...

Если бы еще лет десять тому назад кто-нибудь сказал мне, что я выпаду из жизни, не достигнув 60 лет, я бы, возможно, и поверила этому пророчеству, соотнося его со внезапной болезнью, вырвавшей вдруг меня из жизненного потока.

«Выпала... Выпала... Выпала??»

Решение пришло ясным солнечным утром. Солнце всегда действовало на меня благотворно. Я вглядывалась в горизонт, небо меняло окраску, становясь то бирюзовым, то темно-синим...

— Что ты делаешь, бабушка? — впервые в вопросе внука, которого я не видела несколько недель, прозвучал интерес.

— Разве ты сам не видишь? Я рисую, Саша... Я рисую свой мир.

— Что это значит?

Объяснение должно было звучать так: мое занятие называется «социальной реабилитацией» и придумано для того, чтобы себя занять. Дать работу пальцам и уму. Или точнее, уму и пальцам... Конечно же, я этого не сказала внуку. Как и про свою боязнь впасть в отчаяние или даже маразм от невозможности преодолеть пропасть, пролегающую между поколениями.

— Мне хочется нарисовать то, что находится вокруг нас. Деревья, животных...

— Красиво. А это мост через нашу реку Варнов?

— Возможно. Но скорее это мост, по которому надо пройти нам с тобой.

— По нарисованному?

— По воображаемому. Представь себе, что с одной стороны идешь ты, а с другой иду я. Мы встречаемся на середине, беремся с тобой за руки...

— И что? Разве по этому мосту можно ходить? У тебя на картине нет людей... Ха, они что — в воду упали?

— Людей нет, но их можно себе представить. Ведь твои любимые компьютерные человечки тоже чье-то воображение. Они, Саша, придуманные...

— Они настоящие, потому что двигаются. Еще умеют быстро бегать и стрелять...

— А умеют ли они думать, заботиться о других, помогать людям в беде, любить своих родных?

— Не знаю. Но хорошие всегда убивают плохих. Это правильно, бабушка.

Опять ирреальность затмевала реальную жизнь. Такое явление порождало пустоту в моей душе. Я не чувствовала потребности в моих знаниях, моей заботе и в моей нежности... Что мне оставалось с собой делать? Вот я и попробовала наполнить мою жизнь новым смыслом. Рисование было первым шагом на новом пути. Или вступлением в бой? Но какой бой? С чем именно? Конечно, я привычно вновь прибегала к философским понятиям.

Последний труд Фейербаха назывался «Эвдемонизм». Он проникнут светлой, оптимистической верой в будущее человека. С позиции моего любимого философа утерянная душевная связь с внуком может вовсе не повлиять на его становление во взрослости. С этим трудно согласиться, трудно свыкнуться, однако понять можно. Если мысленно преодолеть пространство, если вспомнить, что светлые мысли мой кумир излагал в маленьком городе Рехенберг, где жил в холодной чердачной комнатке старого дома... Читая чужие биографии, мы невольно сравниваем их со своей жизнью.

Я ходила по улицам немецкого города и смотрела на окна, украшенные подставками с цветами. Яркие цветы просто просились на полотно. Я пила по утрам кофе и обдумывала сюжеты новых картин. Одиночество человека, высаженного на необитаемый остров, уступило место светлой грусти. Жаль, что я больше не танцевала во сне и не могла опереться на надежное плечо любимого человека. Сны очень редко повторяются.

— Бабушка, ты нарисовала что-нибудь новое? — от голоса внука в телефонной трубке сразу теплело на сердце.

— Да, милый. Нарисовала парусный корабль с разноцветными парусами.

— Можно посмотреть?

— Ну, конечно. Приходи. Я буду рада тебе его показать.

Так спокойно мне было миллион лет тому назад. И совсем не по взмаху волшебной палочки доброй феи мне стало совсем не страшно думать о будущем. Я теперь рисовала его своими руками.

— На твоем кораблике хочется поплавать. Он совсем как настоящий, я видел такие в нашей гавани.

— Здорово. Я очень рада. Хорошо, что он тебе понравился. А кого бы ты взял с собой в плавание?

— Маму, папу, кузину Милочку и тебя... бабушка.

Наш добрый кораблик, распустив сверкающие на солнце паруса, увозил всю нашу веселую компанию к свету. Ведь на нем, под такими яркими парусами, не могло остаться места для грусти и печали.

ФАНТОМ ВЕРНОСТИ

Полицейский из отдела расследования убийств лейтенант Томас Краус ехал по улице Grosse Bleichen, ведущей к центру Гамбурга. Он был расстроен, показания, полученные от нового свидетеля, не укладывались в уже продуманную им логическую цепочку раскрытия преступления. Требовалось все начинать сначала, искать новые улики... Телефон — пистолет, телефон — убийца, это орудие убийства было уже знакомо Томасу... Мобильник, с дулом в виде антенны, был конфискован коллегами еще два года тому назад. Свидетель настаивает на своей версии убийства: видел, стреляли именно из мобильника. Он это утверждает, но такой мини-пистолет стреляет мелкокалиберными пулями... Однако найденная на месте преступления пуля была другого калибра. На этом белом свете постоянно происходят разные происшествия. А свидетели... Они бывают порой неточными, скрытными... В показаниях большинства свидетелей по делу, которым он сейчас занимался, угадывалась ложь, и Томасу предстояло потратить немало времени, чтобы досконально во всем разобраться.

Но, даже несмотря на свои невеселые размышления, проезжая мимо небольшого двухэтажного голубовато-серого особнячка, находящегося в глубине двора, Томас не мог не вспомнить об убийстве его молодой владелицы, раскрыть которое удалось всего за три дня. Может быть, вспомнилось по ассоциации? Нынешним делом он занимался три месяца.

Это было самое короткое расследование, случившееся в его многолетней практике. Где, интересно, находится сейчас белая пушистая собачка, сослужившая последнюю службу хозяйке уже после ее смерти? Томас плохо разбирался в породах собак, кажется, это была болонка. Или пудель? Славная собачка с грустными глазами.

Лейтенанта Томаса Крауса вызвали тогда посреди ночи. В полицию позвонила ближайшая соседка убитой, разбуженная непривычным громким тревожным воем маленькой собаки, лая которой до сих пор никто никогда не слышал. Томас поразился спокойному выражению красивого лица убитой женщины. Она была скорее похожа на крепко спящего человека, чем на человека, уже расставшегося с жизнью. Рука закинута за голову... Волосы разметались по подушке. Казалось, вот сейчас она потянется, раскроет глаза, улыбнется. И скажет приветственные слова новому дню... Яркому, солнечному... Очень солнечный тогда был день.

Томас не увидел на убитой никаких следов насилия. «Похоже на отравление. Самоубийство или бытовое...», — предположил он. Предположение оказалось верным. Однако версия самоубийства знакомыми и экспертами отвергалась. И если оно и имелось, то требовало основательного тому подтверждения, поисков причины. Томас внимательно разглядывал убранство квартиры. Все вещи были подобраны тщательно, со вкусом, и говорили о любви хозяйки к жизни. На стенах множество красивых картин, фотографий... Со всех фотографий погибшая Беата Клинк весело смотрела на мир с открытой улыбкой. На некоторых из них с ней рядом находился спортивного сложения темноволосый мужчина.

Оба выглядели счастливыми.

«Ты наверняка знаешь, кто он, только, жаль, сказать мне не сможешь», — мысленно обратился Томас к беленькой собачке, которую так и не удалось соседке забрать к себе. Собака отчаянно визжала и вырывалась, не желая покидать свое жилище. Но к Томасу она отнеслась весьма благосклонно и даже потерлась о его ноги, тихонечко поскуливая, как будто жалуясь на свое огромное горе. Будто искала сочувствия...

Найти координаты запечатленного на фотографиях мужчины оказалось довольно просто. В записной книжке Беаты Клинк, в памяти телефона-факса и даже на письменном столе погибшей, работавшей в журнале для женщин, повторялось одно и то же имя — Манфред Курц. Записанный ею телефон оказался рабочим.

Выяснив название фирмы, Томас разыскал офис, расположенный вблизи церкви «Михель». Когда-то в этом районе проживали мелкие лавочники. Из старинных домов сохранилось сейчас совсем немного. Офис принадлежал телефонной корпорации и располагался на первом этаже безликого серого здания из стекла и бетона. На Томаса такие дома всегда наводили грусть. Манфред Курц был главой обозначенной на табличке фирмы. Он поднялся из-за стола навстречу Томасу и с приветливой улыбкой протянул руку. Секретарь уже доложила шефу о его приходе.

— Чем могу служить органам правопорядка? — любезно поинтересовался герр Курц.

— Вы знакомы с Беатой Клинк?

— Безусловно. Уже более двух лет. Беата очаровательная женщина. Могу признаться, мы собираемся вскоре соединить наши жизни. Но моя жена... Я еще до сих пор считаюсь женатым, она очень болезненно относится к разводу. К тому же, у нее недавно случился микроинсульт. По этой причине я пока не ушел из дому, хотя мы давно чужие друг другу люди. Но сейчас жене гораздо лучше, она практически здорова, и я собираюсь это сделать в ближайшее время... Простите, наверное, это вам неинтересно... А почему вы спрашиваете о моем знакомстве с Беатой?

После такого откровенного признания Томасу было нелегко обозначить причину своего визита.

— Она мертва. Отравилась вчера вечером в своей квартире.

— Беата мертва? Она не могла... Беата не могла умереть..., — на лице Манфреда Курца отобразился ужас. Через мгновение его сменила гримаса боли. Реакция на трагическое сообщение была настолько искренней, что Томас с трудом произнес необходимый вопрос:

— Где вы находились вчера вечером?

Манфред Курц молчал. С трудом овладев собой, глухо произнес:

— Дома. Пришел около семи. До шести часов сидел на совещании. Постойте...

Манфред Курц подошел к Томасу. Он приподнял руки, как будто собирался его потрясти.

— Вы ничего не перепутали? Может быть, вы говорите о ком-нибудь другом? Мы планировали с Беатой пойти сегодня на новый фильм о Гарри Поттере. Мы смотрели все предыдущие. Беата очень любит киношные фантастические спецэффекты. Радуется и переживает, как ребенок! Она не могла отравиться. Она очень любит жизнь... А я люблю Беату...

— Но ее могли отравить. Допускаете это?

— Кто мог это сделать? У нее не было врагов. Совершенно невероятно... Кто, скажите, кто? Вы знаете?

— Не знаю. Пытаемся выяснить. А где была вчера вечером ваша жена?

— Она тоже была дома. Мне необходимо было поработать на компьютере, обработать срочные заказы...

А Мария весь вечер громко болтала по телефону со своей подругой. Наверное, больше часа... Мешала мне сосредоточиться на работе. Она очень любит говорить по телефону и делать мне назло. Правда, она прикрыла дверь в свою комнату, но до меня все равно доносились отрывки фраз типа: «... а мой негодяй сказал... Ему бы оторвать голову и еще кое-что...». И другие подобные перлы. Беата совсем другая. С ней так легко... Она добрая... Боже мой! Вы сказали, что... Вы уверены? Простите! Не могу поверить... Моя Беата... Беата...

— Фамилию подруги вы знаете?

— Ну, конечно, мы ведь долго дружили семьями. Только Лони и может выносить характер моей жены.

На другой день Томас разговаривал с фрау Курц. Худая, небрежно крашеная блондинка, с застывшей гримасой презрения на бледном лице, отвечала на вопросы кратко и неохотно. Особенно нервно Мария Курц реагировала на вопросы о Беате Клинк.

— Эта девка... Слышала о ней. Да, слышала... Но, позвольте... У нее с моим мужем не могло быть ничего серьезного. Я ее никогда в глаза не видела, да и знакомиться не собиралась. Кто она такая... Это ниже моего достоинства. Понимаете? Манфред обязательно перебесится... Он никуда из семьи не уйдет. Я знаю. Все мужчины одинаковы. Ничего не хочу о ней знать.

Уставший от бессмысленного разговора с Марией Курц, Томас решил позвонить из машины, и набрал номер Лони Бланк. Телефон долго не отвечал. Потом автоответчик, очевидно, голосом фрау Бланктсообщил, что в настоящее время ее нет дома, и просил оставить сообщение. Попробовав еще несколько раз, Томас решил сам наведаться к фрау Бланк. Однако звонки в дверь, так же как телефонные были безрезультатны. От соседей ему стало известно, что Лони Бланк уже более десяти дней проводит отпуск в Альпах. В Альпы долго не удавалось дозвониться. Вежливый администратор усталым голосом объяснил причину плохой связи и сообщил, что в настоящее время Лони Бланк находится вне отеля.

Почему Мария Курц соврала? И Томас вспомнил... В 2002 году одно элементарное дело удалось раскрыть с помощью неопытного адвоката. Вместо того, чтобы защитить своего подопечного, он, во вред ему, предположил...

И тогда Томас позвонил Манфреду Курцу.

— Скажите, герр Курц, в комнате вашей жены стоит музыкальный центр или какая-то другая подобная записывающая аппаратура?

— Да, есть новый центр. Она купила музыкальную систему в начале этого года. Сказала, что только музыка и помогает ей выживать... И много нелестных слов в мой адрес. Но почему вы об этом спрашиваете? Причем здесь увлечение моей жены музыкой? Разве вас уже не интересует, что случилось с моей бедной Беатой?

«Еще как интересует, очень даже интересует...», — Томас снова отправился в дом семейства Курц.

— Вам что, недостаточно нашего предыдущего разговора? — фрау Курц была явно недовольна новым визитом полицейского.

— Ничего не поделаешь. Работа. Да и пришла пора поставить точку. Вы по- прежнему будете утверждать, что в вечер убийства Беаты Клинк находились дома?

— Конечно. Мой муж может это подтвердить. Какое у вас право сомневаться в наших словах? Мы оба были дома, как положено семейным людям.

— Да, он сообщил о том, что слышал ваш голос. А с кем именно вы разговаривали?

— С моей близкой подругой Лони. У нас принято каждый день звонить друг другу.

— Той, которая уже вторую неделю находится в горах? Куда вы ей звонили?

— На мобильный. Какая разница в том, где она находилась?

— Мне удалось выяснить: в тот вечер ваша подруга осталась ночевать в высокогорном отеле. Мобильная связь с ним затруднена. Вернее сказать, почти невозможна... Но ваш муж четко слышал ее голос... Такая четкость бывает при разговоре, записанном на пленку. Неплохо придумано, но отнюдь не ново. Не слишком удачная задумка. Вам нужно было организовать себе алиби, чтобы вы в это время могли поехать к Беате Клинк и навсегда оборвать ее связь с Манфредом. Вы не работаете, и терять обеспеченного мужа не входило в ваши планы, не правда ли? К сожалению, некоторые яды сейчас стали слишком доступны. Вы надеялись, что смерть Беаты будет похожа на самоубийство, но перестарались, протерли оба бокала из-под вина. Два бокала остались на столе... К тому же прикованный к инвалидному креслу старик, живущий напротив, смотрел, в обозначенное экспертами время убийства, в окно и видел спину женщины в светлой куртке и черных брюках, у которой долго не заводилась машина.

— Это просто ваша выдумка!! — голос фрау Курц истерично задрожал. — Вы никогда не сможете это доказать. Слышите? Никогда... Не сможете! Я была дома! Дома!!!

Томас огляделся вокруг. Около стола стояла раскрытая сумка. Среди кое-как брошенных в нее вещей были хорошо видны черные брюки.

— Говорите, нет доказательств? А это? Не те ли это брюки, в которых вы были в день убийства? Куда вы собрались? Приготовили вещи в чистку? — Томас взял брюки из сумки и, под испепеляющим взглядом фрау Курц, осмотрел их низ. Несколько белых волосков были отчетливо видны на темном фоне. Томас недавно счищал со своих брюк точно такие же собачьи волоски.

— Все так, как я и предполагал. Милая собачка грустит и отворачиается от пищи, потому что вы убили ее любимую хозяйку. Она очень страдает, даже не подозревая, что своей привычкой тереться о ноги она смогла помочь нам найти убийцу ее хозяйки. Надо будет угостить ее самой вкусной косточкой. Заслужила, верный дружок.

Уже давно позади был дом, вызвавший воспоминания, но Томас все никак не мог от них избавиться. Он вспомнил потерянное несчастное лицо Манфреда Курца, проигравшего в схватке с жизненными обстоятельствами.

Томас поднял автомобильное стекло. Было тепло. По улицам разгуливали туристы, разглядывая каналы и архитектуру города, в котором он родился.

Дома ждала его любимая жена Карин.

«И, конечно, еще не ужинала. Надо уметь выбирать жену». — Томас улыбнулся, прекрасно понимая, что ему просто повезло.

ЗЛАТА РАПОВА (РОССИЯ, МОСКВА)

Графиня де Рапп де Кольмар-Строгонова. Историк, политолог, издатель, журналистка, писательница, поэтесса. Окончила МГУ им. Ломоносова (специальность — историк со знанием иностранного языка), аспирантуру МГУ с отличием. Член международной ноосферной духовно-экологической ассамблеи мира, член Международного Союза писателей. Президент Всемирного Союза деятелей искусства. Член редколлегии THE YONGE STREET REVIEW. И ряда международных организаций. Автор более 300 статей научного, научно-популярного и публицистического жанров. Имеет девять книг (одна в соавторстве). Более 30-ти международных наград. Шестикратный Лауреат международных конкурсов. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2007». Член Всемирной Академии наук. Занимается преподавательской деятельностью с 1992 года. Специализация — история, юриспруденция, экономика, философия, история религии. В разные годы возглавляла несколько печатных изданий и научную корпорацию, которая занималась изучением психологии человека. Член руководства Княжеского Совета Всея Руси. Создатель интернет-портала «Галерея Златы Раповой». Главный редактор газеты «Современная литература». Увлекается автогонками и путешествиями по миру. Любит животных.

Страница автора на «Галерее Златы Раповой»:
http://www.zlata-galerie.ru/company_news.aspx?user_id=15
E-mail: zvenislav@mail.ru

* * *

Мое сердце осталось в Париже.
Город замер в закатных лучах.
А разлука все ближе и ближе,
Твердой поступью палача.

И хотелось раздвинуть мне время,
Чтоб от плахи мой род не бежал,
Не взрастил непутевое семя,
Уцепившись в российский причал.

Лишь слепец не падет на колени.
Лишь глухой не сумеет воспеть.
И великих сгущаются тени,
Чтоб Париж покорив, умереть.

11.02.04.

* * *

Моя любовь живет в веках,
Ее скрывает прах и пепел
На славных Сены берегах.
Но путь назад мой будет светел.

Бессмертье рыцарей шагов,
Застывших в древнем камне сером.
Мне надо сбросить сто оков,
Чтоб их вернуть своею верой.

Мой путь — куда дороги нет.
Но я пробьюсь назад сквозь время.
Зажжется негасимый свет,
И я возглавлю свое племя.

25. 09. 05.

* * *

Ты — мой Париж.
Моя душа с тобой.
Над Сеной вьется стриж,
А мне сегодня в бой.

Любимый мой Париж,
Я не вернусь с войны.
Но в храмах ты звонишь
Мне из своей страны.

Я проиграю смерти бой,
Но кто бы ни пришел другой,
Он голубей запустит с крыш,
Чтоб ты всегда сверкал, Париж.

30.08. 08.

НЕ МОЙ ПАРИЖ

...С каждым годом мне все труднее приезжать во Францию. Психологически труднее. А ведь было время, когда я всерьез хотела обосноваться на своей исторической Родине, неподалеку от авеню Рапп, вспоминая гордость и величие нашего рода и моей Франции. Но, похоже, как раз величие Франции осталось в прошлом.

Нет, красота старой Франции осталась прежней. Стиль барона Османа не тронут временем. Сохранились вкрапления и более ранних эпох.

Консьержери, и Нотр-Дам.

Лувр, и аббатство Сен-Жермен.

Сен-Мар, и мост Генриха IV.

...Париж, конечно же, прекрасен своим непретенциозным монументализмом. Серый камень придает городу особый шарм. А освященный лучами солнца, он становится золотым.

Париж прекрасен и велик. Как те люди, которые построили его, заставив звучать это название гордо, трепетно, возвышенно.

О Париже мечтают люди во всем мире. Одни хотят хоть раз в жизни увидеть эту сказку. Другие даже готовы на все, чтобы жить там. Однажды я спросила, откуда на улицах Парижа так много бродяг, и услышала, что многие считают, что лучше жить в Париже под мостом, чем дома где-нибудь в странах Восточной Европы. К бомжам в Париже, впрочем, отношение куда более терпимое, чем в России. Там они относительно чистые. Не настолько пьяные. Могут вступить в разговор с добропорядочными парижанами и рассчитывать на то, что от них не шарахнутся и дадут доброжелательный ответ, а, может, даже пошутят.

Париж по-прежнему столица функциональных новшеств. То есть того, что делает нашу жизнь приятнее и удобнее. В каждый свой приезд во Францию я нахожу тысячу забавных мелочей, которые заставляют тепло улыбнуться и порадоваться на изобретательность французов. Чего только стоит подобие кубика Рубика, составленного из Нотр-Дама и Эйфелевой башни.

Или зеркальце с изображением Жанны д`Арк.

Фонарик с Наполеоном.

Нож для резки хлеба в форме декоративного французского батона.

Лак для ногтей в виде карандаша.

Крем-пудра с кисточкой... и т. д.

Приятно, что французы радуют хотя бы бытовыми мелочами. Например, даже сок в маленьких пакетиках у них будет на самом деле 100%, а не подкрашенной водой, как у нас.

Или минеральную воду в высоком бокале, несомненно, подадут с несколькими кусочками лимона, льда и с соломинкой... Сразу вспомнила плавающих в соке мух в Италии...

Боюсь, на этом я должна закончить перечисление достоинств (я о них немало писала в предыдущих статьях) и перейти к недостаткам... Что тут можно сказать? Ну, во-первых, я все реже встречаю во Франции французов. Иногда публика на улице или в кафе просто шокирует. Не всегда понимаешь, на каком континенте оказался. Я ничего не имею против смешения рас, но в разумных пределах. И когда я смотрю на эту разномастную толпу, я понимаю, что не их, а мои предки строили эти величественные здания. Мои, а не их предки поливали эту землю своей кровью.... Что же сделали эти люди, на полном серьезе называющие себя французами? Модные бренды? Хозяйственные сумки из пластика, уродливые настолько, что я постесняюсь с такой сумкой отпра-

вить на рынок за картошкой помощницу по хозяйству? При этом такой бренд стоит немыслимые деньги. Я всегда готова заплатить за качество, но не за туфту, которая, к тому же, обернется позором и насмешками. Или полагается заплатить за безобразную пластмассовую бижутерию, которая через три месяца выйдет из моды те же деньги, что и за фамильные ценности, которые «из моды» не выйдут никогда, поскольку не может выйти из моды память и гордость предками.

Почему же парижане тратят половину зарплаты на некрасивые, непрактичные вещи, которые неприятно держать в руках, и которые стыдно будет показать собственным детям?

Почему парижане обедают, когда положено, едят то, что полагается «всем» в «модных» кафе, а не в тех, что нравятся, и даже совершают коллективные вояжи — прогулки, пробежки в положенное время по заданному маршруту, и, главное, вместе со всеми. Последнее меня потрясло особенно. Я даже всерьез задумалась, а надо ли мне снова ехать в страну моих предков, стремительно превращающуюся в фантастический фильм ужасов про господство тоталитаризма. Такое впечатление, что всем этим людям заложили один чип и забывают переключать программы. Как нашим российским читателям понравится такая информация: официантка ОСУЖДАЕТ клиента за то, что он напрасно тратит деньги, заказывая «лишние», с ее точки зрения, блюда?

...И напоследок. Во время моего визита в Париж умер Майкл Джексон. В Париже я видела демонстрацию, посвященную его памяти. Молодые люди скандировали, подпрыгивали, визжали. Я сказала знакомой парижанке, что даже если они все так ненавидели певца при жизни, неприлично так уж открыто радоваться его смерти. Парижанка потрясенно ответила, что все эти демонстранты так выражают свою любовь к певцу... Вообще-то я специально спровоцировала на данный разговор, прекрасно понимая, что они и правда, выражают «любовь». Но все же, Франция пока Европа, или я уже что-то неправильно понимаю? Откуда же такой вандализм? Не хотела бы я, чтобы над моей смертью так глумились...

Я люблю мою Францию. Это моя кровь и боль. Но французы на 90% лежат в земле или застыли в парижском сером камне. Что-то станет с Парижем, который я так люблю, еще спустя несколько десятков лет?... Пожалуй, лучше мне до этого не дожить. Или... начать все кардинально менять, вторгнувшись со своим уставом в МОЮ Францию. Францию моих предков, построивших ее былое величие. Потому что нельзя допустить позора и упадка этой державы. И мне надоело краснеть за сегодняшних, так называемых, французов. Мне хочется напомнить, что никто из выдающихся людей Франции не был похож на запрограммированного зомби. Каждый из них шел только своим путем. Поэтому мне есть за что любить Париж и гордиться великой историей моей Франции.

Июнь-июль 2009.

МОНАКО. ЛЮКСЕМБУРГ. ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ

Одними из самых интересных мест на земле всегда являются так называемые «карликовые государства». Надо быть очень искушенным туристом, чтобы обратить свой взор на Монако, Сан-Марино или Люксембург. Не потому что они не заслуживают внимания, а потому, что до них обычно уже никто не добирается. Все спешат по традиционным туристическим маршрутам: Лондон, Париж, Рим. Без сомнения, эти великие столицы заслуживают того, чтобы их посетить в первую очередь. Но и в таких необычных мельчайших клочках земли порой таится настоящий сказочный мир. Эти государства похожи и неповторимы одновременно. Похожи своим крохотным размером, формой правления — монархия, красотой пейзажа. Но лично меня всегда интересовало, чем они зарабатывают себе на существование. Я была абсолютно уверена, что это все же туризм. Ведь, несомненно, что многие европейцы, пресытившись обычными маршрутами, и даже посетив Москву, а некоторые и Санкт-Петербург, все же, наконец, обращают свой взгляд на те места, где можно спокойно отдохнуть.

Но теперь обо всем по порядку. Когда я приехала в Люксембург, первое, что меня поразило, были не самый большой и красивый одноарочный мост в мире, которым жители Люксембурга по праву гордятся. И не великолепные горы, на которые выходит так называемый «Балкон Европы». Хотя он тоже производит впечатление. Да еще какое! Но все же первым, что меня поразило в этом маленьком княжестве, были зубные щетки. Да, казалось бы, обыкновенные зубные щетки. Представьте, вы отправляетесь после посещения кафе мыть руки и обнаруживаете около умывальников небольшие автоматы, в которые можно бросить один евро, и из них появится упакованная зубная щетка, с зубной пастой внутри ручки! Щелчок, и зубная паста уже на щетке. Вы смотрите на эту прозрачную ручку и видите, сколько еще яркой зубной пасты там осталось, и можете ли вы почистить зубы еще раз. Удивительная забота о посетителях, не правда ли?

Но вернемся к красотам самого города. Люксембург типично туристическое место. Он расположен в горах, поэтому, кажется, нет ни одного дома, который бы стоял на ровном месте. Улицы живописно изгибаются, на безупречно вымытых шампунем (как и в Монако) тротуарах при всем желании не встретишь ни одной соринки. Люксембург тих и спокоен. Туристы как будто не смеют нарушить эту загадочную благодать, своим гамом разрушить очарование сказки. Поэтому даже шумные туристические группы замолкают, погружаясь в покой этого спокойного городка. Кажется, что Люксембург родился среди скал, чтобы заманивать в свой тихий омут зазевавшихся прохожих. И они остаются там навеки, очарованные этим спокойствием и величием.

В Люксембурге четыре государственных языка. Между тем, весьма доброжелательные местные жители умудряются еще неплохо знать английский. Поэтому проблемы с общением там не возникнет. Вам всегда помогут, подскажут. Найдут для вас нужное. Точно так же как и в Монако, когда мне понадобилось купить сувениры, связанные с Наполеоном, мне, казалось, помогали все местные жители. Они даже сопровождали меня.

Но, возвращаясь к Люксембургу, следует сказать, что свое благосостояние, тем не менее, Люксембург строит вовсе не на туристах, а ... на бетоне. Изобретя и запатентовав бетон высочайшего качества, они теперь поставляют его во всю Европу. При этом, повторяю, на улицах не соринки. И нигде в обозримом пространстве не встретишь ни одного завода. Не потому, что их там нет. Просто жители не хотят портить прекрасный пейзаж, и все заводы загнали под землю.

Среди жителей не принято быть тунеядцами. Хотя они могут, как, например, шведы, получать хорошее пособие по безработице, но не работать там не принято. Все население занято. Конечно же, в Люксембурге на каждом шагу встречаются туристические магазинчики, кафе и прочие атрибуты города, где постоянно пребывают туристы.

Правит там княжеская династия. Иногда их, в зависимости от перевода, называют герцогами. Но суть от этого не меняется. Армия Люксембурга — это всего лишь почетный караул князя. Но какой караул! Он славится своей выправкой, умением владеть оружием на весь мир. И уж если маленькое княжество посещают главы других государств, небольшая площадь для подобных торжеств преображается, напоминая сцену из времен рыцарских турниров.

Про Люксембург можно писать долго, несмотря на то, что писать-то, казалось бы, судя по размерам, не о чем. Но объем статьи не позволяет и дальше расписывать его красоты. Поэтому перехожу к рассказу о другом маленьком, но не менее известном и привлекательном герцогстве — Монако.

Территория Монако составляет всего два квадратных километра. Вы только вдумайтесь в эту цифру! И это размер государства?! Например, на российских просторах на протяжении не двух, а сотен километров можно не встретить ни одного человека. Тем не менее, государство это весьма насыщенно. Горы отнимают значительную площадь у государства, но, приютившись на горных склонах, коренные жители монегаски обустроили свой персональный рай. Некоторые дома, казалось бы, просто висят в воздухе, настолько им не хватает места среди скал. Их живописно обвивает экзотическая растительность. И вообще, столица государства, с одноименным названием Монако — настоящий ботанический сад. Город переполнен удивительными деревьями, небольшими прудами, в которых плавают кувшинки. По берегам расцветают цветы и деревья, чьи названия невозможно запомнить. Маленькие прудики украшены миниатюрными водопадами. А кактусы значительно выше человеческого роста. И всегда разные. С вершин гор открывается, с одной стороны, прекраснейший вид на бухту, сплошь усеянную белоснежными яхтами. А с другой — через залив виден на другой стороне горы другой город Монте-Карло. Столица богемной жизни. Сколько известных людей со всего света спускали там свое состояние!

Управляет страной уже 500 лет династия Гримальди. На гербе — два монаха, в которых переоделись захватчики власти.

И если одних туристов привлекают природа, прекрасные пейзажи Монако, тихая умиротворенность садиков и смотровых площадок, пригреваемых солнечными лучами, на которых хочется остаться навсегда и бесконечно любоваться чистотой неба, голубизной моря, вдыхать благоухание цветущих деревьев, то для другой части туристов эта часть княжества интереса не представляет. Они стремятся в игровой рай — знаменитое казино Монте-Карло. Вообще-то, искушенная в игорном бизнесе публика не найдет в этом казино ничего особенного. Такие же казино можно встретить по всему миру. А в Москве, кстати, сказать, я в подобных бывала неоднократно. И не было ничего такого именно в этом казино, что поразило бы мое воображение. Пожалуй, в России все поставлено даже на более широкую ногу. Например, принято угощать клиентов, которые уже купили фишки для игры в рулетку, дорогими напитками за счет заведения. В некоторых казино даже вызывают такси, опять же за счет казино, чтобы отвезти клиента домой. Но в Монте-Карло важнее престиж. Чтобы потом похвастаться перед своими друзьями, что играл не где-нибудь, а именно здесь.

В Монте-Карло высоченные небоскребы сочетаются с уютными японскими садиками. И это немного сглаживает отрицательное впечатление, которое производит Монте-Карло после Монако. Если Монако напоминает старый добрый феодальный город, только очищенный от навоза и превращенный в ожившую сказку. Особенно усиливается это впечатление, когда княжеский караул важно шествует сквозь строй толпы к дворцу, над которым гордо развевается монархический флаг. Но Монте-Карло — это уже совсем иной мир. Мир, испорченный цивилизацией. С банальными многоэтажками, которые по большому счету ничем не отличаются от подобных им построек во всем мире.

Но все же под конец надо сказать несколько слов о жителях этой маленькой страны. Коренных жителях — монегасках. Они пользуются колоссальными льготами и крепко держаться за свой маленький мирок, старательно не пуская туда чужаков. Женщине, не рожденной в Монако, еще может выпасть счастье стать монегаской, если она выйдет замуж за представителя этой нации. Мужчина же может стать монегаском только по рождению. И эта крохотная народность очень гордиться своей избранностью.

ИЗ РОССИИ В ЕВРОПУ

Благословенная Европа,
Мы так давно к тебе рвались.
И все готовы мы ухлопать
За эту сказочную жизнь.

Дворцы, фонтаны, магазины,
Кареты, замки и мосты.
Неон, сверкающий в витринах,
Швейцарцев гордые посты,

И благородные старушки...
Но там мы вовсе не нужны.
Все разрушали наши пушки.
Вот только строили не мы.

31 марта 2005.

Мне позвонил мой знакомый и сказал, что после возвращения из Европы у него возникло ощущение, будто после цветного телевизора он включил черно-белый.

Действительно, в Европе после России (даже современной, не совковой России) поражает все. Чистые, вымытые шампунем тротуары, висящие прямо на улицах апельсины и лимоны — и это в разгар московской зимы. Обилие изысканных, а не штампованных, памятников, фонтаны, и, наконец, наша гордость Летний сад — на каждом шагу даже в самых маленьких городках Европы, с благородными античными статуями. Любовь европейцев к своей культуре тоже поражает. Скрупулезно они восстановили не только фасады разрушенных после второй мировой войны зданий, но даже интерьер, казалось, незначительных купеческих домишек, вплоть до последнего плафона на люстрах.

И чем больше вы путешествуете по Европе, тем невероятнее кажется контраст с нашей российской действительностью.

Недавно у меня в гостях побывал канадец, которых уверял, что Москва стала похожа на настоящий европейский город, в отличие от всех остальных российских заплеванных, загаженных, неумытых, облупленных и неремонтируемых городов. Насчет провинциальных городов он определенно прав, а вот насчет Москвы, к великому сожалению, явно преувеличил. Конечно, мы можем гордиться, что вспомнили, в конце концов, о своей истории, восстановили некоторые шедевры, типа храма Христа Спасителя, Иверских ворот, преобразили Манежную; магазины полны продуктов и иногда даже встречается вежливое обращение продавцов. А уж по количеству казино на один квадратный километр мы может посрамить не то что Монте-Карло, но и Лас-Вегас.

Но все равно невозможно сравнивать даже маленькие провинциальные европейские города, с их кристальной чистотой, ухоженностью, трогательными, чистыми, со вкусом, но неброско одетыми стариками, с нашими даже самыми лучшими и красивейшими городами, которыми мы всегда гордились и любили показывать иностранцам, как, например, Санкт-Петербург, Суздаль, Изборск и другие заповедники для иностранных гостей.

Какой разительный контраст между Европой и Россией! В Европе вымытые шампунем блестящие тротуары, в России выбоины, на которые страшно наступать, без риска сломать ногу. В Ницце мне встретился лежащий на улице, завернутый в бумагу бродяга, ПОБРИТЫЙ, ЧИСТЫЙ и с достоинством ЧИТАЮЩИЙ КНИГУ! Дома же, в Москве, первое, что я увидела — двоих бранившихся стариков, явно супружескую пару с немалым стажем совместного проживания, они поливали друг друга матом прямо перед подъездом собственного дома, со старика при этом сваливались вздутые на коленях тренировочные штаны, а от старухи невыносимо разило алкоголем.

Нет смысла перечислять достоинства и недостатки европейских стран. Они и так всем известны. Например, в Венеции относятся к непарадной части своего города примерно так же небрежно, как и в России, и не удосуживаются, имея миллионы с ежегодно посещающих город туристов, привести в порядок даже выщербленные фасады зданий, или хотя бы покрасить их. Незачем говорить и о том, что, конечно же, во всех городах отвязная молодежь размалевывает стены своими неприхотливыми рисунками и надписями. Основная суть не в этом. Главное то, что люди в целом с уважением относятся к культуре своего города, страны, берегут историческое наследие. Они уважают самих себя, и культура — неотъемлемая часть их поведения. Что же касается поведения российских туристов за рубежом, то тут можно сделать на основе многочисленных наблюдений несколько нелицеприятных выводов: первое, русские, приезжая за рубеж, не утруждают себя не только знанием языка страны, или хотя бы элементарного набора фраз, напротив, они не говорят даже на английском! Почему-то они абсолютно уверены, что все обязаны понимать русский. И возмущаются, когда этого не происходит. Они не испытывают ни малейших комплексов, заведя с барменом, служителем музея или гостиницы разговор на непринужденном русском языке и искренне удивляются, когда их не понимают. Подобное явление я неоднократно наблюдала и на улицах Стамбула, и в Польше, и во Франции, и в Италии, и в Германии. Второе неприятное наблюдение заключается в том, что россияне так и не научились хотя бы немного сдерживать свой буйный темперамент. Например, поднимаясь на борт роскошного скандинавского лайнера, они по привычке расталкивают всех локтями, наступают на ноги. Ту же картину с громкими возгласами и расталкиванием соседей можно наблюдать в столовых, в общественном транспорте. И их не смущают брезгливые взгляды европейцев, которые тут же безошибочно определяют принадлежность к стране этих малокультурных граждан.

Следующее наблюдение особенно любопытно: в дорогие туры по Европе едут далеко не только российские олигархи, как можно было бы подумать, исходя из уровня российской нищеты. Особенно с учетом того, что европейские страны требуют справку о наличии у россиян такой зарплаты, которой они отродясь не видели. Поэтому логично было бы предположить, что в Европе русские — это исключительно бизнесмены из Москвы или хотя бы Петербурга. Однако, ничего подобного! Подавляющее большинство русских туристов из самой нищей и неустроенной глубинки, где они работают учителями, воспитателями детских садов, встречаются даже пенсионеры, которые с гордостью говорят, что, выйдя на пенсию, решили, наконец, посмотреть мир. Чем не та же Европа! Вот только непонятно, каким образом им удалось собрать деньги на путевки за границу, стоимость которых превышает их многогодовую пенсию. Надо бы порадоваться за наш народ, да уж больно он у нас загадочный. Например, мне так и не удалось разгадать загадку одной пенсионерки, пропахшей мочой, в грязном тряпье, но при этом гордо путешествующей в спальном вагоне со своими солеными огурцами.

Так и получается, что в России все есть, природные богатства, обширные невозделанные поля, все, имеющиеся в природе, природные ископаемые, а живем мы по-прежнему бедно. Россия гордится своей традиционной культурой, и имена русских писателей Достоевского, Толстого, Пушкина без запинки назовет любой иностранец, однако, почему-то именно культуры, культуры поведения, нормального общения, уважения к другим у нас не хватает.

Россия страна загадок. И, наверное, тот, кто сумеет разгадать эту непонятную русскую душу, сможет не только наладить нормальную жизнь в этой стране, но и править миром.

МОЛОДАЯ ОРДА

Над Теплым Станом золото огней.
В ночи костры пылают в лунном свете.
Гонцы торопят яростных коней,
Мечтают ратники о скором теплом лете.

Пройдем дорогой, что до нас не шли,
Увидим дальние закаты и рассветы.
Сожжем дотла сады, монастыри,
Кто против нас — не будет жить на свете.

Коням нужны просторные луга,
А напоим мы их в кровавой битве.
Конец Вселенной — вечные снега,
Мы встретим нашей радостной молитвой.

Вот только сколько не вернется нас,
О ком седая мать в шатре рыдает,
Не будем вспоминать мы в этот час.
И призрачное будущее тает.

13 июня 2005.

Кочевники двигались через дикое поле. Впереди шла конница. Каждый мальчишка, научившийся хорошо держаться на коне, зрелый мужчина и еще не выпадающий из седла старец предпочитали пыль и ветер в лицо унылому покачиванию в телеге, влекомой быками. На телеги были поставлены юрты, там проходила жизнь многочисленного семейства каждого кочевника. Жены, малыши, дочери, все ютились в этом импровизированном доме, с очагом посередине и дымом, который хоть и должен был по идее выходить через отверстие в крыше, но всегда задерживался внутри юрты, забиваясь в каждую щель и заставляя всех присутствующих чихать и кашлять.

Во главе семейства стояла самая старая и уважаемая старуха, прабабушка нынешнего главы семьи. Она постоянно к месту и не к месту вмешивалась в то, как надо варить конину, доить кобыл и нянчить детей. У молодых невесток она вызывала глухое раздражение, но никто, разумеется, и слово не смел вымолвить против. Иногда она могла, о ужас, даже начать ворчать на самих мужчин! Те, впрочем, появлялись в юрте редко. Обычно это бывал муж многочисленных женщин, многие из которых были старше его в два раза. Объяснялось такое положение тем, что мужчине не повезло родиться младшим сыном в семье и по неписанному закону, после смерти своего отца, он был обязан жениться на всех его женах за исключением собственной матери. Таким образом, женщины семьи считались защищенными и не покинутыми. Хотя, конечно, никто не при-

ходил в восторг от данного положения дел, поскольку, на немолодых жен своего отца юноша смотрел с брезгливым презрением, и они старались спрятаться при его появлении в самый темный угол. Что же касается невест, к которым он мог бы посвататься, то, обремененный столь многочисленным семейством, он уже не мог взять на содержание еще жен. Да и кто бы выдал за него свою дочь. Ему бы этих прокормить!

Конечно, логически, жены отца должны были бы достаться не младшему сыну, а старшему. Но у старших сыновей хватало и своих жен, а этот безусый молодец еще сам не успел жениться, а значит, должен был взять на себя ответственность за все многочисленное семейство. Вот и оставалось ему проклинать любвеобильность папы.

Кроме того, год выдался неудачным. Солнце палило немилосердно. Трава была выжжена или вытоптана копытами коней и верблюдов на многие мили. Старшие братья с обозами ушли далеко вперед. И он один с его нынешними женами тащился позади всех, глотая пыль и проклиная свою судьбу.

«Ничего, скоро дойдем до оазиса!» — крикнул он двенадцатилетнему пасынку, который ездил на разведку: «Там остановимся. Будет много сочной травы, вода. А то кони уже на последнем издыхании». «Оазис уже близко! Я видел!» — закричал мальчишка. — «Можно, я поскачу вперед и застолблю нам место?!» «Давай», — махнул рукой 16-ти летний отчим.

Оставалось уже совсем немного. Солнце начало свой медленный неспешный и величественный уход с небосклона. И уже близко оазис. Но что это? Парнишка пасынок с криками, во всю мочь своей хилой лошаденки, скачет обратно. Но глава семьи не успевает услышать, что тот кричит. Потому что в спину паренька вонзается стрела, и он с булькающим хрипом падает с лошади. А за ним уже показалась лавина всадников, которые несутся прямо на обоз.

«Разворачиваемся!» — срывая голос, закричал юноша. «Как же так! А вода? Мы же погибнем!» — воскликнула одна из женщин, но и она увидела погоню, и сидевшая с вожжами старуха начала с непривычной прытью разворачивать обоз. Быки, подхлестываемые кнутами, взревев, понеслись по выжженному полю. Один, подбитый стрелой, захромал, но продолжал свой бег.

«Отстали, слава Богу Неба!» — выдохнул юноша, решив, наконец, оглянуться назад. Он, само собой, прекрасно понимал, что всадники на свежих лошадях легко догнали бы медлительный обоз. Но видно, это были такие же обремененные семьями кочевники, которым просто нужно было отогнать от драгоценного оазиса конкурентов, а не класть людей в бессмысленной битве. Раз конкуренты бежали, оно и хорошо. Были бы те люди настоящими разбойниками, от обоза уже мало бы что осталось.

Поэтому они спаслись. Но спаслись ли? На выжженную солнцем пустыню снизошла благословенная ночь, и женщины тихо плакали по своим закуткам, понимая, что в ближайшее же время их ожидает. Юноша спрыгнул с коня и вошел в юрту: «Ничего, — начал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Завтра подъедут братья, и мы вместе навалимся на тех чужаков. Будет битва, но нас много — мы победим их». Женщины закивали, делая вид, что поверили. Хотя все, включая самого юношу, прекрасно знали, что братья давно оставили младшего неудачника и никогда не придут на помощь. И тут самая молодая из женщин, младшая из вдов отца, с которой новый глава семейства впервые девять месяцев назад вступил в супружеские отношения, громко закричала. У нее начались схватки.

Юноша поспешно ретировался и погнал коня по чистому полю, вдыхая ночной воздух полной грудью. «Может, и правда, все будет хорошо. Вот родится у меня первенец, появится, наконец, настоящая семья. А братья... вдруг и вправду вспомнят о младшем...», — утешал он себя, горяча коня.

Вернулся он, когда уже на небе гасли звезды. Женщины при его появлении как-то странно замолчали. «Что, неужели девка родилась? Что молчите?» — рассерженно закричал юноша, внезапно разозлившись. «Мальчик», — за всех пробормотала старуха. «Так почему такие похоронные лица? Где он? Немедленно покажите моего богатыря». Парень шагнул в смрад юрты и отшатнулся, увидев младенца, одна нога которого была явно короче другой.

Когда выглянули первые лучи солнца, и юноша оттирал свой старый кинжал от крови сына, налетели настоящие разбойники, и потеха началась. «А, смотрите, молодуха-то уродца родила», — воскликнул один бородач, только что изнасиловавший недавно родившую женщину. «Так зачем тебе такая сдалась? Она и тебе калеку родит!» — отозвался другой, и бородач, решивший уже было взять себе привлекательную девку, полоснул ее ножом по горлу.

Кочевники двигались через дикое поле. Впереди шла конница. Каждый мальчишка, научившийся хорошо держаться на коне, зрелый мужчина и еще не выпадающий из седла старец предпочитали пыль и ветер в лицо унылому покачиванию в телеге, влекомой быками. На телеги были поставлены юрты, там проходила жизнь многочисленного семейства каждого кочевника. Жены, малыши, дочери, все ютились в этом импровизированном доме, с очагом посередине и дымом, который хоть и должен был по идее выходить через отверстие в крыше, но всегда задерживался внутри юрты, забиваясь в каждую щель и заставляя всех присутствующих чихать и кашлять.

Во главе семейства стояла самая старая и уважаемая старуха, прабабушка нынешнего главы семьи. Она постоянно к месту и не к месту вмешивалась в то, как надо варить конину, доить кобыл и нянчить детей. У молодых невесток она вызывала глухое раздражение, но никто, разумеется, и слово не смел вымолвить против. Иногда она могла, о ужас, даже начать ворчать на самих мужчин! Те, впрочем, появлялись в юрте редко. Обычно это бывал муж многочисленных женщин, многие из которых были старше его в два раза. Объяснялось такое положение тем, что мужчине не повезло родиться младшим сыном в семье и по неписанному закону, после смерти своего отца, он был обязан жениться на всех его женах за исключением собственной матери. Таким образом, женщины семьи считались защищенными и не покинутыми. Хотя, конечно, никто не приходил в восторг от данного положения дел, поскольку, на немолодых жен своего отца юноша смотрел с брезгливым презрением, и они старались спрятаться при его появлении в самый темный угол. Что же касается невест, к которым он мог бы посвататься, то, обремененный столь многочисленным семейством, он уже не мог взять на содержание еще жен. Да и кто бы выдал за него свою дочь. Ему бы этих прокормить!

Конечно, логически, жены отца должны были бы достаться не младшему сыну, а старшему. Но у старших сыновей хватало и своих жен, а этот безусый молодец еще сам не успел жениться, а значит, должен был взять на себя ответственность за все многочисленное семейство. Вот и оставалось ему проклинать любвеобильность папы.

Кроме того, год выдался неудачным. Солнце палило немилосердно. Трава была выжжена или вытоптана копытами коней и верблюдов на многие мили. Старшие братья с обозами ушли далеко вперед. И он один с его нынешними женами тащился позади всех, глотая пыль и проклиная свою судьбу.

«Ничего, скоро дойдем до оазиса!» — крикнул он двенадцатилетнему пасынку, который ездил на разведку: «Там остановимся. Будет много сочной травы, вода. А то кони уже на последнем издыхании». «Оазис уже близко! Я видел!» — закричал мальчишка. — «Можно, я поскачу вперед и застолблю нам место?!» «Давай», — махнул рукой 16-ти летний отчим.

Оставалось уже совсем немного. Солнце начало свой медленный неспешный и величественный уход с небосклона. И уже близко оазис. Но что это? Парнишка пасынок с криками, во всю мочь своей хилой лошаденки, скачет обратно. Но глава семьи не успевает услышать, что тот кричит. Потому что в спину паренька вонзается стрела, и он с булькающим хрипом падает с лошади. А за ним уже показалась лавина всадников, которые несутся прямо на обоз.

«Разворачиваемся!» — срывая голос, закричал юноша. «Как же так! А вода? Мы же погибнем!» — воскликнула одна из женщин, но и она увидела погоню, и сидевшая с вожжами старуха начала с непривычной прытью разворачивать обоз. Быки, подхлестываемые кнутами, взревев, понеслись по выжженному полю. Один, подбитый стрелой, захромал, но продолжал свой бег.

«Отстали, слава Богу Неба!» — выдохнул юноша, решив, наконец, оглянуться назад. Он, само собой, прекрасно понимал, что всадники на свежих лошадях легко догнали бы медлительный обоз. Но видно, это были такие же обремененные семьями кочевники, которым просто нужно было отогнать от драгоценного оазиса конкурентов, а не класть людей в бессмысленной битве. Раз конкуренты бежали, оно и хорошо. Были бы те люди настоящими разбойниками, от обоза уже мало бы что осталось.

Поэтому они спаслись. Но спаслись ли? На выжженную солнцем пустыню снизошла благословенная ночь, и женщины тихо плакали по своим закуткам, понимая, что в ближайшее же время их ожидает. Юноша спрыгнул с коня и вошел в юрту: «Ничего, — начал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Завтра подъедут братья, и мы вместе навалимся на тех чужаков. Будет битва, но нас много — мы победим их». Женщины закивали, делая вид, что поверили. Хотя все, включая самого юношу, прекрасно знали, что братья давно оставили младшего неудачника и никогда не придут на помощь. И тут самая молодая из женщин, младшая из вдов отца, с которой новый глава семейства впервые девять месяцев назад вступил в супружеские отношения, громко закричала. У нее начались схватки.

Юноша поспешно ретировался и погнал коня по чистому полю, вдыхая ночной воздух полной грудью. «Может, и правда, все будет хорошо. Вот родится у меня первенец, появится, наконец, настоящая семья. А братья... вдруг и вправду вспомнят о младшем...», — утешал он себя, горяча коня. ...

Вернулся он, когда уже на небе гасли звезды. Женщины при его появлении как-то странно замолчали. «Что, неужели девка родилась? Что молчите?» — рассерженно закричал юноша, внезапно разозлившись. «Мальчик», — за всех пробормотала старуха. «Так почему такие похоронные лица? Где он? Немедленно покажите моего богатыря». Парень шагнул в смрад юрты и отшатнулся, увидев младенца, одна нога которого была явно короче другой.

Когда выглянули первые лучи солнца, и юноша оттирал свой старый кинжал от крови сына, налетели настоящие разбойники, и потеха началась. «А, смотрите, молодуха-то уродца родила», — воскликнул один бородач, только что изнасиловавший недавно родившую женщину. «Так зачем тебе такая сдалась? Она и тебе калеку родит!» — отозвался другой, и бородач, решивший уже было взять себе привлекательную девку, полоснул ее ножом по горлу.

КАРИНА РИЦ (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса, фотохудожник, путешественница. Член Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков. Член-корреспондент Академии поэзии. Координатор Международной Ассоциации писателей и публицистов в Великобритании. Кавалер Золотой Есенинской медали. Лауреат литературной премии «Золотое перо Московии» и премии им. А. П. Чехова. Обладатель Памятной медали им. А. С. Грибоедова, Диплома им. М. И. Цветаевой. Награждена Почетным Дипломом Федерации Мира и Согласия за активное участие в деле укрепления мира, согласия, сотрудничества и взаимопонимания. Карина — автор поэтических книг для детей и взрослых: «Я в переулках детства заблудилась…» (издательство «Известия»), «Хризантемы под снегом» (издательство «Известия»),«Требуется вдохновенье!» (Российская Академия поэзии). Поэтесса родилась в Донецке, Украина. Высшее образование получила в Горловском государственном педагогическом институте иностранных языков им. Н. К. Крупской и Московском государственном педагогическом университете им. М. А. Шолохова. Стажировалась в докторантуре Лозаннского университета (Швейцария). Автор имеет множество публикаций в научных изданиях, периодической печати. Публикуется в российских и зарубежных литературных журналах, сборниках, антологиях, альманахах: «Академия поэзии», «Поэзия», «Настоящее время», «Планета поэтов», «Единение», «Поэзия странствий», «Поэзия мечты», «Москва поэтическая», «Золотая строка Московии», «Час до рассвета», «Мужи и музы», «Гроздья рябины» и других. Карина Риц отмечена в ежегодном энциклопедическом издании «Кто есть кто в России». Живет и работает в Москве. Воспитывает дочь Злату.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

«Книжное обозрение»: Для взрослых и для детей Карина Риц пишет доверительно, с любовью. Автор говорит о вере в чудеса, которая помогает жить, о волшебных воспоминаниях и снах, природе, на которую никогда не устанешь любоваться, и, конечно же, о любви, ее радостях, светлых моментах, остающихся с тобой на всю жизнь, и печалях, без которых не обходится истинное чувство. Впрочем, над жизненными невзгодами поэтесса умеет и посмеяться — серьезная лирика соседствует с трогательными юмористическими стихотворениями.

Игорь Костолевский, народный артист России: Творчеству Карины Риц свойственна непредвзятость взгляда, умение передать на бумаге своё внутреннее состояние, удивление перед окружающим миром, чувство юмора и, в то же время, мудрость. Образность стихотворных строк производит светлое впечатление. Поэтессе удаётся донести до читателя, что все самое обыкновенное, даже обыденное, в действительности наполнено тайной, которую далеко не каждому дано понять.

Светлана Немоляева, Александр Лазарев, народные артисты России: Шаги поэзии Карины Риц грациозны и невесомы, словно не касаются земли. Рождается впечатление, что обычные понятные слова, сговорившись, слетелись вместе и соединились в четверостишья, чтобы осенить и опалить тех, кто «услышит» их. Мелодичность лаконичных фраз, воздушность ритмики побуждают не только читать такие стихи вслух, но и петь их...

Страница автора на сайте «Московские писатели»: http://mp.urbannet.ru/TVOR-P/r/ritz/
E-mail: karina_ritz@mail.ru

СИРЕНЕВЫЙ БЛЮЗ

На Никитской сирень распустилась.
Всем энергия мая к лицу.
Озарила Москву Божья милость:
Дождь и Солнце идут к венцу.

Небесам купола стали ближе.
Облака в позолоте дрожат.
Город счастьем сиреневым дышит!
(Не мудрец ли кусты сажал?)

Я, предчувствием лета ведома,
С птицей сравниваю себя...
Там, под крышей старинного дома,
Белый голубь кружит, любя.

УХОДИТ ЛЕТО

Покрыты зеленью долины,
Примят слегка травы ковер.
Ночами снится вкус малины
И словно я из паутины
Плету изысканный узор.

Еще вчера жару терпела,
Не плача, маленькая Русь:
За подмосковные пределы
Я ехать дальше не хотела.
Осела. Никуда не рвусь...

Сегодня дождь! И небо градом,
Как солью, посыпает пруд.
Возможно, ангелы на радость —
За постоянство мне награда —
Решили море сделать тут.

Грядет сентябрь. Мы с ним уж точно
Устроим бархатный сезон!
Не покидая дома, ночью,
Увижу звездный бал воочью,
А утром — ясный горизонт.

По сини крошечного моря
Изведать новое спеша,
Со мною и с волною споря,
«Прости» черкнув лишь на заборе,
Начнет свой путь моя душа...

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОСЕНЬ

Мотыльков цветных вижу порханье —
Листья носятся с ветром в ладу.
Облаков низких свежесть дыханья
Кружит голову в Летнем саду.

Золотые чаруют аллеи.
По ним — до Фонтанки и вниз,
Где река отражает музеи...
Лодки спят... Не в пору им бриз.

Сияньем украсил полотна
Небесные луч молодой.
Он свой совершает полет над

Могучею невской водой.
Кричит одинокая чайка:
— Пора! На покой! Полный штиль!
Не дремлет лишь ангел, венчая
Петербурга прославленный шпиль.

РОМАНС ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

(Иоганну Штраусу
и Ольге Смирнитской)

Березка — девица стройна,
Чист голосок и звонок.
За гордый нрав он звал ее
«Мой Ангел, Мой Чертенок».

Что прячет русская душа —
Загадка для австрийца.
Букет признаний собрала
Далекая жар — птица.

Рыдала скрипка о любви
На берегах Дуная,
А петербургская зима
Шептала: «Ты — другая.

Твой путь — богатый дом, семья.
Скитанья музыкантов —
Тяжелый хлеб, привел к беде
Немало из талантов».

Ах, если б молодость могла
Предчувствовать потери...
С ним убежала бы она,
Звезде его поверив.

Березка — девица стройна,
Чист голосок и звонок.
За гордый нрав он звал ее
«Мой Ангел, Мой Чертенок».

ПО МОТИВАМ ПОЭЗИИ Э. Б. БРАУНИНГ

Поэт мой! Словами до звезд можешь ты дотянуться.
И нот, что в запасе у Бога, легонько коснуться.
Из них сотворить вдохновенно мелодию Мира.
Лечить от уныния души зовет твоя лира.

Планета отравлена злобой — о помощи просит.
Противоядные капли из рук бережно брось ей.
И Господа воля ведет здесь тебя к совершенству.
А я... стану ждать, предаваясь мечтам и блаженству

С надеждой: герой не забудет в наш дом возвратиться.
Устал от вселенских проблем он — пора бы укрыться.
Ах, милый... намерен в пустыню бежать от стихов?
...Седлай же коней! Едем вместе! Удел мой таков.

ПО МОТИВАМ ПОЭЗИИ Э. Б. БРАУНИНГ

Скажи еще раз, ну, промолви снова,
Что ты влюблен в меня! Шепни на ушко...
Не бойся повторять из слова в слово.
Припомни, сколько раз поет кукушка!

И никогда без этой звонкой песни
Не разбудить Весне леса, долины.
Все бархатные звезды вмиг воскресли.
Поля цветов полны для нас, любимый.

А сердце точит подлый червь сомнений.
Уйми же боль мою, словами заглуши.
Без долгих просьб и ласковых велений
Кричи, что любишь, здесь, в лесной глуши!

Признаний нежных много не бывает,
Как не бывает перебора красоты.
Но даже в тишине не забывает
Звезда катиться за звездой.
Как я и ты.

ПО МОТИВАМ ПОЭЗИИ Э. Б. БРАУНИНГ

Не обвиняй меня, прошу, пожалуйста,
Что так мрачна лицом перед тобой.
Познала: жизнь порой безжалостна.
Стараюсь не прослыть беды рабой.

Да, мы герои, без сомненья, разные.
Тебе от солнца послан дар сиять.
Мои же крылья долго были связаны,
Их не расправить и не приподнять...
Терпи и относись ко мне заботливо,
Поглаживай кристаллик хрусталя,
Где скромно мухой несловоохотливой
Сижу, как за душой у Бога, я.
Господь рассудит пусть в неравном споре —
Осушит иль наполнит наше море.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэт, прозаик, критик, издатель, литературный деятель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института в 1986 году по специальности «французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве в 1992 году и аспирантуру факультета журналистики МГУ в 2004 году. Кандидат филологических наук. Докторант РГГУ (кафедра теоретической и исторической поэтики, тема диссертации посвящена современной русской поэзии). Литератор, издатель, культуролог. Читал лекции в университетах России, США, Швейцарии, Финляндии и многих других стран. Генеральный директор и основатель Холдинговой компании «Вест-Консалтинг». Издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» (Санкт-Петербург), «Другие» и газеты «Литературные известия». Соиздатель и заместитель главного редактора журналов «Крещатик» и «Знание-сила. Фантастика». Стажировался в издательстве «Bayar-press» (Франция) и газете «Leadger independent» (США). Член Союза журналистов Москвы с 1992 года, член Союза писателей Москвы с 2003 года, член Президиума МГО СП России с 2009 года, член Русского ПЕН-центра с 2006 года. Член Правления Союза литераторов с 2008 года. Почетный гражданин штата Кентукки (США). Лауреат Отметины имени Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка и международного фестиваля FEED BACK (Румыния). Фонд имени В. П. Астафьева (Красноярск) признал Евгения Степанова в 2008 году в числе 11 лучших писателей России. Работал в газетах «Семья», «Совершенно секретно», «Ступени», «Век», «Крестьянская Россия», журналах «Огонек», «Мы», «Столица», «Трезвость и культура» и других. Как поэт, прозаик, критик, мемуарист, интервьюер печатался в журналах, альманахах и газетах: «Знамя», «Дружба народов», «День поэзии», «Поэзия», «День и Ночь» (Красноярск), «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Юность», «Журнал Поэтов», «Членский журнал» (Нью-Йорк), «Столица», «Крещатик», «Российский колокол», «АКТ» (Санкт-Петербург), «Черновик» (Нью-Йорк), «Труд», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Ex libris НГ», «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Собеседник», «Совершенно секретно», «Семья», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец» и во многих других. Автор 10 книг стихов, прозы, вышедших в России и за рубежом, а также культурологических монографий «Плакаты Госстраха как социокультурное явление» (М., 2003), «Карманные календари Госстраха» (М., 2004), «Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция» (М., 2006). Переведен на английский, французский, болгарский и румынский языки.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПОКОЛЕНИЕ

Не скажет глоба, нет, не скажет вещий павел,
Что было, и что есть, и что случится впредь
Я дописал роман и все, что мог, поправил
В отпущенных годах, где мог не уцелеть

Я дописал роман — и воскресил братишку,
И воскресил друзей, погибших на войне,
И годы, как рубли, я положил в кубышку,
И капитал растет, мне кажется, в цене

А жизнь была как жизнь, и шли бои без правил,
Строчил, точно портной, восточный пулемет
Не скажет глоба, нет, не скажет вещий павел,
Что было, и что есть, и что нас дальше ждет

12.07.2008 г., ст. Удельная

Я БЫ ХОТЕЛ

Я бы хотел писать стихи как Леонид Губанов
Захлебываться в словах
Тонуть в метафорах
Радоваться буйству красок

Но я так не умею

Я бы хотел писать стихи как Борис Слуцкий
Чеканить слова как шаг
Приравнивать их к штыку
Вбивать точно гвозди

Но я так не умею

Я бы хотел писать стихи как мой лучший друг Юра Милорава
Нарушать синтаксис
Сдвигать смыслы
Заставлять слово звучать по-новому

Но я так не умею

Мне остается писать так как умею я сам

15.11.2009 г., ст. Удельная

ПАМЯТИ МИШИ И ТАТЬЯНЫ

Отгорели ушли отлюбили
У(при)вела путеводная нить
По какой модерновой мобиле
Мне товарищи вам позвонить

Там наверное солнце и розы
Там наверное тишь благодать
А про здешние метаморфозы
Я теперь предпочел бы молчать

Помолчим пообщаемся молча
Хоть земные слова хороши
Но милей электронная почта
Электронная почта души

17.11.2009 г.
Трубниковский переулок

* * *

Третий петух прокричал спозаранку
Пьяно встречая зарю
Вывернув небо души наизнанку
Что же я грешный узрю

Отдана дань сицилийской вендетте
Хоть я палермо забыл

Плачут мои нерожденные дети
Девочки сын даниил

Совесть зубастая рыба пиранья
Гложет меня как быка
Нет не кончается ночь покаянья
Длинная точно река

12.06.2008 г.
ст. Партизанская

ЯССЫ
(Марине)

Точно крымов из ассы
Я крутил много дел
А вот в городе яссы
Я слегка разомлел

Много женщин прекрасных
В этих южных местах
Много солнышка в яссах
И в румынских глазах

Ах калинку-малинку
Я здесь распевал
Не паленку — палинку
Я здесь распивал

Городочек румынский
Где поют петухи
Даже феликс дзержинский
Здесь писал бы стихи

Городочек увитый
Виноградом-плющом
Я был раньше убитый
А теперь воскрешен

8.06.2008 г.
Яссы

* * *

Кто программист?
Сама Природа

Вот рядом
Ева
И Адам

Программа сохраненья рода
Сильнейшая из всех программ

Одни
В малюсенькой квартире
Вдвоем
Нага
И он раздет

Что есть таинственнее в мире?
Спроси — и я не дам ответ

18.01.1997 г.
Вешняки

* * *

...Поссорились — я не виню
Тебя — давным-давно за нас
Все решено — и в поздний час
Метис на пятой на пятой авеню
Играет невеселый джаз...

1993 г., Нью-Йорк

* * *

Л.

И так бывает меж людьми:
Они друг другу любы.
И — взгляды шепчут о любви,
О ненависти — губы.

А вот презренья не тая,
Она ему бормочет:
— Я таю, милый, я твоя!
А ночью ножик точит.

16.04.2001 г.
Киев

* * *

Деревья снимают цветные кафтаны
Бакланы кричат точно чуят беду
И падают падают наземь каштаны
А я постараюсь — и не упаду

Я как подобает матерому зверю
Все вытерплю — горечь в себе истребя
Смотрю на женевское озеро — верю
Что вскорости буду смотреть на тебя

1992 г.
Женева

* * *

Ты не стала богинею
Моей грешной души
Я уехал в Румынию
как кирилл ковальджи

А в Румынии кони и
Хороводы цыган
Обсуждают бегонии
Что сказал им каштан

А в Румынии девушки
И покраше тебя
И российские денежки
Я швыряю шутя

5.06.2008 г.
Яссы

* * *

Жизнь
Подготовка к смерти

Смерть
Начало новой жизни

Улыбнись

29.10.2009 г.
Трубниковский переулок

ЖИЗНЬ

Жизнь длится во время твоего телефонного звонка.
Три минуты в день.

ОТВЕТ

Потому что не то потому что не так потому что
Завершается быстро земной карнавал
Потому что тамбовский дурдом не алушта
Где песочек и пляж и рапан и коралл

Потому что темно потому что привычнее нары
Чем диван и софа или пляжный лежак
Потому что в душе магадан а канары
Далеко и мерещится ночью лешак

Потому что не волк работенка а бог из-под палки
Потому что на печке доедет до счастья иван
Потому что судьба в окровавленных пальцах гадалки
Потому что стакан

2.08.2009 г.
ст. Удельная

* * *

(Леночке Зейферт)

Год ускакал как зеленый кузнечик
Век-волкодав превратился в щенка
Я понимаю что хвастаться нечем
Я понимаю что жизнь коротка

Но вспоминаю что было со мною
Пять тысяч лет или больше назад
И говорю с вековою сосною
Точно мичуринец или юннат

И говорю с тем далеким мальчишкой
Что не родился на свете пока
И точно зэк говорю перед «вышкой»
Все перемелется будет мука

15.06.2009 г.
Трубниковский переулок

СПОЙ МНЕ ПЕСНЮ

Неужель пролетела задаром
Эта жизнь что была хороша
Спой мне песню сережа захаров
Чтоб моя отдышалась душа

Спой мне песню про степи и поле
Про славянско-хазарскую русь
Про хмельное как воля раздолье
От которого не отрекусь

Спой мне песню захаров сережа
Про судьбу-королеву свою
Что корежила не искорежа
Я неслышно тебе подпою

Спой мне песню про зону баланду
Про чугунного времени кладь
О тебе с пониманьем балладу
Я хотел бы мой друг написать

24.05.2009 г.
ст. Удельная

* * *

Вот стихи Саши Черного — мир в них несносен
Вот стихи Жени Лесина — нет никаких перемен
А я как дебил улыбаюсь потому что живу среди сосен
Которые мне улыбаются и не сгибаются ни перед кем

Земля самый сильный магнит, мысли в башке не новые
Земля хочет стать чемпионкой и всех уровнять с землей
А я все равно улыбаюсь — смотрю на шпили сосновые
Которые тянутся в небо и прогоняют человека с пилой

Собственность это кража когда-то сказал Волошин
Эта честная формула огорчает меня богача
Соснами как следаками я этой ночью допрошен
Я отвечал по-совести и после не дал стрекача

2.12.2007 г.
ст. Удельная

АННА СОХРИНА (ГЕРМАНИЯ, БЕРЛИН)

Родилась и выросла в Петербурге, закончила Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Рано начала печататься, как автор рассказов в популярных журналах «Аврора», «Звезда», разнообразных еженедельниках и сборниках. Теплое предисловие к ее первой литературной подборке написала известная писательница и сценарист Виктория Токарева. И это не случайно — в стилистике и мироощущении писательниц в то время было много общего — юмор, афористичность фразы, особая теплота интонации. В 1994 году Анна с мужем и двумя детьми переезжает в Германию. Здесь она продолжает литературную и общественную деятельность. В 1996 году выходит ее повесть «Моя эмиграция», посвященная русским евреям, уехавшим в Германию из республик развалившего СНГ. Повесть очень быстро завоевывает широкую читательскую известность, ее перепечатывают издания в Москве, Украине, странах Прибалтики, русскоязычные газеты и журналы Израиля, Америки и Канады. В Петербурге повесть выходит отдельной книгой. Главы повести были переведены на немецкий язык и опубликованы в немецких изданиях, а также ей была посвящена литературная получасовая программа на радиостанции NDR. Все последующие годы Анна активно сотрудничает с русскоязычными газетами и журналами. Много ездит по стране с выступлениями перед различными аудиториями. В 2000 году Анна Сохрина получает литературную премию в Америке, на литературном конкурсе «Надежды Лира золотая», учрежденном музеем Пушкина в Нью-Йорке, кафедрами славистики американских университетов за рассказ «Дорога на Мертвое море». Этот рассказ дал название новой книге прозы Анны Сохриной, вышедшей в Петербурге в 2003 году. В 1999 году известное петербургское издательство «Лимбус-Пресс» издает еще один ее сборник «Шанс на счастье». В 2003 году Берлинское издательство «Oberbaum-Verlag» переводит ее книгу «Моя эмиграция» и издает сборник прозы на немецком языке. В последующие годы ее новые рассказы звучат в переводах на немецком на таких популярных радиостанциях, как Bayerischer Rundfunk, NDR,Radio Berlin Kultur, печатаются в русскоязычных изданиях Германии, Австрии и Америки. В августе 2007 года в петербургском издательстве «Алитей» в серии «Русское зарубежье» увидела свет новая книга рассказов Анны Сохриной «Дамские штучки». Предисловие к ее новой книге написала известная писательница Дина Рубина. Координатор (Германия–Испания–Россия) Библиотеки МАГИ «Наш Современник». Основатель Общества друзей Санкт-Петербурга в Германии — www.petersburg-berlin.de

Сайт автора: www.sokhrina.com
E-mail: anna.sokhrina@gmx.de

АЛИ-БАБА И БЕЛЛА МИХАЙЛОВНА

Ах, Белла Михайловна, она-таки была на редкость трезвомыслящим человеком, как это видится по прошествии стольких лет. Рано потеряв мужа и одна воспитывая дочь на скромную зарплату учительницы биологии в старших классах, Белла Михайловна хорошо представляла себе простые и вечные формулы жизни.

И пока в наших ветреных головках клубились розовые туманы юности, Белла Михайловна мягко и без нажима, как делала она все, внушала нам житейские истины. Под желтым абажуром ее кухоньки, за чаем с неизменным овсяным печеньем (как это врезалось в память, как будто было вчера) с мягким вздохом, врастяжку, нам говорилось о том, что юность — товар скоропортящийся, что романтические грезы быстро улетают и что остается? А остается жизнь. И главное, что должна девушка в этой жизни сделать — это правильно выбрать мужа. Ну и профессию, конечно. Слава Богу, не в каменном веке живем. Правда, мужа все-таки важнее...

Эти наставления касались нас троих — ее дочери Лизы, меня и Элки Вербицкой, первой красавицы нашего факультета. По прошествии времени, мне кажется, что Белла Михайловна обладала не только ясным и трезвым умом, но и даром предвидения.

Это она предсказала нескладную Элкину судьбу, когда, казалось бы, все складывалось прекрасно.

— Девочка моя, — покачала головой Белла Михайловна, когда Элка появилась рядом с белозубым, усатым, сводящим с ума все женское окружение Борькой Красницким. — Но это же не муж. Это мужчина типа — «давай любить меня вместе». А ты знаешь, что это такое?

Ее дочь Лиза — толстенькая, кареглазая, невысокая, словом, ничего особенного, обладала однако добродушным нравом, симпатичными ямочками на щеках и умела говорить приятные вещи, а потому многим моим однокурсникам нравилась. И когда у Лизы появился первый претендент на ее руку и сердце, Белла Михайловна, придирчиво осмотрев юношу, вздохнув, сказала:

— Лиза, ты хочешь всю жизнь жить в коммунальной квартире с зарплатой в 100 рублей — выходи за него замуж...

И ухажер получил отставку.

А мы с Элкой Вербицкой, зеленоглазой, пышноволосой, и впрямь первой красавицей, обморочно влюблялись каждую весну и, вытаращив глаза, бегали на свидания, отмахиваясь от советов мам. Да и какую такую мудрость могли преподнести нам наши матери — хронически усталые инженерши советского периода, замордованные работой, бытом и безденежьем. Чему научить? А Белла Михайловна могла.

А тут у Лизы образовался второй ухажер. И Белла Михайловна, задумчиво посмотрев на него серыми близорукими глазами, сказала:

— Лиза, ты хочешь всю жизнь жить в однокомнатной квартире с зарплатой в 120 рублей — выходи за него замуж...

И Лиза вновь послушалась маму.

Нескладный, веснушчатый Фима появился в нашей компании случайно. По-моему, привела его по случаю Элка, как своего обожателя. Мы шумно праздновали окончание сессии, и раскрасневшаяся Белла Михайловна весьма лихо станцевала с нами чарльстон, танец своей юности, запыхалась и помолодела. В разгар веселья сломался магнитофон, чинить его вызвался Фима.

А на следующий день за завтраком, неторопливо размешивая чай серебряной ложечкой, Белла Михайловна сказала дочери:

— Фима — это то, что тебе надо. Этот юноша должен на тебе жениться. — Хорошо, мама, — только и сказала Лиза и опустила круглые глаза. Свадьбу назначили на осень. И судьба, эта строгая дама в дымчатых очках, сразу дала им знак своей благосклонности, словно, говоря мягким голосом Беллы Михайловны слегка врастяжку — «все идет как надо, все идет хорошо»

А все и в самом деле шло хорошо. Молодые любили друг друга, это светилось на их лицах и было видно невооруженным глазом, а тут еще этот невероятный, почти фантастический случай... Но все по порядку. Дело в том, что Фиме в качестве общественной нагрузки на кафедре поручили распространять билеты лотереи «ДОСААФ» (помните такую?) Фима, погруженный в свою любовь, науки и предстоящие хлопоты о свадьбе, об этом попросту забыл и не продал ни одного билета. И ко дню тиража все 35 штук остались у Фимы на руках. Билеты по своей тщательности накануне свадьбы проверила Белла Михайловна. И, долго сверяясь близорукими глазами с колонками цифр, нашарила дрогнувшей рукой таблетку валидола — Фима выиграл «Волгу».

На Лизиной свадьбе пили много шампанского, а растроганная родня пела песни и произносила тосты типа: «Если Фима у нас золото, то Лизочка — брильянт». Элка взасос целовалась с Фимой и Борькой, вызывая ревность последнего...

А через полгода Лиза, Фима и Белла Михайловна на деньги, вырученные от продажи машины, эмигрировали в Америку. Получилось, что Фима первым сообразил, что этот шаг все равно когда-нибудь придется сделать всей нашей компании. Так, если уж суждено уехать из страны, то лучше это сделать вовремя, пока ты молод и уверен в себе.

Да, много воды с тех пор утекло... Длинноногая красавица Элка спустя пятнадцать лет осела в Израиле. От ее былой красоты остались лишь фотографии студенческих лет и два сына от разных браков. А я, я оказалась в Германии.

И вот однажды... (Да, да мой уважаемый читатель, вы, конечно, скажете, что такое бывает только в сказках и, естественно, будете правы). Словом, в один прекрасный день Лиза разыскала нас и прислала красочное приглашение на годовщину свадьбы. В письмо был вложен солидный денежный чек на билет и оплату всех дорожных расходов. А также краткое, взволнованное письмо и фотография сегодняшней Лизы — холеной, располневшей, с двумя веснушчатыми кареглазыми дочерьми на фоне собственной трехэтажной виллы в Калифорнии.

Мы с Элкой испуганно-радостно перезвонились, поохали, взвесили все «за» и «против», а затем купили билеты и полетели в Америку.

Что толку описывать нашу встречу — всхлипы, поцелуи, возгласы и бесконечные разговоры до полночи, праздник и роскошь огргмной виллы. Скажу только, что близорукая, но все подмечающая Белла Михайловна не ошиблась. Фима оправдал ее надежды, оказался — что надо. Спустя пару лет после приезда он с другом основал маленькую компьютерную фирму, которая в скором времени разрослась, стала всемирно известна, принося славу и деньги своим хозяевам. И семьянином он был замечательным.

И если меня спрашивают, что такое счастье, я сразу представляю себе Лизу с Фимой, с детьми, их всех — толстеньких, конопатых, смеющихся на фоне виллы и океана... Да что там говорить — состоялась жизнь!

В Лизином доме нам прислуживал черный слуга по имени Али-Баба.

— Даже имена у слуг сказочные, — вздохнула загрустившая Элка. — Вот это да! — Али-Баба, — хорошо поставленным голосом школьной учительницы зовет слугу старенькая, поседевшая, съежившаяся как воробышек, но по-прежнему ясно мыслящая Белла Михайловна, — а принеси-ка нам сюда кофе со сливками. И роскошный, шоколадный Али-Баба, скользя по комнатам с кошачьей грацией, несет на серебряном подносе тонко подрагивающие кофейные чашки...

— Ну что?! — спросили меня по возвращении из Америки сгорающие от любопытства домашние. — Ну что? Понравилось? — Али-Бабу хочу, — ответила я и, повязав фартук, принялась за уборку порядком запущенной квартиры, — очень хочу Али-Бабу.

1995

САНАТОРИЙ ДЛЯ ПОХУДАНИЯ (ИЗ ЖИЗНИ ГОЛОДАЮЩИХ)

Санаторий размещался на острове.

— Это чтобы голодающие понимали, что все пути назад отрезаны и не могли сбежать, — мрачно пошутил Алик, обращаясь к жене и ощущая сосущую пустоту в желудке.

Ленка только ехидно хмыкнула и повела округлым плечом.

И зачем он только послушался жену и дал затащить себя в этот сомнительный «оазис здоровья и очищения»? Нет, конечно, набранные за последние восемь лет лишние 15 килограмм из-за лежания на любимом диване перед телевизором с тарелкой всякой

снеди, сидячей работы, отсутствия движения, любви к сладкому, вкусному, жирному, перченому...

Все так — полный набор. Поэтому и живот вырос, и давление стало подниматься. Типовой портрет горожанина средних лет в интерьере. Но обрекать себя на такие муки?

И еще Сонька, эта мосластая язва без единой капли лишнего жира, словно сошедшая с обложки журнала «Физкультура и спорт», школьная подруга жены, все время твердившая Ленке:

— Такую попу в Европе больше не носят!

Мол, она уже и карьере мешает. Тьфу, глупости, приятные округлости еще никому не мешали. Вот покойная Мирра Львовна, его тетка из Одессы, обычно говорила сестре, перманентно сидящей на диете:

— Милочка, худая корова еще не газель...

И, победно оглядев своих явно перекормленных внуков, чьи розовые щеки видны были уже со спины, восклицала:

— Вот с такими детьми не стыдно поехать в Одессу!

Да и Марк Григорьевич, его дядя, заменивший в детстве отца, любил повторять:

«Запомни, сынок, пока толстый сохнет — худой сдохнет».

Бывало, глянет на стройненькую по сегодняшним понятиям женщину, пожует с сожалением пухлыми сочными губами и изречет со вздохом:

— Э-э, да тут и трахать нечего!

И ведь прав был, старый греховодник, то ли дело рубенсовские формы, розово-кремовые телеса, пышности... Разве можно сравнить с современными вешалками на подиумах, это ж просто «антисекс», и кого могут вдохновить на подвиги эти штампованные куклы Барби?

Конечно, Лена тоже права, все хорошо в меру, и если из-за лишнего веса начинаются проблемы со здоровьем...

— Алик, — прервала его мысли жена, — пора на очистительные процедуры!

Алик уныло поплелся в кабинет, отстоял положенную очередь и покорно улегся на белую кушетку за ширму. И все-таки надо быть полным идиотом, чтобы за то, чтобы в твою собственную задницу поставили клизму, пусть даже суперсовременную, названную словно в издевку — системой очистки и оздоровления, и не дали жрать — выложить такую прорву денег! Еще вчера, когда он только высадился на этот чертов остров и проводил тусклым взглядом юркий паромчик, шустро убегавший назад в большую жизнь к сверкающим супермаркетам, набитым всевозможными вкусностями, он понял, что Ленка втравила его в пренеприятную историю.

— Чтобы похудеть, — сочным голосом вещал на лекции розовощекий доктор, — надо иметь мощную мотивацию и силу воли. Надо существенно ограничить рацион и много двигаться.

За обедом, опустив ложку в так называемый «суп», где в мутном бульоне плавали три чернослива, Алик путем несложных математических вычислений прикинул стоимость каждой черносливины и пришел в ужас. Так влипнуть! Да черт с ним, с брюшком — проделал лишнюю дырку в брючном ремне, съел пару таблеток от давления, и все тип-топ. Нет, поддался на все эти женские хитрости:

— Вам просто необходимо сбросить лишний вес. А в санатории вы сделаете это по новейшим методикам, под наблюдением врачей и максимально безболезненно...

Ничего себе безболезненно! Да это вообще — средневековая пытка какая-то, и он решительно ни о чем, кроме как о еде, думать не может. Рот наполнился слюной, под ложечкой предательски заурчало, а на глазах выступили слезы.

Единственная радость — молоденькие медсестрички вполне сносно делают массаж, бьют толстые рыхлые бока сильными струями воды из шлангов, а по вечерам поят красным вином. Вроде бы красное вино — мощный антиоксидант и способствует улучшению обмена веществ в организме. А какой может быть обмен при таком питании! Нет, три недели ему здесь не выдержать... Только ноги с голодухи протянуть под тщательным медицинским наблюдением и за свои же бабки.

Днем еще заворачивали в мокрые простыни, считалось, что такая процедура сжигает жир. Обитатели санатория после обеда ходили в белых простынях, как римские патриции, слегка поддатые (спасибо вину-антиоксиданту), сбивались в кучи и говорили только о еде.

— Эх, мне бы сейчас баранью ногу с жареным картофелем, — мечтательно закатывая глаза, колыхала необъятными складками черноволосая дама, — миллион бы, кажется, дала...

— А шоколадное мороженое с сиропом, — вторил ей их сосед, живот которого, как съязвила Ленка, был уже не на девятом, а на десятом месяце беременности.

По утрам обычно взвешивали. Молодой худощавый доктор водружал на электронные весы, последнее чудо техники, очередную жертву и голосом диктора на спортивных соревнованих бодро провозглашал результат:

— Потеря 150 граммов живого веса со вчерашнего дня! Общее похудение — 2 килограмма 400 граммов!

Похудевший гордо приосанивался и уступал место следующему герою сжигания жира.

Первые три дня Алик терял ежесуточно по 300 грамм и терпел, а на четвертый решил, что должен обязательно что- то предпринять, чтобы не свихнуться от голода окончательно.

Бродить в окрестностях санатория было делом бесполезным, магазинов на этом крошечном островке, гордо торчащем посреди прозрачной голубоватой воды, естественно, не было. А подход к санаторской кухне был забарикадирован так, как будто там хранились секреты оборонного значения.

— Все продумали, мучители..., — с горечью подумал Алик, усаживаясь перед обеденным столом и мрачно окидывая взглядом две тощенькие морковинки на блюде. — И впрямь сдохнешь тут от здорового питания, а скажут — так и надо.

— Что б такое съесть, чтоб похудеть? — радостно потирая руки, приветствовал его толстяк-сосед, установивший своеобразный рекорд и уже потерявший 8 килограмм живого веса за 10 дней. Толстяка ставили в пример другим голодающим.

— Надо что-то придумать, я должен что-то придумать, — неотступно размышлял Алик, направляясь на веранду, где жена с помощью медсестры замеряла объемы груди, талии и бедер и заносила эти впечатляющие размеры в таблицы.

— А я ей говорю, — щебетала жена, — я последнее время располнела так, что уже и стыдно раздеться в приличном месте...

— И знаешь, что она сказала? «Так может уже и хватит раздеваться в приличном месте?» Представляешь? Змея подколодная... И я решила — все, худею. На десять килограмм минимум.

— В конце концов, что у меня характера, что ли, нет?

Характер у жены был, это Алик отлично знал по себе.

— Вот и Алик у меня любит покушать, — продолжала жена. — Я же готовлю –пальчики оближешь. Ну, и набрали год за годом... Наша дочка нас так теперь и называет — два толстяка.

Жена засмеялась, показывая безукоризненно ровные зубы.

— Но мы похудеем, правда дорогой?

— Конечно, — стиснув зубы, процедил Алик, мучительно размышляя, где бы достать еды.

На четвертый день санаторной диеты, потеряв очередные 300 грамм, Алик решил, что просто так не сдастся. Все свободное от процедур время он сантиметр за сантиметром обследовал все помещения санатория с педантичностью маньяка. И на пятый день удача улыбнулась ему.

На третем этаже в медсестринском отсеке он обнаружил тумбочку, закрытую на отодвигающийся ржавый гвоздь.

Днем после диетического обеда, когда его жена отправилась в «банно-прачечный комплекс», как окрестили отдыхающие отделение водных процедур, Алик, незаметно стащив с вешалки белый докторский халат, нарочито небрежной походкой на ватных ногах оправился на третий этаж. Вожделенная тумбочка стояла на месте...

Вечером врач после очередного взвешивания сокрушенно покачал головой:

— Ничего не понимаю... Весы, что ли, разрегулировались? Вы почему-то на кило поправились.

— Да что взять с современной техники, — заюлил Алик. — Вот у нас в институте была история...

Взвешивание приостановили.

Все оставшиеся дни Алик проходил в хорошем настроении. Только жена и врачи сокрушенно качали головами — Алик больше не худел.

— Ты у меня прямо загадка природы какая-то..., — недоумевала жена.

Отгадка была проста и гениальна. О ней Алик поведал мне после второй рюмки водки в рожественском обильном застолье.

— Просто в той тумбочке хранилась трехлитровая банка меда и ванильные сухари. Как только Ленка вечером засыпала, я поднимался к заветной тумбочке и отводил душу.

— А как же твое давление? — строго спросила я.

— Так на полтора кило я ж все-таки похудел, — конфузливо сморщился Алик. — Жаль, конечно, вбуханных в путевку денег. Но зато Ленка имеет теперь такую фигуру...

— Что не стыдно раздеться в приличном месте, — радостно подхватила я.

— Ты думаешь? — с тревогой заглядывая мне в глаза, спросил Алик и попытался втянуть заметно выпирающий живот.

ОЛЬГА СЫСУЕВА (ХЕЛЬГА ЯНССОН) (РОССИЯ, ВОРОНЕЖ)

Писательница, публицист, историк, поэтесса. Родилась и живет в Воронеже. Закончила Воронежский государственный университет (исторический факультет). По образованию преподаватель истории. В настоящее время занимается журналистикой, специализация — музыка. Член Международного Союза писателей «Новый Современник». Постоянный автор интернет-портала «Галерея Златы Раповой». Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов, среди них конкурс «Неизвестное прошлое России», номинация «Очерк». Награждена Грамотой Княжеского Совета Всея Руси за исследование биографии Б. В. Савинкова. Кавалер памятной медали им. Ф.М.Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость».

Страница автора на сайте «Галерея Златы Раповой»: http://www.zlata-galerie.ru/company_news.aspx?user_id=27
E-mail: helgajansson@mail.ru

ВЕЛИКИЙ ПЕВЧИЙ

В этот день графу Алексею Григорьевичу Разумовскому хотелось напиться. Дело в том, что императрица Елизавета, его обожаемая супруга, скончалась на руках у своего последнего фаворита Ивана Шувалова, этого баловня судьбы и просто нагловатого мальчугана, которого он часто бил, когда был пьяным. Сейчас ему хотелось снова поднять на него руку, но в этот раз Алексей сдержался. Он молча выслушал рассказ Ивана о смерти государыни и вздохнул.

— Что теперь с нами будет, Иван?

Шувалов поднял на графа свои кристально-чистые голубые глаза. В этот момент он понял, что Разумовский любил Елизавету не только за то, что она когда-то возвеличила его, простого певчего, в ранг государственных чиновников. Разумовский любил Елизавету не только за то, что та покровительствовала его родине — богатой природой и щедрой дарами Малороссии. Алексей любил Елизавету, как жену и мать его детей, которых у них было двое — мальчик и девочка, настоящая красавица. Иван Шувалов поежился. Но решился сознаться: жаль ему стало этого придворного малоросса.

— С вами-то ничего не будет, граф... Матушка завещала новых правителей не трогать вас...

— Спасибо, Иван, — сухо сказал Разумовский. — Только ты не знаешь, кто будет новым правителем. А я знаю все. И мне кажется, что тебе лучше уехать в Париж, а я сам разберусь с теми, кто придет к власти...

— Вы думаете? — заикаясь, задал Шувалов наболевший вопрос.

— Я думаю, что Екатерина ни перед чем не остановится и не станет щадить прежних фаворитов, несмотря на все увещевания. Отправляйтесь в Париж немедленно. Я все оплачу. Иначе доброе имя прежней государыни навсегда останется замаранным в веках...

Шувалов поразился жару слов Разумовского. И тут же скрылся из глаз. Алексей отдал приказ вошедшим придворным:

— Доставить Шувалова в Париж, и чтобы я о нем больше не слышал.

Как только скрылся Иван Шувалов, к овдовевшему Алексею вошла Екатерина, молодая супруга Петра III.

— Надеюсь, мы правильно поймем друг друга, — сказала она, властно посмотрев на бывшего фаворита дочери Петра.

Разумовский задумался. Новая хозяйка дворца посмотрела на него и засмеялась.

— А вы действительно любили ее... столько горечи в ваших прекрасных, карих глазах!

Алексей молча отвернулся от государыни.

— Не стоит меня мучить, — сухо сказал он. — Я и так уничтожен. Вы видите, что ее смерть сделала со мной? Я же дал согласие во имя того, что наших детей не тронут...

— Вы хорошо подумали, граф? — спросила она.

Алексей вяло улыбнулся.

— А разве у меня есть выбор?

В этот трагический момент судьба Алексея Разумовского не волновала никого. Дворец был полон слухами о том, что молодая супруга Петра III желает занять престол. Заговором руководили масонские круги во главе с графом Солтыковым, известным, как граф Сен-Жермен — участник многих европейских заговоров и переворотов. Согласно легенде, именно граф Сен-Жермен толкнул братьев Орловых к участию в заговоре.

Он же направил на «путь истинный» и Алексея Разумовского, для которого после смерти государыни началась совершенно другая жизнь. Бывший фаворит Елизаветы, он сделал головокружительную карьеру, в восемнадцать лет став президентом Академии наук. Сам Алексей испытывал тягу к знаниям, легко обучался и покровительствовал Михаилу Васильевичу Ломоносову, о котором ходили слухи, что это был сын Петра I. Впрочем, Алексею было все равно. Михаила Васильевича он искренне любил и уважал за знания и за то, что он многое сделал для государства. Это был человек величайшего ума, и именно он научил бывшего певчего политическим маневрам и умению обращаться с вельможами. Именно он говорил ему не ссориться с Елагиным, который стал вторым наставником Алексея...

Друзьями Алексея были также Теплов (будущий секретарь Екатерины II), Ададуров и поэт Александр Сумароков — известнейшие масоны своего времени.

В красавца певчего, одаренного от природы сильным и мужественным голосом, влюбилась императрица Елизавета. Алексей был действительно хорош собой; это отмечала даже Екатерина, поразившаяся сложению и статной фигуре немолодого, но интересного министра. У него были необыкновенно приятные черты лица, хотя оно и казалось круглым, как диск луны, смотревший на людей в полнолуние. Карие глаза Алексея притягивали и заставляли мечтать о нем многих светских дам; но достался он именно Елизавете Петровне, которая смогла победить всех своих соперниц и остаться единственной любовницей Разумовского. Правда, до появления Шувалова...

Разумовского передернуло. Опять этот молодой выскочка восстал у него в памяти! Впрочем, он не остался перед ним в долгу. Алексей ухмыльнулся, вспомнив то время, когда он, напившись до чертиков, избивал ночи напролет того, кто делал из него посмешище двора. После таких побоев Иван долго не появлялся у покоев супруги...

Граф Сен-Жермен появился в России незадолго до смерти государыни; и Разумовский был одним из первых, кто встретил выдающегося политика, окружавшего себя всякого рода мистификациями. Это был человек, которому было около 45 лет, впрочем, могло быть и больше. У Сен-Жермена был магнетический взгляд, который завораживал собеседника с первых мгновений.

Одевался граф достаточно скромно, но со вкусом. Однако Алексей быстро заметил пристрастие графа к драгоценным камням. Пальцы его рук были усыпаны драгоценными перстнями в золотой оправе; пряжки на ногах были украшены опалами редкой красоты. Граф Разумовский попытался угадать национальность графа, но тот только развел руками и загадочно улыбнулся.

— Многие считают меня венгром. Впрочем, я и сам придерживаюсь этой версии. Вам фамилия Ракоцци знакома? — сказал Сен-Жермен и перевел разговор на другую тему.

— У вас сверхъестественные способности, — улыбнулся маг выдающемуся царедворцу. — Вы многого достигли в своей жизни.

— Благодаря силе любви, — обменялся в свою очередь любезностью Алексей и пожал Сен-Жермену, который пожелал оставаться Солтыковым, руку.

Сен-Жермен расхохотался: он не верил в любовь. Впрочем, Сен-Жермен никогда не любил с такой силой, как способен полюбить человек простой, пусть и обладавший «сверхъестественными способностями». А Алексей был именно таким — чутким, заботливым, внимательным...

Даже когда у постели его жены появился Иван Шувалов, он не скупился на нежности и комплименты. Елизавета Петровна была тронута до глубины души. Он казался ей богом даже тогда, когда она, немолодая, но жаждущая любовных приключений, женщина позволяла себе отдаваться шалостям с Иваном Шуваловым. Императрица искренне любила своего певчего и не скупилась на дары... для него она даже вызвала музыкантов из Малороссии, чтобы те напоминали фавориту о его родной стране. Для него она полюбила Малороссию и осталась ей верна до конца. Алексей никогда не позорил имя Елизаветы Петровны. Он был идеальным фаворитом, чутким и нежным любовником и заботливым мужем до конца своих дней...

Разумовский оставался скромным, набожным человеком, старался не вмешиваться в придворные интриги и держаться в стороне от большой политики. К своему стремительному возвышению он относился с юмором, но и с почтительностью. Он обожествлял свою императрицу. Падая ей в ноги, он часто молился. Сжимая ее в объятьях, возносил до Елисейских полей.

Склонный к мистицизму Елагин охотно принимал мага у себя дома, где гости отдыхали и пили дорогие вина. Поэта Александра Сумарокова просили почитать стихи. Сен-Жермен загадочно улыбнулся.

— Весьма мило для просвещенного человека, — сказал Сен-Жермен. — Жаль только, что настанет время, когда стихи будут сочинять простые люди!

Александр надменно поднял бровь.

— А что, может настать такое время?

Эта фраза весьма рассмешила Елагина.

— О, да, — многозначительно сказал Сен-Жермен, — скоро Францию ждут великие потрясения. Страну будет трясти много раз. Потом эта участь коснется всей Европы, включая и Российскую империю... Приоритеты обмельчают, поэзия изменится...

— Как? — не понял Разумовский.

— К великому потянутся люди, которые гораздо ниже нас по уровню развития. Я за просвещение масс, но, увы, не все способны впитывать прекрасное. Посмотрите на эту розу — несомненное чудо природы — как она вам? Вы скажете: она восхитительна. Однако, многие могут вас не понять. Есть люди, которые скажут: что это за гадость? Да, да, есть и такие...

Вот вы, Алексей Григорьевич, любите музыку. У вас — великолепный голос и абсолютный слух. Вам кажется, что это дано всем. Но это далеко не так. Придет время, когда божественные звуки скрипок будут резать людям слух, как... режет слух звук пилы или голос неподготовленного исполнителя. Вы должны меня понимать. Но простые люди не могут понять великого, увы...

Врата Знаний откроются, но войти в них смогут немногие.

Так и с поэзией. Строчки, произнесенные нашим товарищем, прекрасны. Но настанет время, когда поэты начнут рассматривать поэзию не как порывы души или тайные символы, а, как набор фраз и окончаний. И это будет приводить простой народ в замешательство...

Граф Сен-Жермен загадочно улыбнулся, чем рассмешил Елагина.

Алексей Разумовский задумался. Для него настали тяжелые времена...

Призрак Елизаветы преследовал его, постоянно напоминая о прошлом. Он помнил ее еще молодой, веселой, когда она открыла в нем, несмышленом мальчишке, великолепнейший алмаз, нуждавшийся в огранке. Он помнил, как они встретились в первый раз. Он выводил стройным голосом красивый куплет старинной украинской песни. Она сидела и слушала его, широко раскрыв глаза. Грудь молодой женщины поднималась от волнения, и Алексей чувствовал, что она так же понимает мелодию, как и он. Елизавета любила музыку. Государыне нравилось протяжное пение, грациозное звучание музыкальных инструментов. Особенно Елизавете полюбились скрипки, которые в ее время звучали особенно красиво. Императрица не жалела о том, что не умела петь: ведь женщине ее ранга не пристало уподобляться талантливым простолюдинкам! Но с каким умилением слушала она своего возлюбленного, в объятиях которого ей хотелось находиться вечно...

Алексей горько ухмыльнулся. К нему подошел граф Сен-Жермен.

— Вам предстоит пережить еще немало испытаний, граф, — сказал он. — Но окончите вы жизнь всеобщим любимцем, и таковым останетесь в истории. Навсегда. А это — лучшая награда за труды.

Алексей повернулся к графу лицом.

— Вот вы, господин кудесник, все знаете..., — хрипло сказал он, — может быть, подскажете, как забыть ту женщину, которую я любил больше всего на свете? Теперь, когда ее нет, в моей душе царит пустота....

— «И это пройдет» — изрек мудрый Экклезиаст. Граф, вы еще молоды, а представьте, каково человеку, который жил во все века?

...Спускалась ночь. Но собравшиеся у Елагина этого не замечали. В Санкт-Петербурге все еще дышало трагедией. Наступала новая эпоха. Новые лица заменяли старые. А жизнь шла своим чередом. Только один Разумовский понимал, что потерял все...

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КНЯЗЯ ИГОРЯ

(очерк)

Образ князя Игоря Новгород-Северского в истории весьма противоречив. Игорь (в крещении Георгий) Святославич Новгород-Северский происходил из рода князей Черниговских. В 1169 году Игорь участвовал в походе против Мстислава Изяславича вместе со знаменитым князем Андреем Боголюбским.

С 1180 году Игорь занял престол в княжестве Новгород-Северском. «В 1185 году он вместе с тремя другими князьями совершил поход вглубь степей, намереваясь разгромить половецкие орды, обитавшие в Северном Причерноморье и Подонье, и вернуть утраченный город Тмутаракань на Таманском полуострове. Но войско Игоря потерпело поражение, а сам он попал в плен к половцам. Вернувшись на Русь, он с помощью велеликого киевского князя Святослава Всеволодовича пытался организовать отпор кочевникам.

Игорь сознавал гибельность для Руси феодальных усобиц. Находясь в плену, он с болью вспоминал, как сам разорял русские земли: «...много убийств и кровопролития совершил я в земле христианской... взял на щит город Глебов у Переяславля. Тогда немало зла приняли безвинные христиане, разлучаемые отец с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими и дочери с матерями своими, а подруга с подругой своей. И все было сметено пленом и бывшей тогда скорбью. Живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, ибо, как мученики, святым огнем от жизни этой приняли испытание. Старцы умерщвлялись, юноши же лютые и тяжелые раны принимали, мужей же отделяли одного от другого и рассекали на части. И то все сотворил я», — писал О. М. Рапов.

«Слово о полку Игореве» невозможно понять без разъяснения той ситуации, которая сложилась к 1185 году и во внутренней и во внешней политики Руси. Это касается не только половцев и их деструктивной роли в междоусобных войнах русских князей, но и той ситуации, которая сложилась на Руси к XII веку. Исследователь «Слова...» Валерий Рыжов считает, что «вопреки сложившемуся стереотипу герой «Слова о полку Игореве», дед Игоря Олег «Гориславич», не был первым русским князем, «приведшим половцев на Русь». Эта сомнительная честь принадлежит уже упоминавшемуся нами триумвирату — Изяславу, Святославу и Всеволоду, которые использовали их в междоусобной войне против Всеслава Полоцкого».

В 1054 году умер князь Ярослав Мудрый, оставив после себя пятерых сыновей, которые начали борьбу за лидерство в Руси. Умирая, Ярослав Мудрый завещал князьям во всем слушаться своего сына Изяслава. Ярославичи замутили междоусобную войну с Всеславом Полоцким, богатство которого они надеялись отнять. Князь Всеслав, прозванный в народе «колдуном», был нечестным образом захвачен в плен, а войско его было разбито. Это была полная, хоть и несколько нечестная победа Ярославичей. Но в 1068 году на Русь поднялись половцы.

Кто же такие половцы? Половцы — это кочевники, пришедшие в Русь из Средней Азии. К 1055 году половцы вытеснили из степей южного Преднестровья жившие там ранее племена печенегов и торков. О половцах известно, что «на востоке от Руси их называли кипчаками, на западе — куманами, русские же стали называть их половцами, т. к. цвет волос новых соседей, в отличие от прежних, был соломенно-желтым (полова — рубленая солома)».

Об этом сообщается в знаменитом произведении XII века «Слово о полку Игореве». Князья струсили. Изяслав и Всеволод укрылись в Киеве, Святослав заперся в Чернигове. Жители Киева попросили у князей коней и оружия, чтобы биться с кочевниками, но они отказали. Тогда киевляне подняли бунт, выпустили из тюрьмы Всеслава и провозгласили его великим князем. Изяслав с помощью польского короля Болеслава II сумел вернуть себе Киев. Всеслав бежал, однако, он сумел вернуть себе Полоцк, но окончательно Всеслав был разбит Владимиром Мономахом. В 1072 году Святослав (Хольти Смелый), дед князя Игоря Новгород-Северского, изгнал своего старшего брата Изяслава из Киева.

В 1073 году Великим князем стал Святослав, но он умер в 1076 году. Всеволод без борьбы уступил Киев вернувшемуся старшему брату, а сам ушел в Чернигов...

«Изяслав и Всеволод отобрали у его детей не только Киев, но и их «вотчину» — Чернигов», — пишет Валерий Рыжов.

«Началось с того, что старший сын Святослава — Глеб, опытный воин, успешно противостоявший натиску Всеслава Полоцкого на Новгород, был лишен княжения в этом городе и убит на своем корабле по пути в Смоленск (1078 г.). Когда брат Глеба Олег

Святославич (между прочим, друг Владимира Мономаха и крестный отец его старшего сына) узнал об этом, то в страхе бежал в Тмутаракань, где правил третий сын Святослава — «красный» (т.е. красивый) Роман (о нем, согласно сообщению автора «Слова...», пел песни любимец Олега Боян). Роману «стало жаль брата», и он организовал поход против Изяслава и Всеволода. Этот князь был предательски убит своими союзниками — половцами, которых подкупили братья отца (1079 г.). После этого вся тяжесть войны легла на плечи Олега «Гориславича»: всю жизнь он провел в походах и войнах, побывал в плену в Византии, бежав оттуда, сражался с немногочисленной дружиной и союзными половцами один против всех и сумел добиться практически невозможного: возвращения Чернигова Святославичам. Умер он князем в Новгороде-Северском (1115 г.). Олег уклонялся от общерусских походов на кочевников и выказывал к ним явное расположение. Старший сын Олега (Всеволод) прославился в молодости набегами на мирное население и даже попал в былины как отрицательный герой (Чурила), но более он известен по знаменитому письму-приглашению Юрия Долгорукого: «Приди ко мне, брате, в Москов» — это первое упоминание Москвы в исторических документах. Интересно, что именно сын этого беспутного князя (Святослав) произносит знаменитое «золотое слово» в повести «Слово о полку Игореве». Средний сын Олега Игорь был убит. Любопытно, что младший сын Олега, Святослав, отец Игоря, был женат на половчанке. Летописи сохранили ее имя — княжна Екатерина. Она была дочерью половецкого хана Аепы Григеневича. Второй женой Святослава была дочь новгородского посадника Петрилы, Мария. На Марии Святослав женился в 1136 году. Возможно, Игорь Новгород-Северский в чем-то и повторил судьбу отца. Первый брак, по настоянию Святослава Олеговича, был заключен с половчанкой, а второй, возможно, по настоянию киевского князя Святослава Всеволодовича — с дочерью Ярослава Осмомысла Евфросиньей. И на это могли быть свои причины: хорошие отношения Святослава с княгиней Ольгой, супругой Ярослава Осмомысла, возможной матерью Евфросиньи. В 1160 году Святослав ездил на съезд князей. Киевский стол занял тогда Ростислав Мстиславич. Константин Рыжков пишет: «Ростислав одарил Святослава соболями, горностаями, куницами, черными куницами, песцами, белыми волками, а Святослав подарил великому князю барса и двух борзых коней в стеганых седлах».

Именно Святослав и был отцом Игоря Новгород-Северского, известного по «Слову...». Известно, что Игорь был женат дважды. Но это тоже сомнительная концепция, поскольку есть версия, что Евфросинья, дочь Ярослава Осмомысла (Ярославна) — первая и единственная жена князя Игоря, которая родила ему 5 детей. Однако против этой концепции можно сказать следующее. Дело в том, что старший сын Игоря Владимир настолько возмужал, что мог ходить с ним в поход, иметь собственные суждения и даже жениться на дочери Кончака. При этом, князю Игорю было 34 года. Есть свидетельства о том, что братья Владимира появились на свет после 1185 года, то есть после освобождения Игоря из плена. Мне кажется, более правдива версия Константина Рыжкова о том, что у Игоря было 2 жены. На одной из них, матери Владимира, он женился в 1169 году, когда ему было 18 лет. А другую, Евфросинью, дочь Ярослава Осмомысла, взял в жены в 1184 году, незадолго до своего похода в степь. Ярослав Осмомысл Галицкий известен по войнам с Изяславом II Мстиславичем и Гейзой II, королем венгерским, из-за городов по реке Горынь. После смерти его отца в разгар этой самой войны Галицкие бояре посадили Ярослава на отцовский стол. В 1154 году Изяслав Мстиславович умер, а княжить стал зять Ярослава и его союзник Юрий Долгорукий. В «Слове о полку Игореве» Ярославу Осмомыслу посвящены такие строки: «Ярослав Осмомысл Галицкий!

Высоко сидишь ты на своем златокованом столе; ты подпер горы Венгерские своими железными полками, заступил путь королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю, отворяешь ворота к Киеву».

Ярослав Осмомысл был женат на дочери Юрия Долгорукова Ольге. Но семейная жизнь не заладилась, и Ольга в 1173 году ушла в Польшу вместе с сыном Владимиром, боярином Константином Серославичем и многими другими боярами. Ярослав стал открыто жить со своей любовницей Настастьей, которая ему родила сына Олега. Но бояре воспротивились этому браку. Ярослава и Олега посадили в заточение, Настасью «торжественно сожгли на костре». Ярослава Осмомысла держали в заточении до тех пор, пока он не обещал, что «будет жить с княгиней, как следует». Ольге и Владимиру отправили приглашение ехать обратно в Галич. Но в 1187 году князь Ярослав Осмомысл завещал после себя Галич сыну Настасьи Олегу.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Я считаю, что гражданская война — это трагедия для любой страны. И лучше бы гражданских войн не было. Данный очерк не ставит перед собой целью кого-то осудить и кого-то возвысить. Поклонники найдутся у всех. Кому-то будет симпатичен Керенский, кто-то поддержит Корнилова, а кому-то понравится Деникин... найдутся поклонники у Махно, у Фрунзе, у Чапаева, у Троцкого... всех перечислить нельзя, да и невозможно.

Целью данного очерка является объективная оценка (на мой взгляд) событий, происходивших в 1917-1923 гг. Источниками для написания очерка послужили мемуары А. И. Деникина «Очерки русской смуты», дневники З. Н. Гиппиус, дневники И. А. Бунина «Окаянные дни», а также собрание документов «Борис Савинков на Лубянке». Из исторических монографий, посвященных этому вопросу, хочу отметить гигантский труд Валерия Шамбарова «Белогвардейщина», который я прочитала почти как художественное произведение. В этой объемной книге, при написании которой использовано огромное количество источников и литературы, возможно, есть ответы на все волнующие читателей вопросы. Но, даже прочитав эту книгу, глотая слезы и сопереживая ее героям, я все равно задавалась вопросом: «почему?». И поскольку я сама занимаюсь этой эпохой, то постараюсь на него ответить хотя бы для себя. Максимально без политики, но пытаясь выявить объективные причины поражения Белого Движения.

В гражданской войне поддерживаю всех тех, кто сражался за свой мир, дом, Родину. Вечная память. Белое движение, которое по мере своего развития, превратилось в Белое Дело, создавалось для того, чтобы русская армия не развалилась окончательно. Основатели Белого Движения понимали, что, если огромную часть русского воинства бросить на произвол судьбы (а новое правительство вполне могло это сделать), то в стране начнется анархия, аналогов которой может и не быть.

...Белое движение — это «самая печальная страница моих воспоминаний», так сказал бы Борис Савинков, стоявший у истоков этого движения и помогавший генералу Алексееву создавать армию для борьбы с большевиками. Но все начиналось не сразу.

После октября 1917 года Савинков предлагал борьбу, Алексеев считал борьбу бесполезной, и мотивировал свой отказ тем, что у него не хватает на нее средств. Тогда Савинков сказал: «Если русский генерал не исполняет своего долга, то я, штатский человек, сделаю это за него» (эти слова взяты из мемуаров Деникина «Очерки русской смуты»), и отправился в Гатчину, где уже пытался настроить русское офицерство

против приехавшего туда на автомобиле в окружении девиц Керенского, который явно ничего не желал делать. Керенского выгнали даже с Гатчины. Небезызвестно, что Савинков приложил к этому массу усилий. «Приехавший Савинков предложил Краснову арестовать Керенского и возглавить движение самому. Краснов отказался, считая это некрасивым. И бесполезным. Утром 30.10 попробовали двигаться дальше» (Валерий Шамбаров, «Белогвардейщина»).

В Гатчине с самого начала был какой-то накал страстей. «Междоусобная борьба» доходила здесь до того, что лидеры постоянно ссорились между собой. Казаки, которых вечно подбивал Савинков, хотели изгнать Керенского, «потому, что он сам большевик». (Шамбаров).

«В панике Керенский обратился к Краснову. Генерал, пожав плечами, сказал: «Как ни велика ваша вина перед Россией, я считаю себя не вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь». И Керенский бежал» (Валерий Шамбаров, «Белогвардейщина», с. 57). В ноябре 1917 года все лучшее офицерство стекалось на Дон. Дон встречал Алексеева, Родзянко, Корнилова, Милюкова, Завойко, Савинкова... Керенского, который приехал на Дон в конце ноября, прогнали и оттуда.

На Дон стекались люди, уходившие из «большевистских тюрем», от «большевистской свободы», из «развалившихся воинских частей» (Антон Деникин). Одним это удавалось легко, другие уходили в никуда и вскоре находили свою смерть. Таким образом, на Дону начинало формироваться независимое правительство с атаманом Калединым во главе. «Слабые духом отпадали, сильные держались», — напишет потом Антон Иванович Деникин в своих «Очерках русской смуты». Каледин долгое время отказывался становиться во главе движения, но после нескольких отказов сдался.

«Я пришел на Дон с чистыми намерениями воина, а уйду, может быть, с проклятьями», — заявлял вновь избранный атаман. (А. И. Деникин «Очерки русской смуты»).

На Дону столкнулись интересы Корнилова, Алексеева и Каледина, который был всего лишь выборным атаманом, и не мог бросить все и уйти в неизвестность. Он прекрасно понимал, что борьба за власть сама по себе не имеет значения без сохранения российской символики и основ государственности.

В принципе, за ним бы никто не пошел.

...Впоследствии Каледин покончит жизнь самоубийством, выстрелив в сердце; Корнилов, грезивший о том, как бы ему попасть в Сибирь, а оттуда, возможно, в Индию, уйдет с войском на Кубань, где найдет свою смерть. Алексеев до конца (1918 год) будет сотрудничать с Савинковым, но их попытка объединить Россию против большевиков, нелегально захвативших власть в 1917 году, кончится крахом: Алексеев умрет от тяжелой болезни, которая обострилась из-за его тяжелой работы на фронте, а Савинков отправится вначале в Казань самостоятельно, а после присоединится к приехавшему из Америки Колчаку, который станет новым Верховным правителем России. Но Колчак не продержался долго из-за интриг. «Это был несчастный человек», — напишет потом ближайший друг Савинкова по каппелевскому отряду Вырыпаев. Вскоре сам Савинков уедет за границу и возглавит рекламное агентство Колчака «Унион». Но сам Колчак потерпит поражение от Фрунзе и погибнет в результате предательства. Впрочем, «последнего из могикан», Савинкова тоже предадут близкие ему люди в 1924 году, сдав большевикам...

В 1918 году Савинков вынужден был выехать из Дона в Москву, «по приказу Алексеева», и стал искать средства на создание той организации, которая могла бы захватить власть в Кремле. На меньшее террорист со своей устоявшейся системой взглядов не рассчитывал.

Один из генералов белого движения, Антон Иванович Деникин, не связывал организацию Савинкова с Добровольческой Армией, как бы открещиваясь от нее и ее руководителя. Вот как писал Деникин в «Очерках русской смуты»: «Вместо «привлечения на Дон некоторых известных демократических деятелей», как формулирует Савинков данное ему поручение, он предпринял самостоятельную организацию в Москве, прикрываясь именами генералов Корнилова и Алексеева и отвлекая тем силы от Добровольческой армии».

В принципе, многие были склонны считать Савинкова самостоятельной силой, а не частью Добровольческой армии. Погубило ли это добровольцев? Вполне вероятно, поскольку никто из них не решился «брать Москву», предоставив это одному Савинкову. Но чего мог добиться Савинков в одиночку? Бывший террорист постоянно звал генералов объединиться против большевиков, но его беда заключалась в том, что со времен корниловского мятежа (август 1917 года) Савинкову никто не верил, и все тянули «одеяло на себя».

Однако этого не произошло, и уже к маю 1918 года Савинкову пришлось переместить движение в Казань, поскольку начались аресты членов его организации. Потом он, по наущению союзников (французов и англичан) поднимал восстания в Рыбинске, а его помощник, полковник Перхуров — в Ярославле. Как признавался сам Савинков на судебном процессе 1924 года, он поднимать восстания не хотел — союзники обещали материальную помощь. На другое денег они не давали. Не проиграл ли Савинков намеренно? Савинков прекрасно понимал, что к нему относятся несерьезно, а намеренно толкать людей к гибели он не хотел. А вот Зинаида Гиппиус не верила Деникину, отмечая в дневниках следующее: «Не вижу я ни успеха «белых генералов» (если есть одни), ни целесообразности движения с юга....». (З. Н. Гиппиус «Дневники»).

На Савинкова всегда смотрели как на террориста-одиночку, случайно пришедшего в большую политику. Поэтому его всегда ожидала неудача. В итоге Савинков уехал за границу и там стал помогать своим же хоть чем-то. К примеру, известно, что он участвовал в «русской заграничной делегации», защищая интересы России при обсуждении Версальского договора». (Муромов И.А., Борис Викторович Савинков // Сто великих авантюристов. — М: «Вече». — 2006 — с. 444). Но Савинков быстро понял, что союзники никому не помогут. Известны его слова, которые он говорил на процессе 1924 года. Это о том, что хотели союзники: «Как максимум, — ну что же, русские подерутся между собою, тем лучше... Пускай красные дерутся с белыми как можно дольше, страна будет возможно больше ослаблена и обойтись без нас не будет в силах, тогда мы придем и распорядимся» (Цит. по: И. А. Муромов, книга «Сто великих авантюристов». — с. 445). Это ли не одна из причин поражения Белого Движения?

...4 января 1920 года в Нижнеундинске Колчак издал свой последний указ. В том же году он передал все полномочия А. И. Деникину. Вскоре он и Пепеляев были доставлены в Иркутск. 7 февраля 1920 года Колчак и Пепеляев были расстреляны. Как писал историк Валерий Шамбаров, в этот момент Колчак исполнял свой любимый романс «Гори, гори, моя звезда». Выстрел. Зловещая тишина. Звезды над небом...

Дело Колчака продолжили отряды генерала В.О. Каппеля, которые вскоре после поражения Колчака армией Фрунзе, начали «Сибирский ледяной поход», который кончился практически после того, как Каппель подхватил воспаление легких и «сгорел в один день».

Я считаю, что одним из явлений, которое погубило Белое движение, стала «махновщина».

Даже в Википедии можно читать следующее: «Военные действия махновцев на стороне Красной армии внесли заметный вклад в поражение Белого движения». Своей задачей махновцы ставили торжество анархизма. Но эту свою задачу они понимали своеобразно, активно помогая большевикам устранять белогвардейцев...

...Армия Юденича возникла как бы из ниоткуда. На этот раз движение возглавил генерал Юденич, но поход на Петроград не удался, поскольку действия Юденича и Бермунда опять были несогласованны, еще их подтачивали внутренние распри. Юденичу удалось захватить Павловск, Красное Село, Царское Село, Лигово. Дело дошло до того, что для спасения положения приехал сам Лев Троцкий. Потом Зинаида Гиппиус напишет в дневниках: «Армия Юденича совсем куда-то пропала, словно иголка. Что с ней случилось, зачем она вдруг стала уходить от Петербурга (от самого города! Разъезды белых были даже на Забалканском проспекте!), когда большевики из себя вышли от страха, когда их автомобили ночами пыхтели, готовые для бегства (один из них, очень важный, пыхтел и сверкал под окнами моей столовой, у нас во дворе его гараж) — не знаем, не можем понять! Но факт на лицо: они ушли. (Зинаида Гиппиус, «Черная книжка»).

...27 февраля Северный фронт отошел на линию реки Бейсуг. Тихорецкая и Казанская уже были оставлены белогвардейцами. В Белой гвардии начинались разлады, интриги между руководителями. Измотанное бесконечной войной рядовое воинство начинало не понимать, зачем нужны все эти боевые действия. «Смута в умах Донцов не ограничивалась рядовым казачеством. Она охватила и офицерский состав — подавленный, недоверчиво относившейся к массе, и давно уже потерявший власть над нею. Судьба день за днем наносила тяжкие удары. Причины обрушившихся бедствий, искали не в общих явлениях, не в общих ошибках, а в людях», — писал Антон Иванович Деникин. «Отступление продолжалось». Начиналась вражда между отдельными городами и даже волостями. Руководство на местах, оказавшись без крепкой, твердой власти, никак не могло поделить эту власть, не причиняя никому вреда.

Генерал Врангель уехал в Новороссийск, «взяв на себя руководство укреплением Новороссийского района». Антону Ивановичу Деникину уже было тяжело сдерживать власть на два фронта. Он тяготился ею, и был намерен отказаться. Вскоре одной из горячих точек стала Одесса. «А фронт все катился к морю», как будто руки судьбы сами выталкивали белогвардейцев из России вон. В январе Севастополь был шокирован приказом №1 следующего содержания, который подписал начальник гарнизона г. Симферополя, командир 1-ого полка Добровольцев, капитан Орлов: «...всякое насилие над личностью, имуществом граждан, продажа спиртных напитков и факты очевидной спекуляции будут караться мною по законам военного времени». Орлов попытался как-то наладить отсутствие дисциплины, наладить разрушенный порядок, царивший на Черноморском флоте. «Большое несходство во взглядах существовало между морским управлением и севастопольским начальством». «Расхождение существовало и в основных взглядах на идею служения нашему делу» (Антон Иванович Деникин). «Брожение во флоте продолжалось».

В результате возникших несогласий по многим вопросам, барон Врангель пошел на разрыв с генералом Деникиным. Генерал Врангель писал про Деникина, что он виноват во всей смуте, охватившей добровольческое движение. Известно письмо Врангеля Деникину, в котором он писал, указывая на генерала: «Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении Отечества, а лишь о сохранении власти...»... и далее про армию: «Армия, воспитанная

на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать Россию...». Это письмо Врангеля Деникину стало отправной точкой разрыва, заставив Деникина спешно уехать в Париж, передав Врангелю командование войсками. Белое движение постепенно стало сходить на нет. «Движение главных сил Юга к берегам Черного моря советским командованием расценивалось как последний акт борьбы», — писал Антон Иванович Деникин. Остатки добровольческой армии были переброшены в Крым. Генерал Кутепов приехал в Феодосию. Врангель привез в Севастополь ноту британского правительства, который был адресован Деникину, но был вручен Врангелю в Севастополе. «В своей ноте великобританское правительство предлагало оставить «неравную борьбу» и при его посредстве вступить в переговоры с советским правительством. В случае отклонения этого предложения Англия «снимала с себя ответственность» и угрожала прекратить какую бы то ни было дальнейшую помощь» (Антон Деникин). Деникин покинул Константинополь в трагическом расположении духа. В довершении всего, полковник Энгельгардт сообщил ему печальную весть о том, что его хороший знакомый, генерал Романовский, убит. «Этот удар окончательно доконал меня», — вспоминал Деникин. Стоял вечер. Генерал Деникин «с семьей и детьми ген. Корнилова перешел на английское госпитальное судно». На другой день на «дредноуте «Мальборо» они покидали Босфор, «унося в душе неизбывную скорбь».

МИХАИЛ ТЕННИКОВ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Поэт. Родился 31 марта 1976 года в Ленинграде. Публикует стихи в Интернете на сайте «Стихи.ру» и во многих коллективных поэтических сборниках.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

«Михаил Тенников — особенный поэт, его невесомые стихи живут особенной, самостийной жизнью. Он приоткрывает створку своей души (духа, сердца?) — и оттуда стихийным, искрящимся потоком — то бурным, то плавным и неспешным — струятся свободные слова. Слова, не имеющие к человеку-Тенникову никакого отношения, чистые слова Тенникова-поэта! Я не против человечности, наоборот! Я люблю людей, как класс. Но в поэзии — а мы ведь сейчас говорим о поэзии — мне хочется видеть поэта в поэте. Не летописца собственных взлетов и падений, а проводника незамутненной литературной информации. Настоящий поэт, по-моему — это медиум, это щедрый на самоотречение и сонный до мистического транса субъект. Да, он — проводник! Именно так я воспринимаю поэта Михаила Тенникова. В его стихах мирно соседствуют сложные, несоединимые, парадоксальные, но всегда созвучные образы. Ультросовременность и древность переплетаются органично и ненавязчиво, соединяются в стихотворение, но оно — никогда — не завершается, не обретает монументальной, законченной формы. Нет, все — недосказанность, все воздушное небытие. Не вакуум! Наоборот, насыщенное кислородом открытое пространство! И даже «любовная лирика» Михаила Тенникова какая-то «не такая», незнакомая, не скомканная, не заляпанная чужими доисторическими (доистерическими) сравнениями. Неужели человек может так любить?! Так писать о своей любви? Нет! Только поэт! Только — Михаил Тенников. Мне лично стихи Михаила Тенникова кажутся идеальными, невесомыми, и нездешними. Нечеловеческими! И мне это нравится. Читайте их бережно, затаив дыхание, распахнув сердце и душу. Я вас уверяю, именно так они были написаны! С любовью!»»

Анастасия Мурзич, писатель, поэт, журналист, Санкт-Петербург

E-mail: tennikov@mail.ru

125
(поколению 900)

...от ростральных колонн до магических крыльев моста,
против воли ветров, стиснув зубы, считая до ста,
наступая вперед, на морозный январский простор,
на диковинный город во льду — жутковато-простом –
на свиданье с заводом, дымящимся стылой горой,
позабыв календарь, отрывающий сорок второй,
неизведанный год...

и обратно — меж транспорта глыб
в вымерзающий дом, чем-то больно зовущий из мглы,
бичевою саней, полосуя ладонь до кости —
чтоб к ребячьим губам бриллиантовый хлеб поднести...

GLORIA

K. R.

входя в свою комнату, быстро минуя свет,
ты обезглавишь шум, как богиню Нику –

пестуя цену. Топчана сухой вельвет
впитает тебя, словно пыль, укрывая книгу.

станешь болеть, упреждая родства угли,
кувыркаться в безумии — душном и одиноком,

где лишь звезда, наблюдаемая с земли,
будет гореть, выжигая слезу под оком.

ЛЮБОВЬ

М. И.

...единственный ход, оставшийся на доске —
то — ход короля. Март бушует чужим циклоном;

следы на снегу, следы на сыром песке –
серпантин в никуда. И пахнет одеколоном.

— Где твой катер, Рябой?! Мы промокли!
— ...сюда!
— ...да, куда же?
— ...вон коновязь. Сходни — рядом. Ну, скорее же!

...Зрение, как слюда,
пеклось по слоям, улетающим в бой снарядом.

...А внутри, в тишине, в тепле, снимая шарф,
согревая зрачок ресницами и слезами,
темноту рвала шепотом, губы зажав
своими губами. И звезды с небес слезали.

И, когда рассвело, и — когда впереди
заклубилась тоска бутоном на львином зеве,
— ...Рябой, береги ее! — что дух из груди.
Земля почернела. Конвой уходил на север.

НА ПОЛЯХ ОДНОГО РОМАНА

Е. А.

Хег. Смилла. Снег. Зеландские задворки.
На окнах — обязательные створки.
В столицах жить не надобно в середке –
так больше шансов выжить у селедки
при грубой ловле, — той, что где-то сбоку.
И с человеком — также, слава Богу!

А снег — один, завьюжен и рассеян, –
от ледников гренландских до Рассеи.
И чувство этой кашицы небесной –
подобно воспарению над бездной,
в какой-то миг — над индевелой твердью,
где жизнь совокупляется со смертью.

Твой Копенгаген замкнут на защелку...
Имбирь японский положа за щеку,
я начал сам безумие кристалла
делить на память. Впрочем, ты устала.
...На юге — обозримее леса и
понятней шепот вещего Исайи.

Впитав свободу этих шестистиший,
твой монолог не сделается тише,
однако, станет медленней и злее.
И снег, заместо ветхого елея
залива скроет раны. Это — нега....
Да. Снег повсюду. Много, много снега...

АВТОБУС

О. Т.

I

автобус вечерний осенний из Зеленогорска.
внутри — пассажиров уставшая, жидкая горстка.

кто дремлет, кто радио крутит, но это — от скуки ж!
и солнце сквозь дымку стебет — что протянутый кукиш.

II

автобус вечерний — он катит к осенним причалам,
к своим автопаркам, к нестарым механикам чалым.

он мерит шоссе своим телом, покуда колеса
не встанут под эхом холодного финского плеса.

III

но — как он летит? ни один не ответит водитель.
Как вряд ли услышат с веранды скупое — «войдите»,

и, следом за тем, из корзины грибной и пахучей,
достанут бутыль задымленную сетью паучьей...

IV

летит в небеса — потому, что по осени — ближе
они к соснякам и к песчаной (не грязи — но жиже).

летит в небеса — потому, что последним приятен
не клена листа вид, но — синих бензиновых пятен.

V

автобус вечерний — почти что живой и покамест
в пути он — людей никогда не поднимет акафист

в честь праздника скуки, который продлится до мая
(так думает лес, безнадежно одежды снимая).

VI

но беглый автобус — гонец из былого — в далеко
минуя сегодня, и птиц улетающих клекот

небесной трубой возвещает, и слух ему колет –
колесам крутиться, а людям — молиться — доколе...

ЛУЧ
(памяти Николая Рубцова)

...и пришел человек. С обычаем,
Что гостей приютят — знаком.
И визит его стал событием;
Была люстра под потолком,

Был салат и наливка. Были и
Все, кто с ним говорить хотел.
И никто не спросил фамилии,
И каких он старатель дел.

Он читал им стихи — как выдержки
Из каких-то забытых книг...
А потом не хватило выпивки,
И пришедший внезапно сник...

Он у всех попросил прощения.
Он сказал, что ему — пора.
И покинул их помещение
За мгновение до утра.

И ушел... Ветерок по-летнему
Вьюжил тополь, летя в пуху.
Человек уходил к последнему
(как сказали потом) стиху...

ЕВГЕНИЙ УСОВИЧ (РОССИЯ, РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Поэт, прозаик. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси–2008 и 2009». Родился 9.04.1946 г. в Дагестане. В 1961 году переехал в Ростов-на-Дону, где и живет до сих пор. Имеет высшее строительное образование. В настоящее время работает директором проектного предприятия. Первую сказку написал в восемь лет, очень этого стеснялся и долгое время ничего не сочинял. В 1975 году неожиданно стали писаться стихи. Вступил в Ростовское общество молодых писателей, печатал стихи в местных изданиях. Потом, опять-таки неожиданно, пришла фантастика. Рассказ «Робот по прозвищу «Мама» был опубликован в «толстом» журнале «Дон», а потом перепечатан в чехословацком журнале «Иностранная литература». После этого понял, что, действительно, что-то умеет и стал заниматься литературной деятельностью более серьезно. Но по-настоящему желание писать пришло после того, как жена в 2004 году подарила в день рождения компьютер. В это время была написана первая сказка — «Лунный братец» и фантастическая повесть «Эффект Буратино». После этого новые произведения вышли в Интернет и зажили самостоятельной жизнью, принося автору многочисленные победы в различных сетевых конкурсах: Диплом за победу в Итоговом конкурсе на Литсовете «Супердесятка–2007»; Диплом призера ежегодного международного конкурса «Формула НЛО»–2006, 2007 гг.; Победитель ежегодного международного конкурса «Формула НЛО»–2008 г.; Победитель конкурса на Литсовете «Рассказы и сказки для детей»; Победитель конкурса на Литсовете «Конкурс сказки»; Победитель конкурса на Литсовете «Стихи для детей»; Победитель конкурса на Самиздате «Конкурс им. Н. Носова»; Победитель международного конкурса UniForge в номинации «Сказы и сказки». В настоящее время принимает участие в различных литературных объединениях, приглашается для судейства литературных конкурсов и, конечно, продолжает писать стихи и сказки для детей.

E-mail: uev2005@mail.ru

ВЕСЕЛЫЙ ГНОМ

В ветхом домике без печки
Жил веселый старичок,
Кипятил он чай на свечке,
Заварив травы пучок,
Жарил ягоды на солнце,
Одуванчики солил,
И, под вечер, у оконца
Комаров чайком поил.
На сосне искал иголку,
Чтоб латать себе штаны,
Вместо зеркала на полку
Ставил краешек Луны.
Ночью звездные дорожки
Бородою подметал,
То, что падало, в лукошко
Осторожно собирал.
Ну, а утром звезды эти
Сеял дома, под окном,
Чтобы знали все на свете,
Где живет веселый гном.

ДАЧНЫЙ ГИМН

Однажды летом злой осот,
Король всех сорняков,
Решил отправиться в поход
На дачных простаков.
Через забор его полки
Пробрались без труда:
Пырей, крапива и вьюнки,
Лопух и лебеда.

Вскричал король: «Вперед, бойцы!
На свеклу и шпинат!
На сельдерей и огурцы,
Петрушку и салат»!
Пошли в атаку сорняки —
Зеленая орда:
Пырей, крапива и вьюнки,
Лопух и лебеда.

Но впереди блеснула сталь
Отточенных клинков,
И час возмездия настал
Для войска сорняков.

Еще не высохла роса,
Как дали им отпор
Лопата, грабли и коса,
Мотыга и топор.

Вмиг растерял злодей осот
Свой королевский пыл,
И, позабыв про огород,
С позором отступил.
Бежал король, и сорняки
Желтеют от стыда:
Пырей, крапива и вьюнки,
Лопух и лебеда.

На мягких грядках мирно спят
В тепле и тишине
Укроп, петрушка и салат,
Не зная о войне.
И не страшна для них гроза
Пока несут дозор
Лопата, грабли и коса,
Мотыга и топор.

ПОДКОВЫ ДЛЯ КОРОВЫ

Купила корова четыре подковы
И с этой покупкой пришла к кузнецу.
— Прибей мне подковы, — сказала корова.
— Я думаю, мне они будут к лицу.

Тогда я, как лошадь, легко и свободно
Смогу танцевать до утра на лугах,
И будут подковы красиво и модно
Блестеть под луной на коровьих ногах

Ответил кузнец: «Понимаешь, корова,
Подковы прибить — дело пары минут.
Чтоб лошадью стать — маловато подковы,
Нужны еще вожжи, телега и кнут».

ПЛАТЬЕ ДЛЯ КОРОВЫ

Корова, к свиданью решив нарядиться,
Пошла покупать себе платье из ситца,
Чтоб в нем удивить своего кавалера.
А ей говорят: «Нет такого размера».

Корова помчалась просить модельера,
Чтоб сшил он ей платье большого размера.
Зевнул модельер и ответил ей сонно,
Что нет у него для коровы фасона.

Вздохнула корова печально и горько:
«Ну что же надеть на свидание к Борьке?
Лишь сено лежит во дворе, да солома.
Наверно, придется остаться мне дома».

Корова домой побрела по пригорку,
Вдруг видит — навстречу спешит ее Борька:
«Тебя поджидая, уж начал скучать я.
Ведь ты мне нужна и без нового платья».

РЫБКИН ДОМ

Строили рыбки дом из песка,
Только его уносила река.

Рыбки песок поменяли на ил,
Только поток и его уносил.

Строили рыбки дом из травы,
Только и он развалился, увы.

Из камыша будет домик хорош,
Но ведь камыш просто так не сорвешь.

Если б жила здесь рыба-пила,
Дом бы построить она помогла.

Рыбки улитку просили помочь,
Дом на спине унесла она прочь.

Нет, не построить домик никак,
Может, подскажет им что-нибудь рак?

Рак из норы проворчал: «Ерунда!
Домик для рыб — это просто вода».

ТРИ ДУРАКА

От солнца спрятавшись во двор,
В один из летних дней,
Три дурака вступили в спор
О том, кто всех умней.

Был бурным спор — и вот беда —
От жарких языков
К полудню кончилась вода
В кувшине дураков.

— Охота пить, — вздохнул один,
— Сосуд совсем пустой.
Пусть кто-нибудь возьмет кувшин
И сходит за водой.

— Ну, нет, ищите дурака, —
Другой сказал в ответ.
А третий буркнул свысока,
Что дураков здесь нет.

— Пусть будет все наоборот, —
Решили дураки.
— Кто всех умней, тот принесет
Нам воду из реки.

К губам присохли языки,
И жажда все сильней.
Но так же спорят дураки
О том, кто всех умней.

НАГГИ

Скажи, мой маленький друг, читал ли ты сказку о великой войне, которую вел в одиночку Рикки-Тикки-Тави со страшным Нагом и его злой женой Нагайной? Наверно, ты прочитаешь ее завтра. И тогда ты узнаешь, как расправился храбрый Рикки с яйцами, которые Нагайна отложила на дынной грядке. Двадцать пять маленьких змей вот-вот должны были появиться на свет из этих яиц. Двадцать четыре из них надкусил Рикки, а одно отнес Нагайне, чтобы она отпустила мальчика по имени Тедди. Нагайна схватила последнее яйцо и спряталась с ним в своей норе. Там и настиг ее Рикки, а птица-портной Дарзи немедленно спел всему саду песню о том, как маленький мангуст победил в неравной схватке огромную кобру.

Зачем я рассказал тебе это?

Ну-ка, подумай, а что случилось с последним яйцом Нагайны? Ведь Рикки не успел его надкусить. Он так устал от жестокой битвы, что едва смог вылезти из норы.

Наг и Нагайна были в этих местах королем и королевой. И как раз в этот день из яиц должны были появиться на свет змеиные принцы и принцессы. К счастью, двадцать четыре из них уже никогда никого не смогут ужалить. Но ведь в норе оставалось еще одно, последнее яйцо. И вот из него-то и родилась маленькая принцесса.

Она выползла из норы и зажмурилась от яркого солнца. Ведь там, внутри, было так темно. Наконец, ее глаза привыкли к яркому свету, и змейка увидела вокруг густую траву и высокие деревья. В ветвях кто-то распевал звонкую песню, а по тропинке деловито ползли в нору красные муравьи.

— Скажите, вы не видели мою маму? — спросила принцесса.

Но муравьи спешили посмотреть на мертвую Нагайну и ничего ей не ответили. Змейка подождала немного и поползла по тропинке дальше. Наконец, она добралась до сарая, возле которого сидела мускусная крыса Чучундра. Она печально вздыхала и умывала нос, тщательно вытирая его лапкой.

— Простите, пожалуйста, — вежливо обратилась к ней принцесса. — Вы не знаете, где может быть моя мама?

— Ах! — в ужасе закричала Чучундра. — Это же змея! Нагайна не умерла!

И она немедленно упала в обморок.

Змейка удивленно посмотрела на крысу и поползла дальше. Почему-то она знала, что ползти нужно в сторону ручья. Но тут ей пришлось задержаться. Нужно было как-то перебраться на другую сторону. Прямо возле воды рос куст. Он был таким большим, что ветви свисали по другую сторону ручья почти до земли. Недолго думая, принцесса выбрала ветку потолще и перебралась через ручей, ловко скользя среди листьев. Теперь ее путь лежал в самый дальний уголок сада, который уже давно никто не расчищал. Она ползла и ползла, пока вдруг не услышала позади себя негромкое шипение.

Принцесса остановилась. Из травы все выше и выше стала подниматься огромная черная кобра. И хотя она грозно шипела и сверкала злыми змеиными глазками, принцесса вовсе не испугалась. Было видно, что кобра уже очень стара.

— Скажите, пожалуйста, — снова вежливо спросила она. — Не знаете ли Вы, где можно найти мою маму?

Старый дедушка Наг, а это был именно он, удивленно наклонил голову, отчего очки на его капюшоне жутко зашевелились.

–Ты ищешь здесь маму? А откуда ты взялась, позволь тебя спросить?

— Из яйца, — храбро ответила маленькая змейка и тоже попыталась встать на хвост и раздуть капюшон. Но у нее, конечно, ничего не получилось. — Я родилась в темной и страшной норе. Рядом никого не было. Я вылезла из норы и вот теперь ищу свою маму.

— Тут что-то не так, — покачал головой старый Наг. — Змеи не рождаются в норах. Они должны покидать яйца на теплой земле. Например, на дынной грядке, которая, как я знаю, есть на той стороне ручья. Ты не оттуда?

— Я ползла мимо дынной грядки, — сказала змейка. — Там никого нет. Правда, я заметила что-то похожее на яйца, но они спокойно лежали на солнце, как камни.

— Странная история, — прошипел Наг. — Спрошу-ка я у старухи.

— Я здесь, — раздалось рядом в траве такое же шипение. — Я все слышала. По-моему, сегодня должны вылупиться из яиц детки нашей Нагайны. Не так давно она заползала в гости и рассказывала, что отложила двадцать пять яиц. Если ты одна из тех, кто должен был родиться, то где же остальные?

— Здравствуйте, бабушка! — вежливо сказала принцесса. — Об этом я ничего не знаю. Я встретила только красных муравьев, которые ползли в нору, и мускусную крысу, которая сразу грохнулась на землю. Но они ничего не рассказали мне.

— Красные муравьи? — переспросила старая Нагайна. — Что делать красным муравьям в змеиной норе? Они же поедают тех, кто умер. Скажи-ка, малышка, а что, далеко от дынной грядки эта нора?

— Нет, не очень, — подумав, ответила принцесса. — Я даже не успела как следует согреться.

— Где-то рядом жила наша дочь, — прошипела кобра. — Мне кажется, дед, что там не все в порядке. Ползи скорей туда, проверь, что случилось.

— Хорошо, — кивнул старый Наг. — Я быстро. А ты пока пригласи гостью в нору.

— Если ты из тех яиц, что отложила Нагайна, значит, ты наша внучка, — принялась размышлять старая кобра. — Тогда мы будем звать тебя Нагги. Но подождем, что расскажет дед. Может быть, ты хочешь поесть?

— Я бы с удовольствием, — призналась змейка. — С тех пор, как я вылезла из яйца, у меня во рту еще не было ни крошки.

— Тогда ползи за мной, — прошипела старуха. — Я покажу тебе один чудесный маленький прудик. Там водятся вкусные головастики. Но ты должна поймать их сама.

Принцесса едва успела проглотить несколько проворных малюток, как в норе появился старый Наг.

— Я все узнал, — прошипел он. — Этот певец Дарзи на весь сад распевает песню о том, как Рикки-Тикки-Тави убил наших детей. Кроме того, он надкусил все яйца на дынной грядке. Так что ты теперь осталась круглой сиротой, малышка. Кроме бабушки с дедушкой, у тебя никого нет.

— Я решила назвать ее Нагги, — сказала старая Нагайна. — Ты не будешь возражать, старик?

— Прекрасное имя, — согласился дедушка Наг. — Оно будет напоминать нам о детях.

— Когда я вырасту, я отомщу за папу и маму! — Нагги постаралась издать грозное шипение, но у нее это получилось неважно. Все-таки она была еще совсем маленькой.

— Умница, — похвалила ее бабушка. — Мы с дедом уже стары и не сможем отомстить за наших детей, а ты скоро вырастешь и сделаешь так, что в доме не останется ни одного человека.

— Я отдам тебя в змеиную школу, — сказал дед. — В ту самую, куда ходили наши дети. Там ты научишься всем змеиным хитростям. Но пока ты должна подрасти.

— А у меня вырастет капюшон? — спросила Нагги. — И я буду такой же большой, как и вы? А я в школе буду одна?

— Слишком много вопросов, — прошипел старый Наг. — Настоящие змеи всегда немногословны. Запомни это. Если ты будешь много болтать, то учитель не станет с тобой заниматься, и ты никогда не сможешь отомстить за своих родителей.

Нагги очень хотелось спросить, какой у нее будет учитель, но еще больше ей хотелось казаться настоящей змеей, и поэтому она промолчала.

Дедушке это понравилось, и он улыбнулся змеиной улыбкой.

— Поживи пока у нас. Наберись сил, познакомься с окрестностями. Конечно, в этой части сада не очень весело, кроме нас, здесь никто не живет, но зато вокруг прекрасная высокая трава, где легко спрятаться, и чудесные пни, на которых удобно греться на солнышке.

Прошло несколько дней. Нагги успела обследовать все полянки и кусты вокруг норы. Она даже попыталась влезть на пень, но сил не хватило и тогда ей захотелось снова перебраться на другой берег ручья, откуда она недавно приползла. Куст с низко опущенными ветвями стоял на своем месте, только достать до них с этой стороны было невозможно. Нагги извивалась изо всех сил. Ей даже удалось на мгновение стать на хвост, и все же до ветки было еще далеко. От злости она зашипела, но из глотки вырвался только писк.

— Рикк-чк-чк! — вдруг негромко произнес кто-то, и трава на другом берегу ручья зашевелилась.

— Кто это? — хотела было спросить Нагги, но вспомнила о том, что говорил ей дедушка, и прикусила язычок.

Из травы на том берегу показалась усатая мордочка какого-то зверька.

— Рикк-чк-чк! — снова сказал он и внимательно посмотрел розовыми глазками на то место, где притаилась Нагги.

Почему-то она знала, что высовываться ни в коем случае нельзя и лежала тихо, как будто была маленьким кусочком лианы. Зверек посмотрел в одну сторону, в другую, потом отступил обратно в траву и исчез. Нагги полежала еще немного и скользнула в куст терновника. Дома она рассказала все бабушке.

— Это был мангуст, — прошипела старая Нагайна. — Мангусты — самые страшные враги змей. Ты должна быть очень осторожной, малышка. Даже очень сильные и хитрые кобры не всегда могут справиться с мангустом. А этот Рикки-Тикки к тому же очень умен. Ведь это он убил твоих родителей.

— Когда вырасту, я расправлюсь с ним, — прошептала Нагги. — А потом доберусь до людей и сделаю с ними то, что не сумели сделать папа и мама.

— Конечно, сделаешь, — нежно прошипела старая Нагайна. — И станешь королевой кобр. Тебя будут тоже называть Нагайной. Всех кобр в нашем роду зовут Наг или Нагайна. И, конечно, когда-нибудь ты найдешь своего Нага.

— Я уже хочу учиться, — нетерпеливо сказала Нагги. — Когда мы пойдем в школу?

Бабушка раздула капюшон и, ласково покачиваясь, наклонилась над маленькой принцессой.

— Завтра. Уже завтра дедушка отведет тебя к мудрому Нагшешу. Теперь ты будешь жить там. Не вздумай озорничать. Нагшеш великий колдун. Он может превратить тебя в лягушку или в муравья, если ты разозлишь его. Выполняй все его задания и скоро станешь умной и сильной коброй. Когда Нагшеш увидит, что ты готова, он скажет, что тебя можно звать Нагайной. А пока ты останешься Нагги.

— Я уже прямо сейчас хочу стать Нагайной, бабушка, — сонно проговорила принцесса. — Разве я плохо ловила головастиков? А я понравлюсь Нагшешу?

— Сссспи, — прошептала старая Нагайна. — На сегодня для тебя хватит впечатлений. Утро вечера мудренее.

Нагги свернулась в колечко и заснула.

Дедушка Наг разбудил ее, когда только-только выглянуло солнышко.

— Ну, дедушка! — захныкала принцесса. — Можно, я полежу совсем чуть-чуть, а потом поползу очень быстро?

Но старый Наг был непреклонен.

— Занятия в школе начинаются рано. У нас мало времени. Отправляйся к пруду, умойся и проглоти несколько головастиков! Если не успеешь, то до обеда останешься голодной.

— Хорошо, дедушка, — вздохнула Нагги. — Я постараюсь все сделать очень быстро.

Головастики, наверно, тоже считали, что еще очень рано. Нагги с трудом отыскала всего троих, когда сзади раздалось недовольное шипение.

— Нам пора! Заканчивай и ползи за мной.

— Но я еще не наелась, дедушка, — надулась принцесса. — Они такие маленькие.

— Если ты не пойдешь в школу, то будешь всю жизнь питаться одними головастиками, — проворчал старый Наг. — Ну, может быть, наткнешься на какую-нибудь глупую лягушку. Ладно, так и быть, угощу тебя по дороге парочкой вкусных гусениц.

Змеиная школа была далеко. Нагги устала и уже не успевала за дедом, который быстро полз вперед, не обращая на нее никакого внимания.

— Давай отдохнем, дедушка, — взмолилась принцесса. — У меня даже хвост устал.

— Другой на моем месте оставил бы тебя здесь, — прошипел Наг. — Но у меня нет больше ни одной внучки. Ладно, держи...

Поднявшись из травы, он снял с ветки жирную гусеницу и положил перед змейкой.

— На, подкрепись.

— Спасибо, дедушка! — обрадовалась Нагги. — Какая вкусная.

— В школе ты должна, как положено, поздороваться с Нагшешем, — строго сказал старый Наг. — Он любит вежливых учеников. И не забудь похвалить цвет его кожи.

— Разве у него не такая же кожа, как у тебя и бабушки? — с любопытством спросила принцесса.

— Он совершенно бел, — с почтением сказал дед. — Нагшеш очень, очень стар. Он старше любой самой старой кобры в нашем королевстве и пережил уже многих королей. Кроме того, ходят слухи, что в детстве его привезли из Эфиопии, а там живут великие колдуны.

— А он не заколдует меня, дедушка? — испуганно спросила Нагги. — Вдруг он превратит меня в мускусную крысу?

— Хватит болтать, — прошипел старый Наг. — Мы уже приползли. Видишь, как много вокруг нор? В них живут ученики Нагшеша. Одна из них будет твоей. А вон там, под корнями старого апельсинового дерева, нора Великого Нагшеша. Не забудь же, о чем я тебе говорил.

— Ты привел свою внучку? — раздалось сзади негромкое шипение. — Она выглядит очень маленькой. Не рано ли ей посещать школу?

Услышав этот холодный, страшный звук, Нагги в ужасе оглянулась.

Высоко над травой покачивался белый капюшон, над которым сверкали злые змеиные глазки.

Маленькой змейке стало так страшно, что она готова была тут же юркнуть в траву. Но это продолжалось всего одну минуту. Ведь она тоже была коброй.

— Здравствуйте, Великий и ужасный Нагшеш, — прошептала она, стараясь не смотреть на него. — Какая у Вас красивая кожа.

— Это почему же я ужасный? — усмехнулся мудрец. — Ну-ка, посмотри на меня.

У Нагги от страха быстро-быстро застучало ее змеиное сердечко, которое, как известно, может биться так медленно, что змея кажется мертвой. Но она справилась с собой и храбро посмотрела прямо в глаза колдуна.

— Ты смелая кобра, — наконец, сказал Нагшеш. — Мало кто осмеливался посмотреть мне в глаза. Ты мне нравишься. Хочешь ли ты поступить в мою школу?

— Я хочу отомстить за своих родителей, — прошептала Нагги. — Я буду делать все, что Вы прикажете. Я хочу стать королевой этих мест, как моя мама.

— Твоя мама Нагайна была великой змеей, — кивнул мудрец. — Я научил ее очень многому, но, видимо, не всему. Ты должна стать лучше, чем она. Только тебе придется очень долго учиться. Будет трудно. Согласна ли ты?

Принцесса оглянулась на дедушку. Он едва заметно кивнул.

— Я согласна, Учитель, — прошептала Нагги. — Я буду очень стараться.

— Хорошо, — величественно склонил голову Нагшеш. — Сейчас я прикажу подготовить тебе нору. Попрощайся с дедом.

— Успехов тебе, малышка, — прошипел старый Наг. — Надеюсь, что когда–нибудь ты отомстишь за наших детей. Только мы с бабушкой, наверно, не доживем до этого. Мы уже очень стары.

Он повернулся и исчез в траве так, что ни один стебелек не шелохнулся.

Нагги хотелось заплакать, но потом она вспомнила, что скоро будет настоящей ученицей, и сдержалась.

— Ползи на полянку в бамбуковой роще, — приказал Нагшеш. — Сейчас у тебя будет первый урок. Учитель расскажет, как нужно прятаться, чтобы стать незаметной даже на открытом месте. Потом я покажу твою нору, и ты отправишься на обед. Обед нужно поймать самой. Правда, там так много вкусных маленьких мышек, что сделать это будет нетрудно.

Принцесса кивнула и хотела рассказать, что она уже пряталась на берегу ручья, притворившись кусочком лианы, но потом вспомнила совет дедушки Нага и промолчала.

Прошло несколько лет. Нагги превратилась в огромную красивую кобру с блестящей узорчатой кожей. Она стала умной и хитрой. Нагшеш обучил ее всем змеиным премудростям, и теперь принцесса с нетерпением ожидала того дня, когда колдун объявит, что ее уже можно называть не прежним детским именем, а Великой Нагайной. Правда, она еще не нашла своего Нага, а стать змеиной королевой без короля было невозможно.

И вот однажды Нагшеш призвал ее к себе.

— Ты лучшая из моих учеников, — прошипел он. — Я с удовольствием назову тебя тем именем, которое подобает королеве. Но перед этим ты должна выполнить еще одно, последнее задание. Оно будет очень сложным.

— Я готова, Учитель, — склонила голову Нагги. — Что я должна сделать?

Колдун помолчал.

— Когда-то твои отец и мать захотели выполнить одно великое дело для змеиного народа. Они решили убить всех людей в доме на том берегу ручья и, если бы им это удалось, то наше королевство стало бы намного больше.

— Я всегда помню об этом, о Великий, — прошипела Нагги и грозно расправила капюшон. — Я поклялась, что расправлюсь с людьми, а, заодно, и с мангустом Рикки.

— Подожди, — остановил ее колдун. — У людей есть железная палка, которая делает «Бум», и самая большая кобра разрывается надвое. При этом людей даже не видно. Я знаю, что теперь они все время носят эту палку с собой.

— Но они ссспят ночью, о Великий!

— Ты забыла, что у них есть проклятый мангуст Рикки. За эти годы он вырос и стал очень опытным и умным. И он никогда не спит ночью.

— Но ты сказал, что я должна выполнить это задание, Учитель? — удивленно спросила Нагги. — Наверно, ты что-то придумал?

— Я уже очень стар, — усмехнулся Нагшеш. — Но кое-что еще умею. И я решил, что сегодня ночью превращу тебя в девушку.

— Я стану девушкой? — с отвращением прошипела принцесса. — Но я не хочу быть человеком!

— Подожди, — остановил ее колдун. — Я же не сказал, что ты навсегда останешься девушкой. Ты должна встретить в саду сына большого человека и понравиться ему. Думаю, что он уже обращает внимание на красивых девушек. А я сделаю тебя очень красивой.

— Ну, хорошо, — согласилась Нагги. — Он обратит на меня внимание, а что дальше?

— Ты должна подпустить его к себе как можно ближжже! — Нагшеш раздул капюшон и поднялся над землей. — Думаю, он не станет целовать тебя при всех. И, когда вы останетесь наедине, ты улучишь момент и ужалишь его. Сразу после этого колдовство окончится, и ты снова превратишься в кобру. Отец и мать начнут искать сына, и вот тут-то наступит время расправиться с ними. Единственный, кто может помешать тебе, это Рикки. Но я думаю, что многому обучил тебя, и ты сможешь его перехитрить. Только помни: если ты до вечера не вернешься, то навсегда останешься человеком. Я смогу вернуть тебе змеиный облик, но моей силы уже хватает всего на один солнечный день.

— Я сделаю все, как ты сказал, о Великий, — восхищенно сказала принцесса. — Мне не очень хочется превращаться в девушку, но, чтобы отомстить за родителей, я готова на все!

— Тогда жди утра, — прошипел колдун. — Это очень сложное колдовство, и я буду готовить его всю ночь.

Нагги долго не могла заснуть. Она представляла себе, как подберется к молодому хозяину, обовьется вокруг него и ужалит в шею. Потом ей вдруг пришло в голову, что она совсем не знает, как ведут себя девушки и что ей нужно говорить. Принцесса даже хотела немедленно ползти к Нагшешу и спросить его об этом. Но потом она подумала, что может помешать мудрецу в колдовстве, и решила подождать до утра.

Наконец, наступило утро. Одна из новых маленьких учениц заглянула в нору и почтительно сказала, что будущую королеву ожидает Великий Нагшеш.

Трепеща от волнения, Нагги поспешила к Учителю, который ждал ее на берегу ручья.

— Ты мало спала, — укоризненно сказал он. — Это плохо. Тебе нужно выглядеть свежей и прекрасной. Но начнем. Видишь этот напиток? Ты должна выпить его. Только сделай это медленно, очень медленно, иначе тебе будет не очень хорошо.

— И я стану девушкой? — прошептала Нагги. — Но я же не знаю, как ходят девушки, что они говорят, какую одежду они носят... Мне кажется, что я не смогу, Учитель!

— Мое колдовство не простое, — прошипел Нагшеш. — Недаром я не спал всю ночь. Ты ничем не будешь отличаться от обычной девушки. Ты будешь уметь красиво говорить, танцевать, улыбаться молодым людям и, вообще, делать все то, что положено делать четырнадцатилетней девушке. Не сомневайся, пей!

Нагги опустила голову в старинный сосуд и медленно выпила тягучую сладковатую жидкость. Потом у нее закружилась голова, и она вытянулась на траве без чувств.

Когда принцесса пришла в себя, то сразу поняла, что мир вокруг изменился. Все выглядело не так, как всего пять минут назад. Гибкого змеиного тела больше не было. Язык никак не хотел высовываться изо рта. Но самым удивительным оказалось то, что у нее появились конечности. Нагги подняла одну руку, потом вторую и удивленно посмотрела на них. Потом она села и обнаружила, что одета в красивое шелковое сари, очень похожее на то, что она видела на хозяйке дома за ручьем.

— Как ты себя чувствуешь, девочка? — раздалось сзади тихое шипение. — Ты очень, очень красива.

Принцесса оглянулась и, увидев огромную белую кобру, вздрогнула.

— Агаа, ты боишься, — довольно прошипел Нагшеш. — Значит, ты почти человек. Вставай же. Пройдись немного по берегу, чтобы привыкнуть ходить, как ходят люди. Сначала у тебя немного будет кружиться голова, но это скоро пройдет. Иди вверх по ручью. Там, у старого мостика, на полянке, молодой хозяин по утрам делает гимнастику. Скажешь, что увидела змею, побежала и заблудилась. Потом ты должна ему понравиться. А дальше все зависит от тебя. И помни, домой нужно вернуться до захода солнца.

Встать на ноги оказалось гораздо труднее, чем на хвост. У Нагги, действительно, снова закружилась голова, но это быстро прошло. Она с любопытством огляделась. Сверху все выглядело совсем не так, как раньше. Деревья стали меньше ростом, трава выглядела просто зеленым ковром. Ручей, который приходилось переплывать, теперь можно было просто перепрыгнуть. Принцесса сделала первый шаг и обнаружила, что это довольно легко. Она шагнула еще раз, потом еще и, наконец, уверенно пошла вверх по ручью к полуразрушенному мостику.

В это время Тедди уже заканчивал свои обычные утренние упражнения. Повернувшись к востоку, он поставил ступню левой ноги над коленом правой и, подняв сложенные ладони над головой, застыл в безмолвном обращении к богам. И тут на другой стороне ручья появилась удивительно красивая девушка в голубом сари. Она оглядывалась на кусты и, приподняв край одежды, спешила к мостику. Увидев Тэдди, она помахала ему рукой и спустилась к воде. Но, потрогав ногой качающееся бревно, нерешительно остановилась.

— Эй, подожди! — крикнул Тедди. — Я сейчас помогу.

Он тоже спустился к ручью и, ухватившись одной рукой за ветку ближайшего дерева, протянул другую девушке.

— Держись! Только осторожно, бревна качаются.

Но девушка оглядывалась и отрицательно качала головой. Было видно, что она очень испугана.

— Ладно, — сказал Тедди. — Сейчас я тебя перенесу.

Подкатив брюки кимоно, он перебрался через ручей и подхватил девушку на руки. Оказавшись в его объятьях, Нагги вдруг ощутила волнение. Она прижималась к груди юноши, прямо перед ее глазами из распахнутого кимоно выглядывала его шея. Она была близко-близко...

— Вот, сейчас, — подумала Нагги, трогая языком маленькие острые клыки, которые оставил ей Нагшеш. — Он перенесет меня, и я ужалю его...

Но, пока юноша со своей прекрасной ношей брел по воде к берегу, принцессу вдруг охватило странное чувство. Ей стало так хорошо и тепло в сильных мужских руках, так приятно было прижиматься к широкой груди, что она решила немного подождать.

— У меня еще будет время, — успокаивала она себя. — До вечера так далеко.

Юноша выбрался на берег и осторожно опустил девушку на траву. Его горячие карие глаза смотрели на нее взволнованно.

— Кто ты? Откуда ты появилась? Я тебя никогда раньше не видел.

— Я гостила у родственников недалеко отсюда, — взволнованно заговорила Нагги. Она еще не привыкла к человеческой речи и слегка пришепетывала. — Я гуляла в саду и вдруг увидела громадную белую змею. Она поднялась и стала выше меня ростом. Я так испугалась, что бросилась бежать и вот заблудилась. Хорошо, что я встретила тебя.

— Белую змею? — недоверчиво переспросил Тедди. — Я ничего не слыхал о ней. Надо будет спросить у отца.

— Мне так страшно, что я до сих пор дрожу, — сказала Нагги. — Как хорошо, что мне встретился такой сильный и красивый юноша.

— Меня зовут Тедди, — смущенно сказал ее неожиданный спаситель. — Ты тоже очень красивая.

— А я Нагги, — улыбнулась принцесса.

— Нагги? — удивленно переспросил Тедди. — Какое странное имя. Кто тебя назвал так?

— Мой дядя увлекался змеями, — объяснила принцесса. — А я родилась такой маленькой и худенькой, что он воскликнул: «Да это же змейка! Нагги!». С тех пор меня так и зовут. А вообще-то я Диана.

— Мне гораздо больше нравится «Нагги», — горячо возразил юноша. — Можно, я буду звать тебя так?

— Конечно, — улыбнулась Нагги. — Меня все так зовут.

Тедди встал и протянул ей руку.

— Пойдем, Нагги, я познакомлю тебя с родителями. Не бойся, они очень хорошие.

— Неплохая мысль, — подумала Нагги. — Узнаю побольше об их привычках.

И она постаралась смущенно улыбнуться.

— Ладно, я согласна. Правда, у меня помялось сари.

— Ничего подобного, — возразил Тедди. — Ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел. И сари у тебя в полном порядке. Можно, я тебя поцелую, пока мы не пришли к родителям? Должна же ты поблагодарить своего спасителя.

— «Надо подпустить поближе», — вспомнила Нагги наставления Нагшеша, — и, улучив момент, ужалить...».

— Ты тоже мне очень понравился, — прошептала принцесса. — Я еще никогда ни с кем не целовалась...

Она закрыла глаза и почувствовала на своих губах горячие губы Тедди. Это было так приятно, что Нагги даже застонала.

— Что случилось? — испуганно оторвался от нее юноша. — Я сделал тебе больно?

— Что ты, — прошептала она, не открывая глаз. — Мне никогда-никогда не было так хорошо. Я даже не знала, что так бывает.

Вместо ответа Тедди ласково коснулся губами ее маленького уха. Сердце у Нагги забилось часто-часто.

— Нагшеш ничего не говорил про это, — подумала она. — Как мне быть?

Она открыла глаза и увидела загорелую шею юноши, на которой билась какая-то жилка.

— Сейчас, — подумала она и снова потрогала языком клыки. — Нет, еще чуть-чуть... Ну, немного... У меня же еще есть время.

Горячий поцелуй Тедди снова нашел ее губы, и Нагги мгновенно забыла, зачем пришла сюда.

— Рикк-чк-чк, — вдруг раздалось рядом.

Нагги отпрянула от юноши и расширенными от ужаса глазами уставилась на усатую мордочку мангуста, появившуюся в траве.

— Рикки-тикки-тикки-чк! — снова грозно повторил мангуст. Хвост его немедленно поднялся трубой, и глаза стали красными.

Нагги, подобрав ноги под сари, смотрела на него, готовая бежать куда угодно. Ведь сейчас у нее не было ни змеиной сноровки, ни страшных клыков.

— Эй, ты что? — засмеялся Тедди. — Это же наш Рикки-Тикки. Не бойся, он не укусит тебя. Он охраняет дом от змей. Иди домой, Рикки! Видишь, ты испугал нашу гостью.

Но Рикки-Тикки не слушал его. Он стал обходить Нагги своей особой раскачивающейся походкой, выбирая момент, чтобы вцепиться ей в шею. Ему было все равно, в каком обличье находилась змея. Главное, что враг был перед ним, и он чувствовал, что нужно действовать немедленно. Глаза его горели, как угольки.

— Ты что, взбесился? — удивленно сказал Тедди. — Ну-ка, иди домой.

И, для придания словам большего веса, он поднял с земли толстую палку.

Рикки нехотя отскочил в траву, но продолжал следить оттуда за принцессой, нервно постукивая лапками и непрерывно издавая свой клич: «Рикки-тикки-тикки-чк-чк».

— Не знаю, что с ним случилось, — пробормотал Тедди. — На всякий случай я возьму тебя за руку.

Они шли к дому, и мама Тедди, увидев сына с красивой девушкой, поспешила к ним навстречу.

— Это Нагги, мама, — сказал Тедди. — Она немного заблудилась, и я решил пригласить ее к нам в дом. А, вообще, она гостит у наших соседей недалеко отсюда.

— Да, да, очень хорошо, — радостно закивала мама. — В наших местах очень редко появляются такие красивые девушки. Я уверена, что вы подружитесь. Тедди очень добрый и смелый мальчик.

— Ну, мама, — смущенно сказал Тедди. — Просто Нагги немного испугалась. Она встретила какую-то огромную белую змею и не могла перебраться через ручей. Думаю, что ей нужно успокоиться и придти в себя.

— Ты сказал «белая змея»? — Отец спустился с крыльца и с улыбкой кивнул девушке. — Когда-то я слыхал легенду о белой змее. Но в наших краях о ней ничего не известно.

Он повернулся к Тедди.

— Может быть, ты познакомишь меня с этой красивой девушкой?

— Это Нагги, папа! — Тедди снова смутился. Ему не очень хотелось повторять свой рассказ. Но отец и не просил его об этом.

— Что же мы стоим? Приглашай девушку в дом. Как раз подошло время завтрака.

За столом Нагги рассказывала какую-то чепуху о своей несуществующей семье и сама удивлялась, насколько легко ей это удается.

— Нагшеш, действительно, великий колдун, — подумала она. — А отец и мать Тедди совсем не страшные люди. Справиться с ними будет легко.

— Рикки-тикки-тикки-чк! — раздалось на крыльце, и мангуст бочком пробрался на веранду, не сводя с Нагги горящих красными угольками глаз.

— Рикки сегодня ведет себя странно, — сказал Тедди. — Последний раз он был таким, когда сражался с теми большими кобрами.

— Может быть, от твоей новой знакомой пахнет змеей? — предположил отец. — Ведь Нагги чуть не столкнулась с ней.

— Он испугал Нагги, — сказал юноша. — Мы хотели побродить по саду, но боюсь, что мангуст нам помешает. Может быть, вы закроете его до вечера в моей комнате?

— Конечно, конечно, идите, — замахала руками мать. — Отец присмотрит за ним. Гуляйте спокойно, домой не спешите. Не забудьте только придти на обед или хотя бы на ужин.

И она лукаво улыбнулась.

— Мы нашли Рикки здесь, в саду, — рассказывал Тедди, когда они с девушкой, взявшись за руки, медленно прогуливались по саду. — Он чуть не утонул во время наводнения. Но потом ожил и даже спас всю нашу семью от страшных змей. Если бы не он, нас уже не было бы на свете.

— Ничего, вам и так осталось совсем немного жить на свете, — подумала принцесса и сжала руку Тедди так сильно, что он вскрикнул.

— Ой, прости, — виновато сказала Нагги. — Я опять вспомнила ту страшную змею.

— Теперь я с тобой, — шепнул Тедди и поцеловал ее в маленький черный завиток волос за ухом. — Тебе нечего бояться. Если хочешь, мы укроемся в летнем домике. Там нас не достанет ни одна змея. Пол расположен высоко над землей и двери хорошо закрываются.

— Это самый подходящий момент, — подумала Нагги. — Там мы будем совсем одни и без этого проклятого мангуста.

Она повернулась и посмотрела в глаза Тедди самым нежным взглядом, который могла себе представить.

— А ты сможешь снова взять меня на руки?

— Я отнесу тебя туда! — пылко прошептал юноша и, легко подхватив девушку, поспешил к летнему домику, видневшемуся в лимонной роще.

Там они закрыли дверь и, конечно, принялись целоваться.

У Нагги снова кружилась голова, ей было так хорошо, что она уже несколько раз пропустила удобную возможность ужалить юношу. Она представляла себе, как Тедди лежит неподвижный и холодный, и красные муравьи цепочкой тянутся сюда из сада, чтобы проверить, правда ли, что молодой хозяин умер, и ей ужасно не хотелось этого. Тогда принцесса снова закрывала глаза и отвечала на его горячие поцелуи.

Они не заметили, что прошел обед, и вот-вот должен был наступить вечер. Наконец, Нагги опомнилась.

— Пора! — в отчаянии подумала она. — Иначе я никогда не вернусь домой. Только один последний поцелуй, и все...

И в этот момент она почувствовала, что Тедди больше нет. Вернее, все вокруг вдруг превратилось в Тедди. И этот домик был Тедди, и сад за окном был Тедди, и даже она сама была Тедди. Потом в ее сердце вдруг загорелось горячее солнце и, прокатившись по всему телу, взорвалось в голове тысячей звезд...

Нагги проснулась от того, что за дверью безумствовал Рикки.

— Рикки-тикки-тикки-чк! — доносилось снаружи. — Рикки-тикки-чк-чк! Открой дверь, коварная Нагайна, и сразись со мной. Я уже предупредил хозяина, и он спешит сюда с железной палкой, которая делает «Бам».

— Нагайна это я, — подумала принцесса. — Но боюсь, что мне уже никогда не стать королевой змей.

Она подошла к окну и увидела, что на небе появились первые звезды.

–Ты же не уйдешь? — спросил Тедди. Он тоже проснулся и, подойдя к Нагги, нежно обнял ее. — Я не хочу, чтобы ты уходила. Наверно, я люблю тебя.

— Мне некуда идти, — прошептала Нагги. — И мне кажется, что я тоже люблю тебя.

Она попробовала нащупать языком клыки, но не нашла их.

— А что это Рикки замолчал? — удивленно сказал Тедди. — Только что вел себя, как сумасшедший, и вот — тишина. Как бы он не прыгнул на тебя откуда-нибудь из темноты.

— Он не прыгнет, — грустно покачала головой Нагги. — Он больше не сердится. И не спрашивай меня, откуда я это знаю. Скоро я асскажу тебе все. А теперь пошли ужинать. Я ужасно проголодалась.

ЛАРА ФЕЛИСИОН (ЛАРИСА ПРАШКИВСКАЯ) (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса, композитор. Родилась и живет в Москве. Поэзией увлекается с юности, с детства занимается композицией в музыке. Автор романсов на свои стихи и стихи друзей-поэтов. Сама исполняет свои произведения под фортепиано и гитару. Рисует. Публиковать свои стихи в интернете начала с 2006 года, с этого же года стала заниматься только что зародившимся японским сонетом. В 2006 году стала победителем конкурсов японского сонета на сайте «Интерлит» под ником Элина Торк, ее сонеты вошли в Е-книгу «Японский ветер», а также неоднократно публиковались в Е-журналах на страницах Отоги Боко под никами Элина Торк, Лариса Короткая, Лара Фелисион. Помимо японских сонетов, пишет лирику и мистические рассказы. На сайте «НЛО» заняла первое место в ежегодном конкурсе поэтических произведений (2008 г). Как автор сайта «Литсовет» (http://www.litsovet.ru/index.php/author.page?author_id=5480) участвовала и побеждала в литературных конкурсах этого портала. Стихи Лары Фелисион были опубликованы в альманахах НЛО, «Страна Озарение», Е-журнале «45-я параллель». Организовала международное содружество авторов «Арт-салон Фелисион», которое стало лауреатом «Премии Общественного признания–2009» (Центральный Административный Округ города Москвы) в номинации «лучший молодежный проект». А так же администрирует сайт японского сонета и дальневосточных форм поэзии «Фурью» (Греция) — http://furju.gr/index.php

E-mail: felision@yandex.ru

ГОРЬКАЯ, ТЕРПКАЯ, СВЕТЛАЯ...

Даль коромыслом и небо студеное —
Горькая, терпкая, светлая Русь.
Ты моя Родина, сладко-соленая,
Радость открытая, тайная грусть.

Зреет закат на сугробах калиною,
Тает синица в седой красоте.
Чья-то душа дымкой легкою, зримою,
Перерождаясь, летит в высоте.

Этой земли необъятное таинство,
Смерть познающей в безмолвных снегах,
Где предначертано жить нам и правиться
В робких надеждах и тихих слезах.

Греет огонь печи русские, крепкие,
Дым улетает за кромку лесов...
Ветер балуется тонкими ветками,
Их осыпая на снежный покров...

Пахнет антоновкой, черной смородиной,
Да зверобоем горчит на губах.
В избах бревенчатых малая родина
В люльках качает и веру, и страх.

МНЕ СНИЛСЯ СОН...

Мне снился сон: под теплым одеялом
Я нежилась на шелке простыней,
А полнолунье с тишиной играло,
Собрав на сходку тени всех мастей.

Ни стен, ни дома, только я и небо.
На тыщу верст молчанье и покой.
И малым был тот мир, как булка хлеба,
И был огромен, но что важно — мой.

Я в нем плыла, не ощущая скуки
Обычных мыслей; странный беспредел...
Никто не пел, а просто жили звуки,
Как будто это воздух шелестел,

Как будто посылал волну дыханья
К ушам моим великий океан...
...Приоткрывались тайны мирозданья,
И рисовались виды разных стран.

Легка и зачарована, я просто
Хотела сбросить покрывала прочь...
А под рукой — трава, и даже звезды
Мне не могли в проблеме той помочь.

МАННЫЙ СВЕТ

Манный свет рассыпает далекая нега...
Грозы здесь не сбивают биенья сердец...
Пусть глядит свысока волоокая Вега
В перекрестье окна из-за легких завес.
Стукнет веткой в стекло краснокожая вишня,
Капли смол проливая в родной глинозем.
И рассыплются вдруг белокрылые письма
О любви, о делах или так, ни о чем.
Лепят пальцы из мякиша черного хлеба
Шар земной и катают его по столу.
Был ли ты здесь, скажи? То ли был, то ли не был,
То ли рядом совсем, крошкой лег на полу.
На пороге зима расписалась пургою,
Всхлипнет тонко доска под ногою опять.
Она помнит, когда распрощалась с тобою,
Она помнит, когда обещала не ждать.
Скрип петель. Одеялом обитые двери
На террасу пустили, где нет ничего,
Чтобы вдруг объяснило обиды, потери,
Или просто признало в тебе своего.
Время памяти. Тянет игла из пластинки
Хриплый голос Эдит, нежность хрупкой Пиаф.
И рисует мороз своей жизни картинки,
И в простенке стоит старый, крашенный шкаф.
Половицы все те же, и теплой «голландкой»
Можно ноги согреть, если рядом присесть,
И играть золотистой и вкусной баранкой,
Будто ты еще там, будто ты еще есть.

Вот и умерло все, как последнее лето,
Только липовый чай воска запах клубит,
И таится печаль в крупке теплого света,
И в ночных облаках тихой памятью спит.

НАМ ВАЖНО

Татьяне Игнатьевой
Рассеются последние лучи,
И я уйду, потом и ты, однажды.
А с нами наши глупые мечты,
Которые не так уж будут важны...
А важно будет не вернуться вновь,
А стать звездой на темном небосклоне,
И разглядеть всех близких, кто с тобой
В неболи, незабвенье, в неуроне...
И, памятуя прошлые бои
За мнимое неведомое счастье,
Тянуть сквозь тьму и свет лучи свои,
Превозмогая разные напасти.

Пробиться и тихонько подмигнуть
Тому, кто загрустил, не зная чуда,
Чтоб улыбнулся, пусть совсем чуть-чуть,
Из горечи, тоски и пересуда.

ВОТ ТАК...

Я говорю с тобой стихами
И перелистываю ветер
Невинных фраз, а в белой раме
Небесный лик лукаво светит,
Да изумруды оробели,
Сменили цвет — лежит агатом
На тротуаре лист несмелый,
Подбитый влет дождем-пиратом.
И блеклым стало голубое,
Вкруг облака плывут и прячут
За спины солнце, но, святое,
Оно еще лучится зряче
И тянется к макушке клена,
И обнимает его цепко...
Трепещет блик новорожденный,
Оранжевый на черной ветке.
Вот так и мы с последним вздохом
Вбираем мир в себя, и чувства
Летают где-то птицей-крохой,
И с холодом, и с тьмою бьются.

ПУСТЬ ВЗЛЕТИТ!

Пахнет пышными флоксами август и белым наливом.
Беспрерывно стрекочут сверчки и болтливые звезды.
Я сижу на порожке и в небо смотрю безотрывно,
На небесные точки, на белые, яркие гроздья.

Скрипнет старая квакша, бадан шелестнет — все лягушки
Прячут в сонной листве бородавки свои, как от сглаза.
А за речкой орут деревенские, пьяные шлюшки,
Провожая кого-то кудрявою, матерной фразой.

Мне нет дела до них. Я сама по себе, в черном русле,
Утопаю в волнах бесшабашного вольного ветра,
И минорные струи звенят, как волшебные гусли,
Проникая в мембраны всего комариного спектра.

Липнет свет фонаря к мокрым травам, беснуясь во мраке,
Отражаясь, искрится и стелет за тайной дорожку.
В полуночном волненье стоит и колышется в страхе
Листокрылая ива, склонившись над узкою стежкой.

Душу вынуть хочу! Пусть взлетит! Август! Август!
Полнотелое небо — пусти! За тобой, в бесконечность!

ВОТ И ВЕТЕР...

Вот и ветер, ожиданьем растаял час.
Всполох прежде очень тихой свечи.
Только радостью, только светом в глазах
Говори со мной...нет, ты лучше кричи.
Мне ли верить, суетой окруженной в
днях,
Мне ли помнить, если хочется все забыть.
Я теряла — находила в коротких снах,
А хотела всех с собой примирить.
Откукую, прах рассыплется по земле,
Даже ветер не захочет его поднять.
Ирис синий стрелку выпустит по весне,
Без приметы не отыщет она меня.

Вот и ветер! Пламя чувствует все вокруг,
Легкий трепет, колыханье пустых теней.
Дымом черным завещанье напишет друг,
Белым дымом уйдет из остылых дней

Полетим далеко, проникая в высокую радость,
Доберемся в твою ясноокую, светлую вечность!

Там ли жизнь? Или тут? Ведь так сладко, так сладко и пряно
Пахнут флоксы, и яблоки бьются о тихую землю.
Где сижу на порожке, вдыхаю горчинку тимьяна,
Где и свету, и тьме зачарованно, счастливо внемлю.

ВЕЛЬВЕТОВЫЙ ЛОСКУТ

Вкус соленый у памяти, звук — разбитых зеркал, цвет — дождя,
Что вельветовый лОскут повесил на хмурое небо...
Льнет к душе перламутровых запахов робкая небыль,
Под жасминовым солнцем нечаянным ветром скользя...

Город пасть горизонта зубасто оскалил и ждет
Бесконечную даль сизарей, миражей и иллюзий...
Бросив якорь за край, не спастись от любви и контузий,
Что, конечно, опять принесет новый считанный год.

Слезы Бога упали, как градины — льды по камням,
Ангел машет крылами, лопатки болят у старухи,
У помойки бомжи, и просалены синие мухи,
Отдыхают, рассевшись по старым, иссохшимся пням...

Червоточины окон, монеты свинцовой листвы,
Что опять опадут на песочницы красную крышу,
И усталое эхо, в надежде, что все же услышу,
Возвращает туда, где нет времени прошлой весны.

У ТЕМНЫХ ОКОН ОДИНОЧЕСТВА

(Девушке Гале)

У темных окон одиночества
Считают дни и ждут пророчества,
И собирают впечатления
От ледяного заточения.
А звезд, упавших, арифметика
На мокрых стеклах семицветиком...
Да в каплях дрожь, а в пальцах — изморозь.
И слезы, что случайно вырвались,
Жгут острый лист седой бегонии,
И дымом пышет ночь в агонии,
Да тянет ноту, звуком тусклую,
Гулящий ветер в щелку узкую.

Что просто бытие
Я не пишу пространных дневников,
И не люблю стихи свои нагие...
Протоки вен, как шахты рудников,
Наметили часы себе благие,
И боль моя, что просто бытие,
Обыденность, в которой угораю,
Покинет свое тесное жилье,
Поколесит вперед, к другому краю.
Слюдой сползут и мысли, и слова
В зрачок миров, в непознанное, в тайну.
Их примут и деревья, и трава,
И отдадут кому-нибудь, случайно.
Из прогоревших труб моих обид
Взовьется тишина дымком последним,
Как белый флаг, что выставлен на вид
Перед врагом парламентером бледным.

НАДЯ ХИЛТОН (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ЛОНДОН)

Поэтесса, прозаик. Родилась в 1961 году в России, но давно живёт в Англии. Парапсихолог. Стихи пишет с детства. Прозу начала писать в 2001 году после клинической смерти. Автор нескольких серий детских книг. Член Международного Союза Писателей «Новый Современник» и МТОДА. Обладатель Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2008 года. Неоднократный лауреат и дипломант литературных конкурсов. Произведения Нади Хилтон были опубликованы в газетах и журналах России, США, Канады, Италии; в сборниках «Серебряный стрелец–2008 и 2009» .

Сайт автора: www.nadiahilton.co.uk
E-mail: nadiahilton@mail.ru

САДОВНИК

Я раскрасил рассвет
В нежно-розовый цвет
И росой окропил
Сад, что я же взрастил
Для тебя, ангел мой.
Я живою водой
Пруд наполнил в саду.

Белый лотос в пруду,
Символ чистой души,
Ты срывать не спеши,
Лишь вдохни аромат.
Огляди дивный сад...
Буйство ярких цветов —
Это только покров.
Черных лилий вуаль
Охраняет печаль.
В паутине аллей,
Среди тысяч путей
Есть тропа к небесам,
Ты найдешь ее сам,
Без особых примет,
Сердцем чувствуя свет.

АЛЬБИОН

Лети во мрачный Альбион,
Провинциальная девица.
Улыбкой сдерживая стон
И пряча горечь под ресницы,
Предстань пред сытостью чужой,
До неприличья обнаженной,
Любимой Родины лишенной,
Открытой Русскою Душой!

По нервам бьет адреналин, —
Не устоять пред искушеньем,
И в наглой роскоши витрин
Слегка померкнет отраженье
Твоей славянской красоты.
Но, даже с мужем-иностранцем
Родив себе детей-британцев,
Навеки русской будешь ты!

В высоком лондонском кругу
В высоком лондонском кругу
Давно исчезли эполеты,
Яд, упакованный в куплеты,
Томится в собственном соку.

Бывалой чести костыли,
Как указатели движений,
На перекрестке отношений
Теперь валяются в пыли.

А многочисленным гостям
В кругу высоком, без зазренья,
Их собственное откровенье
Распродается по частям.

ИСТОК

Поверив в вечность бытия
Не менее, чем в иллюзорность,
Бунтует разум, и покорность
Уже не жалует меня.

Условных знаний переплет
Трещит по швам. Терзаясь жаждой,
Войти сумела в реку дважды.
Вот только воды эти — лед.

На протяженье долгих лет
В душе, заложнице неверья,
Сквозь пелену высокомерья
Струился искренности свет.

Но сбросив в ледяной поток
Остатки своего сомненья,
Я на пороге просветленья
В себе самой нашла исток.

ОДАРЕННАЯ

Мне весна подарила встречу —
Отказать бы, да не посмела.
Я на страшном суде отвечу,
Что любила душой и телом.

Лето мне подарило счастье,
Разрешив все начать сначала,
И своей безграничной властью
Приструнило и обвенчало.

Подарила мне осень краски —
Ошалелое бабье лето.
Но не спрятать под яркой маской
Черно-белой зимы приметы.

Вздох длиннее, а дни короче,
Без молитвы утихли страсти,
И раскаянье между строчек,
Словно исповедь без причастья.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Что-то мне не хватает воздуха.
Пересохло во рту, и кажется,
Мой колодец исчерпан досуха.
Мысли с жизнью совсем не вяжутся.

Я ни в чем уже не уверена.
Оголились стыдом конечности,
При рожденье судьбой отмерянный,
Истрепался лоскутик вечности.

Эх, заштопать бы, да встречать гостей,
Вся родня стоит за калиткою...
Сердце съежилось от плохих вестей,
А в ладошке иголка с ниткою.

ПОСЛЕДНИЙ СТИХ

Не Лондон звал мое внимание. Мой взор
Искал приюта на обшарпанных подмостках
Турнирных залов. Но душа снесла позор
В гнезде, растоптанном толпой на перекрестке,
И гордый нрав под скорлупою занемог.
Последний стих. Перо само вскрывает вену...
Чернил хватило бы еще на пару строк,
Да мысль предсмертная почуяла подмену.

ПАМЯТЬ

Есть кое-что сильней земного притяженья, —
То памяти моей таинственный магнит.
Вся прожитая жизнь в зеркальном отраженье,
И детская мечта надеждою манит.

Еще неведом страх, предчувствие потери.
Все живы, и слышны родные голоса...
О память, в чудный мир ты открываешь двери,
И по щеке ползет тоскливая слеза...

С ЛЮБОВЬЮ К А. АБДУЛОВУ

Прихватив лишь мечту и амбиции,
Сбросив скромность природного гения,
Всем на зависть, сбежать из провинции
И прославить свое поколение.

Извлекая мгновенья из вечности,
Обнаружить глубины сознания.
Всех собрать, все раздать. До беспечности
Расточительна жажда признания.

Подружиться с фортуной, сорвать «Джекпот»
И потратить все, без сожаления,
На красивейших женщин. Но только вот,
Ограничен кредит всепрощения.

Испытав притяженье, о край небес
Разобьется звезда путеводная.
По граненым стаканам, под занавес,
Разольется любовь всенародная.

ПРАВО НА ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

С какой бы ноги ни встала Эмма, это все равно будет не та нога. Вы легко это поймете, если вам уже за тридцать, но вы до сих пор «не жена». Плюс, вы беременны, вопреки всем предосторожностям, и виновник этого счастья вдруг засобирался в командировку. А токсикоз остается с вами.

— Зачем ты уложил в чемодан почти все свои вещи? Оба костюма! Ты же сказал, что всего на неделю? И фотоальбом?! В командировочку, да? Ты мне врешь! Кто у тебя в Лос-Анджелесе? К кому ты едешь? — Эмма нервно теребила и без того ободранное лимонное деревце, страдальческая участь которого вызывала сожаление у рядом стоящей розы, предусмотрительно снабдившей себя шипами.

— Вот, смотри, потом ты будешь упрекать меня, что я сбрасывал пепел в лимонник, потому он и зачах. Ручонки твои шаловливые! А если тебя так теребить каждый день, по поводу и без повода? Кстати, ты заметила, что эти два деревца — точная копия нас с тобой? Ты у нас, конечно же, цветущая роза, а я... Я вот этот облезлый, несчастный, с двумя сморщенными, маленькими, желтенькими шариками на упругом стволе. Правда, смешно? — Роб попытался перекинуть разговор в ботаническое русло, но, кажется, не сработало, а жаль. Так хотелось сделать расставание прологом желанного возвращения.

— Я так и знала, что ты рано или поздно меня бросишь. Что, не хватает мужества признаться в этом мне в глаза? Пришлешь потом фото на долгую память, на фоне небоскреба, с надписью «Прощай, голубка!», так, да? Это все, что я заслужила? — голос плавно перешел на визг, а это было гораздо противнее обычных в такой ситуации слез.

— Слушай, да тебе в писатели нужно записываться! Или подрабатывать платным свидетелем в суде. Складно придумываешь, да еще и свято веришь в собственный лепет. Я уже сказал тебе — еду в командировку, ровно на неделю. Ты же сама видела дату обратного рейса на билете!

Роб изо всех сил старался сдерживать нахлынувшее раздражение. Врач обнадежил, что капризность вскоре должна пройти, ну, в крайнем случае, пройдет после родов. А чтобы легче было выдержать оставшиеся пять месяцев, он и подписался на эти командировки. Эта — на неделю, но в дальнейшем обещали и на дольше.

— Дорогая! Я же не виноват, что у меня мало вещей, и они мне все нужны в командировке. А альбом я взял с собой, чтобы ты всегда была со мной рядом. Покажу сослуживцам, какая ты у меня красавица. Обзавидуются!

— Обзавидуются?! А что же ты тогда не взял меня с собой на банкет по случаю открытия новой студии? Боишься потерять репутацию холостяка? Ты стесняешься предъявить меня своим друзьям! Ты меня просто не любишь! — расплакалась вконец Эмма.

— Не нужно поливать мой лимонник соленой жидкостью! Мы любим сладенькое.

— Издеваешься? — Эмма схватила несчастное деревце и вырвала его с корнем. Горшок упал на пол и вдребезги разбился. Ноги Роба припорошило землей.

— Ах, так?! — Роб схватил розу... но, подумав, осторожно вернул цветок на место и, схватив чемодан, быстро выскочил из дома.

— Можешь и не возвращаться! — донеслось вдогонку.

Господи! Да что это с ней такое?! Эмма и сама не понимала, что происходит. Немного придя в себя, она ужаснулась собственной ярости и жестокости. Зачем-то сломала пополам лимонное деревце? Это же его деревце! В это время голубь с силой стукнулся в оконное стекло. По спине женщины побежали мурашки, и выступил холодный пот. Она ясно ощутила шевеление внизу живота... Первое шевеление младенца!

— Сын! Ты прости меня, сынок. Может, еще все обойдется? Господи! Прости меня! — Эмма медленно опустилась прямо на рассыпанную по всему полу землю, крепко обхватив живот руками. Врач велел запомнить дату первого шевеления... 11 сентября... Не забыть бы... 11 сентября...

Рейс почему-то задерживался, и все пассажиры толпились возле стойки регистрации.

— Вы не знаете причины задержки? — конопатая девушка пыталась заглянуть в лицо Робу, изрядно согнувшись для этого. Она была, как минимум, на полторы головы выше всех рядом стоящих, в том числе и его.

— Бомба на борту! — неудачно пошутил толстый немец в клетчатой рубашке. Его тут же отвели в сторону охранники и быстро и энергично объяснили ему правила хорошего тона, включая все особенности вокзальной суеты.

— Вульф! — вернувшись в очередь, представился раскрасневшийся немец.

— Роб! — мужчины обменялись ободряющими взглядами, сопровождая их крепким рукопожатием.

— Диана! — вмешалась конопатая. На что обернулись все присутствующие. Вот уж где родители погорячились с именем!

— Вернее, полторы! — не удержался съязвить явно обкуренный парень маленького роста.

— Вульф, вам не удалось выяснить, что там за причина? Я ужасно боюсь технических неисправностей. — Диана, давно привыкшая к насмешкам, искусно скрыла внутреннее смущение.

— Да не волнуйтесь вы так! Все будет хорошо. Вот увидите, скоро нас пригласят в самолет, а затем предложат горячительные напитки — для снятия стресса, — это вмешалась в разговор милая девушка, блондинка, с пушистым розовым зайцем в руках. Хотя нет, не вмешалась, разве может вмешаться столь очаровательное создание. Она оживила беседу и внесла надежду на возможность приятного полета.

— Луиза! — бархатным голосом продолжила она, пытаясь пожать сразу четыре протянутые для приветствия руки.

В это время, действительно, объявили посадку.

— А где ваш ребеночек? Это же его зайка? — держась одной рукой за маму, а другой потянувшись к мягкой игрушке, спросила темнокожая девочка, с миллионом ярких косичек на голове.

Детская непосредственность застала Луизу врасплох и потому, крепко прижав зайца к груди, она призналась:

— Да! Это его игрушка, но... эээ... он еще не родился... или она... А как тебя зовут? — постаралась сменить тему окончательно смутившаяся девушка.

— Лесли! Правда, красивое имя? — и, не дожидаясь ответа громко, чтобы все услышали, добавила — А у меня папка нашелся! Мы теперь к нему едем! Это мама его потеряла, когда меня еще не было. Она всегда все теряет, а бабушка ее за это ругает. Вот я бы не потеряла! Но я тогда была в другом месте. Мама, а где я была?

— Тебя еще не было вообще! Извините! — мамочка напрасно пыталась вытянуть свою бойкую дочурку из центра образовавшегося круга умиленно улыбающихся пассажиров.

— Как это вообще? Я была! Я даже очень была, только забыла где, — девочка нервно затеребила торчащие во все стороны косички.

— А как зовут твою маму? — пришла на помощь Луиза, испугавшись одной только мысли, что и она может однажды попасть в подобную ситуацию.

— Смотря куда зовут?! — снова сострил явно довольный собственным остроумием карманный вариант мужчины. Возможно, после третьей шутки его, наконец, заметят.

— Гейл! — представилась негритянка, всем своим видом показывая свою глубокую благодарность за смену темы:

— Уже объявили посадку, давайте поторопимся!

— На собственные похороны еще никто не опазды..., — парень буквально захлебнулся на последнем слове под пристальными, явно осуждающими взглядами окружающих. Теперь его заметили все! Быстро перекрестилась суеверная старушка, а стоявшие сзади нее молодожены дружно покрутили пальцами у виска.

— Извините, что-то у меня сегодня не тот настрой, — невнятно пробурчал себе под нос незадачливый юморист и, нахлобучив поглубже кепку с длинным козырьком, попытался скрыться от настороженных взглядов окружающих.

— Может, он террорист? — встревоженно предположила старушка.

— Террористы шутить не будут. Они молча вас взорвут! — успокоил, как мог, Вульф, но, опомнившись, поправился: — В смысле, они бы не стали привлекать к себе внимания, как этот шпанец!

Настроение все же было подпорчено, и все молча сосредоточились на посадке.

Уже в салоне самолета Роб обнаружил, что ему несказанно повезло с соседями. Слева от него села блондинка, а справа, у окна, расположились немец со старухой. Напротив, через проход, с шумом устраивались знакомые мама с дочкой. Шум, как всегда, исходил от голосистой Лесли, по-детски откровенно претендующей на место у окна, занятое Дианой. Судя по всему, у последней были веские причины отказать напористой малышке, что она и пыталась сделать как можно деликатнее:

— Извини, малыш, но я могу летать только у окна, у меня... в общем, фобия у меня такая. Мне нужно видеть открытое пространство. А ты можешь сесть рядом со мной и смотреть в мое окно. Идет?

— Идет?! Да ты же загораживаешь мне все окно! Мама, купи мне тоже фобию на место у окна!

— Это невозможно купить, глупенькая! — мама Гейл залилась раскатистым смехом, чем снова привлекла всеобщее внимание. Обиженная Лесли уже показывала свой розовый язычок не сдающейся конопатой дылде, что говорило о несказанной зависти и временном отсутствии аргументов для продолжения спора. Возможно, она бы и собралась с мыслями, но в это время ее внимание отвлекла похожая на куклу Барби стюардесса, приступившая к объяснению техники безопасности на борту. Потом защелкали замки пристегнутых ремней, и... каждый мысленно взлетал вместе с самолетом.

— А вы хорошо переносите взлет? В вашем-то положении, — Роб искренне хотел начать беседу с комплимента, но, заметив недоумение в глазах Луизы, поспешил добавить:

— Моя девушка тоже беременная, пятый месяц. Так ее тошнит от всего, даже от меня! Надеюсь, что это не повлияет на формирование сыновней любви ко мне. Вдруг и чувства переходят в плод? Вместе с кровью и вообще... Как вы думаете?

— Не говорите глупостей, ваша жена, наверняка, вас очень сильно любит, потому и осит вашего ребенка под сердцем. А почему вы уверены, что это сын?

— Сначала убедись, кто отец, — издевательски прозвучал знакомый, прокуренный голос откуда-то сзади.

— Как вежливо попросить человека держать язык за зубами, пока они целы? — задал вопрос Роб, глядя прямо в глаза Луизе. Затем молодые люди резко и одновременно повернулись назад, просунув свои головы в проем между спинками сидений и, не сговариваясь, громко произнесли одно и то же:

— Заткнись!

Отчего «карманная версия мужчины», которого еще больше уменьшал огромный размер его кепки, вжался в кресло так, что сровнялся с подлокотниками.

— Жаль, что я упаковал фотоальбом в чемодан. Но, как только мы получим свой багаж, я непременно покажу вам снимок, где...

— Если долетишь, — прошипело откуда-то из-под кресла. Старушка снова перекрестилась и полезла в сумочку за снотворным. Даже у немца на этот раз не выдержали нервы:

— Слышь, ты, молокосос! Закрой свой поганый рот, иначе остаток пути проведешь в сортире! — изогнувшись, насколько ему позволяло авторитетное пузо, Вульф пытался вытянуть парня из-под своего кресла.

— Успокойся, Ганс! — похоже, шутник не на шутку испугался. — Ты что, юмора не понимаешь? Ладно, отвяжись! Не буду больше, слово даю!

Луиза нервно теребила зайчонка. Она ужасно не любила скандалов и была слегка суеверна.

— Не надо было мне лететь этим рейсом, — еле слышно прошептала она, перебирая в мыслях все фразы этого шута и сопоставляя все остальные приметы: утром облилась кофе, и пришлось снять любимое платье; потом, лифт не работал, пошла пешком; бронь отдали другому, еле уладила вопрос с билетом.

— Ну что вы, не берите в голову. Если верить приметам, так мне вообще не надо было из дома выходить после того, как моя благоверная уничтожила символ моей жизни, да еще и посыпала мне дорогу сырой землей, — тут он понял, что лишь усугубил ситуацию своей болтовней. Девушка сидела бледнее некуда, и глаза наполнились подкупающей мужское сердце слезой.

— Мне ведь очень важно долететь, — дрожащим от волнения голосом начала свой рассказ Луиза. — Джон даже не знает, что я беременна. И что я давно ушла от своего бывшего парня, расторгла помолвку. И что решила принять его предложение, об этом он тоже еще не знает, хочу сделать ему сюрприз. Как вы думаете, с мужской точки зрения, это ничего, что я сюрпризом лечу?

— А сколько вы не виделись?

— Пять месяцев и одиннадцать дней! — не задумываясь, ответила Луиза, что говорило о ежедневном подсчете протяженности разлуки и важности предстоящего свидания. — А встречались всего три недели. Вместе отдыхали в горах. Все было так случайно!.. Я долго не могла поверить, что это всерьез.

— Ну, вы же созванивались?

— Нет. Я не подходила к телефону, когда высвечивался его номер. Он вообще, наверное, думает, что я приняла решение не в его пользу, и мы, сыграв свадьбу, уехали в Австралию, как и собирались еще в прошлом году. Я даже на его ежедневные е-мейлы ни разу не ответила. Да он и не пишет последнее время, только знаки вопросов присылает... и счетчик времени. Вот почему я точно знаю, сколько мы не виделись, — Луиза перешла на доверительный шепот, указывая кивком головы на похрапывающую во сне старушку.

— Почему же вы ничего не сказали ему о ребенке? Это от него ребенок? — кивнув в знак согласия и тоже перейдя на шепот, спросил Роб.

— Да, но... мне необходимо видеть его глаза, когда я буду ему об этом говорить. Вдруг он не захочет этого ребенка? А еще хуже — не поверит, что это от него, что тогда?

— Знакомый синдром недоверчивости. Не нужно думать за него! Вы ж ему даже шанса пока не дали проявить себя, как отца будущего ребенка! Уж вы-то, я был уверен, полная противоположность моей... девушки.

— Вот видите, девушки! Она тоже не дала вам проявить себя ответственным отцом и жениться на матери своего будущего ребенка? Вы даже женой ее до сих пор не зовете!

Роб честно пытался найти ответ на этот вопрос в своей голове и впервые осознал, что именно это могло стать причиной нескончаемых нервных срывов некогда спокойной и веселой Эммы.

— Сначала я думала, проверю его месяц-другой. Посмотрю, как себя поведет. Будет ли искать, звонить, писать... Да и себя хотела проверить, действительно ли я его настолько люблю, что готова стать его женой? Месяца через три поняла, что очень сильно его люблю, но испугалась... А что я ему скажу? Чем оправдаю свое молчание?

— А теперь? — не выдержал до сих пор притворяющийся задремавшим немец. — Извините, я все слышал. У меня дочь-невеста, очень волнуюсь за нее.

— А теперь мне ничего не стыдно. Я поняла, что жить без него не могу! И ребеночка нашего люблю! Больше жизни люблю! И он его полюбит! Правда же? — девушка с надеждой смотрела в глаза Роба, представив себе на минуту другое, родное лицо.

— Не-пре-мен-но! — уверенно отчеканил будущий отец своего сына. Он вдруг почувствовал непреодолимое желание вернуться скорее домой и, схватив Эмилию на руки, закружить ее в долгом вальсе. А потом бережно поставить на пол и, припав на одно колено...

— Я женюсь! — вдруг радостно воскликнул Роб. — Непременно женюсь! Сразу по возвращении!

— Это надо отметить! — между спинками кресел просунулась заискивающая физиономия под огромной кепкой.

— А почему нет?! Давайте закатим банкет! Позвольте поинтересоваться вкусами моих попутчиков? — спросил Вульф и уверенно нажал кнопку вызова стюардессы.

— Если вон та группа студентов еще не выкачала весь спиртной запас этого великолепного лайнера, я буду... э-э-э ... русскую водку! — при этом Роб сделал круглые глаза, как бы удивляясь собственной смелости.

— Мне, пожалуй, виски. А вы? — Вульф вопросительно глянул на девушку.

— Да и я выпью немного, красного вина, — присоединилась Луиза, поддавшись общему приподнятому настроению. К тому времени, как подошла приветливая стюардесса, с выбором определился и «юморист», назвавший наконец-то свое имя:

— А Сержик будет пиво! — и, словно оправдываясь перед удивленно посмотревшими на него попутчиками, добавил:

— Ну не косяк же заказывать?!

Все дружно засмеялись. Похоже, на этот раз шутка Сержа была единодушно принята.

Лесли, наконец, подружилась с долговязой Дианой и, сидя у нее на коленях, пыталась выдернуть наушники из ушей своей матери.

— Ну, дай мне хоть здесь позаниматься! Вы не поверите, Диана, но эта девчушка стоит мне трех пацанов, настолько она непоседлива. У меня скоро интервью, есть вероятность получить очень выгодное место. Мне нужно подготовиться. Я музыкант. Вот наигрываю, потом слушаю и анализирую...

— Как интересно! Можно и мне послушать? — Диана бережно, словно прикасаясь к самой музыке, взяла из рук Гейл наушники, но очень быстро вернула их обратно.

— Извините, у меня синдром... Ну, в общем, я не переношу скрипку, к сожалению, — и, чтобы замять неловкость, тут же предложила увлечь Лесли игрой:

— Мы вам больше не будем мешать, занимайтесь до самой посадки.

— Вот спасибо-то! — обрадованная Гейл снова окунулась в мир родных звуков, нахлобучив прямо на наушники плотную, вязаную шапочку, которая уже не раз выручала ее в подобных случаях. Она свернулась калачиком и закрыла глаза ...

— А ну-ка, угадай, что у меня в левом кармане? — многочисленные веснушки выстроились бабочкой под сощуренными, хитрыми глазами Дианы.

— Еще один синдром? для меня? — наивно спросила Лесли и тут же поняла, что не угадала, потому как молодожены, сидевшие сзади, залились дружным смехом, а ее долговязая подружка обиженно поджала губы.

Как ни старалась Гейл оставаться хладнокровно-самокритичной, музыка уносила ее воображение все дальше и дальше... на святые подмостки, с толпами благодарных поклонников, охапками цветов и восторженными криками...

Крики? Что это?.. Почему кричит Лесли?!.. Это уже не воображение! Гейл резко открыла глаза и почти подскочила в кресле. В ушах все еще играла музыка, но сквозь нее отчетливо доносился многоголосый истерический плач и дочуркино: «Мамочка! Мне страшно!».

Срывая одной рукой шапочку вместе с наушниками, а другой, прижимая к себе плачущую дочку, Гейл обратилась к стюардессе, стоявшей в проходе, с подносом в руках:

— Что происходит? — но вместо ответа на нее посыпались разноцветные бутылочки со спиртным. Затем и сама стюардесса рухнула на пол, ударившись головой о подлокотник Гейл. Впереди сидевшие студенты бросились ее поднимать. Гейл почти в отчаянии повернулась к Диане, но вопрос застыл на губах. Диана сидела в неестественно остолбеневшей позе. На бледном, как полотно, лице жутковато светились наполненной слезой выпученные от страха глаза.

— У вас веснушки п-пропали..., — прошептала Гейл и еще крепче прижала к себе плачущую Лесли. — Объяснит мне хоть кто-нибудь, что здесь происходит? Мы что, падаем?! — Гейл встала в полный рост. Странно... более чем странно. Почти все щелкают мобильниками.

— Люди, ради Бога, скажите мне, что происходит?! — выкрикнула она в отчаянии.

— Мама! Дядька сказал, что мы все умрем за какого-то Аллаха. И еще, что мы можем позвонить. Сядь, мам, пожалуйста! Мне так страшно..., — Лесли смотрела на мать снизу вверх. Она была похожа на коричневое солнышко. Разноцветные косички-лучики

торчали во все стороны. А в самом центре... молящие о пощаде детские глаза. — Мам, а давай выйдем из этого самолета, а?.. Я не хочу тут больше ехать!

— О, мой Бог! — Гейл буквально упала обратно в кресло и стала неистово целовать и гладить дочь, не зная, как ее успокоить и чем загладить вину своей беспомощности.

Роб судорожно набирал номер домашнего телефона. Уже третий раз занято. Если Эмма болтает с подружкой, то это надолго. Как жаль, что на автоответчике его собственный голос. Хотя бы еще разок ее услышать. Кто знает, сколько осталось времени?!... Рядом сидящая Луиза теребила в руках телефон и напряженно смотрела в иллюминатор, явно не решаясь позвонить.

— А вы почему не звоните? Это, конечно, не мое дело, но...

— У меня больше нет никого, а ему лучше и не знать, что мы... что я к нему ехала. Он уже свыкся. Еще немного, и забудет. А так, если еще и о ребенке скажу, ему будет больнее...

— Можно тогда мне воспользоваться вашим телефоном, раз уж вы все равно..., — почти прокричал немец и, не дожидаясь ответа, выхватил его из рук Луизы.

— Я вот все думаю, зачем тянула?... Мы уже несколько месяцев могли быть вместе. Жить вместе. Жить... Ведь мне бы тогда не пришлось сегодня лететь. Я чувствовала, что мне не нужно было сегодня лететь! — Луиза будто и не заметила грубой выходки Вульфа. Она продолжала смотреть в окно, словно боялась увидеть в глазах людей подтверждение страшной неизбежности. Вульф громко плакал в трубку, разбавляя немецкую речь грубым английским сленгом. И никто его не осуждал.

— Тише, Вульф, тише, миленький. А то бабушку разбудите. Пусть хоть одна умрет счастливой... А вы, Роб, не бойтесь с автоответчиком разговаривать. Сейчас вроде и впустую, зато, потом... ей будет что сыну... Я думаю, мне было бы... если наоборот. Но, увы... — Луиза изо всех сил старалась не разреветься. Сработала выработанная еще в приюте привычка — никогда не плакать.

— Вы сильная женщина, хоть и хрупкая на вид. Простите..., — Роб решительно нажал кнопку повтора и, глубоко вздохнув, приготовился говорить.

Эмме, наконец-то, удалось закончить неприятный разговор с матерью. Сколько можно твердить одно и то же?! Когда свадьба? Когда свадьба? Никогда! — отрубила Эмма и бросила трубку. Телефон зазвонил снова.

— Ни-за-что! — прошипела Эмма и гордо прошла в ванную комнату. — Я даже не стану подслушивать, что ты мне там наплетешь на автоответчик, — она плотно закрыла за собой дверь и включила душ. Потом, подумав, включила еще и радио.

Взволнованный голос диктора сообщил о странном звонке в редакцию. Позвонил какой-то сумасшедший и требовал подключить его в прямой эфир. В противном случае, шантажист обещал взорвать самолет с пассажирами. Эмма быстро выключила приемник, словно могла этим предотвратить трагедию.

Совершенно пропало желание принимать душ. Перекрыв воду, Эмма отчетливо услышала голос Роба. Так это звонил он?! Эмма быстро выскочила из ванной и присела на корточки рядом со стоявшим возле софы телефоном, пытаясь успокоить дыхание и уловить смысл сказанного. О чем это он?

— ...но бывают разные ситуации в жизни, сынок, если не знаешь, как поступить, — просто старайся никого не обидеть, — и получится правильно. А главное, мамку береги, она у нас хорошая, но слабенькая. Ты помоги ей стать сильнее... Прости меня, сынок, что не смогу взять тебя из роддома... И на свадьбе твоей не спою... Кстати, гитару мою сбереги, это гитара твоего деда. И обязательно научись играть, у нас в роду все мужики играют... и поют... Пели... Я бы тебе спел колыбельную. Я бы пел тебе каждый вечер!

И на рыбалку бы с тобой ... и в зоопарк... и что там еще бывает... О, Господи, милые мои, как я вас люблю! Эмма, прости меня! Я всегда хотел на тебе жениться, только поздно это понял. Родная, я чувствую, что ты дома. Пожалуйста, возьми трубку! Я очень хочу услышать твой голос... Ты не можешь отказать мне в последнем желании, я же не шучу!

В самом центре салона вдруг встала девушка и, отчаянно жестикулируя, стала кричать что-то на никому не понятном языке. Она то прижимала руки к груди, то простирала их к пассажирам, словно умоляя их о чем-то.

— Что она хочет? — прервал свой монолог Роб. — О чем она просит?

— Она отстаивает свое право на последний звонок..., — монотонно, не отрывая взгляда от иллюминатора, пояснила Луиза. — У нее просто нет мобильного телефона.

Роб нажал на сброс и протянул трубку девушке. Где-то в Сибири раздался длинный телефонный звонок. Дома никого не было... не было даже автоответчика. Света набрала номер службы спасения...

— Я лечу в самолете под чужим именем Ганна Кохан. Мы сейчас летим очень низко над Нью-Йорком. Нам сказали, что всех нас сейчас убьют... Сообщите об этом на ... ... 6-17-32, Нине Георгиевне... я ее дочь Светлана Родина. Здесь так страшно... Скажите маме, я ее очень сильно люблю и хрхрххх.....

— Вызов принят, — по инерции ответила телефонистка...

АЛЛА ШАДСКАЯ (СИЛЬФИДА) (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэтесса. Родилась в 1977 году в небольшом курортном городе Крыма — Евпатории, где и прошли годы детства. С 1998 года живёт в Москве. По профессии пианистка и музыковед. Училась в Симферопольском музыкальном училище и Российской Академии Музыки им. Гнесиных. Выступает иллюстратором на музыкальных вечерах. С детства любит литературу и пишет стихи. Диплом Международного литературного конкурса сайта НЛО (2006) и 1 премия по курсу поэзии (2007). Автор четырёх поэтических сборников в соавторстве — «Душа летит среди орбит», «Поют любовь вам ангелы-поэты», книга 5, «Поэзия творчества» (Рязань, «Поверенный», 2007–2008) и «Альманах НЛО» (2009). Стихи Аллы Шадской опубликованы в Е-журнале «45-я параллель» и на сайте «Стихи.ру».

Страница автора в интернете:
http://silfyda.livejournal.com/profile
E-mail: silfyda@ya.ru

В КРЫМУ

Полной грудью вдохнуть свежий воздух далеких полей!
Ароматами моря наполнить поющие чаши,
А в ладони сгрести ошалевший степной суховей,—
Разве это не наше земное, законное счастье?..

Милый город, родная земля древних скифских племен,
Погруженная в сон разноцветных эпох и столетий,
Освященная Солнцем, пропетая ветром, как стон,
В синеглазых легендах штормов изумрудного цвета,
Долетит ли к тебе моя звонкая нежная песнь?
Пронесется ль, как смерч, осыпая куплетами гавань?
Ветер жизни, земных расстояний оковы разбей!
Ветер странствий, свернись у порога, слетая кругами...
Неразрывные узы, опущенные якоря,
Монолитом проросшее небо сквозь волны и души
Пронесут от июня до первых дождей сентября
Мой маршрут неизменный на вечно-соленую сушу.
Мне не скрыть этой неразделенной и страстной любви,
И, куда бы меня ни занес неприкаянный ветер,
Я всегда возвращаюсь в свой дом среди древних руин.
Мне другого не надо. Он пуст — но просторен и светел.

ЗАКАТ

Медленное движение
Красного по зеленому,
Солнце рисует линии —
Длинные...
Золотом ублаженные
Боги, в огонь влюбленные,
Скоро оставят денное
Бдение.

Ты раздеваешь голосом
Снов тишину невинную,
В комнату ночь-пророчица
Просится...
Сутки на миг расколются
Паузой половинною,
С ночью душа-отшельница
Сшепчется.

Взглядов заворожение,
Образы ренессансные,
Звезды на синем зонтике, —
Готика
Медленного скольжения
Черного по прекрасному
В таинства ювелирные
Линии.

Видишь? понять, что вечер,
элементарно:
Солнце устало.

А Я ТЕБЯ ЖДАЛА

А я тебя ждала. Ночами сны терзая,
страницы весен перелистывая вспять,
в них — весны сотен лиц... мелькали образами,
и тени наших душ, мечтающих летать.

Там кто-то, среди них, до боли был похожий,
а кто-то в голос мой до боли был влюблен...
Я вырывала лист. И следующий — тоже,
вмещая пустоту в обманутый картон.

Но ты пришел извне, другой раскрытой книгой,
Согрел своей мою прохладную ладонь.
И растворились дни в тугих объятьях мига,
И растянулся шелком вечер золотой.

В нем рыжая тоска уж листьями заносит
Следы, что взгляд вели к полнеющей Луне.
В нем я тебя ждала...
и, несмотря на осень
в березовом краю, ты вспомнил обо мне .

УБЕЙ ВЕТЕР

Уеду. На юг. Не проси остаться.
Смотри, как изящно обводит грани
В клочке поднебесья в оконной раме
Лучей танец.

Эмоций и чувств измеряя крепость,
«Страстям по свободе» пусть вторит клирос.
Любовь провожая в ручей эфира,
Зажги небо

Печалью цветка, через атмосферу
Планеты веселья в зеленом платье.
Придется и нам получить зарплату
Зерном веры.

Не буду я плакать, с дождями спорить,
Смотри, как лазурна тропа, и тонок
Он, нежно-флейтовый, в миров истоки
Зовет голос.

Зовет, и — за Солнцем, по бликам лунным
Я — в мир парагрез, где не я — бываю.
А кто-то привычной игрой словами
Порвет струны...

Я — тень, отдыхаю на белых веках
Прекрасных Богинь — трех античных Граций.
А хочешь меня разучить смеяться? —
Убей ветер .

БЛОХ

Я мелкий блох. Меня сожрал кореец.
Сварив собаку вместе с клоком шерсти.
Но я не сдох, мой ум еще хитрее,
Я полон злости и желаю мести.
Сижу в желудке, лопаю сосуды,
Кусаю скользкий «панцирь»-эпидермис,
Так повелось, что принимают люди
За аксиому: все собаки — стервы.
Тогда, кто их готовит — стервоеды!
И жирные жратв-мейстеры-иуды.
Меня ж по росту не возьмут в поэты, —
Зато не замарают мной посуду.
Сейчас в кишечник выгрызу тропинку
И доберусь до печени и почек.
Когда не помогает «аскорбинка»,
Что будет стоить лакомый кусочек?
Я тоже жить хочу, а значит, буду!
Узреют все, кто сытый на халяву
Бездомным мясом, наш девиз под блюдом:
«Собакам — волю, блохам — шерсть и славу!»

МИМОЛЕТНОСТЬ

Мимолетность — и жизнь, словно сон,
Исчезает, прощаясь, за далями,
Измеряя шагами усталыми
Перекрестки на чашах весов.

Звуки чьей-то гитары — вослед.
А моя-то была семиструнная!
Песнь цыганская, радуга лунная
На ресницах, да шепот бесед...

И с вопросом глаза — на амвон:
То ли быль, то ли небыль печальная?
Мимолетность... —
осталось молчание
В куполах золотых голосов.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Песочные часы пересыпают мысли,
Не времени крупицы, а тихие слова.
В них каждая песчинка — знаменье новой тризны,
Но кто-то ждет рожденья, а кто-то — Рождества.

Песочные часы беспомощной Вселенной
В себя вобрали звезды и тысячи орбит.
Размеренно и строго, бесшумно и надменно
Они ломают замки из млечных пирамид.

Песочные часы на маленькой ладошке
Счастливого в извечном потоке Бытия
Трехлетнего ребенка... ну вот, еще немножко —
В другую бесконечность провалится Земля.

В песочные часы давно попало Солнце,
Его решили тоже однажды погасить.
Вращаются столетья, клубятся дыма кольца,
И нас пересыпают песочные часы.

ДОЖДЬ

Плачущая глазница неба,
дождь, читающий мысли...

Чьей-то жестокой волей расстреляна музыка жизни,
Растаскана по кусочкам — на капли, на шорох ночи,
На тысячи слов и строчек, на дождь, который не знает,
Что песня его — святая...

Дождь, ты сейчас мне нужен...
Запах асфальта стынет
В тысяче мелких кружев,
В переплетенье линий.

Дождь, шелести листвою,
Дождь, простучи по крышам,
Сердце твое — живое,
Песнь твоя влагой дышит.
Дождь, я — к тебе, на волю!
Дождь, я с тобой, останусь.
Лишь для тебя открою
Свежие сердца раны...

Дождь, ты мне очень нужен! —
Мне не хватает песен.
Сквозь пелену удушья
Новым мотивом — влейся!
Тихой струей печали,
Краской ночных звучаний,
Тайной Земли, молчаньем
звезд, заплутавших в тучах.
Пусть мне не знать — прощенья,
Если б сейчас с тобою,
В пыль разбивая звенья
ливней, не зная боли...
дождь, ты свободен — падать,
Ты не боишься грязи.
Коль не взлететь обратно,
Сердце по каплям — наземь...

Пой же, святая Муза!
Небо — твоя награда.
Только б не захлебнуться,
Дождь, как тебе я рада!

В доме пустом и странном воздух, на вкус прокисший,
Ночь дождем барабанит, и не спасает крыша...

...плачущая глазница
неба,
дождь, читающий мысли...

ПИСЬМО БОГУ № 7

О небо! Собери весь пепел слов,—
Я грелся их костром, прости мне слабость.
О, Господи! низвергни в пепел зло
И разожми костлявой смерти лапы.

Слов горьких, как полынь, целебен яд.
Они горели сочно, как закаты.
Я жег их ровно жизнь. Чтоб постоять
На грани — ни на сцене, ни за кадром.

Ты говоришь: «Блаженство в смерти есть»,—
Я пил его репризы и da capo*.
И боль терпел, и нес к финалу крест...
Но жить хочу... Прости мне эту слабость.

Безумье... сдаться в плен тоске земной...
Но, есть ли шанс у слов воскреснуть снова?
Дух жив еще лишь крошечным зерном
Благословенья Твоего скупого.

* * *

Созерцает Господь Воскресение.
В купол ночи вгрызается красное —
Белый сон пал «слезами» весенними
В сети разума.

По тропинкам, однажды исхоженным,
Из пустыни, где Солнце — палящее,
Возвращаются люди из прошлого —
Настоящие.

Прорастая душой в покаяние,
Высевая любовь во мгновения,
Оживляя мечты и желания
Искуплением,

Возвращаются, странствий заложники,
Долгожданными письмами в ящики,
Словно блудные дети, из прошлого —
В настоящее.

И, в огне совершая камлание,
С миром грез и страданий развенчана,
Истекает душа
в зеркала
Бесконечности...

da capo — (букв. «с начала») итал. термин, используемый в музыкальной практике.*

ШРАЙК (МИХАИЛ САФИН) (РОССИЯ, МОСКВА)

Поэт. Сафин Минихан Якубович (псевдоним Михаил Сафин, сетевой псевдоним Шрайк) родился в городе Калуш Ивано-Франковской области. Окончил среднюю школу № 35 города Уфы. Выпускник физического факультета Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики и информатики Российского университета дружбы народов. Участник нескольких десятков Всесоюзных и Международных совещаний по физике ядра и элементарных частиц. Имеет около сотни научных и учебно-методических публикаций. Член Международного Союза писателей «Новый современник». Многократный лауреат и призер сетевых литературных конкурсов. Стихи опубликованы на ряде сетевых ресурсов, а также в литературных журналах «Лауреат», «Открытая мысль», в различных сборниках и альманахах.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« Впрочем, с удовольствием отмечаю, что почитать у Михаила есть что, и многие его стихи обладают всем необходимым поэтическим оснащением. Можно у Сафина встретить и интересные находки, и метафоры. Присуща его стихам мелодичность. А промахи… У кого их нет?

«Как одинокий пианист
За фортепьяно без пюпитра,
Роняет пальцы на карниз,
Ночь наполняя дробным ритмом».

Красиво, черт побери! Или вот это:

«Где под управленьем немыслимых терций
Из чрева давно и смертельно больного
Конечностью жизни в биениях сердца
Рождается музыка магии слова». »

Татьяна Калашникова,
член СП Северной Америки, член СП Москвы.

« Странное впечатление: некоторые вещи — добротные такие, при всех своих минусах вот именно добротные, а другие — «Магия музыки слова», а не то еще и «Поговори, Печаль моя, со мной» (лучше уж «фрактальные домены», если на то пошло).

«Аз есмь. Но — кто? Логическое следствие
Из теоремы о существовании,
Доказанной профессором на лекции
Для слушателей ангельского звания?»

Аккуратно сделано, осмысленно. И приятно то, что тексты такие ритмичные, ритмично-музыкальные. И этот, и другие, — почти все. »

Елена Зайцева,
член редколлегии
литературно-художественного
журнала «Новая Литература»

« Поговори, печаль моя, со мной.
Нет никого — лишь ты да я, да вечер,
Да ветер бьёт из тьмы в окно картечью,
Сырой колючей крошкой ледяной.

Все глаголы стихотворения динамичны: поговори, запомни, бьет, звучит, отпустит, видел, оживал. И в то же время конец более чем статичен. Такое стихотворение нельзя переделать или исправить, только читать своим дорогим и любимым.

Не вся подборка Михаила Сафина тянет на «отлично», но кто умеет читать — да прочтет. »

Александр Цхоидзе,
студент Воронежского Государственного
университета

« «И звучен оркестр печалей» — Этот стих мне понравился больше, т. к. наряду с настроением прекрасно сочетается техника стихосложения, как опытный фигурист, автор демонстрирует свой богатый арсенал поэта, не буду перечислять. »

Евгений Минин, координатор Международной писательской организации МАПП в Израиле

Страница автора на сайте «Литсовет»: http://safin.litsovet.ru, e-mail: shrike@mosk.ru

ДАВАЙ ПОГОВОРИМ

Давай поговорим с тобой о чем-нибудь!
О чем-нибудь таком, чтоб не тревожить душу.
Кивая головой, улавливая суть,
Попеременно мы друг друга будем слушать.

Ни слова о долгах, поднявшихся вновь ценах,
Порочности торгов, где в лотах вся и все,
О пошлости рекой с экрана и со сцены,
О подлости людской с улыбкой на лице.

Оставим в стороне серийность катастроф,
Их техногенный смысл и фактор человечий.
Без человека мир не стоит наших слов,
Но наше слово в нем нередко лишь калечит.

Пока горит свеча, покуда бьется пламя,
Наедине в глухой беззвездности ночи,
Глаза в глаза, друг мой, открыв навстречу длани,
Давай поговорим! — Но лучше помолчим.

БЕЗЗИМЬЕ ПО ЗИМЕ

Едва забрезжил свет бесформенного утра
Очередного дня беззимья по зиме,
Как ожила тропа, сверкая глянцем ртутным
Эмалевых осколков неба на земле.

И караван фигур, темнеющих на сером,
Змеясь, пополз к порталу щупалец метро,
Вбирающему жадным, ненасытным жерлом
Фигурку за фигуркой в гулкое нутро.

Скрежещет сталь о сталь, пронзая корневище
Колонии бетонных сот aeterna urbs,
Спрессованные вхруст, тела свободы ищут,
Глотая пыль времен кольцом отверстых уст.

И к свету выносил подъемник-эскалатор
Помятый, но живой конгломерат-сырец
Для фабрик и торжищ, Молоху душ на радость.
...Шел крупный, мягкий снег — беззимью шел конец.

ЕСТЬ НА СЕМЬ БЕД ОТВЕТ

Есть на семь бед ответ,
Один ответ ценой
В остаток зим и лет,
В кремнистый путь с сумой

По весям, городам,
Под ярмарочный гвалт,
Сквозь дым «купил-продал»,
Мил друг, не кум, не сват.

Сквозь бурелом лесов,
По пустошам полей,
Под лай бездомных псов:
Чем меньше пес, тем злей.

Единственный свой путь
Вершить и завершать
Без права повернуть,
Сойти, наладить гать

Не вдоль, а поперек —
Чем черен был, тем бел,
Вернуть, что не сберег,
Отдать, что не успел.

УЛЫБНИСЬ

Мой дружочек, дорогой, улыбнись!
Улыбнись мне вопреки, несмотря,
Впрочем, глянь скорей в небесную высь:
Ах, какие облака в ней парят!

Кучевые в семь хором-этажей,
Три на девять переходов витых,
Всюду радужные блики витражей,
А на башенках бойницы для крутых

Молний-стрел, что полетят во врага,
Коль погонит жар-полки Суховей.
Даже капелька дождя дорога
Обгорающим ладоням полей.

А покуда в небесах новострой,
Вырастают, как грибы, терема —
Улыбайся, мой дружочек, ведь порой
Лишь улыбкой-то судьба нам и верна.

МОЛОХ

Слепая канитель и мишура
Нас жадно поглощают без остатка.
Заглатывают с самого утра,
Жуют весь день, причмокивая сладко.

Выплевывают вечером остов,
Обглоданный изрядно на работе,
Чтоб за ночь, кто во сне, а кто без снов,
Побольше нарастить смог новой плоти.

Нет этому разумного конца,
Представить неразумный — просто страшно.
На лицах наших часто нет лица,
Лишь маска скраба прячет след вчерашний.

И не остановиться, не взглянуть
На небо в полдень летний или зимний.
Работать, чтобы жить — когда-нибудь,
И жить лишь для работы — путь единый.

Но теплится надежды уголек,
Он душу согревает неустанно —
Что выход из туннеля недалек,
А там рукой подать до полустанка,

Где утро день за днем, из года в год
Распахивает зонт небесной сини,
Молоха же конвейерных забот
Не слышно, как и не было в помине.

Сойти и там остаться навсегда
С тобой, мое пронзительное счастье!
Но мчимся мы на разных поездах,
И снова нам с тобой не повстречаться.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ. СТРОМЫНКА

Тополиный пух. Стромынка.
Стыки рельсов. Стук колес.
Белой проседью простынка
Тополиных белых слез.

Зелень листьев. Шелест, шелест.
По краям густой каймой.
Ветер белым стелет, стелет
Выбоины мостовой.

Суетливые трамваи
Пробегают через мост.
Стаи листьев, окон стаи.
Старый дом совсем не прост.

Щурится подслеповато
В стеклах стареньких очков.
Не беда, что угловат он,
Неуклюж — он дарит кров.

По привычке дарит людям
Коридоров длинных нить.
Не считай, что дар сей скуден!
Дар души — не оценить.

Слышишь, словно сговорились:
Шелест листьев, скрип полов?
Скольким людям, сколько снилось
В этом доме разных снов!

Мы расстанемся с тобою —
Доброй ночи, сны смотри!
Тополя тебя укроют
Белой шалью до зари.

В ОКНО МНЕ ГЛЯНУЛА ПЕЧАЛЬ

В окно мне глянула Печаль
Твоими карими глазами.
И я припомнил, как свеча
В твоих руках под образами

Желтела пламенем, а ты
Печально-тонкая стояла,
Исполненная немоты,
Пред ликом Спаса... Было мало

Каким-то силам той беды,
Что, наконец, зарубцевалась,
Оставив горькие следы
В душе и сердце. — Ты старалась

Творить молитву, как могла,
Как знала, слышала, умела.
И расступалась в храме мгла,
Светлел твой взгляд, и ты светлела.

Священник густо напевал,
Качая серебром кадила.
Боль отступала, уходила,
И оживал лица овал.

Я ждал тебя, смотрел и слушал,
И ставил свечи светлым душам.

Я ТЕБЕ ВСЕГДА ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ

Я тебе всегда желаю счастья.
Отвечаешь ты мне с подозреньем:
Слишком часто, друг мой, слишком часто,
Раз в году бывает день рожденья!

Если б знать еще, что это значит
В жизни нашей: слишком часто, редко.
Птицы мы с тобой на разных ветках,
И тому не быть уже иначе.

Дунет ветер — резко, прихотливо,
Сблизит наши ветки на мгновенье,
И душа в огне благодаренья
Вышепчет молитву: Будь счастливой!

Будь счастливой в этот миг и позже!
Стихнет ветер, разойдутся ветки,
Даже если брызнет мерзкий дождик –
Не сиди, нахохлившись, как в клетке.

Все пройдет, дожди у нас не вечны.
Рассветет, поднимешься над лесом,
Белый свет целителен, чудесен,
Но не будь у солнышка беспечной.

Будь всегда в согласии с судьбою,
Не бери печаль мою в головку:
Это я прощаюсь так неловко,
Ухожу и остаюсь с тобою.

ДИСТАНЦИЯ БОЛИ

Сколько каждому в жизни различных дистанций отмерено?
На дистанцию крика ложится дрожь предупреждения,
На дистанции окрика зло бьет наотмашь уверенно,
На дистанции шепота ежится тень подозрения,
За дистанцией выстрела скалится оптикой ненависть,
За дистанцию стона о помощи зов не доносится,
На дистанции массовой лжи не существенна смена лиц,
На дистанции милости царственной всякий ли спросит сам,
За дистанцией непонимания шаг до презрения,
За дистанцией чувств ощутима ли сердцем отверженность,
И не будут ли слезы в глазах аберрацией зрения
На дистанции боли, где дышит предательством сдержанность.

КОГДА ДУША КАК ВЫЖАТЫЙ ЛИМОН

Когда душа — как выжатый лимон,
Не трогайте ее, оставьте в блюдце!
Какие песни? — Песни не поются.
А то, что слышится — всего лишь стон.

Чай заварите крупно-листовой.
Покрепче, потемней, поароматней.
Тогда, быть может, станет вам понятней:
Душа — она не тело с головой.

Налейте в чашку, всыпьте сахарку
Пол-ложечки и сдобрите лимоном,
Остатками — не выдавленным стоном.
И тело оживет, уняв тоску.

Свежее станет ваша голова,
Универсальный счетчик-вычислитель.
Накройте ноги пледом, утеплите, –
Всегда права народная молва.

Все хорошо: есть, чем отдать поклон,
Чем улыбнуться каждому при встрече.
Лишь в сердце боль ничто вам не излечит,
Пока душа — как выжатый лимон...

ЕЛЕНА ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН (АРМЕНИЯ, ЕРЕВАН)

Поэтесса, прозаик. Родилась 17 апреля 1978 года в Волгоградской области в селе Большой Морец, училась в Москве (МИПК им. И. Федорова). С 2001 года проживает в Ереване. Работает журналистом в газете «Новое время». Сотрудничает в ряде зарубежных изданий. В Ереване закончила Институт международных отношений им. И. Лазаряна. Сейчас учится в магистратуре. Состояла в литературном объединении «Росток» (1994–2000). Член Союза литераторов России, Союза писателей Армении, Международного Союза писателей «Новый современник». «Королева поэтических воскресений–2004» (Россия, Рязань). Дважды дипломант литературного конкурса им. Я. Корчака (Израиль, Иерусалим). Дважды победитель литературного конкурса «Формула: Неизвестный Литературный Объект» (Греция, Афины), Серебряный лауреат премии «Золотое перо Руси»–2007 (Россия, Москва). В 2008 году в том же конкурсе отмечена специальным дипломом в номинации музыканта из Германии Александра Гами «Русское в нас» за статью «Немного о русских в науке и жизни Армении». Первое стихотворение было опубликовано в возрасте 8 лет, со школьных лет печатается в газетах «Еланские вести» и «Волгоградская правда». Автор четырех книг стихов и прозы — «Красный Сон» (2000), «Там, Где...» (2004), «Человеческая жизнь» (2007) и «Сквозь ресницы» (2008), а также многочисленных публикаций в армянской и российской прессе. Участвовала в более 20 коллективных сборниках, изданных в России, Украине, Грузии, Германии, Италии, Израиле. Стихи, рассказы и статьи переводились на иностранные языки.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ

« Елена глубоко владеет архитектурой классической поэзии, благодаря чему ее слово раскованно и не лишено естественного, природного звучания. А внутренняя музыка ее стихов делает еще более чувственными и впечатляющими властвующие в ее книге темы любви, ностальгии, преданности. Одной из особенностей Елены является то, что в отличие от других представителей своего поколения, она продолжает верить, что силой художественного слова можно изменить мир, сделать его справедливым и честным, что можно способствовать победе доброты, истины и прекрасной гармонии в человеческих взаимоотношениях. Иными словами, она последняя из могикан романтизма, которая каким-то чудом оказалась в XXI веке. Самое удивительное то, что в ее произведениях присутствует такая искренняя вера, что даже я, кто, собственно, никогда не страдал наивностью изменить мир словом, пусть и прекрасным, погружаясь в чтение ее стихов, с удивлением обнаруживаю романтические сдвиги и перемены в своей душе. И хотя бы только по этой причине хотелось, чтобы этот небольшой сборник, на страницах которого бьется сердце, наполненное безграничной верой, стал достоянием как можно большего числа читателей. »

Ованес ГРИГОРЯН,
поэт, секретарь Союза писателей Армении

«СЕРДЦЕ МОЕ — ЕЖЕДНЕВНАЯ КОМА»

« Елена живет радостью и грустью, счастьем и печалью, глубокими раздумьями и безумным полетом души. И все эти чувства блистают в отточенных строках ее стихов, которые наполнены великой любовью к матери, детям, милому, земле, где родилась и той земле, где живет сейчас. Она легко играет рифмой, техника ее стихосложения многогранна — классический стих, газелла, кыта, сичжо, японский сонет, однословный многорифм и др. Пусть же и в дальнейшем из-под ее пера выходят произведения, поражающие и удивляющие читателей, заставляющие смеяться и плакать, зовущие жить, любить, грустить и наслаждаться. »

Наталья АДЛЕР,
поэт, член Союза журналистов России

ДОРОГАМИ СУДЬБЫ

« Шуваева-Петросян… Это сочетание само по себе бросается в глаза и разу же рождается интрига. Почему? Как? А очень просто. Замужество, и вот белокурая волгоградская красавица Елена Шуваева становится также и Петросян. Уже жительница Армении, мать двух чудесных дочурок, жена прекрасного армянина. В одном из своих интервью Елена призналась, что уже сызмальства была уверена, что станет женой армянина. Эта уверенность породила в ней симпатию к тем большеносым и добродушным армянам, которые приезжали в Россию работать. Печально, но, как правило, после замужества женщины оставляют творчество. Елена, однако, стала одной из немногих, потому что действительно любит литературу, преданна ей, верна себе, своему призванию. К счастью, ее литературная деятельность в Армении изначально удостоилась внимания. Были опубликованы ее стихотворения, рассказы и статьи — сначала в русскоязычной, а позднее в армяноязычной прессе. Творческую деятельность Елена начала как поэтесса, однако, теперь все более и более склоняется к прозе. Будучи лауреатом многочисленных конкурсов, Елена пропагандирует армянских писателей и выступает ярым защитником проармянских взглядов. Наблюдательна, внимательна ко всем своим героям — большим и маленьким. Любит всех их только ей присущей безличностной, искренней, непосредственной, поистине христианской любовью. Это свое качество Елена наверняка унаследовала от великих представителей своей нации: Чехова, Тургенева, Зощенко, Шукшина. Странно, но с самого начала с грустью предупредив, что лишена чувства юмора, она представила рассказы, полные тонкого своеобразного юмора. Почему же сама не считает это юмором? Может, он настолько переплетен с ее характером, что и сама не замечает? Что бы то ни было, главное — есть и юмор, и сочный колорит, который, кстати, все более и более обогащается армянскими оттенками. Герои ее рассказов последнего цикла, в основном, жители Армении. Елена открыто идет навстречу новому. Надеюсь, что каждый последующий рассказ будет шагом вперед и обогатит нашу литературную палитру новыми чудесными оттенками. »

Гурген Ханджян,
прозаик, драматург, переводчик, редактор литературной газеты «Гретерт»

НА СЕВЕРНОЙ ВЕРШИНЕ АРАГАЦА*

Ветер исхлещет
Плетью нежные плечи.
Я провинилась.

Ветер и горы —
Извечные спутники.
Я — третий лишний.

И на вершине,
Застыв в немом восхищенье,
У неба прошу прощенья
За то, что не ценила жизнь.

СТАЯ ПТИЦ И НАДЕЖДА

Вспорхнула стая...
Плеск волны и солнца вздох.
Тревожно в мире.

Опоздал рассвет.
В закатной крови тонет
Моя надежда.

С каждым шагом, с каждым вздохом
Покружаюсь в бездну мрака
Море крови, море боли...
Стая птиц — моя надежда.

Мертвые деревья
Острые копья
Мертвых деревьев — в небо.
Рваное тело.

Тонкие руки
Мертвых деревьев — к небу.
В последней мольбе.

** Гора Арагац — самая высокая точка Армении, потухший вулкан, имеющий четыре вершины. Высота вершин: Северная — самая труднодостигаемая (4095 м), Западная (4080 м), Восточная (3916 м) и Южная (3879 м). Между ними кратер глубиной более 400 м*

Небо провисло
Под тяжестью крови,
Воды затихли
В предчувствии войн...

РАЗРУБАЮЩИЙ СОЛНЦЕ

Столетний дуб-меч.
Светило напополам.
Имеет право.

Что видел он,
На этом свете, солнце?
Сто лет побоищ.

В извечной бойне
Сам невольно
Он стал бойцом.
Прости его.

ГАДАНИЕ

О будущем
Гадала на хрупкой снежинке.
Она растаяла.
О будущем
Гадала на крыльях бабочки.
Она улетела.
Раскрыла ладонь —
Линии — волосы Медузы Горгоны.
Ловлю ее взгляд
И медленно каменею.

РУСАЛКА

Душа-русалка
Стучится в мир бездушья.
Непробиваем...

Пещера мира
Темна, обезжизненна.
И умер Данко...

Уж лучше без ног,
Но с душой
Промаяться и —
Взлететь...

СТРАЖИ СОЛНЦА

О, стражи солнца,
Сохраните оазис
Света и тепла,
Черты знакомой
Нам природы... Незваный
Час пронзите! Миг!

Миг возрожденья
Сквозь затменье.
Все золото небес...
Воскрес! Воскрес!

ЛУННЫЕ КАМНИ

Лунные камни
Спят в ожерелье твоем...
Все безвозвратно?!
Были мгновенья...
Спят в ожерелье твоем...
Только лишь вера

Их оживит
И наполнит
Дыханьем
Вечной Луны...

ВРЕМЯ ПЛАТИТЬ ПО СЧЕТАМ

Вот и настало
Время платить по счетам...
Мелочь в карманах.
Страхи немые
Вдруг обретают свой глас...
Душу на паперть!

Взываем к спасителю,
Клянем искусителя —
Среди виноватых
Не видим себя...

БЕСКРЫЛОСТЬ

Птица сорвется
в небо — с ладони моей...
Путь ее долог.
Бескрылость моя
Ей незнакома — зовет
За собой. Увы...

Мне б воспарить
С ладони земной
И покорить
Путь непокорный мой.

ПОЗДНЯЯ ПТИЦА

Поздняя птица
В дом залетела ко мне...
Павел Флоренский

Поздняя птица
Вдруг постучалась в окно —
Плохая примета.

Будут утраты?
О, сколько их было?! Ты
Принеси добро,

Добрую весточку —
Тонкую веточку
Из русской глубинки,
Милой моей душе...

ВИШНЕПАД

Небесное шоу со звездопадом неожиданно завершилось. Смущенно зарделся рассвет, будто темнота, неожиданно сошедшая, обнажила что-то потаенное, интимное.

В это утро, первое утро моего возвращения на родину, мне не хотелось спать. Нестерпимое желание пробежаться по утренней росе, охлаждающей ноги до ломоты костей, завязнуть в податливой отдыхающей пашне, которая хранит в себе тепло вчерашнего солнца, и потом снова погрузиться в росные травы, чтобы омыть грязные ступни, не давало покоя.

Деревня еще спала. Лишь где-то на окраине подавал голос старейший из петухов, и лаяла загулявшаяся собака. Подхватив юбку, я побежала в старый, бабушкин, сад, который плавно перетекал в молодую посадку, затем в бахчу, травы для покоса и упирался в реку, на берегу которой папа посадил вишни. Сколько длилось мое сумасшествие, я не помню, но, вдоволь набегавшись, я упала на траву под молодой, усыпанной кровинками, вишней, свесившей надо мной свои тяжелые ветви. И — о, чудо! Небо закружилось у меня перед глазами, затем будто распахнулось и замерло. На мгновение установилась оглушительная тишина. И вдруг с неба упала сначала одна вишенка и звонко плюхнулась в сонную воду. Потом — другая, третья... Почему я раньше, когда жила в деревне, не знала, что сезон звездопада совпадает с вишнепадом?!! И тогда я почувствовала, что целый год в городе буду скучать именно по этому мгновению и захочу его снова поймать.

МИШКА

На радость двум маленьким девчонкам-сестричкам кошка Лизка принесла приплод незадолго до их прибытия в деревню к бабушке. Баба Люба хлопотала — принесла в летник коробку подобротнее, заполнила его козьим пухом, перенесла туда роженицу и ее трех слепых детенышей, утром и вечером приносила для кошки парное молоко и из пипетки кормила котят, которые нередко оставались голодными из-за нехватки корма у их мамашки. Ежевечерняя процедура ухода за кошачьим семейством зачастую затягивалась допоздна. Женщине нравилось быть рядом со своей любимицей, которая дарила ей ласку и успокоение после напряженного рабочего дня. В эти моменты она

неизменно думала о своих детях и внуках. «Вот Маша и Кристина приедут, сколько радости будет! — размышляла баба Люба. — Как слезно Машуля просила никому не отдавать котят». Внучки ее жили далеко — ближнее зарубежье вдруг стало дальним, и девочки гостили у бабушки лишь в летние месяцы. К их приезду баба Люба, вдоволь наскучавшись, тщательно готовилась: малину, смородину, крыжовник поливала от души, ухаживала за огородом, вязала варежки, носки, шарфики и вот — еще котята...

Несмотря на двухчасовой перелет, а затем шестичасовую тряску на автобусе от города до деревни, девочки после обниманий и расцелований бросились в летник. Почти целый год они ждали этого сладкого момента! И вот он наступил! Кристина бойко погрузила ручонки в ящик и достала два пушистых комочка — рыженького и беленького. «Это мои! Это мои! — радостно завизжала она. Маша, надув губки, взяла оставшегося котенка — черного, короткошерстного, длинноносого, подслеповатого — обреченно прижала его к себе: «А этот только мой будет!» Лизка спокойно сидела в ящике и наблюдала за детьми — каждое лето эта картина повторялась, и кошка была уверена, что девочки не причинят зла ее малышам.

Потекла череда дней в восторгах, радостях и заботах. Кристина находила наслаждение лишь в игре с котятами — она мастерила для них «мышек», нанизывая на нитку шуршащие бумажки, строила домики, шила одежки, примеряя их без конца на своих подопечных, которые были для нее лишь мягкими и главное — живыми существами. Маша отнеслась к своей миссии более ответственно: во-первых, она разузнала, кто ее котенок — мальчик или девочка, затем подобрала ему имя. Мишка! С первыми петухами она просыпалась, чтобы самой принести парное молочко своему любимцу. Он лакал, сверкая розовым язычком, а Маша приговаривала: «Ешь, Миша, ешь! Расти большим, красивым и умным!». Затем объевшегося котенка уносила в дом и скрывалась с ним под одеялом в своей постельке. Баба Люба вся испереживалась: и котенка жалко — вдруг Маша его случайно придушит под одеялом, и внучку жалко — разве можно лишить ее такой радости?! Потом порешила, что Мишка вовсе не страдает от такой опеки — наоборот, зажатый в объятиях спящей Маши, умиротворенно мурчит и даже не пытается ускользнуть. Мария не расставалась с ним ни днем, ни ночью. Самый лакомый кусочек — Мишке! Самую мягкую подушку — Мишке! Самое пенистое молоко — Мишке! И даже попросила купить специальную щетку, чтобы расчесывать своего Мишку.

Пролетели три радостных в своей суете месяца. Кристина так и не подобрала своим чадам имена, остались они Рыжиком и Белюньчиком — миленькими и лохматенькими. А Миша превратился в роскошного, важного кота с черной блестящей шерстью. Он ходил горделиво по двору за своей хозяйкой, не отступая от нее ни на шаг. А время расставания неумолимо приближалось. И девочка это чувствовала, и кот. Почти каждый день Маша заводила разговор о том, что Мишку нужно забрать в Армению. Ее мама отговаривала: «Миша привык жить на воле, и в квартире ему будет очень плохо». Мария доказывала свое, что, мол, она будет его выводить во двор и каждый день выгуливать. Но все уверения оказались бесполезными. Со слезами Маша простилась с Мишей, нафотографировав его на память и наговорив кучу ласковых слов.

В Ереване она каждый день вспоминала о своем Мишке и в подушку плакала. В деревне грустил Мишка — протяжно мяукал у двери, пока не добивался своего — ему открывали дверь и впускали в дом. Он быстым и ловким прыжком оказывался на постельке, где некогда спала Маша, обнюхивал покрывало, ворошил его, маетно бегал от края к краю, потом начинал по-человечьи плакать — громко, навзрыд. Плакал долго, до

изнеможения... потом засыпал тяжелым сном, уткнувшись в машуткину подушку...

ДЖЕККИ

Кристина уже который год просит купить ей щенка, но родители отнекиваются, объясняют, как трудно в квартире держать собаку, которую к тому же нужно несколько раз в день выводить на улицу по нужде, а эту обязанность вряд ли кто-либо из домашних может взять на себя. Кристина все это, конечно, не понимает. Печалится. Потом находит выход, хоть и малоутешительный, но все же... В самый первый день ее жизни кто-то из родственников подарил ей игрушку — небольшого коричневого пуделя с грустными глазами. Именно он должен сейчас стать ее питомцем! К его шее она привязывает поясок, имитируя ошейник и... идет в школу. Опасливо заходит в класс. Завидев учительницу, прячет собаку за дверью и говорит: «Я сегодня не одна в школу пришла, со мной Джекки. Можно, он посидит на уроке?» — «Можно!» — удивительно быстро соглашается учительница. Кристина радостно ведет на поводке своего Джекки, привязывает его к парте и объясняет: «Чтобы он не бегал по классу во время урока, а то будет мешать...». Через какое-то время она поднимает руку и говорит: «Джекки не может так долго сидеть на полу, у него лапы замерзли. Можно его посадить на парту?» — «Можно!» — благосклонно отвечает учительница. Раздается звонок. Кристина выбегает с Джекки в буфет, чтобы купить ему колбаску. Я иду по коридору и вижу тонкую фигурку своей дочки и маленького коричневого пуделя, скачущего за ней на белом пояске. Смогу ли отказать в очередной раз, когда она заговорит о покупке собаки?!

ПЕРВЫЙ

С годами Перкосрак Седракович все больше чувствовал недовольство собой. Названный в честь первой космической ракеты, он привык всегда и везде быть первым. И не важно было, какими путями он шел к своему первенству. Он лихо поднимался по карьерной лестнице, когда другие падали. А сейчас, с трудом поднимая из кресла свои дряхлые чресла, он ковылял во двор, чтобы почувствовать жизнь в озлоблении на оную и получить заряд энергии от дружной поддержки друзей по беседке — Дотнары, Дазвсемира и Ленинида.

Перкосрака Седраковича раздражали разные слюнтяи, разъезжающие на крутых иномарках, толстопузы, владеющие холдингами, всякие власть имущие, недостойные высоких постов, и прочие выскочки. Он, не фильтруя выражения, откровенно высказывал мнение собеседникам, которые, на удивление и в упрек его сыну и другому его домашнему молодняку, всегда с ним были согласны, что означало для престарелого лидера его несомненную правоту. Вдоволь насудачившись, он поднимался в квартиру, тихо бормоча: «Было бы наше время, накатал бы телегу, ой, накатал бы...».

ШЕКСПИРУ И НЕ СНИЛОСЬ...

Случившееся, о котором пойдет речь, имело место в городе розового туфа — Ереване. Сейчас город не совсем розовый — пористый камень за многие годы вобрал в себя столько пыли, что цвет основательно изменился. И лишь иногда, когда какой-нибудь владелец офиса из неизвестных народу побуждений решит помыть здание снаружи, нет, кусочек здания, включающий в себя два-три окна его офиса, оставляя несколько жилых этажей выше немытыми, люди вспоминают рассказы почившего поколения, как некогда выглядел этот самый город розового туфа.

Когда-то Армения была крепко, казалось, неразрывно связана культурными, в частности, литературными отношениями с Россией — армянские писатели часто бывали в Москве, московские — в Ереване. Поездки не ограничивались, конечно, столицами. Много путешествовали писатели по русским лугам-просторам и армянским горам-взгорьям. Именно таким ветром занесло в армянский край одну известнейшую московскую поэтессу, нет, Поэтессу. Немножко манерную, но безгранично добрую и даже несколько наивную. Женщина прибыла с мужем, у которого были свои культурные дела в Ереване и из-за которых в один день он оставил жену в одиночестве в ресторане, собиравшем в своих стенах талантливых и не очень, и даже совсем без таланта писателей, поэтов, художников, музыкантов. Поэтесса заказала графинчик водочки и, отдавшись своим мыслям, принялась за распитие.

В этот день и час за соседним столиком сидел писатель и драматург, нет, Писатель и Драматург, которого уже окрестили прижизненным классиком армянской литературы, и тоже пил в одиночестве водку. Разгоняя спиртные пары, Писатель, как и Поэтесса, простой, добрый и наивный, вдруг увидел именитую даму. Подошел! Представился! Пусть лично они и не были знакомы, но имена друг друга очень хорошо знали. Завязалась беседа. Графинчик водки сменялся другим, тот, в свою очередь, последующим. Когда окружающая обстановка уже намозолила глаза, Писатель пригласил Поэтессу к себе домой. Нет-нет, не из-за вожделенных помыслов, а так... по-дружески. Он, конечно, не отрицал чарующую красоту Поэтессы, но, даже находясь в изрядном подпитии, осознавал и немалую разницу в возрасте, и возможные последствия... Пригласил, чтобы продолжить водочную трапезу, но в домашней обстановке. Сколько длилась эта трапеза, уже никто и не сможет сказать, да и не было свидетелей тому, но Писатель и Поэтесса повалились на диван и дружно захрапели.

Жена Писателя обычно возвращалась с работы часам к семи, и этот день не стал исключением. Она привыкла к «подаркам» мужа, но такого, ТАКОГО (!!!) нахальства бедная женщина не ожидала.

Не знаю, пили ли они после этого втроем чай или кофе, беседовали или нет... Не знаю... Но Писатель до сих пор сохранил дружеские чувства по отношению к Поэтессе, хотя уже литературные связи между Арменией и Россией стали призрачными, он часто вспоминает о Ней. Жену же свою возлюбил пуще прежнего, так как, наконец-то, понял силу ее любви. Но что самое интересное — после сцены, которую я опустила, всерьез увлекся собачьми боями.

А имена героев не называю, потому что все трое живы-здоровы, Писатель и Поэтесса не утратили творческого вдохновения, пишут, радуют своих читателей и получают награды за заслуги от властителей своих государств. Ну, и слава Богу!

ИСПОВЕДЬ

Шу уже и не помнила точно, когда она поселилась в щедром погребке татик* Азнив: то ли была слишком мала, чтобы помнить, то ли родилась прямо здесь, в мелком сухом песочке. Шу даже смутно помнила свою мать, так как была уже слишком стара.

До сумерек она нежилась в прохладном лоне погребка, а к вечеру легким шуршанием выскальзывала наружу, чтобы почувствовать свежесть горного воздуха и, преодолевая старческую леность, поймать себе на ужин сонную птичку или зазевавшегося

**бабушка(арм.).*

зверька. Ее толстое, упругое, узорчатое вдоль хребта, тело с плоской головой слегка поблескивало чешуйками в голубоватом лунном свете. Она ждала свою жертву. Потом... вспышка — это ее тело, подталкиваемое инстинктом охоты, метнулось в направлении ожидаемого объекта... и тишина...

С первыми солнечными лучами она спускалась в погребок, где спозаранку суетилась добрая, улыбчивая татик Азнив, процеживая в глиняные кувшины парное молоко. Блюдечко Шу к моменту ее возвращения обычно было наполнено заботливой рукой — хозяйка никогда не забывала о своей гордой и опасной питомице, которую, впрочем, не боялась, а уважала и любила, как члена семьи. Шу молниеносным язычком хлебала молочко и безмолвно благодарила татик.

Так продолжалось изо дня в день, из года в год, пока татик Азнив не слегла — хворь какая-то одолела старенькую хозяйку. Теперь уже каждое росное утро в погребок спускалась харсик**, разливала ароматное, звенящее молочко по кувшинам и, шурша платьем, уходила в дом, где сопели в теплых постельках трое ее маленьких детишек.

Шу с грустью заглядывала в пустое блюдце, вспоминая вкус молока, и, свернувшись клубочком, засыпала. А рядом стояли несколько кувшинов, наполненных бесподобным молоком — они манили, они дразнили, они... Змея боролась с искушением, забываясь во сне, но, едва проснувшись, она начинала чувствовать аромат. Ее тело скользило вокруг заветных кувшинов, обнимая тройным кольцом, серая головка ласкалась к глиняной плоти, потом резко отбрасывалась назад, кольца превращались в жгут, и Шу уползала в свой уголок.

На двадцатый день Шу не смогла противостоять искушению — захватила язычком несколько капелек молока из кувшина, обменяв их на несколько янтарных слезинок яда, соскользнувших в белую жидкость, и воровато спряталась за деревянной винной кадкой.

Сквозь сон услышала легкие шаги — харсик Нунэ спешила за молочком для своих проснувшихся ребятишек. Сон как рукой сняло — Шу напряглась, подслеповатые глазки забегали, шустрый язычок мелькнул несколько раз: Нунэ взяла именно тот кувшин, с которого отпила Шу. Взяла и уже направилась к выходу... уже встала на первую ступеньку... вторую...

Змея, натянув мышцы, как тетиву, взметнулась стрелой в сторону харсик. Мощное, гибкое тело ударилось о кувшин, который тут же выпал из рук Нунэ, упал на каменные ступеньки и разбился. Харсик, едва завидев змею, с криками убежала наверх.

С тех пор Шу никто не видел в погребке татик Азнив. Змея не смогла простить себе того, что не оправдала человеческого доверия.

Я открыла глаза: вокруг такое благолепное многоцветье! Неподалеку — скалистое, дразнящее прохладой, ущелье, в глубине которого — река... Наверно, прислонившись к массивному камню, я задремала, и мне приснилось... Или нет?!

Юркий серый чешуйчатый хвостик мелькнул меж камней, показалась плоская головка, развернулась в мою сторону, многозначительно покачалась, будто сокрушаясь, и исчезла. Шу-шу-шу...

***сноха, невестка (арм.).*

МЕРТВЫЕ ЦВЕТЫ

Спускаясь по пологому склону Арагаца*, собирала фиолетовые, розовые пахучие гиацинты, хрупкие голубые подснежники, утопающие в первой сочной зеленой траве-мураве. Перезвон ручейков, направляющихся к рекам Ахурян и Касах, и многоголосье птиц пронзали хрустальность тишины. Небо — чистейшее, бездонное озеро.

Вдруг мое внимание привлекли три кроваво-красных пятна вдали среди розово-голубой массы соцветий. Я ускорила шаг: это были зигоморфные, пятилепестковые, с черными глазками-венчиками, сочные, кровянистые цветы. Сорвала — капельки, бесцветный сок (?!), брызнули на ладошки. Поднесла к носу, который тут же окрасился в желтый цветень, — без запаха. Раскрыла свой дневник, погрузила в межстраничье три кровинки в надежде засушить память о весне.

По странному стечению обстоятельств к дневнику не обращалась в течение года. И вот — вновь весна, вновь цветы. Появилось желание изложить свои мысли и чувства на бумаге, в дневнике.

Толстая тетрадка в руках раскрылась именно на той странице, где лежали три цветочка — черных, раскрошившихся. Бумага была пропитана густым, трупным запахом. Что это?! И тут я вспомнила ту весну, те цветы, которые умерли от моей руки.

*потухший вулкан в Армении, высотой около 4100 м.

Всемирный клуб петербуржцев возник в Рождественскую ночь, 7 января 1991 года. Клуб объединяет людей, осознающих духовную силу и нравственное значение культуры Санкт-Петербурга и заботящихся о судьбе своего великого города. Важнейшая миссия Клуба — единение и взаимообогащение разных ветвей культуры: литературной, художественной, научной…

- Президент клуба — директор Государственного Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский.
- Председатель правления — Валентина Трофимовна Орлова.

Деятельность Клуба разнообразна и насыщенна. Еженедельно проводятся встречи членов Клуба, на которых обсуждаются важнейшие для города и страны события, проходят философские дискуссии, представления написанных членами Клуба книг, встречи с выдающимися людьми, художественные выставки… Активно работает дискуссионный «круглый стол» по эстетике городской среды.

Клуб принимает участие в акциях, проводимых Администрацией Санкт-Петербурга, генеральными консульствами и различными организациями города. А также является организатором международных проектов.

Еще одна важнейшая миссия Клуба — воспитание подрастающего поколения — творцов XXI века. «Связать разорванную нить» — приоритетная детская программа Клуба.

Клуб осуществляет выпуск книг в серии «Библиотека Всемирного клуба петербуржцев», альманахи «Тебе, Петербург», «Я иду по Миллионной», «Петербургские вечера» и «Автограф времени».

Важной миссией Клуба является связь с петербуржцами, живущими вдали от невских берегов. Радиомосты между Всемирным клубом петербуржцев и радио «Надежда» (Нью-Йорк, США) получили высокую оценку в конкурсе «Петербург. Возрождение мечты», который проводился Информационным управлением Президента РФ и Медиа-Союзом.

Свои выездные заседания Клуб провел в Лондоне, Нью-Йорке, Берлине, Милане, Париже, Таллинне и Москве.

Слово «всемирный» начинает название Клуба не только потому, что в его составе есть люди, живущие за рубежами России. Клуб петербуржцев всемирен еще и потому, что открыт для сотрудничества с любым гражданином мира, небезразличным к судьбе нашего города. Потому что культура Санкт-Петербурга — всемирное достояние.

Адрес Всемирного клуба петербуржцев:
190107, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., д. 6, Мариинский дворец
Тел. /факс (812) 570-32-36
e-mail: wwclub@yandex.ru http://www.wwclub.spb.ru